

A woman with long hair, wearing a dark jacket and pants, is walking away from the viewer down a dirt path in a dense forest. The path is illuminated by a bright, ethereal light at the far end, creating a strong contrast with the dark, shadowy woods. The trees are tall and thin, with some foliage visible. The overall atmosphere is mysterious and magical.

К свету

Алеата Ромиг

Автор бестселлеров по мнению *New York Times*

Сара Адамс очнулась слепой и не помнила основную часть своей жизни, но тьма кажется благословением, когда она познает ужасы Света. Стелла Монтгомери следит за новостями улиц Детройта, на которых она заметила настораживающую тенденцию: пропадают молодые девушки. Когда исчезает её лучшая подруга, Стелла, несмотря на предостережение ее парня детектива, начинает расследование, следуя по запутанному следу, который ведет её через самые опасные и забытые окрестности. Там она обнаруживает нечто более зловещее, чем могла представить: подпольную организацию, известную как «Свет», под руководством загадочного Отца Габриэля. Пока Сара пытается осознать своё место в этом странном мире, где проснулась: гнетущий культ, требующий беспрекословного подчинения, свои чувства к Джейкобу, мужу, которого она не может вспомнить и чьё, то грубое, то нежное внимание смущает и запутывает её. Стелла рискует всем, чтобы открыть правду. Но за просветление всегда нужно платить...

Алеата Ромиг

К свету

Серия: Свет — 1

Перевод: Sweet_Lana

Сверка: helenaposad

Бета-коррект: sunshine 135, nazuke

Редактор: Amelie_Holman

Оформление: Eva_Ber

Непроницаемый туман скрыл мысли женщины, просачиваясь в нее, связывая и стирая все, что она когда-либо знала. Перед тем как ушла. Единственное, что имело все большее значение, это настоящее.

Она отчаянно пыталась видеть сквозь тьму.

Ничего, только чернота.

Она вздрагивала при каждом повороте, острый как бритва металл врезался в ее руки, когда она боролась, чтобы высвободиться из клетки. Только завывающий ветер был ее проводником к свободе, куда она упорно стремилась, пока ее окровавленные пальцы скользили по гладкому корпусу автомобиля.

Когда она подняла лицо к ветру, мокрый снег покрыл ее щеки, а холодный воздух проник в легкие. Каждый вдох давался тяжелее предыдущего. Ее сердце забилося быстрее, уровень адреналина подскочил, и в это же время удушливый запах бензина поглотил ее чувства. С последним толчком, она высвободилась из-под обломков, падая на мокрую твердую землю.

Все еще неспособная видеть, она опиралась на видения, рожденные ее подсознанием. Причиняющий боль запах бензина, доносящийся сквозь ледяной воздух, стал зловонным дыханием монстра-дракона из сказки. Ее воображение подняло тревогу, которая была и ее кошмаром, и ее маяком.

Я должна уйти.

Когда усилились ее другие чувства, она пошевелила руками, ногами и начала уползать.

Вправо, влево, затем снова вправо.

Без предупреждения проревело пламенное дыхание дракона, и волны горячего воздуха окружили ее, расплавляя морозный воздух, сбивая с ног. Хрипло крича в темноте, она благодарилла Бога за то, что вовремя очнулась и смогла выбраться из автомобиля.

Тьма не отвечала.

Она заставляла себя снова и — дюйм за дюймом, фут за футом — отползала дальше от горячего дыхания дракона, ее уверенность и скорость увеличивались с каждым ярдом.

Затем, внезапно, ее голова столкнулась с невидимой силой, которая ударила ее левую щеку. Прежде чем она смогла осознать, что произошло, глубокий, командный голос разрушил ее одиночество.

— Хватит!

Единственное слово эхом отозвалось вокруг нее болью, превосходящей все, что она до этого чувствовала, затем последовал удар в голень. Оседая, она рухнула на ледяную землю.

— Нет! Остановитесь! — взмолилась она, не понимая того, что происходит.

Без сочувствия к ее просьбам нападение продолжалось. Воздух покинул ее легкие после ударов в живот.

Защищаясь, она закрыла лицо руками и притянула ноги к груди.

— Остановитесь! — потребовал голос.

Парализованная страхом, она лежала неподвижно, ее слезы замерзли на щеках, а грудь вздымалась с тяжелым, рваным дыханием. Она услышала шум шагов поблизости перед новой мучительной болью, которая прострелила ее. Она вскрикнула, когда сильные, мужские руки подняли ее с земли.

Клубящийся туман возвращался, укутывая ее как тяжелое одеяло и уменьшая ее боль с каждым шагом мужчины. Аромат кожи и мускуса заменил запах бензина. И самый простой вопрос пришел ей на ум.

Кто я?

Неспособная найти ответ, женщина прижалась щекой к груди мужчины. Ее невидящие глаза закрылись, и она сдалась туману и темноте.

Глава 1

Сара

В месте без света, я начала исцеляться. Укутанная в защитное небытие, холод и боль больше не существовали, а проблемы и сроки были вещами из прошлого. Я приветствовала тьму, наслаждаясь ее броней, поскольку она защищала меня от внешнего мира. Медленно небольшие воспоминания вернулись, вспыхивая, сковывая мое тело до тех пор, пока я не задрожала. Я вспомнила интенсивные муки и взрыв тепла. Все же мой кокон тьмы задушил нависающий огонь, придерживая его пламя в страхе.

Мой мозг посылал сигналы о том, что тело ему не повиновалось. Я была беспомощна, мои руки, ноги, и даже мои веки были тяжелыми и неподвижными. Иногда какие-то голоса пронзали мой кокон и проникали сквозь тьму. Повторяясь, они становились знакомыми. Они хотели меня и, наконец, я захотела их.

— Сара, ты слышишь меня? — сильный, низкий голос звучал из тьмы.

— Продолжай говорить, Брат. Мы не уверены, что человек слышит, когда находится в бессознательном состоянии.

— Сара... — тепло обволокло мою руку, поднимаясь сбоку. — Я здесь. Это — Джейкоб. Я не оставлю тебя. Ты не оставишь меня. — Его голос дрогнул от волнения. — Вернись.

Сара... Сара... имя отозвалось эхом в моей голове.

Брат? Он говорит со мной? Я — Сара? Кто такой Джейкоб?

Очевидная эмоциональность в каждом слове его просьбы побудила меня ответить ему, облегчить его страдания, но я не могла. Мой разум и мое тело все еще были в разногласии.

Слои кокона, которые были моим убежищем теперь, поглощали мою волю. Больше не защищали — они душили и душили, приглушая мою способность говорить. Тепло руки Джейкоба и даже звук его голоса исчезли, когда я еще раз сдалась небытию.

Жизнь по капле царапалась и прорывалась в мой затемненный мир. Звуки постепенно возвращались, не только, чтобы показаться, но и задержаться, особенно один устойчивый голос, который звал много раз, повторяя имя Сара.

Имя срикошетило сквозь мое сознание, и я искала больше, чтобы вспомнить больше имен, больше лиц. Не было ни одного. У моего единственного воспоминания, самого маленького подобия узнавания, были пронизывающие голубые глаза. Я не могла вспомнить овал лица, но голубые глаза заполнили пустоту, когда голоса затихли и мой мир привык к устойчивому ритму механических звуковых сигналов. Я хотела близости этого пристального взгляда.

Со временем я становилась все более сильной, пока, наконец, не осознала полностью мир вокруг себя. Как будто щелкнули выключателем, и мое избитое тело внезапно проявилось. Я больше не плавала в небытии — теперь подо мной была кровать, и одеяло прикрывало мою грудь. Звуковые сигналы, которые были фоном моего бессознательного состояния, стали более четкими. Чистый, стерильный запах проник в застоявшийся воздух,

мучительно заполняя мои легкие. Медленно выдохнув, я открыла глаза.

Адреналин проник в мою кровь, ускорив мое сердцебиение и чувство паники.

Я не вижу.

Подняв свою слишком тяжелую руку, я потянулась к глазам, и услышала голос. Голос, который прошел со мной сквозь тьму, расколел неподвижность с желанным звучанием.

— Сара? Ты, наконец, очнулась?

Искра воспоминания промелькнула в моем темном мире. Джейкоб. Я много раз слышала это имя в моем бессознательном состоянии. Вместо того, чтобы нащупать свои глаза, я потянулась в сторону осипшего голоса. При первом прикосновении я вздрогнула; даже кончики моих пальцев были нежнее. Попробовав еще раз, я прикоснулась к его заросшим щекам, и проследила сильную, очерченную линию его подбородка. С каждым прикосновением я пыталась представить то, что не могла увидеть, но холст моего разума остался чистым.

— Я здесь. Слава Богу, Сара. Я знал, что ты вернешься. Я знал, что ты не хотела покидать меня.

— Я-я... — будто ногтями по стеклу прозвучало следующее, когда я попробовала сформировать слова. — Н-не могу...

Бусинки пота усеяли мою кожу. Я закрыла потрескавшиеся губы, и захотела воды — у меня во рту была сухая пустыня.

— Нет, Сара, — он сделал выговор. — Не говори. У тебя была повреждена шея, что повлияло на твои голосовые связки. Просто послушай.

Я хотела сказать ему, что не вижу, но он был прав насчет шеи. Мое горло болело. Сжимая свою нижнюю губу между зубами, я ощутила ее покрытую коркой поверхность. Когда я коснулась шеи, кожа была чувствительной.

— Вот.

Холодная, влажная ткань коснулась моих губ.

Инстинктивно я высосала влагу из губки.

— Я должен узнать, можно ли тебе пить. Мы скоро это выясним.

Он убрал губку, но я хотела больше.

— П-пожалуйста, еще.

Прикосновение к моим губам приглушило большую часть моей просьбы.

— Сара... — его слова звучали медленнее. — Я сказал не разговаривать. Не заставляй меня повторять. — Он понизил голос до шепота и приблизил свои губы близко к моему уху. — Повиновение обязательно. Помни это.

Моя кожа покрылась мурашками от его упрека.

— Они скоро будут здесь, чтобы задать тебе вопросы. Не позорь меня.

Не позорить его? Мой пульс ускорился, пока я изо всех сил пыталась понять. Что, черт возьми, он говорил? Что-то не так.

— Мне сказали, — продолжал он, — что после всего, что с тобой произошло, ты еще легко отделалась.

Без слов я задала вопрос, который не могла озвучить. Подняв руку, я нашла мягкий материал, покрывающий мои глаза.

Независимо от того, что это было, я хотела убрать это; однако, прежде чем я попыталась это сделать, Джейкоб остановил мою руку.

— При аварии ты повредила глаза. Ударилась головой. Они говорят, что нерв, или что-

то еще было повреждено — был взрыв. — Он убрал мою руку подальше от материи.

— Не прикасайся к повязкам. Они должны остаться на месте и позволить твоим глазам восстановиться.

Непроизвольная дрожь промчалась через меня, поскольку я вспомнила взрыв... и тепло... и боль. Понимая, что повязки были нужны, я кивнула в ответ на свое невысказанное понимание. Одновременно стон покинул мои губы, и боль бросилась в паническое бегство по телу. Простой кивок головы заставил мои виски пульсировать, заглушив слова Джейкоба, оставив только отвратительный внутренний гул, который отозвался эхом и скрутил мой пустой желудок.

Я скривила губы и медленно выдохнула в попытке успокоить подкатывающую тошноту. Так как тошнота и боль стали утихать, кровать подо мной неожиданно переместилась. Я оказалась в сидячем положении. Пытаясь скрыть боль причиненным движением, я прижала губы друг к другу, приказывая своим слезам оставаться за повязкой.

Кровать зафиксировали, оставив меня сидеть. У меня было так много вопросов. Если бы только мое горло не болело, и я могла говорить.

Джейкоб нежным касанием убрал выступившие слезы на моих щеках.

— Я собираюсь забрать тебя домой, Сара. Мы пройдем через это вместе.

Его мягкий тон, а также обещание, прорвались через мою внутреннюю суматоху, вызвав привязанность к мужчине, которого я не могла вспомнить. Когда я кивнула на его обещание, его теплые губы прикоснулись к моему лбу.

Облако кожи и мускуса окутывало меня своим ароматом. Я снова пыталась вспомнить его черты, но не нашла ни одного воспоминания. Закончились любые воспоминания, которые у меня были о Джейкобе или о моем прошлом. Он, очевидно, знал меня — не только знал меня, но и ожидал, что я знаю его, и буду ему доверять. Повиноваться ему.

Я не собака.

В одну минуту он отчитывал меня, как ребенка, а в другую предлагал доброту и поддержку. Его тон, когда он напомнил мне быть тихой, испугал меня, и все же мимолетный поцелуй в лоб оставил меня жаждущей. Колебаний маятника было слишком много и это было слишком новым. Я задержала дыхание и улыбнулась его доброте.

Тогда я услышала его удаляющиеся шаги, и моя паника вернулась.

Издали он сказал:

— Сара, я скоро вернусь. Они должны знать, что ты, наконец, пришла в себя. Не говори ни с кем. — Со вздохом он добавил, — Мы не хотим повредить твои голосовые связки.

Они? Кто должен знать? Врачи и медсестры?

Очевидно, я была на больничной койке. Как только я услышала щелчок закрывающейся двери, то села и прислушалась к происходящему вокруг. Убедившись, что была действительно одна, я снова прикоснулась к мягкой повязке, которая надежно закрывала мои глаза. Исследуя пальцами повязку, я обнаружила, что та полностью окутывала всю окружность головы, а под мягким материалом были твердые купола, которые покрывали оба века.

Мои глаза могли уже быть излечены. Как кто-то еще мог знать, видела ли я? Поскольку желание удалить повязку усилилось, в моей голове прозвучало слово «повиновение», и я опустила руки. Джейкоб сказал, что мои голосовые связки и глаза были повреждены в результате несчастного случая. Когда я двигалась, боль говорила мне, что он был прав насчет аварии. У меня, вероятно, было больше повреждений, чем он сказал. Я начала

анализировать: ребра болели больше всего, но боль в левой ноге была второй по силе. Исследуя под одеялом, я нашла край чего-то твердого, гипс.

Я вздохнула и позволила своей голове упасть на подушку. Всех этих открытий было слишком много. Все казалось незнакомым. Все казалось неправильным.

Мои потрескавшиеся губы, а также застоявшийся, сухой привкус во рту напомнили мне о влажной губке, которую Джейкоб предложил мне ранее. Прощупывая то, что я не могла видеть, я добралась до боковых перил кровати. Когда я ощупала пространство за ними, я поняла, что что-то было прикреплено к моей правой руке. Капельница? Кроме этого я нашла только воздух. Мои плечи резко опустились, и я спрятала внезапно похолодевшие руки под теплым одеялом, и потерла все еще воспаленные кончики пальцев.

Под одеялом на четвертом пальце моей левой руки я нашла кольцо. Хотя я и медленно поворачивала его, оно оставалось одинаково гладким. Я носила обручальное кольцо. Я была замужем. Как я могла быть замужем и не помнить? Я была женой Джейкоба?

Вопросы продолжали прибывать быстрее и неистовее, каждый без ответа, каждый более тревожный, чем предыдущий.

Пока я пыталась вспомнить, звук открывающейся двери вернул меня к настоящему. В комнате послышались шаги, гомон голосов большого количества людей. Хотя ни один из них не говорил непосредственно со мной, я, казалось, была темой разговора. Из всех сил пытаюсь понять продолжающиеся обсуждения, я прислушалась к низкому голосу Джейкоба. Наконец рев снизился до низкого ропота, и затем к тишине, поскольку ожидание заполнило комнату.

— Сара, — сказал Джейкоб, ломая напряжение.

С чувством облегчения я немного наклонила лицо к его знакомому голосу. Его теплое дыхание задело мою кожу.

— Комиссия, — продолжал он, — подтвердила, что ты еще не можешь говорить, но у них есть вопросы. Прямо сейчас они должны знать, что ты слышишь и понимаешь. Итак, — он взял мою руку — Я хочу, чтобы ты ответила, сжав мою руку.

Я пыталась зацепиться за что-то, но у меня не было ни малейшей зацепки. Кто или что это была за комиссия? Почему они решали, как за мной ухаживать? Неспособная высказать свои проблемы, я ждала, пока пальцы Джейкоба переплелись с моими.

— Когда вопрос задан, — Джейкоб направил, — сожми мою руку один раз, если «да» и дважды если «нет». Ты понимаешь?

Я сжала в ответ, игнорируя свои чувствительные кончики пальцев.

— Брат Тимоти здесь, чтобы задать тебе вопросы.

Брат? Он — мой брат? У меня есть брат?

Я ожидала увидеть своего доктора, или скорее ожидала, что он или она увидят меня. Мои мысли бегали. Брат Тимоти был, возможно, в составе комиссии. Поскольку ладонь Джейкоба напряглась, я ощутила, что он действительно волновался по поводу того, что могло произойти. Это должно быть ситуацией, о которой он думал, когда попросил меня не позорить его. Я хотела соответствовать, но мне также было жаль, что он не дал мне больше подсказок, больше фоновых знаний. С другой стороны, я не говорила. Не было никакого способа, которым он мог знать, что я ничего не помнила.

— Во-первых, — начал Джейкоб, — Комиссия хочет подтверждения, что ты помнишь меня, своего мужа. Ты действительно помнишь меня, не так ли?

Я колебалась, желая сжать его руку только один раз, дать ему что-то за его преданность

и поддержку. В конце концов, я вспомнила его в недавних воспоминаниях — он был у моей кровати, в то время как я спала в темноте. Но я не могла лгать. Если... если он не был мужчиной с голубыми глазами. Я ухватилась за эту ниточку надежды. Если он был моим голубоглазым видением, то я действительно помнила его.

— Сара, оставайся с нами. Скажи всем, что помнишь меня.

Его просьба была полна эмоций, не только в голосе, но и перетекающих в волнах от его руки к моей.

В этом неизвестном мире он был моей константой. Со страхом я сжала пальцы один раз. Комната, казалось, задерживала свое коллективное дыхание, когда я обдумывала второе сжатие. Наконец, я расслабила свою ладонь.

Джейкоб вздохнул, наклонился ближе, и отодвинул в сторону мои волосы со лба. Все это ощущалось неправильным. Тем не менее, мне требовалось время, чтобы все осмыслить. В течение этого времени я не хотела бороться с темнотой в одиночку. Я черпала силу от его теплого дыхания и обожания.

Незнакомый голос прозвучал в непосредственной близости от моей кровати.

— Сестра Сара, я надеюсь, что вы признаете серьезность этой ситуации.

Почему они все говорили странно? Я не могла понять, почему он назвал меня сестрой, но по тому, как короткие волоски на затылке встали по стойке «смирно», я признала, что происходящее было серьезной ситуацией.

— Сара, — Джейкоб напомнил мне. — Брату Тимоти нужно, чтобы ты ответила.

Я сжала руку Джейкоба один раз, тем самым говоря, что я поняла.

— Она понимает, — сказал Джейкоб.

— Если бы ты могла говорить, — Брат Тимоти продолжал, — Я бы попросил полного отчета об инциденте. Я попросил бы, чтобы ты описала подробно свою роль и последствия. Так как ты не можешь говорить, мы начнем с вопросов. Как только у меня будут твои ответы, я возьму то, что посчитаю информативным и сообщу это остальным членам Комиссии. Мы решим, что должно быть передано Отцу Габриелю. Конечно, окончательное решение относительно этого нарушения будет приниматься с ним. Вы оба исполните решение Отца Габриеля.

У меня раскалывалась голова. Какой вердикт? Кто такой Отец Габриель? И «вы оба», он имеет в виду Джейкоба и меня? Что мы сделали?

Пульсация в висках вернулась, когда пальцы Джейкоба, расплелись с моими и обе его руки закрыли мою. Я снова попыталась вспомнить несчастный случай, но неполные воспоминания об острых зубах дракона и его пламенном дыхании создавали незаконченную мозаику.

Прежде чем память смогла восполнить пробелы, или я смогла ответить, Джейкоб, устно согласился со всем, что только что сказал Брат Тимоти.

— Сара, ты помнишь, почему села в грузовик Джейкоба в день инцидента?

Я не помнила о том, что села в грузовик. Если бы Джейкоб и я были женаты, то разве это не был бы и мой грузовик тоже? Я опустила подбородок к груди и сжала руку Джейкоба дважды.

— Она сказала да, Брат. Она помнит.

Мое лицо, обращенное к голосу Джейкоба, посылало боль, исходящую прямоком из головы. Я не ответила «да» — я сжала дважды, это был ответ, который означал «нет».

Брат Тимоти продолжал: — У тебя было разрешение своего мужа вести его грузовик?

— Я сказал вам, что она...

Брат Тимоти прервал Джейкоба.

— Мы здесь, чтобы получить ответы от Сестры Сары. Если вы не готовы ждать ответов вашей жены, мы можем сделать так, чтобы Лилит держала ее за руку. Сестра Сара, да или нет?

Теперь я поняла, почему Джейкоб накрыл мою руку своими двумя. Он собирался ответить на вопросы так, как выбрал сам, независимо от того, что говорила я. Я сжала дважды — нет — и ждала.

— Она сказала да, у нее было мое разрешение. То же самое я сказал и Комиссии.

Брат Тимоти продолжал свои вопросы, спрашивая, помнила ли я, куда собиралась, если знала, что то, что я сделала, выходило за пределы допустимого для меня.

Допустимого для меня?

Мое сердце гремело в груди с каждым вопросом и каждым ответом, который Джейкоб давал от моего имени. В скором времени я узнала подробности о несчастном случае, который не могла вспомнить. Очевидно, я использовала грузовик Джейкоба для того, чтобы забрать товары, в которых он нуждался. Так как я следовала инструкциям своего мужа, я не знала, что вождение в одиночестве вне коммуны было запрещено.

— Ты помнишь, кто был виноват в этой аварии?

Комната ждала моего ответа. Не имело значения, что я не знала, кто был ответственен, или ничего не помнила про несчастный случай; мой ответ мало бы что изменил. Поскольку тишина росла, от волнения я вжалась в матрас. Моя нога и ребра болели, и даже глотание приносило боль. Я сжала руку Джейкоба дважды.

— Да, Брат, она помнит.

Поскольку при этом ответе бормотание голосов возобновилось, меня пронзил холод, тогда как температура комнаты, казалось, повысилась. Я хотела кричать. Пот, бисеринками стекал по моей груди. Ладонь Джейкоба напряглась, и я вздрогнула, поскольку кто-то коснулся моей шеи.

Голос Брата Тимоти прозвучал выше шума.

— Сестра Сара, твое текущее физическое страдание — признак исправления, которого ты заслуживаешь за свои действия. Бог учил нас, говоря, «Я накажу мир за его зло и грешников за их грехи». Бог не наказывает праведников. Поэтому твое страдание — доказательство твоего злого умысла.

— Брат, — ответил Джейкоб, моя рука была все еще в его ладони. — Она просто почтительно указала, что ее намерение не было злым. Она сделала то, что я попросил. Ее цель была в том, чтобы повиноваться мужу. Это я не учел гололед на дороге и ее небольшой водительский стаж прежде, чем отправить ее выполнить мое поручение”.

— Когда Сара будет в состоянии говорить, вы оба предстанете перед Комиссией. Это произойдет до того, как Отец Габриель примет решение о том, завершено ли исправление.

— Как ее муж, я беру на себя ответственность за ее действия. Я гарантирую, что моя жена преднамеренно не нарушала законы «Света». Если бы она это сделала, я бы принял решение о ее исправлении сам.

Я опустила голову на подушку, неспособная постигнуть дискуссию вокруг меня. *Почему это происходит? Почему они обсуждают меня без меня?*

Немая, с закрытыми глазами и моей рукой, спрятанной в ладонях Джейкоба, никто кроме моего мужа не заметил отсутствия моего участия. Я все еще была в сознании, когда он

продолжал передавать мои несуществующие ответы, оставляя меня сторонним наблюдателем в своей истории, неспособной влиять на ее результат.

Возможно, это все было ненастоящим, возможно, это был дурной сон, который скоро исчезнет. Мой живот скрутило, пока продолжался их обмен мнениями о моем неповиновении и исправлении. Каждый раз, когда Брат Тимоти осуждал, Джейкоб напоминал ему, что моя вина еще не доказана. Это было, как если бы вдруг меня судили в моей больничной палате, а не в суде, действующим по нормам общего права.

Только, когда я услышала слово *изгнание*, их разговор снова отметился в сознании. Все, что было сказано после, было словами прощания. Бормотание и шепот различимое среди звуков шагов, наконец, сменились тишиной. И только, когда захлопнулась дверь, я смогла выдохнуть.

Поворачиваясь к моему мужу, я ожидала объяснений. Ничего. Я собиралась забрать ладонь, когда почувствовала, как потянули мою правую руку, и заговорила женщина.

— Брат Джейкоб, доктор Ньютон хотел бы осмотреть Сестру Сару. Сейчас.

Так много братьев и сестер. И все незнакомые.

— Вы дадите ей обезболивающее? — спросил Джейкоб.

— После осмотра доктора. Он хотел бы, чтобы она была в сознании.

— Передайте ему, что ему придется подождать до утра. У нее было достаточно переживаний за первый день. Принесите препараты, что-то, чтобы помогло ей уснуть.

Я сжала губы в знак протеста. Но этого никто не заметил. Они делали это снова. Обсуждали меня, в моем же присутствии. *Почему никому больше не кажется это неприличным?*

— Мне очень жаль, — сказала женщина, которая по моим предположениям была медсестрой. — Комиссия не одобрила ее потребление жидкостей. Отказ от питательных веществ — утвержденный указ.

Ладонь Джейкоба напряглась.

— Я вполне осведомлен об утвержденных указах Комиссии.

— Мне очень жаль, Брат. Я не хотела....

— Прошло уже больше недели. Ей нужно больше, чем то, что она получает от этой иглы.

— Я полагаю, они обсудят это утром, после того как Брат Тимоти увидел и поговорил с нею. Они пересмотрят свое решение завтра. Я не могу идти против...

Джейкоб вздохнул, его хватка оставалась напряженной.

— Я понимаю, — признал он. — Тогда принесите мне лёд в кубиках. Если мы поторопимся, и он не начнет таять, то лёд будет твердыми частицами, а не жидкостью. И это не нарушит указ Комиссии.

— Брат?

— Принесите мне лёд.

Глава 2

Стелла

Было уже три часа дня, когда я закончила гоняться за осведомителями — теми, которые, казалось, уходили в никуда — и тащила уставшую себя к телевизионной станции. Я включила заряжаться мертвый сотовый телефон и развалилась на своем столе. Как только я положила голову на руку, то вдруг поняла, что мне немного стыдно от того, что на мне были те же блузка и брюки, которые я надевала вчера. Когда я выходила на задание, это не приходило мне в голову, но вот, я вдруг стала застенчивой.

Я, наверное, разбила мышь, потому что свет, ярче, чем летом солнце в Мичигане, заполнил мою каморку, и мой монитор взревел. Количество миганий в верхней части экрана решили меня добить, предупреждая о сотне электронных писем, которые отчаянно нуждались в моем немедленном реагировании. Вот, что происходило, когда я проводила весь день вне офиса. Вздохнув, я придвинула стул поближе и начала просматривать почту.

В моем почтовом ящике довольно редко всплывают стоящие внимания сведения. Большинство из них приходят с улицы или из надежных источников. Многие из них приходили от людей, которые предпочли остаться анонимными. Только когда обнаружены действительно заслуживающие внимания доказательства, были необходимы имена и источники. Даже тогда, благодаря Первой Поправке, большинство источников могло остаться нераскрытыми.

Сегодня я провела кучу времени с пограничным патрулем. Это был стимулирующий способ провести день, наблюдая, как автомобили проходят от Соединенных Штатов до Канады, и, наоборот, в течение многих часов подряд. Пограничный патруль США не практиковал разрешения для доступа репортеров или открытых расследований журналистов, но, к счастью, у меня был друг, у которого был друг, который мне помог туда попасть. К сожалению, сегодня это не принесло мне нужных результатов.

Когда я закончила читать вторую страницу электронных писем, мой сотовый зазвонил, а его мелодия уведомила меня о звонящем абоненте.

— Привет, Берnard.

— Стелла, где ты?

— На расстоянии приблизительно десяти метров, — ответила я с усталым смехом.

— В моем кабинете.

Телефон замолчал.

Я приподняла бровь и уставилась на экран. Дилан, парень, которого я оставила этим утром рано в его теплой постели, был прав; Барни, как Дилан называл его, был напыщенной задницей. Весь цивилизованный мир использовал приветствия: привет и до свидания. Сдерживая раздражение, я встала на ноги и поплелась к кабинету моего босса. Прежде, чем я дошла до его двери, он встал и пошел мне навстречу, отодвинув стул, стоящий перед его столом. Когда я села, он закрыл дверь.

— Я не знал, что ты вернулась, — сказал он и сел за стол. — Как ты?

Я с подозрением посмотрела на него. Почти год я работала на него, отвечала на все его запросы для обсуждений. Я таскалась в этот офис, кафе, бары, рестораны и другие места в любое время дня и ночи. Он никогда не вставал, когда я приходила. Он никогда не приветствовал меня более чем кивком, прежде чем начать свою тираду. Это новое,

незнакомое соблюдение этикета пугало меня больше, чем его нормальное пафосное поведение.

— Что-то узнала?

Я покачала головой.

— Ничего. Я потратила полдня на границе. Около одиннадцати вышла на кое-какие сведения на Верфи. Я общалась с некоторыми людьми, но, честно говоря, без зацепок.

Его взгляд упал на рабочий стол. Несмотря на приближение к пенсионному возрасту, Бернард был тем еще красавцем — высокий, загорелый, стройный. Единственным подтверждением его возраста являлись волосы цвета «соли с перцем» и мелкие морщинки вокруг глаз. Сейчас его волосы были зачесаны назад, лицо готово для камеры, и он был одет в хороший костюм. До начала новостей был еще час или около того, судя по одежде, он готовил один из своих сюжетов. Это означало, что он будет нужен на съемках, чтобы выступить в пяти или шестичасовом выпуске новостей. Поскольку я ожидала ответа, он оглянулся и пронзил меня взглядом. Я никогда не знала, как избежать этого его пристального взгляда. Это была одна из его привычек, которые использовались для демонстрации преимущества.

Он собирается забрать у меня этот сюжет или уволить меня?

Я сидела на краю стула, нервы мои были наэлектризованы, пробудив мое тело всплеском адреналина.

— Я буду продолжать поиски. Тебе не нужно беспокоиться. Если действительно проходит большая операция с наркотиками, как ходят слухи, кто-то заговорит. У меня есть источники везде. Не снимай меня с этой темы. Я возьму этот сюжет.

Его темные глаза уставились наверх, но я не могла прочесть их выражение.

— Никто не забирает твой сюжет. Это не про наркотики.

— Но вы спросили...

— Я не обижаюсь на сюси-пуси-дерьмо, но не секрет, как много мы заботились о Минди...

Мой живот скрутило.

— Боже, они ее н-нашли?

— Судмедэксперт звонила час назад. Она сказала, что звонила тебе. Я пробовал дозвониться на твой мобильный...

— Проклятая батарея умерла. Я оставила его заряжаться на письменном столе, как только вернулась в офис.

— Она не уверена, что это Минди. Она только сказала, что ее описание похоже на Минди.

— Где они нашли ее? — спросила я, боясь ответа. — Это тело нашли также в реке?

Бернард покачал головой.

— Нет. Оно было найдено в заброшенном здании в городе Хайленд-Хайтс.

— Хайленд-Хайтс? — я прикусила свою нижнюю губу между зубами и ощутила приближение тошноты. — Минди не могла оказаться в Хайленд-Хайтс. — Это одна из худших частей Детройта, кишущая преступными бандами, наркотиками и нищетой.

— Я знаю, — сказал он. — Это бессмысленно. — Он наклонился вперед. — Слушай, я буду на съемочной площадке. Если ты подождешь, Фостер может пойти с тобой. Тебе не обязательно ходить в морг в одиночку. Я знаю, как тяжело было в прошлый раз.

— Нет, спасибо, Бернард. Я справлюсь с этим. Мне нужно сделать это для Минди и

миссис и мистера Роузмонт. Я обещала сделать это.

— Ты уверена, что сможешь доехать? Почти час пик и...

Я подняла руку.

— Пожалуйста, отпусти меня. Я уже потеряла время. Чем раньше я уйду, тем быстрее мы узнаем.

— Позвони мне и расскажи, что узнаешь. Даже не думай о том, чтобы возвращаться обратно в офис. Нет ничего такого, что не могло бы подождать. Но обязательно позвони мне.

Кивнув, я встала и бросилась к себе в кабинет. Выключив компьютер, я схватила свой частично зарядившийся сотовый телефон и кошелек, и направилась к выходу, все время, избегая взглядов коллег. Я надеялась, что это выглядело, как будто я уйду, чтобы преследовать другую зацепку, а не для того, чтобы, возможно, опознать тело моей пропавшей лучшей подруги.

Минуя лифт, я поспешила вниз по ступеням в гараж и села в свою машину. Пока я ехала из офиса в сторону Медицинского Центра Уэйн Каунти, в памяти пронеслись воспоминания о Минди. Сейчас был почти конец июля, а значит, она пропала две недели назад. Я сделала то, что проделывала тысячи раз с того самого утра, когда она не появлялась на работе — я вспоминала.

Моя память вернулась в наш первый год в колледже, почти десять лет назад. Она сидела через проход от меня на семинаре по журналистике. Я думаю, что одна из причин, почему я ее заметила — это то, что мы похожи: светлые волосы и схожие фигуры. Я вспомнила, как она грызла колпачок от ручки, прочитав наше задание, и я думала, что у меня было превосходство. Я уже читала его. Это был мой подход ко всему: всегда, оценивать своих конкурентов.

Все, что мне было известно: Минди уже прочитала задание. Она перечитывала его, потому что такой уж она была. Так случилось, что мы стали лучшими подругами. Судьба свела нас для нашего первого группового проекта, и решительно держала нас вместе. В течение следующих пяти лет мы были соседями, одногруппницами в колледже и магистратуре, друзьями, врагами, и чем-то средним между ними. Но мы были готовы сделать все друг для друга и много раз, это был наш конкурентный дух, который постоянно толкал нас через долгие часы занятий и учебы, и так до нашей стажировки. Вместе мы праздновали успех и оплакивали потерю. Неважно, что жизнь давала нам, — мудаков-профессоров, подонков-парней, страшное похмелье — мы знали, что единственной константой друг для друга были мы. Конечно, эта близость никогда не прекращала нашего сестринского соперничества, которое мотивировало нас быть лучшими. Мы боролись за лучшие оценки, и, проходя через все это, никто из нас не отступал.

После окончания учебы наши пути разошлись вслед за нашими мечтами. С тех пор, как Минди нашла работу на телевизионной станции WCJB, наши пути снова сошлись. В то время я работала в крупной юридической фирме в центре Детройта следователем. Я прошла стажировку в криминальной лаборатории, когда была на выпускном курсе, и еще одну стажировку в Департаменте Внутренней Безопасности, когда училась в аспирантуре.

Этот опыт научил меня вникать в личные дела людей и находить нестыковки. В нашей фирме невиновность клиента или ее отсутствие никогда не были вопросом; поиск доказательств, которые подтверждали невиновность клиентов, был моей работой. За короткое время я стала человеком, от которого зависел поиск ответов.

Когда Минди познакомила меня с людьми из WCJB, наша дружба вывела меня на эту работу для Бернарда Купера, ведущего журналиста-расследователя в WCJB. Но Бернард не только работал в верхушке телевизионной станции в Детройте, он также был хорошо известен в нашей отрасли. Его сюжеты часто отбирали для национальных радиопередач. Одно упоминание его имени внушало страх и уважение. Из-за него политики неожиданно снимаются с выборов и корпорации сталкиваются с многомиллионными долларовыми штрафами. Он разоблачал коррупцию на любом уровне. Был ли это скандал, связанный с боссом мафии, банды, или опасность загрязненных лимонов в местной сети ресторанов, не было сюжетов достойных или недостойных его. Сюжеты были повсюду — мы просто должны найти их.

Поскольку родители Минди жили в Калифорнии, они поручили мне провести опознание, когда тело Минди найдут. Конечно, они приезжали сюда после ее исчезновения, но не было никакого смысла вызывать их каждый раз, когда найденное тело подходило под описание Минди.

Мои воспоминания закончились, когда я вошла в здание правительства округа и сделала глубокий вдох. Я была здесь неделю назад, когда меня вызывали на опознание вздувшегося тела, выловленного из реки, которое, к счастью, не оказалось телом Минди. Однако, воспоминания о вони, которая заполнила комнату экспертизы и неестественного цвета натянутая кожа, вызвали прилив тошноты. Сглотнув подступившую желчь, я, крепко стоя на ногах, надела маску следовательского равнодушия.

Пока я спускалась по извилистым катакомбам в офис, где проводилась экспертиза, в моей голове мысли путались с возможностями. Хотя количество убийств в Детройте сократилось с начала 1990-х годов, у местного населения по-прежнему была сомнительная репутация. В Детройте был один из самых высоких показателей тяжких преступлений в стране. В городе, где я живу и, где пропала моя лучшая подруга, было опасно, и я была свидетелем еще одной из его жертв. Я часто сталкивалась со смертью в ходе моей работы. Но это было другое. То была работа. Это же было личным.

Когда я обогнула последний поворот, то остановилась, и мои глаза встретились с сострадательным, но пронзительным взглядом Дилана Ричардса.

— Почему ты здесь? — спросила я.

Его уверенная развязность исчезла и он, молча, двинулся ко мне. Каждый его шаг измерял время, пока я приросла к плитке.

— Я не хочу, чтобы ты делала это одна, — сказал он, протянув свои ладони к моим. Его тепло окутало мои пальцы, заставляя меня вдруг осознать прохладность своего собственного тела.

— Как ты догадался прийти сюда? Ты знаешь, что это она? — тревога в моем голосе росла с каждым вопросом. — Ты видел ее?

Он покачал головой.

— Я не видел ее, и я ничего не знаю. Я был в полицейском участке и услышал жужжание. Я пытался дозвониться до тебя, но телефон переключился на голосовую почту. Я отправил тебе пару смс. Когда ты не ответила, я рискнул и позвонил Барни. Он сообщил мне, что только что сказал тебе об этом. — Дилан снова сжал мою руку. — Как я и сказал, я не хочу, чтобы делала это в одиночку.

Глава 3

Сара

В тот момент, когда медсестра ушла, Джейкоб молча выпустил мою руку, и, вскочив со стула на пол, начал шагать по комнате, его шаги, звучали у подножия моей кровати. Мне не нужно было видеть, чтобы понять его настроение — его раздражение ощущалось в каждом шаге. Я ждала, что он скажет что-то о том, что произошло. Я хотела у него выяснить, кто такие Брат Тимоти и Отец Габриель, и какой силой они обладали. Я хотела бы знать, как эти люди имели право не давать мне пить воду или что-либо еще. Я хотела понять, о чем говорил Брат Тимоти. Мне нужны были ответы.

Хотя, казалось, что Джейкоб защищал меня и мое поведение, он тоже врал и отвечал на каждый вопрос без оглядки на мои ответы. Я хотела понять, почему он делал это. С каждым ударом его обуви на жесткой подошве, что отбивали стакато по кафельному полу, я чувствовала, что его беспокойство, как и мое, растет.

Мои мысли захватил ритм движений Джейкоба, повторяющихся со счетом четыре на четыре: четыре шага, чтобы пересечь ширину комнаты, четвертый шаг, сдерживающий шарканье ноги, затем четыре шага обратно.

Мой разум прокручивал варианты. Может быть, мы поссорились до аварии. Может быть, он не посылал меня на обледенелую дорогу. Каждая мысль увеличивала мое беспокойство, заставляя его подниматься ступень за ступенью, пока оно не приблизилось к точке кипения. Я представила себе человека, который продолжал ходить. В образе, который я создала, у него были голубые глаза, а также щетина на щеках и подбородке. Я не была уверена, был ли тот образ моим настоящим воспоминанием или предполагаемым портретом, основанным на ощущении прикосновений его рук и лица.

Внезапно мое сердце остановилось, когда громкий стук разнесся по всей комнате. Я сжала губы и съежилась при мысли, что вернулся кто-то из Комиссии.

— Я принесла лед, — сказала медсестра, пока открывала дверь. — Вы хотите, чтобы я покормила Сару?

Внутренне я застонала. Снова обращались не ко мне, тогда как разговор шел именно обо мне. В конце концов, Сара — это Я. Может кто-то спросит об этом меня?

Прежде чем я успела возмутиться на отсутствие моей самостоятельности, Джейкоб ответил: — Нет, дайте мне чашку. Я позабочусь об этом.

— Это мой долг...

— Сестра, если мы поторопимся, пока лед тает, это не нарушит постановление Комиссии. Но если Комиссия решит, что лед — это жидкость, это будет моей ответственностью, а не вашей. Я попросил лед, и вы принесли его мне, а не Саре.

— Спасибо, — ответила она. — Я никому не скажу.

— Но, если кто-то спросит, — он говорил властно, — Вы принесли мне лед.

— Да, Брат. Вам нужно еще что-нибудь?

— Снотворное для Сары. Доктор Ньютон говорит, что ее тело исцеляется лучше, когда она спит.

— Я принесу, но сначала дам вам немного времени на лед. Снотворное работает очень быстро.

Через несколько секунд раздался звук захлопнувшейся двери и, судя по молчанию, я

поняла, что медсестра ушла. Вдруг все, что я хотела сказать и узнать, растворилось под моей растущей потребностью влаги ото льда. Неосознанно мой язык метнулся к моей обветренной, потрескавшейся коже губ; я ждала холодной влажности, которая была под контролем Джейкоба.

Наконец-то я услышала, как Джейкоб придвинулся на стуле ближе к моей кровати. В голове создавался мой маленький мир. В моем воображении, подушка стула, на котором сидел Джейкоб, была покрыта пластиком или винилом. Я не знала цвета, но определила материал по звуку шипения, который послышался, как только он опустил свой вес на стул.

Джейкоб мимоходом задел мою щеку, вытирая слезу, я не знала, что ее пролила. Я увернулась от его прикосновения. Это было неправильно. Я не могла дать палец на отсечение за мои рассуждения, но в глубине души я не верила, что была той, кто плакал или позволял другим людям контролировать каждый мой шаг. Джейкоб потянул мой подбородок обратно к себе. Я ждала слов его поддержки и ободрения. Их не было. Вместо этого он просто потребовал: — Открой рот.

Напряжение в моем позвоночнике говорило мне, чтобы я боролась, но если бы я это сделала, то не получила бы ту влагу, которая была так нужна моему организму. После минутного колебания, я сделала, как он велел. Моя награда за повинование пришла в виде крошечного кусочка льда. Этого было немного, но холодная влага чувствовалась, как дождь на сухой потрескавшейся земле. Закрыв губы, я наслаждалась чистым, свежим божественным скольжением вниз по моему горлу.

— Еще.

Я сделала, как он сказал, желая большего: больше льда, больше воды, больше его глубокого голоса. Мне надоело молчание, и, судя по тому, как Джейкоб ранее измерял палату шагами, у него было, что мне сказать. Я ждала, но кроме звука его указаний — ничего, тишина затянулась. Снова и снова, я открывала рот, и каждый раз он кормил меня кусочком льда. Скоро мы вошли в ритм, и даже его указания исчезли. Каждый раз я проглатывала, а затем сразу же открывала свои губы, бесстыдно жаждущие следующего кусочка небесной прохлады. Когда мое горло онемело, я подумала, что никогда не пила столько замороженной воды, сколько сейчас. Моя новая одержимость съесть всю чашку была заменена на желание услышать его голос. Мои проблемы временно исчезли в успокаивающем тумане, после того, как его пальцы коснулись моих губ, и я с удовольствием взяла то, что он дал.

Вдруг дверь открылась, и наша хрупкая связь была разрушена. Я быстро закрыла рот, когда услышала, как стул Джейкоба переместился. В эти несколько секунд мое сердце екнуло, и я боялась услышать звук голоса Брата Тимоти. Вместо этого я услышала, как Джейкоб говорит с медсестрой, называя ее по имени, Сестра Рейчел.

Поскольку они обсуждали мои лекарства, и она потянула за мою капельницу, я пыталась повторить все те вещи, которые хотела сказать. Я хотела сказать Джейкобу о том, что не помню аварию, Комиссию, Свет, или даже его. Я хотела узнать больше о нас, кем мы были, и почему оказались там, где я чувствовала себя настолько неправильно.

Мои вопросы крутились на кончике языка, но я не могла их задать. Это было не только потому, что он сказал мне не говорить; это было так, словно необходимость их задать исчезала. Потребовалась вся моя сила, чтобы удержать их. Усталость ударила в меня, как товарный поезд, в результате чего Джейкоб и слова Сестры Рейчел расплывались и мои конечности становились все более тяжелыми. За очень короткое время мой маленький

незнакомый мир исчез.

Пока я медленно просыпалась от глубокого сна, мой разум задержался в том месте, где мир был сном и реальностью. Пока я не попыталась открыть глаза, и обнаружить лишь темноту, все эмоции нахлынули разом. «Все» ... это слово обычно так много охватывает. Но сейчас, для меня это означало, лишь напоминание о том, что произошло накануне.

Меня зовут Сара. Моего мужа зовут Джейкоб. По его словам, наша фамилия Адамс. Я попала в аварию и нахожусь в больнице.

Как ни старалась, я не могла вспомнить ничего, кроме того, что произошло вчера.

Я заблокировала все это? Почему? И почему мои недавние воспоминания кажутся неправильными, как будто они принадлежат кому-то другому?

Я лежала неподвижно, и мои губы озарила улыбка, когда я вспомнила лед предыдущей ночи. Я не смогла вспомнить Джейкоба, но его покровительство наполнило меня незнакомым чувством тепла. Затем звук щелчка двери вернул меня к настоящему.

— Брат Джейкоб? — прошептал женский голос.

Я ждала, мне было интересно была ли она медсестрой. Через несколько секунд, когда женщина повторила имя Джейкоба, стул переместился по полу и кровать скрипнула. Джейкоб должно быть спал, положив голову на матрас.

— Сестра Лилит, почему вы здесь?

Лилит? Имя кажется мне знакомым.

— Собрание скоро начнется. Меня послали, чтобы остаться с Сарой.

— Почему?

— Вас вызывают.

— Сейчас? Они ведь понимают, что мне нужно остаться здесь.

Вызывают? Это прозвучало зловеще.

— Я уверена, что они обсудят это с вами. У каждого из нас есть работа, которая должна быть выполнена. Если один человек не выполняет свое назначение, это влияет на все сообщество. Не только работа Сары не выполнялась за прошедшую неделю, но и ваша, Джейкоб. Я уверена, вы можете догадаться, чья работа, по мнению Комиссии, наиболее важна. Одно дело, пока она лежала без сознания, но сейчас она...

— Сейчас она ранена, не может говорить и вставать. Доктор Ньютон не осматривал ее с тех пор, как она проснулась. Вместо этого, ее энергия была израсходована на посещение вашего мужа.

Мужа? Вот почему ее имя показалось знакомым — Брат Тимоти упоминал Лилит, когда был здесь... если это было днем ранее? Она должна была находиться в той толпе людей.

Джейкоб продолжил: — Я понимаю важность своей работы, но я говорил с Братом Микой. Никакие доставки или отгрузки не отменялись...

Его решимость возрастала с каждой фразой, которой он продолжал защиту. Сестра Лилит говорила твердо, но Джейкоб был в своем праве. Я пошевелила плечами и выпрямила шею. Громкость их разговора, не позволяла мне спать, не используя снотворное. Последнее, что я узнала из их беседы, было то, что Джейкоб сказал о моем питании. Я поджала губы и ждала ее ответа.

— Отец Габриель, — голос Сестры Лилит смягчился, — знает, что лучше. Мы должны верить ему, даже тогда, когда нам непонятны его методы. Только ему известны планы и что

лучше для коммуны. Если Сестра Сара намеренно решила послушаться...

Джейкоб прервал её: — Она этого не делала. Я свидетельствовал. Вы были здесь вчера. Вы слышали ответы Сары на вопросы Брата Тимоти.

— Брат Тимоти и мы все слышали ваши ответы, — ответила она. — Мы так и не слышали ее. Они ждут вас на собрании. Я не знаю мнения Комиссии, но полагаю, что после Собрания ваше прошение о питании Сары будет услышано. Я уверена, что без вашего присутствия, Брат Джейкоб, этого не случится. Действительно, как и с другими вещами, решение остается за вами.

Джейкоб был частью этого, частью коммуны. Что бы это значило? И как она могла угрожать мне, но говорить, что решение за ним?

Впервые с тех пор, как ночь покинула комнату, Джейкоб взял мою руку в свою и спросил. — Сара, ты меня слышишь?

Я сжала его руку один раз.

— Ты не будешь одна. Сестра Лилит будет здесь. Я свяжусь с доктором Ньютоном и скажу ему проверить твоё состояние до моего возвращения. Ты меня понимаешь?

Я сжала его руку.

— Я также позвоню Брату Люку. Я надеюсь, он отпустит Сестру Элизабет прийти и посидеть с тобой. Прежде всего, ты должна беречь свои голосовые связки. — Тон его голоса стал более тревожным. — Неважно кто и что говорит тебе, очень важно, что ты говорить не можешь. Неважно кто это. Как твой муж, я запрещаю тебе разговаривать. Это ясно?

Хотя его требование, казалось архаичным, было что-то большее в голосе Джейкоба, чем диктаторское указание. Стратегически скрытые между слов предупреждения, к которым я планировала прислушаться. Он не столько ограничивал мою речь, сколько говорил о том, кому я могу доверять. Может ли это быть причиной моей аварии? Были ли эти люди опасны? Мои вопросы не иссякали, пока я стискивала его руку.

— Я вернусь так скоро, как смогу. И затем мы выслушаем, что нам скажет доктор Ньютон.

У меня было четкое ощущение, что не было никакой любви между моим мужем и Сестрой Лилит. Я не знала почему, но меня это не заботило. К тому же, по определенным причинам, я чувствовала разницу в его отношении к Элизабет. В его устах даже имя ее звучало теплее.

Бегло сжав мою руку, Джейкоб ушел.

Когда Сестра Лилит пересекла комнату, звук ее шагов отличались от Джейкоба или даже от Сестры Рейчел. Услышав этот звук, я решила, что она была на высоких каблуках. Лежа спокойно на подушке, я снова надеялась, что это всего лишь длинный ночной кошмар. Тем не менее, это было не так. С каждой минутой становилось все более очевидным, почему я заблокировала мои воспоминания об этой жизни. Это было просто слишком странно.

Шаги Сестры Лилит остановились, и кто-то новый открыл дверь в палату.

— Доброе утро, Сестра Сара.

Я узнала голос медсестры Рейчел, и мои щеки порозовели. Наконец, обращались лично ко мне.

Пока Сестра Рейчел поправляла простыни, она разговаривала с Сестрой Лилит. Чем больше я слушала, тем больше мне нравилась Сестра Рейчел. Она относилась с уважением к власти, которой обладала жена Брата Тимоти, но в то же время хорошо справлялась со своей работой, объясняя свои обязанности и то, чем мы будем заниматься в течение следующих

тридцати минут. По словам, которые мне удалось подслушать, я была без сознания почти неделю. В мой второй день сознательного состояния мне хотелось двигаться, но в основном, я была взволнована известием о том, что смогу принять душ. Сестра Рейчел вежливо попросила Сестру Лилит выйти в холл. Неловкое молчание, которое за этим последовало, было молчаливым противостоянием, я не знаю, что случилось дальше, но к счастью, дверь, наконец, открылась и закрылась, и Рейчел облегченно вздохнула.

Каждая часть моего тела болела от травм после аварии, гиподинамии и недостатка питательных веществ. Голос Сестры Рейчел успокаивал, она не переставала говорить со мной, выполняя каждую задачу. Перед тем как я встала с кровати, она переместила все трубки. У меня не было ни малейшей идеи о том, что же они мне давали через капельницу. Джейкоб говорил, что это питание, но я думаю, что лекарства поступали тем же путем. Только однажды я осталась отсоединенной от «системы», Сестра Рейчел попросила меня посидеть у края кровати. Даже такое простое действие потребовало от меня огромных усилий.

— Постарайся не вставать на травмированную ногу. Это может оставить хромоту в будущем. Мы будем использовать инвалидное кресло для твоих перемещений.

Она сказала мне перебраться из кровати в кресло и затем покатила меня в помещение, которое, как я предполагала, было ванной комнатой. Без сил и зрения я была полностью в ее власти. На протяжении всех ее действий она уточняла, хорошо ли я себя чувствовала, и было ли мне комфортно. Помня предупреждение Джейкоба, я двигала только головой. Когда я сделала это в первый раз, то ожидала той же реакции, что и была днем ранее, но этого не повторилось. Может быть, я выздоравливала.

Вот бы только мои воспоминания вернулись.

Сестра Рейчел удалила что-то напоминающее бинт с моего бока, что указывало на то, что у меня было сломано как минимум одно ребро. Затем она закрепила что-то твердое на моем бедре. Это был какой-то фиксатор из пластика для защиты моей больной ноги. Для того, чтобы предотвратить мое заваливание на больную ногу, она сказала держаться за ручку над моей головой. Я предположила, что она была закреплена на потолке. Придерживаясь, я опиралась на здоровую ногу; и, тем не менее, мои мышцы напрягались с каждым шагом все больше и больше.

Я начала задаваться вопросом о том, стоило ли это таких усилий. Я села на пластиковое сидение, Сестра Рейчел повернула на меня душ и теплая вода полилась на мою кожу и волосы. Чистый аромат мыла и шампуня заполнял мои чувства, смывая затхлые запахи больничной койки и трубок. Не думая о последствиях, я открыла свои губы, чувствуя, как вода наполняет мой рот, продолжая литься дождем.

— Не слишком много, Сара; это может быть нехорошо для тебя, — прошептала Сестра Рейчел, напоминая мне о запрете Комиссии.

После купания она помогла мне выйти из душа и вытереться. Она также помогла мне надеть мягкую рубашку, пока капли воды стекали по моим волосам, и она сказала:

— У тебя прекрасные волосы.

Я обдумала ее комментарий и поняла, что не могла представить мои собственные волосы. По тому, как они цеплялись за мою спину, я знала, что они были длинные, но как бы ни старалась, я не могла представить их цвет.

Вот бы знать, как я выгляжу? Я была потеряна в мыслях о других вещах, которые забыла, когда Рейчел помогла мне сесть в инвалидное кресло, вручила зубную щетку и направила

мою руку к стакану воды. Неуверенная, что делать с водой, я колебалась, не зная, был ли это тест, или она хотела, чтобы я выпила.

— Если ты справишься здесь сама, я собираюсь оставить тебя в покое на минутку, пока ты чистишь зубы. Я должна вернуться в палату и внести изменения в твои записи. Когда я вернусь, я принесу тебе новую длинную ночную рубашку.

Я кивнула. Немного воды, которую я получила, когда принимала душ, лишь возбудило мою жажду. Я хотела больше. Как только я почувствовала, что Сестра Рейчел ушла, я выпила стакан воды и поставила его на место. Натиск холодной проточной воды сковал холодом низ моего позвоночника. Я вспомнила Сестру Лилит и была уверена, что если бы она услышала, то без колебаний передала бы Комиссии, что я игнорирую их постановления. Однако моя жажда была сильнее моего страха и я, не колеблясь, выпила второй стакан воды, перед тем как почистила зубы.

Вернулась Сестра Рейчел и прошептала мне: — Только что пришла Элизабет. Я думаю, что Сестра Лилит готова уйти, но она не уйдет, пока снова не увидит тебя.

Мои уставшие мышцы напряглись, и желудок с водой скрутило от одного только упоминания ее имени.

— Не переживай, — продолжила Рейчел, — они обе находятся в холле. Перед тем как они зайдут, я хочу, чтобы ты переделалась и расчесала волосы, и мне нужно заменить повязки на твоих глазах. Им нельзя оставаться влажными.

Я закусила губу своими почищенными зубами, чтобы не заговорить. Она собиралась снять повязку с моей головы. Что, если я могу видеть? Что, если мои глаза не повреждены? Опять же, что если они повреждены?

Рейчел взмахнула свежей ночной рубашкой над моей головой. Касание мягкой материи, я чувствовала длинные рукава и пуговицы по всей длине переда рубашки. То ли от истощения, то ли от отсоединения от лекарств, мои пальцы плохо меня слушались, когда я пыталась застегнуть рубашку. Вода, которую мне удалось, выпить яростно хлюпала в пустом желудке.

— Ты в порядке? — спросила Сестра Рейчел, после того как протянула руку, чтобы остановить меня от падения вперед.

Я кивнула, бисеринки пота покрыли мою чистую кожу.

— Я собираюсь сменить повязку и заплести твои волосы, но давай это сделаем в кровати. — В каждом её слове слышалась забота. — Я не хочу объясняться с Отцом Габриелем, почему ты рухнула в ванной.

Отец Габриель? Почему она не скажет Джейкобу?

Я слышала, как открылась дверь и Рейчел проводила меня к кровати. Звук шагов был похожим, и все-таки, отличался, что дало мне знать о том, что в моей палате было несколько человек. Затем мое кресло остановилось, другая пара рук помогла мне встать. Я повернула свои покрытые глаза в направлении этого человека.

— Сара, я так по тебе скучала, — это не была Сестра Лилит, а значит это была Сестра Элизабет. — Я так рада, что Брат Джейкоб позвал меня, чтобы присмотреть за тобой. — По расположению голоса я поняла, что она была выше меня, и по тому, что она держала меня за руку и не добавляла Сестра, я пришла к мысли, что мы были друзьями.

— Я проинформирую Комиссию, что вам значительно лучше.

Взявшись за руки, мы замерли от прозвучавшего голоса Сестры Лилит. От того каким образом она это сказала, у меня на затылке волосы встали дыбом.

— Спасибо, Сестра Лилит, что были здесь, пока я не приехала. — Хотя ответ был

вежливым, от ответа Элизабет сквозило холодом. Похоже, к Сестре Лилит мы испытывали схожие чувства.

Сестра Лилит не ответила, но я слышала, как открылась дверь, щелчок, и удаляющийся звук ее каблучков.

Моя тошнота понемногу отступала, я выдохнула и расслабилась на чистых простынях. Элизабет отрегулировала мое положение, положила подушки под ногу, в то время как Рейчел справа от меня подключала мою руку к капельнице. То как они болтали между собой, давало мне ощущение близости и безопасности. Впервые после того, как я очнулась после аварии, атмосфера не казалась мне неправильной.

Была ли Элизабет моей подругой, или возможно сестрой? Была ли у меня другая семья, кроме мужа? Были ли у меня дети? Родители мои и Джейкоба? Сколько нам лет? Моя рука опустилась на мои губы, чтобы остановить меня от попытки говорить. У меня накопилось так много вопросов.

Когда я опустила голову на подушку, мягкие голоса заполнили атмосферой дружбы, когда-то казавшуюся враждебной комнатой. Мой предыдущий приступ тошноты прошел, но оставшийся пот охладил меня. Будто читая мои мысли, Элизабет укрыла одеялом мое дрожащее тело. Мне удалось слабо улыбнуться ей, меня укутало теплом. Мне очень хотелось услышать все, о чем они говорили, но в мгновение ока их голоса отдалились, и сон украл мой первый реальный шанс на получение ответов.

Глава 4

Сара

В мой сон просачивался разговор на повышенных тонах, резкие слова проникали в блаженную сцену передо мной. Я повернулась к голосам и вдохнула сладкий запах лаванды. Шаг за шагом я шла по фиолетово-белому лугу, а высокая трава щекотала мои голые ноги. Когда я остановилась под лучами солнца, мои пальцы погрузились в мягкую, прохладную землю, а моя кожа излучала тепло. На горизонте розовые и фиолетовые облака кружились вместе, как краски на холсте. Блестящее небо было словно пара голубых глаз, светящихся счастьем.

Я ощутила колебание голоса, немного, одно-два слова. Но затем оно обрушилось, словно волны на берег, которым суждено нести ураган, каждый удар все больше и громче, чем предыдущий.

Я осмотрела горизонт в поисках мира. Красочные облака потемнели и, зловеще пузырясь, меняли кристально чистые цвета на различные оттенки серого. Я трепетала перед нарастающим штормом, ветер завывал и длинные волосы яростно хлестали о мое лицо.

Чем больше ревел ветер, тем больше я осознавала свою обреченность. Нарастала паника. Просматривая все направления, я искала убежище от шторма, а затем меня разбудили резкие голоса.

— Мне нужно подтверждение, — прогремел незнакомый голос.

— Оно есть у вас, от меня, — прорычал Джейкоб. — Вы забыли, что я член Собрания?

— Собрание подчиняется Комиссии. ПОСТАНОВЛЕНИЕ поступило от Комиссии.

— Тогда позвоните им. Спросите! Я стоял перед ними и говорил почти час. Сам Отец Габриель дал одобрение. Я хочу, чтобы еда была здесь до того, как она проснется. Она ничего не ела почти неделю. Я больше не могу ждать.

— Успокойтесь. Иначе она проснется.

— Я спокоен. Скажите мне, что она может есть.

— Если...

— Никакого если, — прервал Джейкоб, — Что может выдержать ее тело?

— Когда я получу известие о том, что запрет был отменен, мы начнем с мягкой диеты: желе, суп, рис. Ей можно хлеб, но совсем немного.

— Тогда вперед. Идите и приготовьте все это. Я сказал вам, что запрет был снят. Если не верите мне, то позвоните им.

— Я не могу спрашивать Комиссию. Они должны сами уведомить меня. — Незнакомый голос запнулся, а потом продолжил, — Нет, не звоните....

— Это продолжается слишком долго, — сказал Джейкоб, его голос был жестким, но в нем звучало больше контроля. — Приветствую вас, Брат Даниель. Я с доктором Ньютоном. По-видимому, он не получил сообщение о моей жене... Да, он здесь... Я сказал ему... Да позвольте мне передать ему телефон.

Джейкоб спорил с моим врачом? Что это был за доктор? Конечно, в этой больнице должно быть больше врачей, люди не контролируются Комиссией.

— Здравствуйте, Брат Даниель? — приветствие доктора Ньютона больше походило на вопрос, — Да, я понимаю, что он... Да, я понимаю, что Собрание — правящая партия и так, как он Член Собрания, его слово является верным. Я хотел бы... Сейчас же. До свидания. —

Возникла пауза, затем доктор Ньютон продолжил, — Брат Джейкоб, я скажу Сестре Деборе принести еду.

Джейкоб выдохнул.

Тон доктора приобрел командные нотки, когда он подошел ближе к моей кровати.

— Вы должны разбудить ее и отвести в ванную. Ей долго не вводили катетер, и она давно в кровати. Но этот гипс не для прогулок. — Прозвучал сигнал на моей капельнице. — У нее будет прогулка, когда я получу одобрение. Я вернусь после того, как она поест. Затем осмотрю ее.

— Спасибо. — Гром ушел из голоса Джейкоба, но гроза все-таки осталась. — Вы должны понять мою настойчивость. Я не могу обрекать ее на голодную смерть, после всего, что она пережила.

— Я понимаю, но вы знаете, что все мы руководствуемся правилами. Я поклялся помогать людям, но у меня тоже есть семья. И поступающие указания обязательны к выполнению. Мы все это знаем.

— Да, это так, — сказал Джейкоб вызывающе. — Но не в этот раз. Я не позволю этого.

Слова доктора вернули меня в реальность с удвоенной скоростью. Я была во власти этих людей. Людей, которых я не могла видеть и вспомнить. Люди с пугающим тоном, правилами и указами. Я стиснула зубы и попыталась вспомнить. Ничего, чтобы подтвердить, что я принадлежу этому месту и ничего, чтобы это опровергнуть.

Подошел Джейкоб, и, убрав волосы с моего лба, сказал: — Я уверен, что ты не спишь. Я думаю, что даже ты не смогла бы спать при всем этом.

Даже я? Что это значит?

Я кивнула. Его большие руки задержались на моих волосах, я вспомнила часть моего сна, и мне стало интересно, были ли они русыми, как во сне.

— Сара, медсестра принесет поесть. Доктор Ньютон хочет, чтобы я помог тебе встать, прежде чем она придет.

Я протянула руку к повязке на глазах. И хотя я чувствовала, что волосы были влажными, повязка была сухой.

— Сестра Рейчел сменила ее. — Его пальцы собрали мои волосы. — Но она не смогла расчесать и заплести твои волосы, ты уснула.

В моей груди образовался комок. Она сменила мою повязку, и я пропустила это.

— Я собираюсь поднять тебя с кровати.

Одеяло соскользнуло вниз, и холодный воздух проник в мое теплое царство, но прежде, чем я замерзла, руки Джейкоба прижались к моей спине и ногам. Я вздрогнула, когда он меня поднял. От меня исходила боль. Задержав дыхание, я ждала, что он опустит меня в больничное кресло, но он этого не сделал. Вместо этого, Джейкоб прижал меня к себе и без каких-либо усилий отошел от кровати. Я прижалась к нему, обняв руками за плечи, и положив голову ему на грудь. Моя щека прижималась к его мягкой рубашке, и я вдохнула запах кожи и мускуса. С каждым шагом щетина на его подбородке задевала мою макушку. На секунду, что-то всплыло в моей памяти, но также быстро и исчезло.

Очевидно, мы пересекли комнату, так как Джейкоб сказал:

— Мы в ванной. Сестра Рейчел сказала, что утром ты справилась отлично, хотя я не уверен в том, как много ты можешь сделать сама.

Я протянула руку и указала, в надежде, что он увидит ручки, которыми я пользовалась ранее. Он понял, потому что аккуратно поставил мою здоровую ногу на пол и направил мои

руки к ручкам. При мысли о том, что нужно сделать, кровь прилила к моим щекам. Я быстро опустила подбородок, не желая, чтобы Джейкоб заметил мое смущение. Ведь он по-прежнему оставался для меня незнакомцем. Для него мы были женаты. Он, несомненно, много раз видел меня обнаженной.

Его большие руки прикоснулись к моим щекам и подняли мое лицо к своему. Хотя я не видела его, мы были очень близко друг к другу. Его теплое дыхание щекотало мой нос, его слова были нежными и ободряющими.

— Я оставлю тебя в покое для того, чтобы ты могла уединиться, но ты так дрожишь, что боюсь, можешь упасть.

Я слепо повернула свое лицо к ручкам. Я столкнулась с капельницей, которую он установил рядом. Я не понимала, насколько сильно дрожали мои руки и ноги.

— Позволь мне помочь, — предложил он и отпустил мое лицо.

Моя дрожь ослабла от его тона. Это звучало так, будто он спрашивал, а не сообщал. Кивнув в знак одобрения, я отпустила руки и сложила их на груди. Джейкоб медленно переместил руки на подол моей ночной рубашки. Он медленно двигал платье вверх, его пульс под моими руками возрастал. Когда рубашка была выше талии, я ощутила, как напряглось его тело.

Я опустила подбородок, не уверенная в выражении своего лица. Было слишком много мыслей, которые пытались укорениться. Недоумение и неуверенность закрутились со смущением, и все же они, казалось, были мне недостижимы. Глубоко вздохнув, я сконцентрировалась на насущной задаче. Джейкоб и я соблюдали тишину. Он говорил только, чтобы предупредить меня о наших дальнейших действиях, и я оценила это. Каждое из них, независимо от того, как нежно он пытался все сделать, приносило мне боль. После его сигнала, я закусывала нижнюю губу и задерживала дыхание. Это не останавливало боль, но, по крайней мере, я не морщилась. К тому времени как он переместил меня в кровать, предательский привкус меди дал мне знать, что я неоднократно прокусила свою нижнюю губу.

Тяжелая тишина окружала нас, пока мы ждали мою еду. Звук шагов Джейкоба, и редкие вздохи, говорили мне, что он тоже боролся с вихрем мыслей, хотя я сомневалась в том, что мы думали об одном и том же. С каждой минутой, я обдумывала варианты. Мне хотелось есть, но я желала большего. Мне нужно больше, чем это. Мне нужно понять, что случилось в той аварии, а также то, что происходило сейчас.

Вопросы были не только в моем сознании. Они заполнили палату, кружась вокруг нас. Как безликие тени в моих снах они издевались надо мной и отказывались делиться знаниями. С течением времени, я ощущала себя все больше в ловушке — клаустрофобия — так, словно мне было нужно больше пространства.

Чем я обычно занималась для души?

Ответ на этот вопрос окатил меня потоком очищающего воздуха.

Я бегаяю.

Странное чувство облегчения наполнило меня, когда я закрыла глаза и представила дорожки и тропинки. Это было реальным. Я не только увидела, как длинные лучи солнца танцуют на верхушках деревьев, я почувствовала тепло, когда сквозь меня проходили лучи света, и мои ноги ступали на землю. Я толкала свое тело, расширяя границы. Не задыхаясь в неизвестном мире, я задерживала дыхание, стабилизируя свой пульс, для того, чтобы обрести силы продолжать. Я никогда не сомневалась в своей способности продолжать.

Движение получалось само собой. Вглядываясь за пределы леса, я заметила открытый луг, где холодный утренний туман обосновался возле земли. Вдыхая свежий воздух, я улыбнулась блестящей росе, которая переливалась, словно бриллианты в утреннем свете.

Я громко ахнула от интенсивности воспоминаний. Мое тело напряглось. Я была не там, я была здесь. Однако то, о чем я думала, не могло быть сном. Местность была знакома, больше, чем все вокруг меня. Я напряглась, от того как Джейкоб в очередной раз коснулся моих волос.

— Сара, ты в порядке? Что случилось?

Я кивнула с новообретенной силой. Со мной все в порядке. И это так. У меня были воспоминания, реальные воспоминания. Так как я не могла сказать ему, что произошло, я улыбнулась и помотала головой из стороны в сторону. Я хотела сказать, что ничего не случилось. Впервые с тех пор, как я очнулась в этом незнакомом мире, что-то казалось правильным.

Я сосредоточилась на образе, который создала. Точно так же физически, как бег, мои мысли расслабили меня, ослабляя покров сомнений и переживаний.

— Мне нужно найти твою расческу. Как думаешь, я смогу расчесать твои волосы? — спросил Джейкоб. — Тебе бы не понравилось, как они сейчас выглядят. — С каждым предложением его пальцы гладили и ласкали мои непослушные волнистые волосы. Прежде, чем я заметила его отсутствие, он вернулся. Вложив расческу в мою руку, он сказал, — Ты намного лучше в этом, чем я.

Осторожно, чтобы не задеть бинты, я проводила щеткой по своим волосам. Пока я это делала, цветочный запах шампуня напомнил мне цветы лаванды в моем сне. Я представила, как длинные светлые волосы развивались на ветру, и задумалась о том, возможно ли, что это были те самые волосы, что я расчесывала.

Длина казалась такой же. Что касается цвета, то это было сейчас мне неизвестно. Когда волосы перестали быть запутанными, и приобрели шелковистость, я начала их заплетать. Механическими движениями, без усилий, я заплела свободную косу, которая начиналась с левой стороны и лежала на правом плече. Когда мои пальцы приблизились к кончику, Джейкоб вложил в мою ладонь резинку для волос.

Это было глупо, только коса, но в груди больше не болело. Это было первое, что я сделала самостоятельно. Мои руки помнили, что делать, как мой разум помнил бег. Это было только начало, но я прижалась к нему.

Когда дверь открылась, мой голод проснулся с новой силой.

— Оставьте это здесь, — указал Джейкоб.

Где «здесь»?

Напряжение возвращалось в мои плечи, и я поджала губы, подавляя комментарии, которые, как я инстинктивно понимала, не будут приветствоваться. Этот образ мачо-мэна устаревал. После того, как двери открылись и закрылись, по полу поехали колеса. С этим новым звуком, я представила себе стол, который может двигаться передо мной и над моей кроватью. Я протянула руку.

— Нет, Сара. Ты забыла о благословении пищи, не так ли?

Нет, я не забыла. Это попросту не пришло мне в голову. «Поесть» было моей единственной мыслью.

Я опустила голову, поскольку глубокий голос Джейкоба заполнил комнату. Он поблагодарил Отца Габриеля и Комиссию за мою пищу. Действительно? Он попросил,

чтобы Господь использовал ее питательные вещества, чтобы помочь мне выздороветь. Ок. Джейкоб остановился, я начала двигаться, но затем он заговорил снова:

— Позволь этой пище быть напоминанием о том, что данные привилегии могут быть убраны. Спасибо за то, что исправляешь мою жену и напоминаешь мне о моей роли. Мы не будем подводить вас снова, поскольку доверяем Вам и Отцу Габриелю во всем. Аминь.

Я не двигалась. Мой голод внезапно угас.

Что все это значит? Что за исправление? Джейкоб согласен с Братом Тимоти в том, что мои страдания — это результат моего греха?

— Сара, — сказал он, поднимая мой подбородок. — Ты должна поесть.

Он был прав. Мне нужно было поесть, чтобы стать сильной и уйти. Это было неправильным. Все здесь было неправильным. В глубине души я знала, что не принадлежу всему этому. На этот раз безмолвно, Джейкоб захватил мои руки и положил их на колени. По-видимому, так же, как с кусочками льда ночью, Джейкоб планировал кормить меня.

— Открой.

От этой первой команды я стиснула зубы. Я поняла, почему он помог мне прошлой ночью, так как была слаба, но теперь я была относительно уверена, что могла поднять ложку и найти собственный рот. Тем не менее, всего лишь одним словом, он дал понять: еда будет, но только через него. Можно поспорить, что я все еще могла отказаться.

Пока я все осмысливала, ложка коснулась моих губ, я сделала, как он сказал, и открыла рот. Ложка за ложкой, мой гнев спадал, пока мой живот заполнялся. Суп — больше похожий на бульон — был моим любимым. Я может даже напевала после первой ложки. Каждый раз, когда он ударял о мой язык, я смаковала, теплый и ароматный. Даже с осторожным кормлением, соленый куриный бульон иногда проливался и стекал вниз подбородка. Когда это случилось впервые, Джейкоб рассмеялся. Не громко, с легкой издевкой, но это заставило меня улыбнуться. Я не могла вспомнить моего мужа смеющимся. С самого пробуждения, я слышала, в основном, его гнев и команды. Конечно, наш брак был больше, чем это. Только когда суп и желе закончились, он поместил небольшой кусочек в мои руки.

— Это хлеб. Вероятно, ты можешь держать его сама.

Я кивнула, поворачивая хлеб в ладонях и оценивая его размер. Поднесла его к носу и вдохнула запах. Когда укусила его, жесткая внешняя корочка сменилась теплом мягкой серединки. Я отщипывала понемногу и наслаждалась вкусом. Мне не хотелось, чтобы он заканчивался. Лишение меня пищи так надолго сформировало странные вкусовые потребности. Когда закончился хлеб, у моих губ появилась соломинка.

— Доктор Ньютон сказал пить как можно больше жидкости, но здесь немного воды.

Я поджала губы и втянула воду. Прохладная жидкость напомнила мне, что мое горло чувствовало себя лучше, даже лучше, чем за день до этого. При звуке его имени я вспомнила обещание доктора вернуться. Как только, я подумала об этом, то услышала, что открылась дверь.

— Доктор, — сказал Джейкоб, возможно, для того, чтобы сообщить о том, кто вошел.

— Я предполагаю, что вы готовы к моему осмотру?

Я кивнула, забыв, что со мной редко кто разговаривал.

— Да, — ответил Джейкоб, — Сара закончила трапезу. Думаю, ее тело справится с ней. Мне бы хотелось, чтобы на ужин у нее была порция побольше.

Ужин? Значит, я съела обед?

У меня не было ни малейшего способа следить за временем. Узнав, что прошло только

полдня, моя голова стала заполняться мыслями. Хотя обещание большего количества еды на ужин взволновало меня, идея провести больше времени в этой темной, незнакомой жизни было для меня непростой. Молча, я мечтала о новых открытиях в моих снах.

— Мы должны измерить ваш вес...

Джейкоб потянулся к моей руке.

— Она потеряла слишком много веса. Я не уверен, сколько, но от нее остались кожа и кости.

— Сестра Сара, — начал доктор Ньютон. — Я должен закончить ваше обследование. Затем мы обсудим ваши травмы. Вы понимаете?

Я кивнула, чувствуя ободряющее пожатие Джейкоба. Легким движением его мозолистые пальцы ласкали суставы моих пальцев, и я подумала о том, чем он жил. Со своей стороны, я предположила, что он много работал, а когда он нес меня в ванную, я почувствовала, насколько больше он был, в сравнении со мной.

Как моя авария повлияла на его работу? А что насчет меня? Чем я занимаюсь?

Пока моя кровать была в положении лежа для обследования, я поняла, что мужчина, который держит меня за руку, боролся за меня, поддерживал и помогал, но я не знала его.

Люблю ли я его? Любит ли он меня?

Неважно, как сильно я старалась найти ответы в закоулках моего разума, они издевались надо мной, сознательно оставаясь вне досягаемости.

Я хотел видеть ее глаза. За тридцать лет изучения людей, чтения их, я почему-то забыл, что глаза были ключом. Без них у меня были только средние и незначительные зацепки.

Я понимал, почему ей не разрешали видеть, по крайней мере, пока. Только потому, что психологически в этом был смысл, это не означало, что я одобрял данные действия. Взять жену было моей обязанностью, ответственностью, и обязательством «Свету». Я видел и соглашался с этим в прошлом — но то было в теории и на расстоянии. Это было близким и личным.

Я знал, что мое время придет. Я надеялся, что это не так, что смогу избежать этого, но отказаться от жены, когда ее уже представили, — не вариант. Принимая на себя эту ответственность, я укрепил свою связь со «Светом» и утвердил свое положение в обществе. Мое согласие и сотрудничество заверили Отца Габриеля, Комиссию и Совет в моей верности.

Мой взгляд метнулся к лицу Сары. Ее рука была зажата в моих ладонях. Хотя я не мог видеть ее глаза, ее нижняя губа побледнела от сильного закусывания зубами. Черт, она прокусит ее, если не прекратит сжимать, словно в тисках. Я уже видел капли крови, когда вернулся к ее постели сегодня. По крайней мере, в этот раз не я был причиной того, почему она нервничала. Эта реакция была вызвана движением кровати, поскольку доктор Ньютон полностью ее откинул. Я предположил, что это её проклятое сломанное ребро или ребра. Почему Рейчел повторно не забинтовала Сару после душа, я не знал. Я сказал бы кое-что, но тогда она, вероятно, будет наказана. Они могут даже решить заменить ее как главную по уходу за Сарой. Я не хотел этого.

Чего я хотел, так это, чтобы скорее сошел тот ужасный ушиб, разных оттенков от фиолетового до зеленого. Я видел его, когда снял ее длинную ночную рубашку, это было похоже на след от неоднократных ударов ногами. Отголоски этих ударов прошли волной через нас обоих. Может быть, я не хотел видеть ее глаза. Боль, которую она чувствовала, когда кровать откидывалась или, когда я поднимал ее, просачивалась из ее пор и заполнила комнату своим зловонием.

Разве доктор Ньютон не понимает, что делает?

Я поднял голову, но он не смотрел на меня.

Он смотрел на нее.

Мои зубы закрипели от того, как сильно я сжал их, когда оценивал выражение его лица. Он был единственным врачом коммуны, и я ожидал увидеть сострадание и пожелание выздоровления на его лице. Вместо этого образ доктора Менгеле (*прим. немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря «Освенцим» во время Второй мировой войны*) прорвался в моих мыслях.

Какой врач участвует в вещах, которые доктор Ньютон выполняет безоговорочно?

Я, возможно, не подписался бы на эту миссию, но, черт возьми, Сара была моей женой.

Кого я обманываю?

Я был столь же ответственным, как доктор Ньютон, если не больше. Не для всех других женщин, которые приходили в коммуну тем же путем, но для Сары. Когда Комиссия объяснила, что нужно делать, у меня не было вопросов. Приказ есть приказ. Я повиновался им и выполнял. Это — то, что дало мне возможность продвинуться с такой скоростью, и я

понял, что главное в коммуне — это правила и процедуры. Сообщество «Света» не так сильно отличалось от военных. Обучение в вооруженных силах хорошо мне послужило, и мой опыт в армии создал идеальную базу для верного последователя.

Доктор Ньютон заговорил, переориентировав мое внимание.

— Я собираюсь расстегнуть платье, чтобы лучше видеть ваши повреждения.

Хотя она кивнула, я снова стиснул свои бедные зубы. Я был бы счастлив, если бы зубная эмаль не осталась на них осколками, к тому времени как он это сделал. Доктор Ньютон начал с верхней пуговицы ее ночной рубашки, возле шеи, и продолжил расстегивать ее вниз. Он умудрился расстегнуть несколько пуговиц, когда я отпустил руку Сары и оттолкнул его прочь. Я видел ее под рубашкой и знал, что она не носит бюстгальтер.

Ее грудь была, может быть, меньше, чем я предпочитаю, но она была приятно округлой и крепкой. Ранее, в ванной комнате, вероятно, из-за температуры, я заметил, как ее соски затвердели и как розовые ареолы вокруг них потемнели.

Неважно, была она маленькой или большой: она была моей. Я чертовски хорошо знал, что грудь не пострадала во время аварии, и Ньютон тоже это знал. Он осматривал ее накануне. Не было никаких оснований снова осматривать ее грудь. Ослабив стиснутые челюсти, я сказал:

— У нее повреждения ниже. Я помогу вам. — Я хотел сказать больше, но Саре не нужно слышать, как мы меряемся членами над ее обнаженным телом.

Руки доброго доктора поползли вверх, охотно сдаваясь, но ухмылка на его лице еще раз заставила меня стиснуть челюсть. Высокомерная задница. Не существует ни одной чертовой возможности, чтобы он мог осматривать Сару без моего присутствия. Я не допущу этого. Если бы для этого мне пришлось обратиться с запросом к Комиссии, я бы сделал это. Они серьезно хотели, чтобы я женился, и я сделал это.

Глубоко вздохнув, я застегнул верхние пуговицы на ее рубашке и расстегнул, начиная снизу. Открытые участки кожи Сары покрылись мурашками, когда я раскрыл ее ночную рубашку. Теперь она была раздета от пальцев ног до пупка. Все нескромные места были прикрыты. Несомненно, в темноте, за пределами «Света», она носила и меньшего размера бикини на пляже, чем те трусики, которые носила теперь. Это не имело значения. Когда она была в темноте, она не была моей женой. Теперь она ей стала, и Ньютон, блуждающий по ее телу глазами, взбесил меня.

Я держал свой язык и сосредоточился на ее гипсе. Эта хреновина доходила до половины ее левого бедра. Поскольку была разбита только голень, гипс можно было спокойно накладывать и ниже колена. Это была еще одна часть психологической войны, часть плана, чтобы стереть ее, отнять у нее способности, и сделать зависимой. Чем больше физических ограничений она терпела, тем легче было привить психологические ограничения.

«Свет» был работой, призванием. Его первыми последователями были преимущественно мужчины. Учения Отца Габриеля произошли от фундаменталистских корней. Женщины ценились за прочность, благодаря которой они исполняли свои обязанности и потому, что у мужчин были потребности. Согласно учению Отца Габриеля, эти потребности лучше всего удовлетворялись женами. В то время как некоторые женщины нашли свой путь к «Свету» по собственному желанию, другие, такие как Сара, — были приобретены. Процесс приобретения и воспитания постоянно пересматривался. Каждый случай оценивали по его успеху или провалу. Хотя вся коммуна участвовала в приобретении, в конечном счете, каждый раз были участники, которые несут ответственность за результат.

В нашем случае, это были я и Сара. Потому что я был ее мужем, и моя роль имела бесконечно важное значение. Единственная дорога для моего дальнейшего успеха в «Свете» пролегла через Сару.

Я снова взял руку Сары в свою. Мы не проиграем. Я повторял это как мантру, как молитву в закоулках моей души. Я был свидетелем неудач, и я трудился слишком долго, чтобы позволить этому стать моим концом. Рука Сары дрожала, но я отказался позволить эмоциям влиять на мои цели. Мы должны добиться успеха.

— Сожмите руку вашего мужа, когда я прикасаюсь к месту, которое болит.

Мудак дошел до эпицентра боли, прямо над сломанными ребрами. Когда он это сделал, Сара застонала и стиснула пальцы со всей силы, прежде чем плотно сжать губы.

— Здесь, — сказал я, наблюдая, как брови доктора ползут вверх.

— Вы сломали, как минимум одно ребро во время аварии, — объяснил он.

Ее губа была зажата между зубами, и она кивнула в знак понимания.

— Здесь мы не можем сделать многого. Остается только ждать. Все срастется со временем. Теперь как насчет этой области? — доктор продолжал осмотр, пока обсуждал ее сломанные ребра, сломанную ногу и возможное сотрясение мозга. Он объяснил, что ее щека ударилась о руль грузовика. Если бы она могла увидеть себя в зеркале, то поняла бы, что это не так, но она, казалось, верила доктору и его словам. Прикасаясь к ее чувствительному горлу, он снова спросил о боли. Ее сжатие было мягче, чем прежде.

— Это значит, что болит меньше, чем до этого? — спросил я.

Она кивнула.

— Я полагаю, что вы будете готовы говорить через день или два, — сказал доктор Ньютон. — Завтра или в пятницу мы снимем этот гипс и наложим другой, который позволит вам прогуливаться. У вас сломана кость, но, к счастью, не сильно. Кожа не повреждена. Это поможет вашему восстановлению.

— Что насчет еды и питья? — спросил я.

— Как ваше самочувствие сейчас? — доктор уточнил у Сары. — Вы справились с обедом?

Она кивнула.

— Еще один пресный день и затем мы пересмотрим питание.

— Я хочу забрать Сару домой. — Я бы согласился принять власть Комиссии и Отца Габриеля, но мне не нравилась власть Ньютона. Я видел слишком много вещей за последние три года, пока был у «Северного Сияния». По-моему, даже Комиссия не полностью ему доверяла — если бы доверяли, то он был бы частью Собрании.

— Нам нужно посмотреть, как она адаптируется к гипсовой повязке для ходьбы, и оповестить Комиссию. Куда она отправится отсюда, в конечном счете, их решение.

Между тем, Сара вздрогнула при его последнем заявлении, процесс работает. Она начинала понимать, что полностью под контролем Комиссии. Завтра на собрании меня спросят, и я должен быть честен. Я уверен, они будут очень гордиться собой — недавние усовершенствования в процессе воспитания оказались эффективными. Старые способы воспитания приносили результаты медленнее. Как член Собрании, обычно я был рад, но в этот раз было по-другому. Я не только член Собрании — я был ее мужем. Чем сильнее Сара стискивала мою руку, тем менее довольным процессом я становился.

Освободив свою ладонь, я начал застегивать пуговицы ее ночной рубашки. Пока я это делал, Сара подняла руку и указала на свои глаза. Учение Отца Габриеля

проинструктировало меня сделать ей выговор, напомнить ей о правиле, которого она никогда не слышала. Правило гласило, что женщины отвечали на вопросы, — а не задавали их. Вместо этого внутри я ухмылялся ее изобретательности. Единственным правилом, которое ей доверили, состояло в том, чтобы не говорить, и в то время как она повиновалась, она находила способы общаться.

Моя жена была умной и находчивой. Она быстро учится, и у нас все получится.

Глаза-бусинки Ньютона расширились и встретились с моими.

Я расправил плечи и передал ее вопрос.

— Когда вы сможете снять повязку с ее глаз?

Он поджал губы. Он бы, наверное, сообщил об этом всем, если бы был кто-то, кто его выслушает. Конечно, Лилит и Тимоти не могли дожидаться моего провала. То, что я увидел, это как Сара задала простой вопрос. Она не требовала равноправия, она просто хотела знать, когда снова сможет видеть.

— Брат, — начал доктор Ньютон эффективно удаляя Сару из обсуждения. — Как мы уже обсуждали, сотрясение, вероятно, повлияло на ее зрительный нерв. К сожалению, это был не единственный вред, причиненный глазам. Когда ваш грузовик взорвался, интенсивный свет и тепло повредили сетчатку. Обе травмы требуют времени и покоя. Я не прогнозирую снятие повязки в ближайшее время, это может занять несколько недель.

— Спасибо, доктор. Если это все, то думаю, моей жене требуется отдых.

Я поддерживал «Свет» и Отца Габриеля, но пока я натягивал одеяло на застегнутую рубашку Сары, то поклялся сделать все, что мог, чтобы все прошло как можно легче для нее. Она была человеком, который потерял право на выбор своего будущего. Это была теперь моя ответственность, и я намеревался сделать все необходимое для нашего выживания. Ставки слишком высоки.

— Еще один момент, — сказал доктор Ньютон. — Мне сообщили расписание Сары на завтра.

— Ее расписание?

— Да. Ей нужно будет проснуться, одеться и позавтракать к тому времени как вы уйдете на Собрание.

Мое тело напряглось, и я сознательно ослабил хватку на руке Сары. Плавным голосом, я спросил: — Кто сообщил вам это?

— Сестра Лилит.

На этот раз Сару передернуло. Она быстро училась.

— Потому что...? — уговаривал я.

— Я не помню, — небрежно ответил доктор Ньютон, и его губы трансформировались в грязный оскал. Пожав плечами, он добавил: — Там было что-то насчет обучения.

Обучение?

Я выпустил руку Сары и шагнул к двери, надеясь, что Ньютон поймет намек, что я хотел бы от него избавиться. Я хотел избавиться от них всех.

— Спасибо, я уверен, что она будет готова утром. По крайней мере, если вы уверены, что она достаточно здорова. — Как единственный врач, Доктор Ньютон мог дать ей отсрочку по уважительной причине, чтобы избежать обучения Лилит, по крайней мере, еще на несколько дней.

— То, что я могу сказать по итогам моего осмотра, да, Сара достаточно здорова, чтобы начать обучение.

Мудак!

Я покачал головой. Очевидно, это был план Ньютона. Если я не позволю ему полный доступ к Саре, то он бросит ее на съедение волкам.

К черту. Я должен бороться.

Я открыл дверь и смотрел, как та закрылась за доктором, желая, чтобы на ней был замок.

В четыре шага я пересек комнату. В этом небольшом пространстве я чувствовал себя, как в чертовой клетке, но отказался оставить Сару одну. Подошвы моих ботинок создали определенный ритм, пока я ходил взад и вперед, по привычке, я делал так, когда был подростком. Мне лучше думалось, когда я двигался. Я предпочитал двигаться в одном направлении, но в этом Богом забытом регионе Аляски, на закрытой территории, не предусматривалось много возможностей для бега. Летом было лучше, но сейчас, с недостатком солнечного света, было холодно. Я должен был передать все в руки Отца Габриеля. Здесь не было ничего, кроме изолированности среди безлюдности, для того, чтобы объединить людей и помочь сформировать сплоченную группу.

Гонки с обучением Сары не имеют смысла. Они добиваются очередного провала?

Боковым зрением я заметил движение ее руки и мои шаги замерли.

Дерьмо. Она просто смахнула слезу.

И что, черт побери, мне полагается со всем эти делать?

Глава 6

Стелла

Стоя за дверью муниципального морга округа Уэйн, я подарила Дилану вымученную улыбку.

— Действительно? — спросила я, качая головой.

— Действительно. Меня бы здесь не было. Если бы они были уверены, что это она, твое присутствие не понадобилось бы. После прошлого раза, я думаю, будет лучше, если ты не будешь одна.

Я изобразила улыбку. Я признательна ему за помощь, однако, когда он здесь, держит меня за руку, то воспаляет мои эмоции, вскрывает их, не давая им оставаться спрятанными за маской безразличия.

— Спасибо, Дилан. Но мне нужно пойти туда, как журналисту, а не другу. Я не уверена, что могу им быть, видя, как моя подруга лежит на большом столе из нержавеющей стали.

Он наклонил голову.

— Но Стелла Монтомери — следователь, может?

— Нет, не очень, но следователь, — это не помогло, однако улыбка, немного сняла напряжение, — сможет держаться, пока она одна.

— Как насчет того, что ты не должна быть одна? — держа мою руку и отступив назад, Дилан посмотрел мне прямо в глаза своим пристальным взглядом с прищуром. Мне был знаком этот взгляд. Его полицейские шестеренки работали. — Ты знаешь, — сказал он с любопытством, — я примчался сюда, как только Барни сказал, что ты ушла. WCJB ближе, чем полицейский участок. Как я попал сюда раньше тебя?

Я пожала плечами.

— Мой разум как в тумане. Я пропустила нужный съезд и... — я позволяю своему голосу опуститься до безжизненного шепота. — Обнаружила, что направляюсь на север.

— Скажи мне, что ты не ездила в Хайленд Хайтс.

Я расправила шею и плечи, защищаясь.

— Нет, не надо играть в мачо-полицейского. Если это Минди, тогда ее нашли в том районе в заброшенном доме. Если это она, мне нужно было увидеть то место. Мне нужно выяснить, кто в этом повинен. Вот что я делаю.

— Если, Стелла. Если — это необходимое слово. Ты ставишь телегу впереди лошади. — Его спутанные темно-русые волосы не могли скрыть нахмуренные брови, когда он повторил свой вопрос, на этот раз медленнее. — Ты ездила в одиночку в Хайленд Хайтс, никому ничего не сказав?

Я знала, что рассказывать кому-то, куда ты идешь, оставить след — правило номер один, но правила созданы, чтобы их нарушать. Иногда переход на инстинкты не позволяет вовремя зарегистрировать поездку. Не оценив его допрос, я стряхнула его руки.

— Я просто объехала вокруг, понятно? Я даже не выходила.

— Господи, ты тоже хочешь оказаться в списках пропавших без вести?

Я никогда во всей моей взрослой жизни ни перед кем не отчитывалась. Эти отношения, или что бы это ни было, с Диланом были еще в зачаточном состоянии. Мы все еще работали над нашими границами, и он пересек одну из моих. Жар прилил к моему лицу, моя челюсть сжалась, и я ответила:

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой в коридоре морга. Зачем ты здесь? Читать мне лекции о безопасности? Потому что сейчас я в безопасности, но кто бы ни был на столе, ни хрена, нет.

Взгляд Дилана смягчился.

— Нет, я пришел сюда не читать тебе лекции. Я пришел, потому что в прошлый раз ты прошла через это в одиночку. Я не хочу, чтобы ты снова делала это. Я знаю, как неприятно это было для тебя. И надеюсь, что это не Минди, но если...

Я вздохнула.

— Я ценю это, правда. Я просто не нуждаюсь в лекциях прямо сейчас. — Я выпустила еще один глубокий вздох. — Видеть трупы, это всегда тяжело, по крайней мере, для меня.

— Нет, это не так. Каждый, неважно, что они сделали или что произошло с ними, был личностью, чьим-то ребенком.

Или сестрой, или братом, или лучшим другом.

Дилан снова схватил меня за руку.

— Давай покончим с этим. Они готовы принять нас.

Я сдержала слезы и решительно кивнула. Вместе мы прошли через двери и вошли в холодную комнату, с холодной температурой и холодными личностями. Гудение светильников в сочетании с оскорбительным запахом взбудоражило мои нервы. Рука Дилана сжала мою. Здесь все было таким же, как неделей ранее, с цементными стенами, плиточным полом, столы и столешницы из блестящего, продезинфицированного металла.

Молодая, худенькая женщина вошла с другой стороны комнаты одновременно с нами. Я едва заметила ее, так как сосредоточилась на теле, лежащем на столе в дальнем конце комнаты, силуэте, накрытом белой простыней.

— Спасибо, что пришли. Я пропущу все формальности, и сделаю это как можно быстрее, — сказала она молодым без эмоциональным голосом.

Закусив губу, я кивнула.

— Нам нужно только чтобы вы поделились своим впечатлением. Вам не нужно смотреть дольше, чем необходимо.

Я снова кивнула, боясь, что, если заговорю, то ощущу на вкус странный аромат, висящий в воздухе.

— Еще не поздно, — продолжила она. — Если вы хотите перейти в другую комнату, мы можем сделать это через камеры. Вам не обязательно быть здесь.

Хотя желчь клокотала в горле, я отпустила руку Дилана и выпрямила спину.

— Я вас уверяю, если это Минди, мне нужно быть здесь. Пожалуйста, продолжайте.

Молодая женщина взялась рукой в голубой перчатке за край простыни и медленно опустила ее. Я запаниковала, когда увидела светлые волосы, русые, как у Минди, как у меня. Затем я увидела глаза, веки были частично закрыты, скрывая цвет. Неужели у этого тела глаза такие же светлые как у Минди? Щеки были в синяках различных оттенков. И когда сотрудница морга вновь опустила простынь на лицо, я знала. Знала.

— Это не она. Это не ее тело. — Нахлынуло облегчение, и я прислонилась к высокой фигуре Дилана, обхватывая его бицепс, чтобы удержать себя от падения. С тем как спало мое беспокойство, меня так же покинули физические силы.

Тело, лежащее перед нами, теперь было раскрыто только выше груди, были видны руки, которые давали полное представление о многочисленных травмах, отмеченных на ее коже. Кем бы она ни была, она пережила ад и умерла там.

Облегчение, которое я ощутила, оставило тошнотворный след раскаяния. Я была рада, что это не Минди, но, как Дилан и сказал, она тоже была личностью. Кем-то, у кого, возможно, была семья, а, возможно, и нет. Кто-то мог тосковать по ней, кто-то ее потерял.

Как она попала на этот стол, в дом, где была найдена? Какова ее история?

А как насчет Минди?

Теория о том, что моя подруга исчезла по собственной воле, была смехотворной. Умная, успешная двадцатидевятилетняя женщина не могла за один день принять решение о том, чтобы исчезнуть. Даже если бы она сделала это, с GPS, камерами движения, камерами наблюдения, это было бы нелегко, не без посторонней помощи. У Минди не было причин убегать от своей жизни. Она бы так не сделала. У нее были все основания, чтобы остаться.

Стоя возле стола, я обнаружила еще больше вопросов, чем ответов, снова обрабатывая сценарии, которые заставили мой желудок скрутиться. Я исследовала количество женских исчезновений по всей стране. Цифры были ошеломляющие и, глядя на женщину передо мной, я знала, что цифры, являются только частью истории. За каждым сообщением о пропаже скрывалась человеческая жизнь.

Травмы, которые я видела на теле этой женщины, повергли меня в шок. Синяки были разнообразных цветов, указывая на то, что ее часто били. Желтыми и зелеными были усыпаны ее открытые руки и скулы. Я достаточно долго проработала в криминалистической лаборатории, и могла определить, что эти синяки она получила больше недели назад. Также под левым глазом был фиолетовый полумесяц и темная сине-фиолетовая полоса вокруг ее горла. Что-то, кроме руки сделало эту отметину вокруг ее шеи. Указательный и большой палец были самыми сильными и обычно оставляют окончательные отметины. Обычной отметины от пальцев не было. Этот синяк на горле был стойкого темного цвета, что указывало на то, что что-то было у нее на шее, в течение длительного времени. Также на ее теле были порезы. Частично зажившая рана была видна на ее груди над краем простыни.

Теперь, когда я знала, что это не Минди, следователь во мне взял верх. Я хотела убрать простынь и познакомиться с этой женщиной, понять ее и узнать ее историю. Однако это было даже нечто большее. Мерзкий привкус во рту, как и крошечные волоски, которые поднялись на моих руках, говорили о том, что часть меня боялась, что Минди может быть испытывает, в этот самый момент, тот же ужас, через который прошла эта неизвестная мне женщина.

Мне нужны были ответы, для Минди, для этой женщины, и для всех остальных женщин, которые были похищены из своих жизней и оказались в ночном кошмаре.

— Мисс Монтгомери?

Голос лаборанта вернул меня обратно в холодную комнату.

— Да?

— Если вам нужно присесть, вы можете пройти в одну из наших комнат на несколько минут перед тем, как уедете. Мы понимаем, как это тяжело. Я прошу прощения, что вам приходится проходить через это уже во второй раз. Я надеюсь, вы знаете, что мы бы не делали этого, если бы была возможность...

Я расправила плечи.

— Нет, мне не нужно присесть. И я бы хотела, чтобы вы снова позвонили мне. Даже если есть шанс, что это будет Минди, вызовите меня снова. — Я посмотрела на Дилана, а затем опять на девушку лаборанта. — Спасибо. А как насчет этой женщины?

— Нам нужно провести еще несколько тестов, чтобы понять, сможем ли мы найти еще

какие-либо зацепки. Так как кончики ее пальцев были сожжены, нашим единственным средством для ее идентификации являются ДНК и стоматологические записи. Но оба этих способа займут много времени, если ее нет в списках пропавших лиц или в списке национального реестра.

Я взглянула на руки женщины. Они лежали вдоль ее неподвижного тела, и я сразу не заметила на них ничего, но теперь увидела, что кожа на кончиках ее пальцев была призрачно белой.

— Сожжены? — спросила я. — Чем?

— Мы точно не знаем. Как видите, это не огонь. Мы предполагаем, что это была кислота.

— Когда? — мой голос вышел тоньше, чем хотелось.

Дилан потянул за мое запястье, и мягко подтолкнул меня к двери. Я не сдвинулась с места. Я остановилась и повернулась к лаборантке. Я ничего не могла поделать. Вопросы возникали быстро и стремительно.

— Что, черт возьми, случилось с этой женщиной? Вы думаете, кто-то окунул пальцы в кислоту перед смертью?

— Я действительно не могу...

— Стелла, пойдем, — сказал Дилан. — Это не твоя история.

Я повернулась к нему лицом.

— Чья история или случай это будет? Кому будет не насрать на нее или на то, что она страдала?

— Это открытое расследование, — отозвалась лаборант. — Сотрудники полиции работают над этим.

— Если бы кто-нибудь использовал достаточно сильную кислоту, чтобы стереть ее отпечатки пальцев, не нанес бы он больше вреда ее коже? — спросила я.

Молодая женщина кивнула.

— Если бы это было сделано сразу. Тем не менее, если это делать в течение длительного времени, каждое приложение кислоты отнимает все больше и больше. Тогда эти шрамы делают результат более эффективным. Некоторые террористические группы идут на это охотно, чтобы потерять свои опознавательные знаки. — Она посмотрела вниз. — Я действительно не должна говорить вам больше.

— Стелла, нам пора. — Дилан положил руку на мое плечо.

Я кивнула, пока запоминала особенности этой женщины на столе. Мельком я подумала о том, как она выглядела, прежде чем была ранена, убита, и ее оставили на корм крысам в заброшенном доме. Это было то, что сделал какой-то мудака. Если бы дети-наркоманы не зашли в дом, чтобы отстреливаться или пересечься в центре Детройта летом, эта женщина была бы съедена грызунами, что значительно уменьшило бы надежду на ее идентификацию.

Покачивая головой, я снова посмотрела на лаборанта. Вот тогда я увидела ее, посмотрела в ее глаза, которые, казалось, молили меня о помощи, прося меня, использовать ресурсы по моему усмотрению, чтобы что-то сделать.

Я решила прощупать почву.

— Спасибо за вашу помощь. Как вас зовут? Я извиняюсь, что не спросила раньше.

— Трейси, Доктор Трейси Хауэлл, помощник судмедэксперта.

Я выпрямилась.

— Доктор. Еще раз прошу прощения. Я просто предположила, что вы лаборант.

Доктор Хауэлл улыбнулась.

— Я привыкла к этому. Все в порядке. Когда люди входят в нашу лабораторию, они не в лучшем месте. Мне очень жаль, мисс Монтгомери, что ваша подруга по-прежнему не найдена. Спасибо, что заглянули. — Она перевела взгляд на Дилана, потом опять на меня. У меня сложилось ощущение, что доктор Хауэлл не хотела говорить в присутствии кого-либо еще в комнате.

— Зовите меня Стелла, пожалуйста. Еще раз спасибо, доктор.

Когда мы с Диланом шли к двери, я бросила последний взгляд через свое плечо и увидела, как доктор Хауэлл накрывает светлые волосы женщины простыней. Образ этой женщины застрял в моей голове: светлые волосы зачесаны от ее разбитого лица; глаза частично приоткрыты, зрачки скрыты под вуалью век; ее пальцы слегка изогнуты, их отпечатки сожжены.

И что-то еще.

Одна из мочек ушей, справа, был разорвана, как если бы серьги были вырваны из ушей. Я остановилась. Мы добрались до ворот службы безопасности, но я вдруг забыла, как двигаться.

— Что? — спросил Дилан, понизив голос.

Я едва слышала его вопрос, так как пыталась осмыслить эти травмы. Должна ли я вернуться и убедиться, что видела?

Уши Минди не были проколоты. Это была одна из вещей, которые я специально сказала судмедэкспертам.

Почему Доктор Хауэлл позвала меня сюда, если знала, что это не Минди?

Возможно, есть простое объяснение. Со всеми увечьями на этой женщине, ее ухо могло бы остаться незамеченным.

— Ты пугаешь меня. У тебя шок? В чем дело?

Я покачала головой.

— Я просто думала о Минди.

Минди и я шутили о том, чтобы сделать тату. Никто из нас на самом деле не хотел этого, но нам было интересно. Мы задумывались над тем, почему люди продолжают их делать. Тему эту мы затрагивали не каждый день, обычно только тогда, когда слишком много выпивали. Независимо от этого, заканчивалось это всегда одинаково, Минди закусывала губу, и вспоминала свою боязнь иголок, рассказывая о том, как она отреагировала, когда мама взяла ее в магазин в торговом центре, чтобы ей прокололи уши.

Она умоляла мать в течение нескольких недель. У всех ее друзей были проколоты уши, и она тоже хотела этого, пока была там, и сидя на стуле, смотрела на мастера, когда он подбирал серебряный пистолет. Минди обычно начинала смеяться, когда вспоминала, как ее захлестнула волна паники. Как она кричала в истерике, полностью выйдя из-под контроля. Она даже упала с табурета. Излишне говорить, что у нее никогда не было проколотых ушей, и после того как мы посмотрели «Девушку с татуировкой дракона», мы никогда больше не шутили о том, чтобы сделать тату.

Теплая рука Дилана легко массировала мою поясницу.

— Почему бы мне не отвезти тебя домой? Я уверен, что, если ты позвонишь Барни, он поймет. Это слишком тяжело для тебя. Мне не нравится, что они продолжают звать тебя на опознание. Я думаю, что будет лучше, если они будут звонить мне. Если я буду не уверен, тогда мне придется взять тебя для подтверждения. Эта женщина явно не Минди.

Я покачала головой.

— Спасибо, но я хочу быть той, кого они позовут, и я не могу вернуться домой. У меня еще есть работа, которую нужно сделать в офисе. Кроме того, не думаю, что сидеть в квартире только с воспоминаниями и моим богатым воображением — хорошая идея.

Дилан взял меня за руку и проводил через здание. К тому времени как мы добрались до стоянки, я спрятала мысли о Минди подальше, в безопасное место.

— Где твой автомобиль?

Указывая налево, он сказал:

— Вон там.

Я повернулась и увидела его машину.

— Как насчет того, чтобы после работы, ты приехала ко мне, а не возвращалась в пустую квартиру? — Дилан наклонился ближе. — Ты покинула меня в спешке этим утром, и кроме того, я хотел бы узнать больше о том, насколько живое у тебя воображение.

Я покраснела, мне понравилось, как он прокрутил мой комментарий.

— Я бы тоже этого хотела, но я не была вчера дома, и у меня нет чистой одежды. Ой, а там еще Фред. Мне нужно узнать, как он.

Глаза Дилана заблестели в теплом летнем солнце Детройта.

— Фред — рыба. Я думаю, он справится. Что касается одежды, у меня имеется удивительная технологическая новинка. Называется «стиральная машина». Я прикупил одну, потому что слышал, что они в моде. Я могу приготовить что-нибудь на ужин; а ты можешь поэкспериментировать с новыми технологиями?

Я наклонила голову и вздохнула.

— Ты ужасен. Если бы я использовала эту удивительную технологическую новинку, что бы я могла надеть? Я имею в виду, мне нужны все мои чистые вещи.

— О! Вот это самое интересное. То, где может пригодиться твое воображение. Если тебе нужна помощь, — он прижал меня к себе, оборачивая руку вокруг моей талии, — я уверен, что у меня есть парочка идей, которые не требуют одежды.

Я схватилась за его плечи, встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— Спасибо за то, что ты здесь. Я ценю это. Но думаю, что воспользуюсь твоим приглашением в другой раз. Все будут обсуждать один и тот же наряд на работу в течение трех дней, даже если он чистый. А если серьезно, ты не знаешь Фреда. Он захандрит, если меня долго не будет. Мне действительно грустно видеть, как поникли его светло-голубые плавники. Пока.

Когда я ушла, мой телефон завибрировал, и я открыла сообщение:

Дилан: Свежий лосось?

Он, наверняка, играл нечестно. Кулинария — это не мое.

Я завела машину, и посмотрела в зеркало заднего вида. Дилан не сдвинулся с места. Он даже не сел в свою машину. Вместо этого он облокотился на свой «Додж чарджер», длинные, одетые в джинсы ноги, он скрестил в лодыжках, а черная рубашка с короткими рукавами чертовски хорошо натянулась на его груди. Я развернула свою машину и подъехала к нему. Его лицо просветлело, от вспышки торжества во взгляде и блеска его белых зубов.

Я остановила машину и опустила стекло.

— Ты играешь не честно! Ты знаешь, как я отношусь к твоей кухне.

Он засмеялся.

— Ты знаешь, как я отношусь к твоей. Поэтому и предложил это. Я приготовлю лосося

на гриле со спаржей и подам его с холодным пивом... — Он надул губы. — Но, если ты предпочитаешь тусоваться с Барни...

Я покачала головой.

— Дай мне час, и я перезвоню тебе. Не даю никаких обещаний.

Он подмигнул.

— Буду ждать.

Я закрыла окно, включила кондиционер, и отправилась обратно в офис.

Даже мысли о его готовке, заставили заныть и заурчать мой желудок. Но нет, я не могу вернуться в его дом сегодня вечером. Не то, чтобы Бернард нуждался во мне, хотя мне нужно позвонить ему, и сказать, что это была не Минди. То, что я хотела сделать, не имело ничего общего с работой или с распространением наркотиков в порту. Я хотела позвонить доктору Трейси Хауэлл и выяснить, почему она вызывала меня в морг два раза, и что она действительно пыталась мне сказать.

Я взяла телефон, чтобы позвонить Бернарду и увидела мои мятые брюки. Мне, определенно, нужно домой. Поворачивая машину к своей квартире, я решила позвонить Бернарду и поработать на дому.

Глава 7

Сара

Услышав, что Джейкоб проводил доктора Ньютона до двери, я ожидала от него объяснения, что имел в виду доктор, говоря о моем обучении.

Я останусь наедине с Сестрой Лилит? Элизабет или Рейчел будут рядом? По некоторым причинам я подозревала, что эти штучки были только для женщин. Я помнила это или только подозревала?

Вместо того, чтобы поговорить со мной, Джейкоб только возобновил свое хождение. Вперед и назад, по четыре шага. Хотя он по-прежнему делал большие шаги, его обувь не давила на пол с той силой и интенсивностью, как прошлой ночью.

Раз, два, три, четыре — поворот, раз, два, три, четыре — поворот...

Я легла на спину и снова попыталась вспомнить, надеясь на что-то, зацепку, крошки... ничего. Я не могла понять, как я могла добровольно приехать в это место, место, где я не знала, как бороться с этими тенями. Я еще удивлялась, почему хотела пройти обучение и делала ли это раньше. *Все ли делают это? Если я обучалась ранее, почему делаю это снова?* Я пыталась очистить рассудок, чтобы ни о чем не думать, в надежде, что что-нибудь придет на ум. Ничего не приходило.

Я никак не могла осмыслить происходящее. Все здесь знали меня. Каждый знал о моем прошлом... все, кроме меня. Я не была готова столкнуться с реальностью, что должно было стать проблемой для меня.

Время шло, и слезы бесшумно скользили из-под повязки вниз по моим щекам. Даже это казалось неправильным. Я не плакса. Опять же, может, я была плаксой.

Я не пыталась остановить слезы. Они были моим бессловесным обращением к мужу, моей невысказанной просьбой о поддержке. Мне нужно больше, чем его борьба за меня в присутствии других. Я нуждалась в нем, он был нужен мне, чтобы помочь, когда мы были наедине, чтобы объяснить, почему это все казалось неправильным. Бездумно я стерла слезы и поклялась не лить их понапрасну. Чем дольше они падали, тем больше я понимала: мои слезы не имеют значения. Ничего не имело значения.

— Сара.

Потерявшись в своих собственных мыслях, я вздрогнула, когда рядом со мной прозвучал голос Джейкоба. Я не слышала, когда он перестал ходить. Я не сдвинулась и не повернулась в его сторону. Было слишком поздно. Меня больше ничего не заботило. Если проявление слабости было необходимо для того, чтобы привлечь его внимание, то мне не нужен он или его поддержка.

Вместо этого я хотела уйти... уйти туда, где я не была бессильна, где у меня был бы голос, уйти в место, которому я принадлежала. Я не знала, где это. Все, что я знала с возрастающей уверенностью, что это место точно не здесь. Здесь я была в ловушке.

Мое влажное лицо опустилось к моей груди, а мои слезы превратились в рыдания, каждый всхлип глубже, чем раньше. Крики не из моего горла, но из моей души, пожирали меня. Каждый всхлип оседал глубоко в сердце, разрывая его на части, я плакала за украденное чувство собственного достоинства.

Под этим натиском, мое сердце не могло биться в нормальном ритме, оно больше не билось в моей груди, лишь глухой повторяющийся звук отдавался эхом в ушах. Без его

устойчивого ритма я бы перестала существовать. А потом я поняла... это уже произошло. Меня больше не существовало.

Настоящая Я ушла.

Я вздохнула, но не смогла выдохнуть весь воздух из легких. Мое сердце, мои легкие... внутренне я исчезала.

Ограничитель кровати рядом со мной опустили. Джейкоб поднял руку, но я не чувствовала его прикосновения. Даже его слов не было слышно. Я слышала только звуки собственных криков. Кровать сдвинута, но там, где наши тела соединялись, не было никакого тепла. Я больше не принадлежу себе. Джейкоб держал чужую руку, чужую ногу, прижимался к чужому бедру. Мои причитания становились все громче и громче.

Кто был этот отчаянный человек?

Сара.

Джейкоб обращался к ней, к Саре. Он называл ее по имени, пытаясь успокоить. Его слова звучали, но я не слышала. Его тембр был успокаивающим, но я не могла успокоиться. Это было не важно, потому что он говорил не со мной. Он разговаривал с женщиной на грани паники, женщиной, которая охотно жила жизнью подобострастия. Женщиной, которая могла существовать в этом странном и ужасном месте.

Это была не Я! Я не хотела ничего отсюда. Я не была этим человеком. Это была какая-то ошибка, ужасная ошибка. Сара и Я были двумя разными людьми, так или иначе, я должна была заставить его понять это. Я не знала, кем я была, но без сомнения, я была не Сарой.

С мимолетным вздохом, воздух, наконец, нашел свой путь в мои легкие. Глубокое дыхание на мгновение остановило рыдания, хотя звон в ушах продолжался. Мое дыхание принесло резкую боль в спине. Это была боль, которую Брат Тимоти назвал расплатой за мои грехи.

Гнев разжег такой костер, что я чуть не умерла. Я не совершала никаких грехов. Возможно, Сара совершала, я ее не знаю, и меня это не волнует. Единственный грех, о котором я вспомнила, это то, что я позволила другим определять свое будущее, доминировать в моей жизни и над моим телом. Холодный озноб прошел сквозь меня, и кислый привкус наполнил мой рот, когда я вспомнила недавний осмотр доктора Ньютона. Я не могла увидеть их лица, но они были, и он, и Джейкоб стояли, прикасались и осматривали мое обнаженное тело. Это казалось неправильным, почти аморальным. Эти люди проповедовали жизнь без греха, они обвинили меня в грехах, пока ожидали, что я подчинюсь их насилию.

Другая резкая боль в боку укрепила мою вновь обретенную решимость. Та, кем я действительно была, еще не ушла, пока что. Я должна бороться. Но я не могла сделать это в одиночку. Мысленно я потянулась к Саре: она и я едины. Я не она, но мне нужно ее тело, чтобы спасти себя. Я не могла больше оставаться в этой ловушке. И не должна была.

— Сара, хватит, — заботливый тон Джейкоба пропал. Он схватил меня за подбородок. Я вырвалась из его хватки.

Моя свобода была недолгой, и Джейкоб схватил мой подбородок крепче, чем прежде.

— Я — твой муж. И ты выкажешь мне уважение!

Сильно потрянув головой, я вырвалась на свободу. Если бы я хорошо подумала, то поняла бы тщетность своего протеста, но в тот момент я ничего не соображала. Я словно проживала чужую жизнь.

— Не трогай меня! — я кричала, слепо толкая его неподвижную грудь с новым

притоком сил. Желание говорить вернулось так легко, что я не думала о его предупреждении и последствиях. Слова вырывались из меня, все громче и громче. — Стоп! Я не Сара! Я не твоя жена! Я не знаю тебя! — каждое утверждение снимало вес беспомощности в моей груди. — Мне здесь не место! Вы все сделали неправильно.

Мою правую щеку ужалила его пощечина.

Это заставило меня замолчать, я прикрыла щеку и отвернулась. Боль утихала, пока я ожидала следующего шага Джейкоба. Мне стал ясен мой просчет. Кем бы я ни была, в моем текущем состоянии, я была в его власти — их власти. Моя нижняя губа была плотно зажата между зубами, из горящих глаз текли новые слезы, оставляя след стыда. Впервые я была рада повязке, которая прикрывала мои глаза. Я хотела бы использовать ее в свою пользу, прикрыться ею, и заблокировать мир вокруг себя. Я хотела попытаться заблокировать его.

Но я не могла. Я почувствовала, что он крепко держал, сжимая мой подбородок, притягивая мое лицо к своему. Обед, который я съела ранее, превратился в ком в моем желудке.

— Ты. Сара. Адамс. — Джейкоб говорил каждое слово отдельно, как будто, если он произнесет их медленно, то это окажется правдой. Он продолжал держать мое лицо мучительно близко к своему, пока сделал глубокий вдох. Его выдох обжег мои влажные щеки. — Твои разговорные ограничения возобновятся, но, во-первых, поскольку ты, видимо, не способна говорить, повторяй за мной, — *Какого черта?* — Меня зовут Сара Адамс, — продолжил он.

Мой окаменевший обед из желудка подкатил к горлу. Я не говорила, держа губы плотно закрытыми. Его хватка на моем подбородке передвинулась на мой затылок, нежно наклоняя за мою шею вперед.

Его тон превратился в угрожающий шепот, когда он говорил сквозь стиснутые челюсти.

— Мое. Имя. Сара. Адамс. Не заставляй меня повторять твои инструкции.

Мои зубы отпустили своего пленника, и дыхание заставило меня заикаться.

— М-меня зовут Сара Адамс.

Хотя его рука осталась, ее давление ослабло.

— Я — жена Джейкоба Адамса.

Я проглотила слезы, пробуя солоноватую жидкость. Я сказала его слова, но это не значит, что я им поверила.

— Я жена Джейкоба Адамса.

Он отпустил мою шею, и его руки сместились, чтобы смахнуть слезы. Хотя его намерение могло быть нежным, я дернулась при контакте.

— Сара, не отдаляйся от меня. Я не хочу тебя наказывать. Причинять тебе боль никогда не было моей целью.

Я замерла, задержав дыхание и сосредоточившись на оставшихся неподвижно ладонях после того, как он вытер мои слезы.

— Наши роли понятны. Как твой муж, я являюсь главой нашей семьи. С таким званием приходит ответственность. Ты — моя ответственность. Твое поведение отражается на мне. Как думаешь, как это выглядит, когда мужчина не может контролировать свою жену? Когда мы говорили наши обеты, ты обещала чтить и повиноваться.

Хотя я не хотела отвечать, невольно моя голова стала еле-еле поворачиваться из стороны в сторону. Если бы он не держал меня за щеки, то даже не заметил бы этого, но он держал, и заметил. С возрастающей громкостью Джейкоб сказал:

— Сара? Ты уже ослушалась меня, когда говорила. Объясни, почему ты качаешь головой.

— Это неважно, — сказала я, мой голос был почти шепотом.

— Неважно?

— Я не хотела качать головой, — соврала я. Я не помнила клятвы, я не могла себе представить, что сказала это. *Люди действительно еще говорят обеты?*

— Но ты покачала. Ты хотела покачать головой, и теперь ты врешь. Ты понимаешь, что ложь — это грех, не так ли?

Боже мой! Я кивнула, не желая продолжать этот разговор. Сейчас я не хотела никаких разговоров. Я хотела вернуться в то время, где я не говорила, где не говорили мы оба.

— Нет, Сара. — Он снова заговорил медленно и спокойно. — Сейчас мы говорим. Ты должна ответить голосом. — Когда я заколебалась, он добавил, — Ты *будешь* отвечать словами.

Он это серьезно?

— Я очень устала. Я думаю, что, когда ударилась головой в аварии, это отразилось на моей памяти. События размыты. — Я снова опустила подбородок. — Пожалуйста, позволь мне поспать. — Мне было нужно в туалет, но я не собиралась просить его о помощи. Может быть, Рейчел или Элизабет вернутся, или медсестра, которая приносила обед. Дебра.

— Не сейчас. Ты не ответила на мой вопрос.

— Твой вопрос? — я не могла вспомнить его вопрос.

— Врешь. Ты помнишь, что такое ложь, не так ли?

— Да, я знаю, что ложь — это грех.

— Что происходит с грешниками?

— Они попадают в ад?

— Это был вопрос? — он взял меня за руку. — Если да, тогда грешники после смерти отправляются в ад. Я говорю о том, что происходит с грешниками до того, как они попадают в ад. Я говорю о том, что происходит, когда грешники живы. Ты моя жена, и моя обязанность держать тебя подальше от греха. Как мне это сделать, Сара?

Из-за сухости во рту говорить было трудно. Я действительно не знала, чего он от меня хотел, но на данный момент я бы сказала, что угодно, лишь бы заставить его уйти.

— Джейкоб, мне очень жаль. Я не буду грешить.

— Это большое обещание. Это не твое бремя. А мое. Это моя забота смотреть за тем чтобы ты жила добродетельной жизнью. Моя забота — исправлять тебя, когда ты совершаешь ошибку. Вот почему я дал тебе пощечину. Это наказание, наказание за неподчинение, исправление твоей вспыльчивости.

Он снова ласкал мою щеку.

— Тебе решать, Сара. Так было всегда. Если ты будешь подчиняться моим правилам и правилам Отца Габриеля, не будет необходимости в наказании. Правила препятствуют тебе совершать грех. Ты же не хочешь быть грешницей, не так ли?

Я покачала головой, не понимая, почему его слова повлияли на меня.

— Нет, не хочу.

Джейкоб поднял конец моей косички, и его тон стал мягче.

— Нам нужно многое обсудить, и ты сказала, что устала, но сначала. — Он замолчал. — Сейчас около трех часов дня. Тебе нужно снова сходить в туалет?

Блин. Я ненавидела, что нуждалась в нем или ком-либо другом для таких элементарных

потребностей. Я кивнула.

— Сара? Мы говорим, значит скажи.

— Да, да.

Кровать сместилась, когда Джейкоб отпустил мою руку и встал. Его шаги переместились на правую сторону моей кровати. Что-то дернулось, и я поняла, что он возится с моей капельницей.

— Я видел, как их подключать и отключать много раз, — сказал он. — Но не уверен, что знаю, как они делают это. — Что-то лязгнуло. — Здесь тормоз на колесах. Я думаю, что смогу нести тебя и перемещать капельницу одновременно.

Я ожидала его предложения держаться за него, но не знала, как работало ограничение речи. Он скажет мне, когда этот режим будет восстановлен? Вместо того, чтобы говорить, я ждала, пока он откинёт одеяло. Холодный воздух напомнил мне о докторе Ньютоне и его осмотре, и меня передернуло.

— Джейкоб?

— Да?

— Могу я сказать тебе кое-что?

Он убрал мои волосы со лба. Повторяющиеся движения начинают напоминать мне, как кто-то гладит собаку или кошку.

— Ты всегда была откровенна со мной.

Всегда? Как давно это было? Я закусила мою нижнюю губу зубами.

— Зачем ты это делаешь? Ты не планировала быть откровенной?

— Нет, я была честна. А то, что касается доктора Ньютона, я не знаю, что должна была сказать.

— Ты хотела поговорить. Должно быть что-то, что ты бы хотела мне сказать.

Я обдумывала свои слова. Наконец я ответила:

— Я не помню его. Вот и все. А должна? — мой пульс подскочил. Я не помню, доктора Ньютона или кого-то ещё, но это не то, что я хотела сказать. Я бы хотела сказать, что доктор Ньютон заставил меня дрожать, что он, или Брат Тимоти, или Сестра Лилит, мне не нравились, но смогу ли я? Я могу быть честной?

Его руки двигались за моей спиной и под ногами.

— Я собираюсь поднять тебя.

Я хотела кивнуть, но передумала и ответила:

— Я готова.

Когда он поднял меня, я вдохнула, сжав зубы. К тому времени, как я выдохнула через боль из-за моего ребра, он заговорил, и его грудь завибрировала его глубоким голосом. Я пропустила часть того, что он сказал.

-. в течение многих лет. Я не знаю, почему ты не помнишь его. Какие другие вещи ты не помнишь?

Он опустил меня на пол, и направил мою руку к ручке. Ранее я узнала, что ручка скользит вдоль ванной комнаты, служа поддержкой меня у душа, раковины, туалета.

— Можешь оставить меня одну?

— Нет.

Какого черта? Мои плечи напряглись, я искала адекватный ответ. О, у меня был ответ — просто я не думала, что мой муж оценит его. Слова, которые крутились на кончике моего языка, наверное, были тоже греховными.

— Сара, ты не настолько сильна, чтобы двигаться самостоятельно. Я сказал тебе, что причинить боль никогда не было моей целью, и я в ответе за тебя. Ты помнишь, что я это говорил?

— Да.

— Очень хорошо. Вот увидишь, твоя память восстановится. — *Мудак, ты сказал это несколько минут назад.* — Я уверен, что ты все вспомнишь со временем. А сейчас тебе нужна моя помощь. Я не хочу, чтобы ты упала или поранилась. Дай мне помочь тебе.

Я отпустила ручку и держала его за плечи, когда он поднял мою рубашку и спустил трусики. Моя здоровая нога напряглась, и тепло прилило к моим щекам. Если он и заметил, то ничего не сказал.

— Иди вперед, — продолжал он, — возьми меня за шею и можешь садиться.

Это так неловко. Я сделала, как он сказал. С левой ногой в гипсе, мне было не комфортно, но я оказалась там, где мне было нужно. Стесняясь, я прикрыла свои колени рубашкой.

— Ты помнишь, что мы женаты, верно? — с некоторой игривостью в голосе произнес он, чем вызвал застенчивую улыбку на моих губах. *Может, это и есть прогресс.*

Я кивнула. Это была ложь, но сейчас вся моя жизнь была ложью. Мне нужно стать сильнее, прежде чем я смогу бороться с этим.

— Я вернусь в комнату, но оставлю дверь открытой. Когда я тебе понадобится, позови меня.

Так можно? Слишком много для прогресса. Я дождалась, пока его шаги отдалились. Когда я была уверена, что он ушел, то покачала головой. Я не знаю, почему я это сделала. Может быть, я пыталась встряхнуть свой мозг, в стремлении сделать так, чтобы все встало на свои места, чтобы попытаться понять, как мне справиться с этой жизнью.

Недавние события пронеслись в моей голове. Улыбка от его игривости исчезла, и запульсировало в висках. Он дал мне пощечину. Мой муж действительно ударил меня. По его утверждению, это было оправданным действием. Он назвал его *наказанием*.

Пульс в моих висках бился в унисон с биением моего сердца. Я подняла руку к правой щеке. Кожа была нежной, но не такой нежной, как у моей левой щеки, кожа правой щеки пострадала в аварии... как давно это было?

Я была рада, что отвлекла Джейкоба от его вопроса, рассказав ему, что ничего не помню. Я побоялась ответить честно. Ведь когда я сказала ему правду, он наказал меня. Когда я подумала об этом, то предположила, что так могло быть, после того, что я сказала, и он закричал на меня. Несмотря на это, я не знала, хотела ли снова рисковать. Я верила, что в глубине души была бойцом, однако, я не была дурой. Я буду играть эту роль, пока не выясню, что делать дальше.

После того как я закончила, я позвала Джейкоба, и он помог мне добраться до раковины. Когда я повернула вентиль крана, мое горло сжалось. Я пила во время обеда, но мне хотелось еще. Так как я слепо шарила вокруг раковины, Джейкоб направил мои руки к дозатору мыла. Хотя это было не то, что я искала, я вымыла руки. Как только я закончила, я снова кинулась на поиски.

Что ты делаешь? — спросил он.

Почему его вопросы ставят меня в неловкое положение?

— Я ищу чашку. Здесь раньше была чашка, когда я чистила зубы. Я подумала, раз уж я здесь, я могу попить.

Вручая мне полотенце, он ответил:

— Если ты хочешь пить, то должна попросить.

— Но как мне это сделать, если мне не разрешено говорить. — Мой пульс участился, так как атмосфера в комнате изменилась. Я сразу поняла, что не ответила и приготовилась к большему наказанию.

Вместо этого Джейкоб сказал:

— Держись за мою шею, я собираюсь отнести тебя в кровать.

Я сделала, как он сказал и потянулась к стойке с моей капельницей.

— Если твои разговоры ограничены, то ты не должна спрашивать. Ты будешь ждать, пока я не предложу. Это касается не только питья.

Пока он нес меня обратно в кровать, я обдумывала его ответ. *Зачем мне нужно спрашивать обо всем? Я не помню свой возраст, но я взрослая.*

Устроившись на кровати, я глубоко вздохнула и сделала, как он сказал.

— Можно мне попить?

Он не ответил, я слышала, как он поправляет стойку с капельницей на другой стороне кровати, и почувствовала, как он поправляет мои одеяла. И как только я думала попросить снова, моих губ коснулась соломинка. Я высосала жидкость, желая протянуть руку и взять кружку, но боялась, последующего за этим, наказания. Неуверенная в том, что мне скоро представится еще одна возможность пить, я пила так долго, как он мне позволил. Как только соломинка наполнилась воздухом, он ее забрал.

— Спасибо.

— У нас есть что обсудить, но ты не получала официального разрешения говорить.

Я кивнула, ожидая большего.

— Прямо сейчас, ты можешь говорить только со мной и только когда мы наедине. Это понятно?

— Да.

— Сара, неважно, что говорит кто-то другой. Никто не имеет право отменять мои правила. Никто, кроме Отца Габриеля. Помни это.

Я кивнула.

— Это имеет первостепенное значение. — Он поднял мою руку и переплел наши пальцы. — Кто твой муж?

— Ты.

— И кто назначает правила?

Тяжесть наполнила мою грудь. Хотя мне не нравился ответ, который я собиралась произнести, я выучила свой урок или урок Сары и, не колеблясь, ответила:

— Ты назначаешь.

— Что произойдет, если ты слушаешься меня? — его теплая рука напряглась, ожидая моего ответа.

— Ты накажешь меня. — Я ненавидела слова, которые покинули мой рот, но его губы скользнули по моему лбу, и это был правильный ответ, или, по крайней мере, тот, который ему хотелось слышать. — Пожалуйста, можно мне отдохнуть? — я не хотела больше разговаривать.

Он погладил мои волосы.

— Я верну кровати удобное для сна положение, так что ты сможешь поспать. — Пока он регулировал кровать, то сказал: — Сара, я хочу тебе только лучшего. Ответственность,

которую Отец Габриель и Бог даровали мне, как твоему мужу велика. Часть этой ответственности, это твои наказания. Это только одна часть общей картины, но я хочу, чтобы ты восприняла ее всерьез. Нам не нужен еще один инцидент вроде того, что случился с тобой в этой кровати. Чтобы помочь тебе, я буду без колебаний укреплять твое повиновение. Помни об этом.

Кровать остановилась, и мои мысли вернулись к боли на щеке. Очевидно, он не колебался.

— Пока ты ведешь себя адекватно, — продолжал он, — тебе нечего бояться. Отец Габриель часто говорит, что эта договоренность является благословением для жены. Как жена ты не спрашиваешь. Поступая, как тебе сказали, ты освобождена от ответственности принятых решений. Наказание по моему усмотрению, и как только ты будешь наказана, преступление окончено. Например, сегодняшний порыв, твое непослушание с разговорами — ты наказана и дело сделано. После того, как наказание будет завершено, тебе больше не нужно чувствовать себя виноватой. Этого как будто и не было. Это благословение. Разве ты не согласна?

Хотя я была сонной, его объяснения рикошетили в моей голове. Я не согласна. Я не ребенок или домашнее животное. Тем не менее, я увидела призыв оставить все позади и двигаться дальше. А потом я вспомнила, что Брат Тимоти сказал, что только Отец Габриель мог решить, было ли мое наказание полным. Ожидание того, что еще предстоит, нервировало. Вместо ответа я спросила:

— Наказания всегда телесные?

— Видишь, что я имел в виду? Разве не лучше не беспокоиться об этом и двигаться дальше?

Сонливость взяла верх надо мной. Я не была уверена, что ответ, который я собиралась произнести, был моим или Сары, но в любом случае, по ощущениям это был самый простой способ закончить дискуссию и позволить мне отдохнуть.

— Да, спасибо.

— Пожалуйста. А теперь спи.

Я опустила на подушку. Я не хотела думать о людях со странными семейными названиями или о руководящих органах, в руках которых была власть неведомой мне силы. Столько, сколько я ненавидела себя за попустительство любым наказаниям Джейкоба, столько же я была счастлива, что моя истерика осталась позади. Для моего здравомыслия мне нужно было засыпать с мыслью о человеке, который защищал и помогал мне. А не с мыслями о муже, которого я не могла вспомнить, и который объявил себя моим надзирателем.

Это то, что делала Сара? Это то, как она выживала?

Глава 8

Сара

Я могу сделать это...

Чтобы выжить, мне нужно убедить себя, что я смогу вернуть свою жизнь. Как бы я ни хотела, мое нынешнее положение не сон и даже не кошмар, как если бы я могла проснуться, и все бы закончилось. И так, прошло три дня и три ночи, а я еще здесь, в жизни Сары.

Прошлой ночью я проснулась от звука ровного дыхания Джейкоба. Зная, что он спал, я лежала и думала обо всем. Я думала о вещах, которые люди считали само собой разумеющимися, и поклялась себе, что в будущем буду ценить обыденные знания о том, что обычные люди никогда не подвергают сомнению. Я хотела этого, потому что теперь я знала, что это было вне моей досягаемости. У меня не было даже простых, элементарных фактов. Я не могу вспомнить мое собственное отражение, цвет глаз, волос или формы лица. Мой день рождения и даже мой возраст были для меня тайной. Я не знаю, есть ли у меня семья, кроме Джейкоба. Хотя я предполагаю, что, если бы у нас были дети, он бы упомянул о них, особенно в части обсуждения его ответственности.

К сожалению, я не знала ничего о себе.

Однако некоторые аспекты этой жизни я чувствовала ясно. Как то, что касалось Рейчел и Элизабет. С ними все казалось правильным, с ними я была в безопасности. Было верно обратное о странных людях с именами, которые казались незнакомыми. Всего лишь упоминание их имен и приставки «брат» и «сестра» вызывали в моей груди напряжение и ускорение пульса. Хотя я не могла вспомнить свое прошлое, беспокойство этих людей и их власть давали мне ощущение, что все это было осязаемо реальным.

Джейкоб по-прежнему оставался для меня загадкой. Когда я слушала его дыхание, зная, что он снова спит, лежа головой на моей кровати, я оказывалась в противоречии с его двойственной натурой. Его присутствие, даже во сне, давало мне ощущение защищенности от внешнего мира. С ним рядом я не боялась Комиссии, доктора Ньютона, или даже всемогущего Отца Габриеля. Джейкоб был моим мужем и моим защитником. Но все же мою душу грызло чувство неопределенности. Да, он оберегал меня от всего, что было за пределами нашего пузыря, все, что было внутри нашего пузыря, касалось и меня.

Из-за травмы мои возможности были ограничены, но все-таки кое-какие остались. Джейкоб ясно дал это понять. Я могла соблюдать его правила и правила Отца Габриеля или не повиноваться им — это мой выбор. В моем темном мире, я решила сделать все возможное, чтобы повиноваться. У меня определенно были проблемы с подчинением, мой муж считал, что имел право осуществлять полное господство по его усмотрению. Я не понимала, как дошла до этой точки или почему согласилась на это в прошлом. Однако, большие пробелы, в сущности, черные дыры, в моей памяти давали мне надежду. У меня должна была быть причина. Видимо, в свое время я охотно выбрала его и эту жизнь. Я, наверное, могла бы увидеть большее в моем муже. Возможно, если бы я научилась думать, как Сара, то могла бы выяснить, как выжить.

После обследования Доктора Ньютона, я была шокирована. Я не могла нормально общаться, мои эмоции были слишком запутанными, чтобы их сдерживать. Пока мой организм начал сдаваться, утягивая меня в сторону небытия, мой разум сопротивлялся. Во время моего приступа паники я кое-что узнала о себе. Я узнала, что я выжила, я не струсилась,

и я не брошу эту борьбу.

Моя словесная тирада пришла из глубины паники. Если я хочу выиграть мой бой, если я хочу не только выжить, но и восстановиться и вспомнить, мне нужно быть умнее.

Моей первой целью было стать сильнее. И для этого мне нужно было понять мое поле битвы. Нападение в темноте не было и не будет успешным. Мне нужно было знать габариты моих оппонентов, уметь отличать союзников от врагов, и выучить правила моей новой войны.

Джейкоб верил, что я уже знала его правила и правила отца Габриеля, и он ожидал, что я буду следовать им. Я буду повиноваться им до тех пор, пока эти правила помогут мне исцелиться и набраться сил. Ну и, конечно, я не хочу сражаться в одиночку. Мне нужны союзники в этом странном мире. Казалось очевидным, что бороться лучше с Джейкобом, чем против него.

Я чувствовала решимость в его голосе, когда он отвечал на вопросы Брата Тимоти и Сестры Лилит, когда он спорил с доктором Ньютоном. Я также чувствовала эту решимость в его пощечине — его наказании.

Джейкоб уверенно отстаивал то, во что верил, и он считал, что я его жена, Сара. Он был готов бороться за это. Я собираюсь бороться, чтобы найти себя. Если я действительно была Сарой, тогда у нас была одна цель.

Поскольку мои глаза были закрыты, а речь ограничена, моим планом битвы было сосредоточиться на наблюдении. Я буду проводить свои дни, как губка, впитывая все вокруг меня. Во многих отношениях зрение ослепляло людей в поиске истины, и в моем нынешнем состоянии я не была занята оценкой по внешнему виду или визуальными отвлечениями. Бинты позволили мне выйти за пределы поверхностного и слышать истинные намерения тех, кто вокруг меня.

— Сара, — сказал Джейкоб, вытаскивая меня из моих мыслей и возвращая к настоящему.

Он держал соломинку у моих губ. Когда я втягивала воду, она смачивала мое горло, он помогал запивать овсянку, которой кормил меня. Я послушно принимала каждую ложку, но мне это не нравилось. Каша была теплой и слегка сладкой, но она была жидковатой, не достаточно жидкой, чтобы выпить, и недостаточно густой, чтобы жевать. К счастью, это был не весь мой завтрак. Я также съела банан и тост, и Джейкоб даже разрешил держать их и есть самостоятельно. Когда я продолжила втягивать воду, он заговорил.

— Мне нужно скоро быть на Собрании. Я хотел поговорить с Сестрой Лилит, чтобы напомнить ей, что ты еще не в состоянии говорить. Я поговорю с Рейчел, и она может передать мое послание. Я не хочу, чтобы она пыталась... но, даже если она скажет тебе, что ты готова говорить, помни, я не разрешаю этого.

У меня не было желания говорить с Сестрой Лилит, хотя мне было очень любопытно, что она хотела сказать. Поскольку Джейкоб и я были все еще наедине, я прошептала:

— Обещаю, я не буду говорить. — У меня сложилось ощущение, что это обучение не нравилось ему, так же, как и мне. Если мы сражались на одной стороне, я хотела заверить его, что на мое согласие можно положиться. — Я поняла все, что ты мне сказал. Ты можешь доверять мне в том, что я сделаю все, как ты сказал. — Я протянула руку, чтобы взять его за руку. Как только я нашла ее, то добавила, — Я надеюсь, ты уже это знаешь... я имею в виду, доверяешь мне. В конце концов, мы женаты. Ты доверял мне настолько, чтобы попросить меня стать твоей женой, не так ли? — Я пыталась узнать о прошлом.

Он откашлялся.

— Хммм, да.

Я не знала, что означал его ответ, но попробовала снова.

— Могу я продолжить?

— Сара, у нас есть правила, это не только мои правила — это правила сообщества, правила «Света». Я уверен, что напомнить тебе о некоторых из них и станет частью плана Сестры Лилит.

— Хорошо.

— Скажи мне, что ты помнишь их. В конце концов, мы жили и соблюдали правила «Света» какое-то время до этого момента.

Как давно было «до этого момента»? Я поджала губы и опустила подбородок.

— Извини, я не помню, но хочу вспомнить. — Это была правда, я хотела понять мир вокруг меня.

— Поэтому тебе лучше слушать, когда Сестра Лилит здесь. Будь осторожна с тем, чему ты выказываешь согласие, или с чем не согласна. Она и Брат Тимоти были очень подозрительны к тому, что предшествовало аварии. Я не хочу, чтобы она объяснила твою потерю памяти, как чувство вины.

На моей чисто вымытой коже выступили бисеринки пота.

— Но, — сказала я, — я действительно не помню. Пожалуйста. — Я сжала его руку. — Ты ответил на их вопросы. То, что ты сказал, это все что я знаю. Расскажи мне, что произошло.

— Я расскажу, но не сейчас.

— Почему?

Джейкоб вздохнул.

— Одно из правил Отца Габриеля, которое строго соблюдается в этом месте, учит терпению. Это одна из причин, почему столь многие из нас следуют за ним. У него есть ответы, и причины для каждого указа. Он не создавал правила для «Света» произвольно; каждое правило имеет смысл и цель. Как я уже сказал, это правило учит, что терпение есть добродетель. Слово Божье предписывает мужчинам жениться на добродетельной женщине. Поэтому всем женщинам «Света», таким как ты, запрещено допрашивать мужчин, включая своего мужа. Это учит вас, и всех женщин, терпению. Ответы будут во время, удобное Богу, а не тебе.

Я пыталась понять.

— Ты говоришь, что я не могу спросить тебя, о том, что случилось? Я должна ждать, пока ты сам расскажешь мне?

— Да, — сказал он смеясь. Целуя меня в макушку, он добавил, — Ты понимаешь, что это был вопрос, да?

Уголки моих губ поднялись.

— Нет, в смысле, теперь, да. — Я отпустила его руку, и моя улыбка исчезла. — Это значит, что ты собираешься... наказать меня?

Он потянулся к моей руке.

— Я хотел бы иметь больше времени, чтобы обсудить это прямо сейчас. — Его палец медленно двигался по кругу, лаская костяшки моих пальцев. — Изначально мы выучили все это вместе. Это было легче, чем объяснять это сейчас. Такое впечатление, что сейчас я приобщаю тебя к совершенно новому образу жизни, тогда, как на самом деле, мы вместе

выбирали этот путь. Ты помнишь, что было вчера, когда я сказал тебе, что принял ответственность за тебя?

Я кивнула, безуспешно пытаюсь остановить легкую дрожь.

— Часть ответственности, — продолжил он, — включает в себя понятие, что не все нарушения одинаковы. — Он наклонился ближе, и его тело согрело мой бок. Когда он поднес мою руку к своим губам, моя дрожь прошла. Вместо наказания, он нежно целовал мои ладони. — Сара, помнишь ты или нет, но у нас был хороший брак. Ты была послушной. Наказание никогда не делается в гневе. Отец Габриель учит, что мужчины должны уметь держать себя в руках. Это наша работа, такими мы были созданы. Требовалось взять на себя ответственность за тебя, и я охотно согласился, ты и я, мы любим друг друга. Я делаю то, что должен, чтобы помочь тебе и сделать твою жизнь проще. Наказание определяет твои пределы, давая тебе свободу, чтобы чувствовать себя в безопасности. Поскольку мне решать о степени наказания, а также о том, когда наказывать тебя, я также могу решать, когда необходимо сделать исключения. Бывают случаи, когда наказание не нужно. Часть моих обязанностей расшифровать твои намерения. — Он поднял мой подбородок. — Я не думаю, что минуту назад ты собиралась снова задавать вопрос, не так ли?

Я покачала головой.

— Нет, не собиралась.

— И я верю тебе. Честность является частью этого уравнения. Сара, мы всегда были честны друг с другом. Не позволяй этой проблеме с памятью испортить наши отношения.

Я все еще была не в восторге от этих слов, но его объяснения и прощение, в конце концов, немного ослабили мои опасения.

— Спасибо за разъяснения. Мне жаль, что я не помню всех правил. Я буду стараться. — Я хотела вспомнить. Мне также нравился этот Джейкоб, который объяснял вещи. Я хотела, чтобы он был на моей стороне.

— Я знаю, что будешь. Я вернусь, как только смогу. Сара. — Его тон изменился, когда он сказал мое имя, явно подразумевая, что все, что он собирался сказать, было вне сомнений. — Больше никаких разговоров и следи за своими невербальными реакциями на вопросы Сестры Лилит.

Я кивнула.

— Очень хорошо, — сказал Джейкоб, и погладил мои волосы, вставая. Кровать сместилась, и тепло его тела исчезло. Ощутимая пустота вызвала во мне дрожь, напоминая, что скоро меня оставят наедине, наедине с Сестрой Лилит.

— Брат Джейкоб?

Тепло вернулось, когда я повернулась, и улыбнулась звуку теперь такого знакомого голоса Рейчел, который прозвучал с порога. Это не первый раз, когда она вошла сегодня в мою комнату. Она приходила и раньше, чтобы помочь мне с душем. Ну, не совсем с душем. Вообще-то это сделал Джейкоб. Она помогала придерживать гипс, чтобы сохранить его сухим. Джейкоб был единственным, кто купал меня. Я ожидала, что вспомню его прикосновения, но ничего не вышло. Все это ощущалось неправильным, чужим, с другой стороны, все остальное ощущалось также.

Только теперь, когда он поцеловал мою руку, ощущение было другое, неожиданное — нежное и ласковое. Мне понравилось эта сторона моего мужа. Эта сторона помогала мне чувствовать себя в безопасности и любимой. Я покраснела при воспоминании о том, как он использовал это слово, сказав, что мы любили друг друга. Даже если я не помню этого, я

была любима.

Потерявшись в своих мыслях, я забыла про свой план, чтобы стать губкой, и пропустила часть разговора Рейчел и Джейкоба.

-. я хочу, чтобы все было предельно ясно. — Мне не нужно было слышать всю речь Джейкоба. Я знала, что он настаивал.

— Я поняла, — ответила Рейчел. — Я была бы счастлива остаться с Сарой, чтобы облегчить ее первый день. Сестра Лилит не сможет запретить моего присутствия, если на это будет ваше разрешение.

Мое сердце встрепенулось. Я хотела, но она не спрашивала меня. На самом деле, она не спрашивала и Джейкоба, она предлагала. Посасывая нижнюю губу между зубами, я сделала мысленную пометку подумать о смысле этого позже, и ждала его ответа. В этом точно был какой-то фокус, быть... как он это назвал?... женщиной «Света».

— Спасибо. — Он вздохнул с облегчением. — За улыбку на лице моей жены — если бы она только перестала кусать свои губы — я думаю, она была бы счастлива остаться с тобой. — Он нежно провел по моим губам. — Помни про мои правила.

Я кивнула, ухмыляясь его ответу.

— Я вернусь, как только смогу. — Его губы скользнули по моей голове, затем открылась дверь, и он ушел.

— Сара, — Рейчел заговорила со мной, когда мы остались наедине. — Ты нервничаешь по этому поводу? Ты делала это раньше, все мы делали. Это довольно стандартная процедура, выполняемая одной из жен членов Комиссии, чтобы сделать комментарии о последствиях инцидента. Отец Габриель считает, что это поможет всем нам сфокусироваться на его учении. После аварии последствия травм и дурные мысли могут попытаться запутать твой разум. Если ты не пройдешь этот обзор, другие члены сообщества могут поставить под сомнение твою приверженность нам, а это может привести к инакомыслию. «Свет» практикует единый стиль мышления для просветления, все работают как один, выполняя Божью работу, и придерживаются учений Отца Габриеля. — Она легкомысленно хихикнула. — О, слушай продолжение. Я знаю, что ты все это знаешь. Не стесняйся протянуть руку и толкнуть меня, если я слишком много говорю.

Я хотела сказать ей, что не знаю, или, по крайней мере, не помню. В любом случае, я оценила то, что она общалась со мной. Я также была рада узнать, что мой случай не был исключением. Это был общий протокол.

Надеясь, что она смотрела на меня, я беззвучно прошептала:

— Спасибо.

— О, это ты сейчас так говоришь, — ответила она, как если бы я говорила вслух. — Через несколько часов прослушивания ее трактовок слов Отца Габриеля, и наставлений для тебя, ты не будешь благодарить меня. — Она поправила одеяло и передвинула кресло поближе. — Брат Джейкоб должен был принести тебе еще несколько рубашек. Я собиралась сказать раньше, но этот цвет прекрасно подходит тебе.

Действительно? Какой это цвет?

Я потянулась к моей косе.

— Как ты красиво заплела косу. Или это сделал Брат Джейкоб?

Я покачала головой с удивленной ухмылкой.

— Я не уверена, но это мило. Я лучше помогу другим людям заплетать косу, чем сделаю это себе. Я думаю, именно поэтому помогать другим — мое призвание. Если бы я заплела

мои собственные волосы...ну, это выглядело бы ужасно. Вот почему я обычно забираю их в пучок, хвост или иногда...

Сестра Рейчел заполняла каждое мгновение разговорами после ухода Джейкоба, и, хотя я ни слова не сказала, я участвовала в разговоре. Вскоре я вернулась в кровать и полностью расслабилась. Я смеялась над ее историями, кроме того она учила меня обтираниям. Я практиковалась, слушая ее приятный голос. Я также узнала больше о моем обучении. Она шутила, что я уже, несомненно, слышала все уроки и проповеди, которые будет читать Сестра Лилит, и, если я обещаю не храпеть, я могла бы вздремнуть под бинтами, и была бы все еще в состоянии ответить на все вопросы Сестры Лилит.

Когда Сестра Рейчел упоминала своего мужа, Бенджамина, ее голос был полон обожания. Я чувствовала, что их отношения были похожи на те, которые описывал Джейкоб. Отношения, в которых она полностью доверяется Бенджамину, а он несет полную ответственность за нее. Ее очевидное удовольствие от ее брака давало мне надежду на мой собственный брак. Единственный раз, когда ее голос звучал с грустью, было при упоминании о детях, она поделилась, что детей у них не было. Даже тогда, она быстро сказала, что верит в Бога, который подарит им детей в свое время. Она призналась шепотом, что ей нужно работать над своим терпением.

Я поняла, что, если она и Бенджамин пытались завести детей, Отец Габриель не должен быть противником секса. Почему-то это заставило меня улыбнуться. Я не помнила об этой стороне наших с Джейкобом отношений, но он сказал, что у нас была хорошая семья и мы любим друг друга. Вопрос близости не пугал меня так сильно, как мысль о его наказаниях. На самом деле, когда он мыл и обтирал меня, просыпались не только некоторые части моего тела, но и мои мысли об этом. Я задумалась о том, каким был мой муж в спальне. Он был защитником с ободряющим тоном или диктатором, требующий повиновения?

Я не могла узнать это, пока мои ребра и нога были в таком состоянии, но с тем, как начали покалывать мои внутренности от таких мыслей, я подозревала, что кем бы он ни был, он мне нравился.

Разговор Рейчел успокоил меня. Вместо того чтобы встретить Сестру Лилит в одиночестве, со мной сидела Рейчел, которая была на моей стороне. Поэтому, когда дверь открылась и вошла Сестра Лилит на высоких каблуках, я была уверена, что готова начать.

— Сестра, — начала она, — это Сестра Лилит. Я рада, что вы готовы начать этот обзор вашего обучения.

Я кивнула.

Рейчел сидела рядом со мной на кровати, где до этого, как она говорила, сидел Джейкоб.

— Мне жаль, что вам не сообщили, сестра Лилит. Брат Джейкоб попросил меня остаться, по крайней мере, на сегодня. Видите ли, Сара не может добраться со своей постели в туалет самостоятельно. И Брат Джейкоб не хотел обременять вас этой задачей. — Хотя я и отключалась на часть разговора Джейкоба и Рейчел, я не думаю, что Джейкоб упоминал такие подробности.

— Хорошо, согласна, — ответила Сестра Лилит. — Мы всегда можем позвать вас...

— Сестра, я могу уйти, — Сестра Рейчел потерла мою руку, и пожала плечами с небрежным ответом, — но я уверена, что Бенджамин накажет меня, если я послушаюсь Брата Джейкоба. И я не хочу, чтобы Брат Тимоти, узнал, что вы спровоцировали мою непокорность.

— Конечно, нет, — ответила она быстро. — Сестра Рейчел, мы справимся втроем сегодня. Я не намекаю на неповиновение. Мы просто забудем, что даже обсуждали это.

Вот этот разговор я, действительно была рада впитать, как губка. Мне, определенно, нравилась Рейчел.

— Сестра Рейчел? — спросила Сестра Лилит, — Прежде чем мы начнем, вы знаете планы доктора Ньютона на счет снятия гипса сестры Сары? Я слышала, что ей скоро заменят этот гипс на тот, который подходит для прогулок. — От звука стула по плитке, я могла сказать, что она придвинула его к моей кровати, в изножье.

— Я не знаю. Он будет здесь позже. Я дам ему знать, что вы спрашивали.

— Спасибо. Я просто подумала, это облегчит для Сестры Сары наши будущие обзорные сеансы.

— Да, я понимаю.

— Теперь, Сестра Сара, поскольку вы не в состоянии ответить, когда я прочту декларацию Отца Габриеля о вере к «Свету», я задам вам простые «да-и-нет» вопросы. Ваши ответы помогут мне определить, где мы сейчас и куда нам стоит идти. Вы понимаете?

Я кивнула.

Зашелестели страницы.

— Мы, члены «Света», верим в отца Габриеля и просветление...

Глава 9

Джейкоб

Каждое утро Отец Габриель начинал Собрание с молитвы. Только члены Собрания и Комиссии достойны были ежедневно видеть нашего лидера, хотя эта привилегия вовсе не означала возможность личной встречи.

Наша община на Аляске была одной из трех общин «Света». Мы, «Северное Сияние» были самым крупным и наиболее продуктивным, но руководство Отца Габриеля было необходимо во всех общинах. Поэтому он часто отлучался. Хотя все общины жили скромно, «Свет» обладал новейшими технологиями. С защищенными вебинарами и телеконференциями. Из-за разных часовых поясов, неважно, где был Отец Габриель в тот или иной день, он всегда мог присутствовать на утреннем Собрании каждой общины.

Неважно, где он находился физически, аура его авторитета всегда заполняла комнату.

В каждой общине было четверо уполномоченных — Комиссаров, таким образом, круг Отца Габриеля состоял из двенадцати учеников. Это были поверенные Отца Габриеля, мужчины, которым он больше всего доверял. Под Комиссарами было двенадцать членов Собрания, в каждой общине. Члены Собрания разделяли функции Комиссаров и были полностью им подотчетны. Этим шестнадцать мужчин и их жен избирали в каждой общине. Система Отца Габриеля была хорошо поставлена и хорошо регулировала «Свет». Она была особенно эффективна, когда он находился в отъезде, а общины, тем не менее, продолжали расти.

Согласно последней переписи в «Северном Сиянии» было более 450 последователей, которые жили, поклонялись и работали во благо Отца Габриеля и «Света». В общине «Западного Сияния» было почти три сотни последователей, в общине «Восточного Сияния», первой общине, более ста. «Восточное Сияние» намеренно остается небольшим из-за его расположения. Там не было ни пространства, ни изоляции, таких как у общин «Северного» и «Западного Сияния». Община «Восточного Сияния» служила точкой входа для многих последователей. Когда-то они были проверены и признаны приемлемыми, затем получили назначение на переселение в одно из больших по размеру сообществ. Назначение, как правило, основывалось на способностях последователей и нуждах каждого сообщества.

Пока голос Отца Габриеля, преодолев много миль, в его молитве желал благословения нашим душам, мои мысли вернулись к Саре, к намерениям Сестры Лилит и исцелению Сары.

Это было неправильно. Мое тело и разум должны быть сосредоточены на обращении Отца Габриеля.

Внутренний конфликт был одной из причин, почему я сопротивлялся своей женитьбе. Другой причиной было мое желание добиться успеха. На протяжении всей моей жизни, независимо от стремлений — от военной службы до «Света» — моей целью всегда было достижение успеха. Когда в моей жизни появилась жена, все изменилось. Впервые, достижение успеха зависело не только от меня, но и от Сары.

Прежде чем Комиссия назначала последователю жену, особенно, если ей была нужна идеологическая обработка, это обучение проводил будущий муж. Как член Собрания, я был вовлечен во многие тренинги. Я знал строгость протокола, и что от этого ожидать.

С момента моего назначения в Собрание, почти год назад, я слышал от последователей,

что у них были трудности с протоколом идеологической обработки. Со своего высокого положения, я благочестиво напоминал этим последователям, что они были всего лишь частью коллектива верующих в учение Отца Габриеля, равно как и их новые жены, и все части коллектива должны работать вместе. Я говорил: «нас учили, что, если что-то заставляет нас сбиться с пути, мы должны избавиться от этого. Написано, что, если ваш глаз заставляет вас спотыкаться, его нужно выколоть. Лучше войти в Царство Света только с одним глазом, чем быть изгнанным оттуда». Тогда я спрашивал: «Ваша новая жена причастна к тому, что вы сбиваетесь со своего пути, забываете учение Отца Габриеля, или вы можете контролировать ее, и поможете ей стать полезным членом коллектива?»

Хотя все утверждали, что они добились успеха, бывали сбои. Непокорные члены коллектива были изгнаны и удалены с окончательным наказанием, оплаченным конечной ценой. Моя голова знала ответы. Черт, я же сам давал ответы. Я знал о последствиях.

Однако теперь, впервые на моей памяти, я чувствовал, что находился на перепутье. Я должен был обучать и управлять Сарой, и все же за очень короткое время, даже незрячей и с ограниченной способностью говорить, она обрела силу надо мной. Когда она спросила меня о том, как я сделал ей предложение, я был озадачен, и когда ее руки дрожали от простой мысли о моем наказании, мой желудок сжимался. Целовать ее руки стало рефлексом. Я не рассматривал наказания. Я знал, что время ограничено. На данный момент моя привязанность должна была быть ограниченной и бесполой. Прикосновения к ее волосам, и даже, платонические поцелуи ее головы были приемлемы, но не любовь или ласка, пока нет.

Когда Отец Габриель завершил открытие молебна, я ощутил укол совести от чувства вины, и я собирался признать свое излишне нежное поведение. Единственное, что останавливало меня, было беспокойство по поводу наказания. Я не беспокоился о себе, мне это было не свойственно. Я твердо знал, что если ошибаюсь, то заслуживаю наказания. Я никогда не ожидал от себя меньшего, чем требовал от подчиненных. Каждый нес ответственность.

Сейчас было по-другому. Хотя я не планировал это, и не хотел, сейчас меня это волновало. Я заботился о ком-то, кроме себя. Я знал, что Сара уже пережила, и что ее ждет впереди.

- . благословляемые мной, Отцом Габриелем, Светом нашего Господа. Аминь.

— Аминь, — прозвучало решительно от всех шестнадцати человек вокруг большого стола. Я осмотрелся.

Были ли у них такие же противоречивые мысли или это только у меня?

Как только мой взгляд встретился с глазами брата Тимоти, я осознал, что не должен показывать свою привязанность. Я не мог рисковать, пока Сара уязвима. Под взглядом Брата Тимоти, я отказался показывать или признаваться в слабости.

Я никогда не понимал неприязни, которая светилась в его глазах. Когда я впервые приехал в «Северное Сияние», почти три года назад, он и Сестра Лилит были единственными неприветливыми последователями. Со временем я научился игнорировать их. Их вражда не влияла на мою цель. Даже после моего назначения в Собрание, я был в состоянии игнорировать их.

Вдруг мне пришла в голову мысль: Комиссия назначила мне Сару.

Сара была назначена для того, чтобы я провалился? Брат Тимоти не любил меня так сильно, что хотел извлечь выгоду из этого назначения? Будет ли Сара моим провалом?

Я заставил себя сосредоточиться на словах вокруг меня. Члены Собрания начали читать

их ежедневные отчеты. Каждый из нас ведет конкретную тему, и поскольку каждая тема рассматривалась ежедневно, отчеты часто были короткими. Это был хороший способ держать Собрание, Комиссию и Отца Габриеля в курсе текущих дел общины.

Моей основной работой для «Северного Сияния» являлась обязанность быть одним из пилотов. Я доставлял Отца Габриеля из одной общины в другую и осуществлял поставки в «Северное Сияние». Моя военная подготовка существенно помогла мне в подготовке меня к «Свету». Наиболее важно, что я летал на С-12А в Ираке, и мне нравилась жизнь по уставу. Отдавать и получать приказы, также, как и следовать правилам, были моей сильной стороной.

Как член Собрания, я должен был контролировать и улаживать споры. Отец Габриель требовал сплоченной жизни во всех его общинах. Поведение каждого непрерывно контролировалось. За любое непослушание приводили ко мне. Если я полагал, что поведение заслуживает наказания, я обращался к Комиссии. Если Комиссия отправляла это обращение к Отцу Габриелю, то обычной реакцией было публичное наказание. Изгнание являлось окончательным наказанием. Просто знание, что такие наказания были возможны, служило мощным сдерживающим фактором.

Брат Рафаэль, член Комиссии с самым большим стажем, провел утреннюю встречу. В общине «Северное Сияние» он был вторым человеком, после Отца Габриеля. Его глубокий голос отражался от стен зала заседаний.

— Брат Джейкоб, поделитесь с нами вашим отчетом.

Я встал и обратился к Комиссии и Собранию. После того, как мой отчет был закончен, он спросил Брата Люка о новых последователях. Люк и его жена Элизабет были ответственны за новых последователей в «Северном Сиянии».

Люк повернулся и рассказал о супругах, которые только присоединились к «Свету», об их успехах в обучении и скором награждении квартирой. Брат Рафаэль обратился к члену Собрания, который отвечал за обеспечение жильем, с вопросом, как скоро будет готова квартира для этой пары. Пока они обсуждали возможное заселение и назначение работы для новой пары, температура в комнате поднялась, и мои ладони вспотели. Я знал, что Сара была следующим пунктом обсуждения, и пытался думать, о чем-нибудь другом. О том, что Брат Рафаэль так и не утратил свой бостонский акцент за много лет. О том, что Люк гордо выпрямлял спину, когда говорил об успехах новых последователей.

Мои глаза встретились с глазами Брата Тимоти, и его холодный взгляд прервал мои мысли. Я намеренно переместил внимание на лицо Брата Даниеля, глаза которого одобрительно заблестели. Как мой наставник, Брат Даниель неоднократно доверял мне и моим способностям.

Черт, я обязан это сделать. Я не должен его подвести или подбросить дров в костер неприязни Брата Тимоти.

— Брат Джейкоб, — обратился ко мне Брат Рафаэль. — Я мог бы попросить брата Люка, но давайте пропустим. Ваша новая жена пришла в себя. Расскажите, пожалуйста, как идут дела в клинике, и, как вы считаете, есть ли какие-то проблемы или сбои с ее прогрессом.

Я снова встал, делая равномерные вдохи, моя обычная уверенность ослабевала. Если я не скажу что-то о своей неловкости, боюсь, ее заметят. Мне нужно срочно решить этот вопрос.

— Я извиняюсь за свою не совсем звездную презентацию. Последние десять ночей я

спал в кресле, головой на кровати Сары. — Я пожал плечами. — Это не очень способствует хорошему ночному сну. Если я кажусь рассеянным, то буду ссылаться на семейную бессонницу.

Бенджамин рассмеялся, нарушая мое нарастающее напряжение и придя мне на помощь.

— Нет, Брат Джейкоб, мы сможем обвинить во всем семейную бессонницу только в следующем месяце; а сейчас ты просто устал. По крайней мере, месяц ты будешь улыбаться. — Смех прошелся по всем сторонам круглого стола, прежде чем Бенджамин продолжил:

— Рейчел рассказала мне о твоей жене. Звучало так, будто она идет на поправку.

Я кивнул, как всегда благодарный за то, что он умел перевести обсуждение в менее формальную форму.

— Обучение в ее состоянии значительно отличается от обучения кого-либо другого. В настоящее время Сестра Лилит, — я повернулся в сторону моего заклятого врага, — спасибо, Брат Тимоти, в настоящее время Сестра Лилит начала обучение Сары.

— Почему? — резко спросил Брат Рафаэль.

— Мне сказали...

Брат Тимоти прервал меня.

— Видите ли, Сара, кажется, выглядит все лучше и лучше, и она не будет простым последователем «Света». Она будет выполнять роль жены члена Совета, будет частью избранных. Ее успех имеет первостепенное значение, и, после того, что произошло в прошлом... мы считаем, что лучше забежать вперед и начать обучение Сары. Отец Габриель учит, что праздный ум — это игровая площадка дьявола. Если мы будем держать Сару занятой. Нагрузив Сару обучением...

— Брат Джейкоб? — вся комната замерла, все перестали двигаться, дышать, все вслушивались в редкие звуки голоса Отца Габриеля. Он чаще был больше наблюдателем, чем участником наших встреч.

— Да, Отец Габриель. — Я уважительно повернулся к экрану.

— Я хочу знать подробности, не о том, что делают другие. Сара была дана вам. Вас не было с нами после ее приезда и инцидента, который случился неделю назад и до вчерашнего дня. Вчера вы умоляли о питании для нее. Я вижу, что происходит. Я хочу услышать это от вас.

Он видит, что происходит? Что это должно значить?

Мой пульс ускорился.

— Отец, какие вам нужны подробности?

— Получение жены — это большая ответственность. Господь выбрал церковь в качестве своей невесты, и сейчас прибыла невеста для вас. Это ваша ответственность акклиматизировать ее. Расскажите нам, как это происходит?

— Мне кажется, что все продвигается хорошо. Пока у нее нет воспоминаний о ее жизни во тьме. Она нервничает и пугается, что является нормой. Потеря зрения и травмы держат ее зависимой. Я делаю то, чему учил других: обучаю ее правилам, ее роли как моей жены, ограничениям, которые могут ее ожидать, убеждаю ее в том, что такой и была ее жизнь. — Я вздохнул. — Говоря об ограничениях, я знаю, что ее зрение должно быть ограничено до тех пор, пока не заживут некоторые ее травмы. Однако, я бы хотел, чтобы заменили тяжелый гипс на ее ноге, на гипс, который бы позволил ей хо...

— Еще не время! — вставил свое замечание Брат Тимоти.

— Брат Тимоти, — голос Отца Габриеля преодолел много миль. — Еще и не время Сестре Лилит начинать обучение. Дайте продолжить Брату Джейкобу. И позвольте мне вам прояснить: я не желаю, чтобы история повторялась. «Восточное Сияние» обычно отсеивает неудачных кандидатов. Сара уже находится в «Северном Сиянии». Вы все должны работать ради ее успеха.

— Да, Отец, — ответил Брат Тимоти.

— Брат Джейкоб, расскажите нам, были ли какие-то проблемы?

— Только одна. — Я сглотнул. — Хотя Саре было запрещено говорить, вчера она сделала это.

Вокруг стола послышалось бормотание.

— Какой была ваша реакция? — спросил Отец Габриель.

— Я наказал ее. Я серьезно отношусь к своей ответственности. В конечном счете, Комиссия отвечает за все, но это моя обязанность обучать, наказывать и привести ее к «Свету».

Все в комнате тихо ожидали, пока Отец Габриель думал и смотрел вперед на свои пальцы, сложенным домиком. Его обычная рубашка с галстуком, без пиджака, резко контрастировали с вишневыми панелями на стене позади него.

— Да, — наконец сказал Отец Габриель. — Брат Тимоти был прав — большинство новых последователей не приходят к свету как избранные. Сестра Сара уже достигла статуса, которого у большинства женщин не будет никогда. Хотя это весьма необычно, к счастью, Брат Джейкоб, у вас есть более четкое понимание протокола акклиматизации, чем у обычного последователя. Я рад узнать, что вы послушны и способны держать эту ситуацию в руках, в зависимости от того, как она развивается. Я уверен, что вы понимаете ответственность, которая последует, если Сара потерпит неудачу. И это касается не только ее, но и вас!

— Да, Отец, я понимаю, — твердо ответил я.

— Брал Люк, — продолжил Отец Габриель. — Сестра Сара продолжает находиться под вашим наблюдением. Вы и доктор Ньютон решаете, когда настанет время сменить ее гипс. Однако, у меня есть несколько вопросов к Брату Джейкобу.

— Слушаю вас, Отец?

— Расскажите, как отреагировала ваша жена, когда узнала о вашем полном контроле над всем ей необходимым: питанием, использованием ванной комнаты, сном, питьем и гигиеной.

— Она не противилась моему контролю. Она согласилась.

— А когда вы наказали ее? Что она делала? Какой была ее реакция?

Я посмотрел в сторону Брата Даниеля. Выражение его лица подсказывало мне ответить честно. Ком в горле рос, но я продолжил.

— Когда она заговорила без разрешения, я использовал телесное наказание. Я ударил ее. Это было незамедлительной реакцией на нарушение.

— Приемлемо, — ответил Отец Габриель. — Продолжайте.

— Затем я потребовал, чтобы она повторила свое имя и подтвердила то, что мы женаты. — Прежде чем кто-либо высказался, я добавил. — И она повторила. Это было вчера. Сегодня утром мы обсудили с ней произошедшее. Может показаться, что она в замешательстве, но думаю, она быстро учится и адаптируется.

Я не открыл всех деталей для окружающих, не сказал им о ее дрожи или моей

привязанности, но я ответил честно.

— Брат Джейкоб? — голос Брата Тимоти возобладал над молчанием в комнате.

— Слушаю?

— Мы знаем, что случилось во время инцидента. Расскажите нам, что случилось вчера во время осмотра доктора Ньютона.

Я вытянулся и стиснул зубы. Вопрос Тимоти означал только одно: доктор Ньютон доложил ему.

— Были какие-то проблемы? — спросил Люк.

— Я полностью принял на себя ответственность, которой меня наделили, и отношусь к ней серьезно, — начал я. — Это касается всех моих обязанностей, от моего поиска следовать путем «Света» до моего назначения в Собрании. Однажды Сара станет моей во всех смыслах. Я помогал ей с вещами, которые, согласно учению «Света», мужчина и женщина, не связанные узами брака, разделять не должны. Отец, вы говорите о скромности для наших женщин. Поэтому я потребовал своего присутствия во время осмотра доктора Ньютона, и позволил ему осмотреть только травмы Сары. — Я сделал глубокий вдох и повернулся к Брату Даниелю. Я не упомянул просьбу, о ее глазах, так как этот вопрос не поднимался.

— Брат Тимоти? — спросил Брат Даниель. — Ничего не упущено? Было ли еще что-то неприемлемое, пока осматривали Сестру Сару?

Я затаил дыхание, когда Брат Тимоти посмотрел в мою сторону.

— Доктор Ньютон и не рассчитывал получить полный доступ к телу его пациентки.

— Брат Тимоти?

Мы все повернулись в направлении голоса Отца Габриеля.

— Да, Отец? — ответил Тимоти.

— Возможно, вы забыли, каково это — обрести молодую жену. Я думаю, что покровительство Брата Джейкоба не противоречит моему учению. Вы видите в этом проблему? Если да, то поделитесь ею с нами.

Я прикусил язык, желая вставить замечание, но был доволен вмешательством Отца Габриеля.

— Нет, вовсе нет, — Брат Тимоти выпрямился. — Тем не менее, я обеспокоен, что мы не можем получить полную оценку состояния Сестры Сары, пока доктор Ньютон и моя жена не проведут достаточно времени с ней.

— Прекрасно. Брат Джейкоб. — Отец Габриель сменил тему. — Вы, по-прежнему, держите запрет на возможность говорить для Сестры Сары? Поскольку она говорила, то, возможно, догадывается, что может делать это без ущерба для своих голосовых связок?

— Да, Отец. Я разрешил ей говорить только со мной.

— И?

— И она подчинилась. Я понимаю, что она начала говорить раньше, чем рекомендует протокол. Поэтому, Отец, я прошу вашего разрешения позволить ей говорить только со мной, на ближайшие несколько дней. Как мы все знаем, эта ранняя стадия идеологической обработки очень важна. Если вы согласны, я хотел бы продолжить обучение Сестры Лилит при содействии Сестры Рейчел. И, конечно, Доктор Ньютон может осматривать Сару, в моем присутствии. Но я прошу, чтобы сейчас вопросы в формате «да-нет» не задавались никем, кроме меня. — Это была редкая возможность обойти Комиссию, и я воспользовался шансом. — Она все еще в замешательстве, что нормально. Даже если ей будет разрешено сменить гипс на облегченную версию, у нее есть и другие травмы, которые причиняют ей

боль при движении. Я понимаю, что это важный этап. Я видел, что может произойти. Для Сары, для меня, и нашей будущей семьи, я прошу, чтобы мне позволили быть тем, кто приведет мою жену к «Свету».

Моя просьба была наглой и необычной, но опять же, Брат Тимоти был прав, большинство женщин получили последователей, которым были необходимы руководящие указания членом Собрания. Являясь членом Собрания, я осуществлял свое право или так мне хотелось думать.

— Брат, после совещания я встречу с Комиссией. Брат Даниель свяжется с вами позже с моим ответом. Продолжим?

— Спасибо, Отец, — ответил я, усаживаясь на место и избегая слепящего взгляда Брата Тимоти.

— А теперь, — вступил Брат Рафаэль. — Время для нашего отчета об электростанции. В ноябре станет значительно холоднее, расскажите нам о турбинах. Стоит ли нам беспокоиться об их замерзании?

* * *

Я вернулся в клинику, спустя два с половиной часа с тех пор, как покинул Сару. Хотя это только частично напоминало клинику, но доктор Ньютон имел медицинскую степень. Остальной персонал клиники был набран исходя из их способностей. Большая часть навыков вспомогательного персонала была приобретена здесь, в «Северном Сиянии». В любом случае, преданность и приверженность последователей сделали их отличными учениками. Когда я подошел к комнате Сары, одной из одиночных палат, которые предназначались для акклиматизации приобретенных последователей, я прислушался.

Услышав лишь тишину, я решил, что Лилит уже ушла. Хотя я хотел найти Рейчел, чтобы узнать больше об обучении, вместо этого я открыл дверь. Я был прав, Сара была одна. Она полулежала на кровати, кончик ее золотистой косы свисал с подушки. Я ждал, пока она повернется, и гадал, спит ли она, а потом услышал ее всхлипывания и увидел, как дрожали ее плечи. Она не спала, она плакала.

Сжав зубы, я был уверен, что это была работа Лилит, я осторожно шагнул к ее кровати и продолжил свое назначение.

— Сара?

При звуке моего голоса ее плечи поникли. Медленно она повернулась в мою сторону. Ее щеки были влажными и покрыты пятнами. Повязка на глазах, с куполообразными твердыми пластырями не сдерживала поток слез. Когда она не ответила, я подошел ближе. Подняв изголовье кровати и опустив ограничитель, я сел рядом с ней. Страх и печаль не только показались на ее щеках, но и окутывали ее, словно облако.

К черту расписание и правила. Она не переживет этого, если будет находиться в такой форме.

Моя нога прижалась к ее израненному телу, я взял салфетку и стал вытирать ее влажные щеки.

Где, черт возьми, Рейчел, и, что еще более важно, что такого сделала Лилит?

В моей груди все сжалось от всхлипов Сары. Конечно, у нее было, что сказать, но она

повиновалась моей последней команде и сохраняла тишину. Когда, наконец, она перестала всхлипывать, я произнес:

— Здесь никого нет кроме нас, ты можешь говорить. Что случилось? Почему ты плачешь?

Глава 10

Стелла

Июль в Детройте может быть таким же, как и в Майями. Высокая влажность и температура были такими же, как и на Атлантическом побережье. Но река Детройт была далеко не настолько захватывающей. Шагнув в прохладное кондиционированное помещение «Джамбо», я посмотрела на столик в задней части рядом с бильярдными столами. К счастью, для игроков в бильярд было еще слишком рано. Приходите к десяти, и здесь будет не протолкнуться.

Хотя я думала о пиве, которое обещал Дилан, когда я оставила его на стоянке, я заказала лимонад и присела за столик, ожидая доктора Хауэлл.

Я держала в памяти образ проколотоу уха той женщины на столе, ну, точнее травмированного уха. Может быть, это и не было колотой раной. Может, я прочла слишком много в выражении, с которым смотрела на меня Трейси Хауэлл.

Когда я подняла глаза, то улыбнулась, увидев, как направляется ко мне доктор Хауэлл. В морге она выглядела очень молодой, но сейчас в длинной юбке, футболке, вьетнамках, с длинными темными волосами, струящимися по ее спине, она выглядела больше как ученица старшей школы, нежели патологоанатом.

Доктор Хауэлл не вернула мне улыбку, когда присела за столик напротив. Поглядывая из стороны в сторону, она пыталась скрыть, что нервничала.

— Стелла, — начала она. — Еще раз прошу прощения за то, что вызвала вас сегодня. Светлые волосы и тип фигуры, были похожи, на приметы Минди... Я просто хотела быть уверенной.

— Доктор, сколько неопознанных тел — женских тел — вы видите?

Она сглотнула.

— Слишком много.

Я наклонила голову.

— Меня вызывали дважды за две недели для опознания светловолосых женщин. Это в порядке вещей?

Доктор Хауэлл опустила глаза на стол, вдруг заинтересовавшись липкой субстанцией слева от нас.

— Я бы хотела поговорить о Минди Роузмонт.

— Вот и я о чем. Думаю, вы пытаетесь мне что-то сказать. — Мои волосы были убраны в низкий хвост и полностью открывали мои вопросительно поднятые брови. — Я могу что-нибудь узнать?

Она вздохнула и наклонилась вперед.

— Вы не должны ссылаться на меня.

— Я не буду. Не уверена, станет ли это историей для расследования. Я даже не уверена в том, что это поможет найти Минди или, наконец, выяснить, что с ней случилось, но, пожалуйста, расскажите мне, что вам известно. Если я ошибаюсь, тогда мы с вами сможем выпить пива, погонять шары и назвать это вечеринкой.

Доктор Хауэлл вдумчиво посмотрела на меня. На мгновение я подумала, что она сейчас встанет и уйдет, но затем она откинулась назад и вздохнула.

— Начнем с того, что ты можешь называть меня Трейси. Я не уверена, что что-то знаю.

Я работаю в морге округа Уэйн около пяти месяцев, но я видела, что здесь много чего происходит. Мы видели много банд и насилия с использованием огнестрельного оружия, и так сложилось исторически, что в основном профиль наших невостребованных тел — это молодые мужчины. Разной расовой принадлежности. Раньше было больше афро- и латиноамериканцев, но все меняется. Белые умирают так же быстро, как и другие. Как ни печальны эти смерти, но они имеют причину. Их несколько: драки, перестрелки, поножовщина, ну и, конечно, наркотики. Со смертью от наркотиков мы встречаем и женщин, многие из которых проститутки. Но есть кое-что, что отличает последние случаи неопознанных женских тел от тел, причиной смерти которых были нелегальные наркотики. Некоторые, например, как сегодняшнее, со следами насилия, но это не все. Как ты уже слышала, у нас нет материалов для изучения жертв насилия. Но те обследования, которые были завершены, часто не имеют следов сексуального надругательства. У многих из них есть следы уничтожения отпечатков пальцев разной степени тяжести.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— И все они блондинки?

— Нет, цвет волос не так важен. Их возраст колеблется от восемнадцати до тридцати. — Она ударила по столу и расправила плечи. — Понимаешь, в чем проблема?

Мои глаза расширились.

— Помимо очевидного вопроса о женщинах, которые умирают вокруг нас?

— Я говорю об отсутствии системности. Я довела свои размышления до начальства, и мне сказали, что мы имеем то, что имеем. Мы отчитываемся о наших находках Национальному Центру Статистики Здоровья, и они собирают статистические данные. Если они заметят какое-то редкое отклонение в своих данных, то уведомят полицию и управление округа Уэйн. Но я не думаю, что это будет статистически значимым событием. Жертвы достаточно отличаются. В то время как пропадают без вести мужчины, эти женщины очень меня волнуют. Те, которых я видела сама, или читала отчеты о них, также отличаются по этнической принадлежности.

Я потягивала свой лимонад и думала о том, что она только что сказала.

— Ты знала о том, что женщина, которую я опознавала сегодня не Минди, не так ли?

— Я хочу помочь тебе найти подругу. Я просто подумала...

Я протянула руку и накрыла ее пальцы своей ладонью.

— Я ничего не могу обещать. Я не хочу обращаться к Бернаруду, пока у меня не будет больше информации, но я буду искать, задавать вопросы, займусь расследованием. Если есть какой-то шанс, что эта информация поможет мне найти Минди, то я сделаю это.

Трейси кивнула.

— Я не могу выступать источником, но в любом случае могу помочь. Если нужна информация, я могу... — она нашла свой кошелек и достала из него флешку. Передав ее мне, она сказала, — Вот. Только знай, что я буду отрицать тот факт, что ты получила это от меня.

Я покрутила флешку между пальцев.

— Что на ней?

— Кое-что, на что нельзя смотреть на полный желудок. Я стала возвращаться к записям и просматривала смерти женщин конкретно в этой возрастной группе, тех, кто не вписывается в типичный профиль. Есть только два критерия соответствия, возраст и пол. Я успела просмотреть данные за последние десять лет. Этот диск содержит имена и фотографии, а также жертв, которые навсегда останутся безымянными. Там есть результаты

экспертизы, если производилось вскрытие трупа.

— Разве вскрытие проводят не всегда в случае подозрительной смерти?

Она пожала плечами.

— Не все случаи смерти были подозрительными. В некоторых случаях причина была очевидной. Я сгруппировала данные в поисках связи. Я чувствую, что она есть, но просто не знаю, что это может быть. Я надеялась, что может быть ты могла бы взглянуть. Может, ты что-то заметишь. Систему, которая мне непонятна.

— Я сделаю это.

— Я узнала мужчину, который был сегодня с тобой. Я знаю, что он детектив в департаменте по расследованию убийств и отделе по борьбе с наркотиками Полиции Детройта.

Я кивнула.

— Я встречала его в лаборатории до этого. Чего я не видела, так это того, чтобы детектив Ричардс держал кого-то за руку и успокаивал. Он, как правило, весьма жесткий.

Я выпрямилась.

— Мы с детективом Ричардсом встречаемся.

— Это не мое дело, но разве это не конфликт интересов?

— Ты права, это не твое дело.

Трейси упорствовала.

— Хорошо, я имела в виду, что ты занимаешься журналистскими расследованиями, а он работает на людей, которые пытаются прикрыть все это дерьмо.

Я зажала свою нижнюю губу между зубами, обдумывая ответ.

— Трейси, ты работаешь на округ Уэйн. Считаешь ли ты, что они ведут дела иначе, чем Отдел Полиции Детройта?

— К сожалению, нет. Я не хочу, чтобы ты думала, что я во всем обвиняю твоего парня. Это действительно не так. Это весь город. Ни один город не хочет быть известным только за его преступления. Мэр, члены торговой палаты, они постоянно твердят об активизации. Они говорят о росте предпринимательства, совершенствовании инфраструктуры, человеческого капитала и социальных программ. Они не хотят признать, что у нас есть реальная проблема, новая реальная проблема.

— Новая? Ты сказала, что у тебя данные о случаях за последние десять лет.

— Это так, — подтвердила Трейси. — Но десять лет — это маленький отрезок времени, подходит под определение «новое».

Она была права. Это так. Если бы у нас была долгосрочная история с пропажей и убийством случайных женщин, то никакая компания не захотела бы инвестировать в Детройт.

— Итак, ты утверждаешь, что есть какая-то система или системы. Но никто из власть имущих не желает признать, что что-то происходит.

— Да. Я бы хотела, чтобы ты ни о чем не рассказывала детективу Ричардсу. Но если расскажешь, пожалуйста, не говори ему о том, что это я толкнула тебя к началу поисков ответов на эти вопросы.

— Не переживай. Дилан и я не смешиваем работу и частную жизнь. Профессиональная этика, — добавила я.

— Спасибо, Стелла. Если сочтешь, что я попусту трачу твое время, извини. Просто я чувствую, что что-то происходит, что-то очень значимое, но все закрывают на это глаза.

Несколько часов спустя я отвернулась от экрана компьютера, желая никогда не видеть того, что увидела. Информация, которую собрала Трейси, была убедительной и вызывала отвращение. Женщины в файлах доктора Хауэлл, казалось, не имели ничего общего, кроме того, что были мертвы. Даже полученные повреждения отличались: у кого-то они были получены незадолго до смерти, у кого-то являлись результатом частых и длительных издевательств.

Я потеряла пульсирующие виски и заставила себя отойти от компьютера. Было около полуночи, и все, что я смогла сделать, это просмотреть коллекцию фотографий, результаты вскрытий трупов, а также отчеты полиции. Этого было достаточно, чтобы мой желудок взбунтовался. Моей целью было получить общую картину того, что пыталась донести до меня Трейси. Как женщина, я надеялась, что сумасшедшие вещи по телевидению или в книгах были фикцией, и только фикцией. Как журналист, я знала, что они не были фикцией. Тем не менее, до сегодняшнего вечера я никогда не видела столь скрупулёзно собранную информацию о преступлениях против женщин, которые происходили в моем городе.

В попытке очистить свою голову, я бродила по квартире и проверила свой телефон. Дилан не позвонил и не написал мне, после того как я дала ему понять, что не приеду. Это не беспокоило меня. Эти отношения являлись относительно новыми. В то время как я оценила его поддержку, встретив Дилана в морге, мне нужно было пространство. Я была независимой слишком долго, чтобы внезапно окунуться во что-то серьезное. Оставаться в его доме было хорошо, даже больше, чем хорошо. Но я не была готова оставить у него сменную одежду или зубную щетку.

Требовалось что-то большее, чем горячий, жаркий секс и лосось на гриле, чтобы побудить меня перевезти круглый аквариум Фреда. Совместная опека над рыбкой была более привязывающей к дому, чем я хотела прямо сейчас. Кроме того, у меня есть собственная стиральная машина.

Мне нужно ложиться спать. Это был очень долгий день. Но в то же время, я не могла перестать думать про последний файл, который прочла на флешке доктора Хауэлл. На фото, которое предоставили родители жертв полиции, были две их дочери: две красивые двадцатилетние, улыбающиеся на камеру студентки, со всей жизнью впереди. К сожалению, никто не знал, насколько коротки были их жизни.

Имена жертв в профайле значились как двадцатилетняя Элиза Ортиз. Даже после смерти ее привлекательность была очевидна. Она была высокой, 175 см, вес 62 кг, с волнистыми рыжими волосами и пронзительными зелеными глазами. Ее образ навсегда запечатлелся в моей памяти.

Я налила себе бокал вина и еще раз посмотрела на ее необычное досье.

С другой стороны, Элизу Ортиз можно было считать счастливицей. Она была опознана, ее судьба была определена. Поскольку я думала о Минди и ее родителях, я знала, что для моего и их сердца выяснить все до конца было очень важно.

Свернувшись на диване, я потягивала вино. В деле я прочла, что Элиза была не единственной дочерью Ортизов, которая пропала семь лет назад. У Элизы была сестра-

близнец, Эмма. Из любопытства я проверила Национальную базу пропавших без вести и узнала, что Эмма Орtiz до сих пор значилась в их списках.

В соответствии с информацией в отчете доктора Хауэлл, две сестры были очень близки и жили вместе в маленькой квартире возле кампуса Университета Штата Уэйн. Не было никаких свидетельств их опасного или подозрительного поведения. Согласно этим свидетельствам, две сестры были неразлучны; студентки колледжа с хорошими оценками. Профессора и студенты университета в один голос утверждали в своих историях, что девушки были дружелюбными, но все же тихими. Никто не вспомнил, что видел хоть одну из них с парнями, тем более на вечеринках. По большому счету, обе проводили основную часть своего времени на занятиях, в библиотеке, в тренажерном зале или в квартире. Их родители подтвердили эти описания и добавили, что их дочери никогда не имели неприятностей, у них никогда не было серьезных бойфрендов, и они активно посещали церковь в их родном городе.

Видимо, единственное, что Элиза и Эмма Орtiz делали, помимо учебы, были занятия спортом. Они делали это часто. А именно делали это поздно вечером, когда и пропали без вести. Видеозаписи, которые тренажерный зал добровольно сдал полиции, показывают, как девушки приходят, тренируются и уходят. Видео также подтвердило, что ни одна из девушек в машину не вернулась, несмотря на то, что их автомобиль был припаркован в непосредственной близости от спортзала. Дело поставило в тупик Департамент Полиции Детройта и до сих пор считалось открытым.

Сделав еще один глоток вина, я подумала о том, что обстоятельства этого дела бросили вызов убеждениям Дилана, который верил, что безопасность зависит от количества. Эти две сестры пошли в спортзал вместе. Одна теория утверждает, что их похитили в одно и то же время. Было также предположение, что они исчезли добровольно. Но эта теория легко опровергается. Наличие еды в холодильнике, а также загруженная бельем сушилка, доказывают обратное. Даже их зубные щетки и банковские карты остались в квартире.

В тренажерном зале, который уже давно закрыл свои двери навсегда, было покадровое видео на стоянке. Старая система наблюдения заключалась в повороте камеры на четыре сектора каждые тридцать секунд. Поворот камеры с участием сестер и их машины остановил запись, когда девушки выходили из двери спортзала. Полторы минуты потребовалось, чтобы камера вернулась на тот же угол обзора, но они уже исчезли. Ничего подозрительного не нашли и на других камерах. Не было никаких свидетелей их исчезновения. Казалось, что две женщины буквально растворились в воздухе.

Я пожалала плечами и сделала еще один глоток вина.

Тело Элизы Орtiz было найдено четыре дня спустя, оставленное без одежды возле государственного выставочного центра. Согласно отчету судмедэксперта, она умерла, более чем 36 часов назад с тех пор, как ее нашли. Экспертиза обнаружила лицевые черепные повреждения. Предполагалось, что они были вызваны сильным ударом тупым предметом: следы избиения проявились вокруг ее левого глаза и щеки, скул и носа. Следы избиения были также очевидны вокруг ее шеи, на руках, ногах и туловище.

Работая в лаборатории, я узнала, что расположение травм на лице удивительно точно характеризует вид травмы. Грабежи и насилие в семье, насилие со стороны интимного партнера, чаще всего связаны с травмами, как у Элизы Орtiz. Травмы верхней трети лица, как правило, указывают на повреждения, причиненные другим лицом. Эти травмы, хотя, как правило, не опасны для жизни, часто сопровождаются повреждением тканей и нервов,

которые могут варьироваться от паралича лицевых мышц до нарушения работы зрительного нерва. В некоторых случаях повреждение нерва приводит к временной или постоянной потере чувствительности или зрения.

В большинстве случаев, чем тяжелее травма, тем ближе были жертва и нападавший. Преступления на почве страсти могут стать причиной ужасных травм. Однако, поскольку не было доказательств, что Элиза и Эмма вовлечены в интимные отношения, и обследование не показало никаких доказательств сексуального надругательства, полицейские предположили, что ее раны были получены от грабителей или вследствие случайного акта насилия.

Второй наиболее частой причиной травмы лица у мужчин и женщин были автомобильные аварии. Эти травмы отличаются от травм, нанесенных нападающим. Жертвам, которым причинены телесные повреждения вследствие дорожно-транспортных происшествий, чаще всего нанесен ущерб на нижнюю половину лица. Когда лицо жертвы сталкивается с рулевым колесом или панелью управления, типичная травма: перелом нижней челюсти.

Самые тяжелые травмы Элизе Ортиз были нанесены на туловище. Посмертные снимки показали большие гематомы с вздутием живота. При вскрытии было обнаружено сильное внутреннее кровотечение, вызванное разрывом селезенки и печени. Причина смерти была определена, как остановка сердца из-за внутреннего кровотечения.

Я наполнила свой бокал вином и запустила новый поиск в сети. Мой живот скрутило. Возможно, это было связано с алкоголем на пустой желудок, но я решила свалить вину на информацию на экране. Из того, что я поняла: человеческое тело было устроено так, чтобы защитить свои хрупкие внутренние органы. Те виды травм, что нанесли Элизе, были нанесены тупым предметом. Причем эти травмы нужно было наносить с невероятной силой. Когда эти органы были повреждены и не вылечены, то происходит медленная и мучительная смерть. Некоторые травмы, такие как разрыв аорты, приводят к смерти довольно быстро, но Элизе не повезло. Время ее смерти было оценено в интервале от десяти до пятнадцати часов после получения травм.

Я вылила в раковину недопитое вино, сохранила информацию с карты памяти на свой компьютер, и выключила его.

Почему кто-то сделал такое с этой девушкой, и что, черт побери, случилось с Эммой?

Глава 11

Сара

Мне не нужно было слышать голос Джейкоба, чтобы узнать о том, что он был тем, кто вошел в мою комнату. Я узнала его по шагам и особенному звуку, когда он открыл дверь. Если этих признаков было недостаточно, то я ощутила, как слабый аромат кожи и мускуса прорвался сквозь больничный запах антисептических растворов.

Если бы не истерика, я бы нашла способ воспринимать окружающий меня мир и без зрения, но я находилась в состоянии, которое, за неимением лучшего слова, можно назвать только истерикой. Я не могла думать и рационально мыслить. Я не знала, что он сделает или скажет, или, что может произойти, когда он вернется. Так или иначе, я сделала что-то ужасное. Я просто не могла вспомнить.

Сестра Лилит только немного говорила о браке. За короткое время, она повторила все то, о чем говорил Джейкоб. Очевидно, так жили все в «Свете». Однако, вместо того, чтобы раскрыть детали относительно моей роли в качестве жены в «Свете», она подчеркнула, что я была женой Члена Собрания. И что из-за этого мое поведение — она подразумевала инцидент — плохо отразилось не только на Джейкобе, но также и на всех женах членов Собрания. Она сказала, что остальные одиннадцать женщин были возмущены моим поведением, и вся община ждет указа Отца Габриеля. Одним из вариантов наказания все еще оставалось изгнание. Если будет выбран этот вариант, то Джейкоб также будет изгнан. Она сказала, что, хотя Джейкоб несет ответственность за мое наказание, мое поведение столько значит для сплоченности общины, что его члены с нетерпением ждут указа Отца Габриеля. Стоит ожидать последствий не только от Джейкоба, но и от Отца Габриеля. Если бы Бог не наказал меня моими травмами, то определенно последовали бы другие наказания.

Ничего из этого не было сказано перед Рейчел.

На протяжении большей части тренинга я была введена в ложное чувство безопасности, сидела рядом с Рейчел и внимательно слушала, как Сестра Лилит рассуждала об учении Отца Габриеля и убеждениях, объединяющих всех в «Свете». Я не помню вещи, которые она рассказывала, и многое казалось непонятным, но в то же время какие-то моменты казались знакомыми.

Я не дремала, хотя Рейчел подшутила, что я могла бы. Я была внимательна и ответила на все вопросы Сестры Лилит, кивая или качая головой. Я не могла объяснить это мое побуждение ничем, кроме нового желания не причинять дополнительных неудобств Джейкоба в дальнейшем. Когда Рейчел позвали, чтобы помочь с другим пациентом, она спросила Сестру Лилит, закончила ли она. Сестра Лилит сказала, что да, но она не закончила. Она выжидала, как змея в траве.

В моем нынешнем состоянии обвинения Сестры Лилит ударили меня сильно. Я не знала, как реагировать. У меня не было достаточно информации. Технически я не должна была ничего говорить, но я не знала, как реагировать. Тем, что меня расстроило, было обещание Сестры Лилит, что грядет наказание — наказание за грубое неподчинение. Затем, когда она собралась уходить, то прошептала о своем обещании вернуться утром, чтобы провести со мной больше времени наедине.

Я никак не могла понять, но за те три дня, что прошли, как я очнулась, я видела, как ускользала от меня моя настоящая личность. Каждый день, пока я сомневалась в

собственной идентификации, ответ становился более ясным. Я была Сарой Адамс. Хотя я все еще хотела понять странности этого незнакомого мира, все большая и большая часть меня хотела быть Сарой, той, которую ожидал увидеть Джейкоб.

Может быть, я схожу с ума. Меня больше не заботили цвет моих волос или черты лица. Я хотела осознать состояние своей души. Как я могла стать той, кто так сильно плакал дважды за последние два дня? Но по моим щекам скользили не просто слезы. Нет, я безобразно рыдала, так сильно, что болело в груди, из моих глаз и носа текло настолько обильно, что не только мое лицо, но и моя подушка были мокрыми.

— Сара?

Я так растерялась от слов Сестры Лилит, что даже забыла о том, что здесь был Джейкоб. Когда моя кровать просела, я медленно повернулась в его сторону. Это была не храбрость, что давала мне силы, встретиться с ним, хотя, по словам Лилит, я должна была поворачиваться к его гневу. Это было сочетание стыда и долга. Я подвела его, и как его жена, я должна была узнать свою судьбу.

Мои виски гудели, но я пыталась рассуждать. Можно ли мне говорить или спросить о том, что случилось?

Нет. Я не должна задавать вопросов. Мне нужно дождаться ответов.

О, Господи! Ожидание было хуже, чем осознание своей судьбы. В тишине Джейкоб удерживал мой подбородок, пока убирал ограничитель с кровати. Он присел, его нога прикоснулась к моей руке, он нежно вытирал мое лицо, убирая следы моего упадочного настроения уже во второй раз за последние два дня. Я ожидала наказания, но в считанные мгновения его тихая поддержка дала мне силу. Сдерживая рваное дыхание, я дрожала, пробуя осознать его противоречивые реакции.

Вместо наказания, его большие руки приносили нежность. Вместо холодного гнева, его тело снова передало мне тепло. В сильном и сдержанном голосе звучало сострадание.

— Здесь больше никого нет, ты можешь говорить. Что случилось? Почему ты плачешь?

Я вдохнула воздух, чтобы остановить рыдания. Он крепко держал мой подбородок, а я в это время сравнивала его действия и слова Сестры Лилит. И они не совпадали.

Хотя я поняла, что была полностью в его власти, что-то взывало к моему сердцу. Из внутреннего хаоса я услышала голос. Он мягко прошептал: *Поверь в себя. Ты сильнее всего этого. Всегда будь честной.*

— Сара, не заставляй меня повторяться. Ты расстроена. Часть моих обязанностей — это помогать тебе. Я не могу помочь тебе, если ты не расскажешь мне, что случилось. Тебя расстроила встреча с сестрой Лилит?

Быть честной... Я кивнула.

— Дай мне услышать тебя, — сказал он с нажимом. — Комиссия знает, что ты говоришь. Я попросил, чтобы твоя речь ограничивалась только общением со мной. Я скоро узнаю, было ли мое ходатайство удовлетворено. — Он замолчал. Когда я не ответила, он повторил снова, второй раз с большим нажимом, чем раньше. — Сара, говори.

Ты сильная...

— Я так запуталась.

Джейкоб обхватил мои щеки и притянул ближе к своему лицу, пока наши носы не столкнулись. Он спросил:

— Что случилось? Почему ты запуталась?

— Я не понимаю, что происходит. Я не помню, что случилось или что я сделала, но она

сказала, что это что-то ужасное... — мой голос дрожал.

Наклонив мою голову вперед, Джейкоб поцеловал мои волосы.

— Послушай меня.

Кивнув, я попыталась оценить его ответ, но его голос был мягким и нежным.

— Говорить тебе о том, кто ты и что сделала совсем не забота Сестры Лилит. Ты — моя ответственность. И мы пройдем через это вместе.

— Но Собрание. — Мои фразы обрывались из-за затрудненного дыхания. — Я поставила под угрозу твое положение, и она сказала, что я опозорила всех жен Собрания.

— Она сказала тебе это?

— Да, и то, что мы можем быть изгнаны... я даже не понимаю, что это значит, но весь твой труд в Собрании и Отец Габриель... — я глотнула кислорода, который не задерживался в легких. — Прогонит нас.

— Когда она говорила, ты вербально реагировала на нее?

Моя голова начала двигаться из стороны в сторону, как только он начал задавать вопрос.

— Нет. Я ни с кем не разговаривала, ни с кем, кроме тебя.

— И она сказала все это перед Рейчел?

— Нет, Рейчел пришлось уйти. Сестра Лилит сказала это, когда мы остались одни.

Руки, которые все еще держали мое лицо, напряглись, но голос его оставался спокойным и успокаивающим.

— Конечно, она это сделала. Она не знала, что ты способна повторить это мне. Не волнуйся. Я только что был на Собрании, с Комиссией и Отцом Габриелем. И откровенно говоря, я не думаю, что нас могут изгнать.

Я накрыла его руку своей.

— Ты расстроен. Я чувствую это.

Он снова поцеловал мои волосы.

— Я расстроен, но не из-за тебя. Ты помнишь мужа Сестры Рейчел?

— Я ничего не помню, но она говорила о нем. Его зовут Бенджамин.

— *Брат* Бенджамин. Все мужчины заслужили титул, — поправил он. — И да, если ты не помнишь его, то, вероятно, не помнишь, что он тоже в Собрании. Ты заметила, что Рейчел стыдилась тебя?

— Нет. Она нет, но почему? Почему Сестра Лилит сказала это?

Он отпустил мои щеки, и его палец прикоснулся к моим губам.

— Никаких вопросов.

Я снова опустила лицо и выдохнула.

— Джейкоб, я не так хороша в этом. Я действительно не могу вспомнить, почему я была в твоём грузовике, или почему со мной произошел несчастный случай. Я не могу вспомнить ничего, что происходило более чем три дня назад. Кроме того, я чувствую, что не очень хороша в этих правилах. Я не понимаю, почему ты женился на мне, зачем я здесь, в «Свете»... Я не подхожу на роль жены члена Собрания. Ты просто должен позволить им изгнать меня, прежде чем ты, в конечном итоге, потеряешь все, чего добился. Я не та, кем ты меня считаешь. — Рыдания прошли, но слезы продолжали течь.

Джейкоб поднял мои руки и поцеловал костяшки пальцев. Слабая улыбка коснулась моих губ, когда я вспомнила, как он сделал то же самое сегодня утром. Оборачивая свои руки вокруг моих, он начал:

— Сара Адамс, ты моя жена. — Он говорил это не так, как, когда просил меня повторять за ним. На этот раз в его голосе звучала мольба. — Я женился на тебе, и ты вышла за меня. Я бы сделал это снова с еще большим удовольствием. Для меня большая честь быть членом Собранин, но я также удостоился чести быть твоим мужем. — Он наклонился, и наши лбы соприкоснулись. — Этот путь не будет легким, но никогда не сомневайся в том, кому ты принадлежишь и с кем ты. Я не знаю, что бы я делал без тебя, и я молюсь, о том, чтобы никогда этого не узнать.

— Мы поклялись в нашей преданности к «Свету» и Отцу Габриелю, но перед этим мы клялись в любви друг другу. Если мне придется начать с самого начала и пересказать всю нашу жизнь снова, чтобы помочь тебе вспомнить, я сделаю это. Я сделаю все, что нужно, для того, чтобы помочь тебе вспомнить. Сара, я бы снова женился на тебе. — Мое сердце забилося сильнее. — Сара, ты выйдешь за меня?

Я не могла говорить, потому что его слова проникали все глубже и глубже в мое сердце. Мои слезы высохли. Там, наверное, уже ничего не осталось. Однако, ком в горле продолжал расти, мешая мне ответить. Мужчина, который держал мои руки, и подтверждение его любви переполняли меня. Несмотря на все мои недостатки, он заявлял о своей преданности мне и нашему браку. Я потерялась в его руках, в окружении его мужественного запаха. Я подумала о том, заслуживала ли я его неизменную любовь. Я не знала.

И затем я вспомнила голос: *Поверь в себя*. Я бы поверила, даже если я не заслуживала любви Джейкоба в прошлом, я заслужу ее в будущем. Потому что впервые, часть меня хотела этого.

— Сара?

Я подняла на него свои невидящие глаза, оставив лишь шепот между нашими губами.

— Да, Джейкоб, думаю, я бы вышла за тебя снова.

Наши руки были все еще соединены, и наши губы слились воедино. Его губы твердые и требовательные, сейчас были мягкими и сговорчивыми. Его поцелуй дарил и брал в равных частях, вызывая бурю эмоций глубоко внутри меня. Моя душа больше не плакала от стыда; мое тело кричало от желания. Без размышлений, я добровольно сдалась мужчине с горячими губами. Его поцелуй пробудил меня, мое тело, и мою тоску. Я не сомневалась, что этот мужчина наполнял мои дни и ночи невероятной страстью. Только один поцелуй, и меня больше не интересовало, каким был мой муж в спальне, я знала это. Он был мужчиной, который бескомпромиссно завоевывал и щедро одаривал.

Когда наши губы разомкнулись, Джейкоб спросил меня с улыбкой в голосе:

— Тебе уже лучше?

— Да, спасибо. — Спокойное тепло разлилось по моему телу, когда я подумала о том, что он сказал, когда нашел меня плачущей. Он сказал, что поддерживать меня — это часть его ответственности. Я до сих пор не могла осмыслить все то, что происходило вокруг, но моя жизнь становилась яснее. Я принадлежала ему. Да, он наказывал меня, но также он делал вещи, которые помогали мне чувствовать себя лучше. — Джейкоб?

— Да?

— Я не помню ничего из нашего прошлого, не хочу врать тебе и говорить, что помню. Но у меня есть ощущение, что мы не те, кто мы есть. Но мы же не станем обманывать друг друга, верно?

— Честность — лучший вариант.

— И еще кое-что, — сказала я.

— Продолжай.

— Мне не нравится идея быть наказанной, но нравится то, как ты оберегаешь меня. Я помню, ты сказал, что я не могу спрашивать, и я бы не хотела этого, но, надеюсь, что ты будешь терпелив со мной. — Я позволила своей улыбке стать ярче. — Потому что я очень хочу быть твоей женой снова, во всех смыслах. Твой поцелуй... — Кровь прилила к моим щекам. — Ну, так как мы женаты, я, надеюсь, что могу тебе сказать это. Твой поцелуй заставляет меня желать больше, заставляет меня желать вспомнить. Я прошу прощения, за то, что случилось. Спасибо, что остаешься со мной.

— Я всегда буду с тобой. И я также буду терпелив, но и буду наказывать тебя, оставаясь терпеливым. Я говорил тебе, наказание делается не со злости, это делается для тебя. На самом деле, ты только что сказала кое-что...

Я затаила дыхание.

Он продолжил:

— Ты сказала, что не можешь спросить. Это не совсем так. Ты можешь спросить... на самом деле, многие вещи ты должна спрашивать. Я сказал тебе, что ты не можешь задавать вопросы. Вот в этом разница.

— Я не понимаю.

— Ты можешь спросить моего разрешения для вещей, которые тебе нужны или ты их хочешь. Вспомни, мы говорили о том, чтобы попросить воды, попить.

Я помнила.

— То, что ты не можешь делать — это задавать вопросы. Когда я сказал тебе, что расскажу, что произошло до аварии, но не сейчас, ты спросила почему. Этим ты поставила под сомнение мое слово. Эти истины, причины приказов, решений и даже наказаний, я не должен тебе объяснять. Как женщина, ты должна принять их, как веру в то, что твой муж или любой мужчина «Света» знает правильные ответы. Я обещаю, что никогда не буду принимать решений, которые могут нанести кому-либо из нас вред.

— Но ты... — Я тут же остановилась, сжав губы, мое сердце застучало быстрее.

— Но я что?

— Не думаю, что я вправе закончить это предложение.

— Но я... *буду наказывать тебя?* — спросил он, в сущности, закончив мое предложение.

Я кивнула.

— Ты права. Обычно тебе нельзя было бы заканчивать это предложение, или начинать его, это важно; однако, чтобы помочь тебе вспомнить и, наконец, понять, необходимо сделать определенные исключения, и мой ответ — да. Да, я накажу тебя, если это будет необходимо. Наказание — не вред. Оно может нести боль, но это не вред. Вред означает физическую или психологическую травму. Зачем мне причинять вред моей жене, женщине, которую я клялся любить и оберегать?

Я этого не знала. Было так много вещей, которых я не знала. Сглотнув, я ответила:

— Спасибо. — Я дотронулась до его лица заживающими кончиками пальцев. Я изучала черты мужчины, которого мне хотелось запомнить. — За то, что любишь и оберегаешь меня. Спасибо тебе за терпение и исключения. Я знаю, что они возможны, по твоему усмотрению, но знание, что ты будешь их давать, делает меня счастливой. Я действительно пытаюсь это понять. Я хочу быть женой, на которой ты женился, единственной, которую ты желаешь.

— Я знаю, что стараешься. Ты всегда будешь единственной.

Наши губы вновь соединились. Хотя поцелуй был и недолгим, но вкус его губ смешался с установившейся между нами связью, и это вызвало новую вспышку страсти.

— Миссис Адамс, — сказал он с придыханием, — у вас есть над чем поработать, прежде чем вы станете снова моей супругой *во всех отношениях*, говоря твоими словами, не моими. Пока мы будем ждать, когда это произойдет, я надеюсь, ты понимаешь, что мне хочется этого также. Я не буду торопить тебя, но знай, что я этого хочу.

Я почувствовала, что Джейкоб знал способы получения желаемого. Когда он встал, мои щеки залило румянцем. Правда заключалась в том, что я также хотела этого.

— Алло? — так как я не слышала, как отворилась дверь, я решила, что Джейкоб говорил по телефону. Он продолжил, — Да, это отличные новости. Спасибо Вам... Оу? Что?... Нет, я не слышал это от него, но, до тех пор, пока в палате нахожусь я, проблем не будет ... Когда? ... Да, мы будем готовы... Спасибо вам, Брат Даниель.

Спустя несколько мгновений он повернулся ко мне.

— Сара, это насчет обеда, Брат Даниель только что сказал мне, что сегодня после еды тебе заменят гипс.

— Хорошо. — Это звучало так, будто мне не нужно было что-то говорить насчет этих назначений, но почему кто-то другой говорит Джейкобу о том, как за мной ухаживать? Разве эти решения не должен принимать доктор Ньютон?

Одеяло съехало с моих ног, вызвав при этом дрожь в теле от холодного воздуха.

— Тебе действительно так будет лучше: начнешь ходить и восстановить мышцы. — Его руки проскользнули под меня, и он сказал, — Я собираюсь поднять тебя.

Я кивнула и приготовилась почувствовать боль.

— Почему ты делаешь это? — спросил Джейкоб, неся меня в ванную.

— Делаю что?

— Кусаешь губу. Это не ново. Но сейчас, без твоих глаз, я слежу за твоими губами. Я думаю, что однажды ты можешь прогрызть в них дыру. — Я начала хихикать, но снова закусила губу, когда он опустил мою здоровую ногу на пол. После того как я уже могла сама стоять на полу, я отпустила свою губу и сказала.

— Я не задумывалась об этом, но возможно это от того, что, таким образом, я пытаюсь уменьшить боль от сломанных ребер.

Он пригладил мои волосы, заправляя некоторые пряди за ухо.

— Я не хочу, чтобы у тебя болели ребра. Я не хотел, чтобы это все случилось.

Конечно, нет. Кто бы хотел, чтобы его жена попала в автомобильную аварию?

— Я знаю. На это потребуется время, но все заживет.

Он поднял мою рубашку.

— Даже с синяками, ты прекрасна. — Он неожиданно провел пальцами по моей груди, посылая мурашки вверх и вниз по коже, ловя вздох с моих губ, — Я надеюсь, что исцеление не займет слишком много времени.

Потянувшись к его плечам, я стояла совершенно неподвижно. Только звук дыхания отдавался эхом по всей ванной. С трепетом он опустил мои трусики. После того, что казалось вечностью, он поднял мои руки к ручке-опоре.

— Тебе лучше сесть, а мне лучше оставить тебя в одиночестве.

Я кивнула, интересно, было ли мое желание столь очевидным для его глаз, как его — для моих ушей.

Как только я справилась со всем, и он понес меня в кровать, я спросила:

— Будет ли просьбой или вопросом, спросить, что ты имел в виду, говоря по телефону о том, что ты будешь присутствовать? Надеюсь, это про Сестру Лилит. — Я добавила последнюю часть в надежде уйти от формулировки вопроса.

Джейкоб сделал глубокий вдох и выдох.

— Что будет допрос. Я знаю, Лилит расстроила тебя. Она больше не вернется сегодня.

— Она сказала, что вернется завтра, и мы снова останемся с ней наедине.

Джейкоб опустил меня в кровать.

— Да, она придет, и вы останетесь наедине, но я удостоверюсь в том, что она не будет обсуждать с тобой то, чего не должна. Если я вернусь завтра к расстроенной жене, такой, как ты была сегодня, то буду говорить с Комиссией, и я гарантирую, что сестра Лилит окажется в худшем положении. — Он подвернул одеяло вокруг моих ног. — Она может быть женой члена Комиссии, но она все еще женщина. И Комиссия одобрила мое ходатайство. Ты можешь говорить со мной и только со мной.

— Спасибо, — ответила я, кивнув.

— Спасибо? — переспросил Джейкоб. — Тебя устраивает такой вариант?

— Да, и, хотя мне бы хотелось поговорить с Рейчел, но, если мне можно говорить только с тобой, я не могу говорить с Сестрой Лилит, а это значит, что она может задавать только «да-нет» вопросы. Я действительно не хочу говорить ей больше, чем это, и к тому же доктор Ньютон...

— Что насчет доктора Ньютона?

Я выдохнула, надеясь, что моя честность не принесет мне беды.

— Я понимаю, что он мужчина и заслуживает уважения, но я очень странно чувствую себя рядом с ним. — Я сидела очень тихо и ждала своего наказания.

Джейкоб прикоснулся к моей щеке.

— Сара, не бойся быть честной со мной. Мне необходимо знать эти вещи, чтобы защитить тебя. — Он усмехнулся. — Возможно, настал Божий час.

Я не поняла, что он имел в виду, поэтому ждала.

— Твой вопрос, о том, что я сказал по телефону о присутствии. Это не о Лилит. Речь шла о докторе Ньюtone. Я запретил ему быть с тобой наедине во время любой медицинской процедуры. Я должен присутствовать.

Я улыбнулась и протянула к нему руки.

— Он всегда был таким? Ты защищаешь меня?

Муж прикоснулся к моим губам.

— Я защищаю тебя, но перестань. Я же не могу быть терпеливым так долго.

Его веселый тон заставил меня улыбнуться. Когда я тихо опустилась на подушки, ожидая обеда, то решила, что впервые в этой жизни чувствовала себя хорошо, и все происходящее больше не казалось неправильным.

Глава 12

Сара

Я повернула свое лицо на звук открывающейся двери. Даже спустя почти две недели мое тело реагировало на звуки так, как если бы я могла видеть, но я не могла. Пока не могла. Я даже не пыталась. Повязки мне всегда меняли в ванной комнате с закрытыми дверями и выключенным светом. Рейчел сказала мне, что комната может также использоваться в качестве фотолaborатории, если я когда-нибудь надумаю проявлять пленку. Я этого не делала, но было неплохо узнать об этом.

Доктор Ньютон объяснил, что выздоровление потребует времени. Он был особенно обеспокоен повреждением, нанесенным вспышкой от взрыва и предупредил, что преждевременное воздействие света может нанести непоправимый вред.

— Привет, Сара.

Узнавание знакомых голосов скоро станет одной из моих особенностей. Взволнованная, я не твердо стояла на ногах.

— Элизабет! Я не знала, что ты зайдешь ко мне сегодня.

Она бросилась ко мне и поддержала за плечи.

— Тебе обязательно это делать? Стоять самостоятельно?

Я кивнула.

— Я могу делать даже больше. Я могу ходить. Смотри! Сказала я, делая один шаг за другим. — Мы с Джейкобом обошли эту комнату уже много раз. Я знаю каждый квадратный сантиметр. Пока никто не передвигает мебель, я хорошо справляюсь. Получается не очень быстро, но хорошо.

— Отлично, посмотри, как ты ходишь! Ты начнешь снова бегать прежде, чем поймешь это.

Я остановилась и повернулась на ее голос.

— Бегать?

— Не смотри так испуганно. Ты знаешь, что я имела в виду.

— Я не испугалась. Да, знаю. — Мое сердце затрепетало. — О, я помню о беге. Я бегала. Я это любила.

— Ты вспомнила это прямо сейчас?

Осторожно сканируя рукой пространство, я нашла путь к креслу и присела. Когда моя рука ощупала подушку из искусственной кожи, я улыбнулась. Я была права насчет ткани.

— Нет, это произошло не сейчас. Это было в один из первых дней после того, как я пришла в себя. Я точно не помню. Это было прежде, чем я смогла говорить, и я чувствовала себя ужасно. Я не знала, где я была или даже кто я. Я чувствовала, что вот-вот взорвусь, но не могла. У меня не было клапана для сброса давления. Ты понимаешь, что я имею в виду? — Я сделала паузу, для того чтобы услышать ее ответ. Когда она не ответила, я хихикнула. — Эй, я не могу видеть, как ты киваешь головой. Так что я бы оценила словесные подсказки, чтобы наверняка знать, что ты все еще там.

Элизабет засмеялась.

— О, прости, я все еще здесь. Итак, как ты вспомнила, что любила бегать?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Я только думала о том, чтобы успокоиться, снять стресс и найти себя. Я

вспомнила себя бегущей по лесу. Там были высокие деревья и поляна. — Я сжала губы и продолжила. — Не знаю. Там был солнечный свет, который пробивался сквозь листву. — Я снова пожала плечами. — Вот и все.

— Вау, в эту пору года немного солнечного света. Должно быть это было лето. А ты помнишь что-то еще до аварии?

Я покачала головой.

— Это не честно, ты должна давать мне словесные подсказки.

— Предполагаю, что нет. Я готова обменять возможность качать головой на возможность видеть.

— Надеюсь, что скоро ты сможешь делать и то, и другое.

Я вздохнула.

— Я тоже на это надеюсь.

— Итак, есть еще какие-то воспоминания?

— Не совсем. Но хорошая новость в том, что некоторые вещи становятся более знакомыми. — Я улыбнулась так широко, как могла. — И более комфортными. Например, я узнаю твой голос и могу улыбаться. Мой бок все еще болит, но головные боли уже не такие частые.

— Это прекрасно, и ты можешь ходить! — тон ее голоса стал серьезнее. — Если ты вспомнишь что-то еще, то не забудь сказать об этом Брату Джейкобу. Я думаю, он будет очень рад твоим воспоминаниям.

Я нашла строчку на своей рубашке и потянула.

— Сара?

Я не ответила.

— Ты рассказала ему о том, что вспомнила бег, не так ли?

— Нет, я думаю, что забыла об этом, пока ты не упомянула. Кроме того, я уверена, что у него есть другие заботы, о которых стоит беспокоиться, чем несколько моих случайных воспоминаний.

Элизабет приблизилась и коснулась моего колена. Судя по направлению, из которого пришел ее голос, она наклонилась или стояла на коленях на полу.

— Несколько случайных? Ты рассказала только о беге.

— Да, только бег и лес, и солнечный свет. Это не так уж важно.

— Ты принимаешь свои лекарства?

— Конечно, у меня нет выбора. Я даже не знаю, что принимаю. Каждое утро Джейкоб или Рейчел дают мне чашку с таблетками, и я выпиваю их. Я хотела спросить, — я откинулась назад и вздохнула, — Но не могу.

— Нет, не можешь. А также ты не можешь хранить секреты от Брата Джейкоба. Если бы я не сказала Люку что-то... ладно, только пообещай, что скажешь ему о воспоминаниях в следующий раз.

Мои мышцы сковало.

— Я не скрывала это от Джейкоба. Просто забыла.

— Тогда скажи ему это. Что когда ты это вспомнила, то не могла говорить, он должен понять, — Она погладила меня по колену, — Эй, хватит об этом. Ты уже слушала записи?

Я кивнула, все еще думая о Джейкобе. Неужели он действительно может расстроиться из-за такой банальной вещи? Дела шли хорошо. Я лучше справлялась: меньше задавая вопросов и больше спрашивая разрешения. Это было непросто. Я не была уверена в том, что

от природы мне присуща любознательность, хотя, если это было так, то, наверное, поэтому я пыталась так много вспомнить. В любом случае, с вопросами стало легче. Обычно, когда я хотела начать задавать вопрос, то успевала поймать себя.

Я была ошеломлена, когда он впервые сказал мне, что я могу говорить со всеми, кто приходил ко мне. Но он успокоил меня, сказав, что это безопасно. Джейкоб хотел разрешить только определенным людям посещать меня. Тем не менее, я знала, что одним из моих посетителей будет Сестра Лилит. Однако, после того дня, как у меня случилась истерика из-за разговора с ней, она никогда не приходила одна. Сестра Рут, жена Брата Даниеля, приходила с ней. Я не знала, было ли это дело рук Джейкоба или нет, но мне нравилась Сестра Рут и ее компания. Она мало говорила, но была любопытной и всегда пахла ванилью. Когда я утонула в ее объятиях, то поняла, что Сестра Рут была крупной женщиной. Я не помнила эту жизнь, но я выяснила, что женщины могли быть более свободны в общении друг с другом, чем с мужчинами, я знала, что спрашивать о чьем-то весе или размерах было неприлично. Я не хотела оскорбить ее. В ее присутствии, Сестра Лилит никогда не упоминала несчастный случай или мое неизбежное наказание. Она говорила о моем положении как жены члена Собрания и о важности учения Отца Габриеля, и мы учились.

Сначала, я училась из любопытства. Я хотела понять наш мир лучше. С течением времени мне хотелось узнавать больше.

— Сара?

— Прости. Да, я слушала их, много. Это единственный шум, который я слышу, когда остаюсь одна. Мне нравится слушать голос Отца Габриеля. Он такой эрудированный. Я слушаю его и прохожу обучение с Сестрой Лилит, и думаю, все это имеет смысл. Так мне кажется.

— Тебе кажется?

— Я просто удивляюсь, почему я не могу вспомнить ничего из этого. В смысле, это очень интересно и некоторые записи довольно глубокие. Полагаю, я не должна была забыть этого.

— Ты и не должна! — беспечно сказала Элизабет, — Вот почему ты слушаешь эти записи и проходишь обучение с Сестрой Лилит, так и не забудешь.

— О, Элизабет, пожалуйста, расскажи мне что-нибудь, о чем-нибудь за пределами этой комнаты. Я схожу с ума здесь. Теперь я могу ходить и не могу дождаться возвращения домой.

— Ну, это время года, не подходит для того, чтобы проводить много времени на улице, но северное сияние, наверняка, великолепно.

— Северное сияние?

— Ну, знаешь, красочные полосы света в небе, северное сияние.

— Хм, знаю.

— Сара, они прекрасны. Это лучшая часть в темное время сезона...

Я попыталась представить, что описывала Элизабет, когда она говорила о переливе цветов. Видимо цвет менялся, как правило, он был ярким желто-зеленым, но в последнее время сияние были красного, синего и даже фиолетового цветов. Волнение, звучащее в ее голосе, заставляло представлять это еще красивее. Хотя я представляла это явление природы, я не могла дождаться момента, когда смогу его по-настоящему увидеть.

Если я видела подобное ранее, то почему не помню этого?

— Я думала, что нужно быть на Севере, чтобы увидеть северное сияние? — спросила я,

когда она остановилась.

— И ты на севере, глупышка. Я думаю, найдется очень мало людей, которые бы находились севернее нас.

Дверь открылась и Элизабет замолкла. Мой пульс участился, когда она взяла меня за руку. Ее рука дрожала, когда она, молча, помогла мне встать. Я собиралась спросить ее о том, кто пришел, когда он заговорил:

— Сестра Сара, Сестра Элизабет.

Я слотнула и вцепилась в руку Элизабет для поддержки. На мгновение я боялась, что упаду, так как мои колени подогнулись. Я знала этот голос, я слушала его несколько часов в день. Отец Габриель был в моей комнате. Пока я пыталась соображать, я поняла, что одета только в ночную рубашку и халат, и стояла в нескольких шагах от нашего лидера. Стыдливо я пыталась сильнее натянуть отвороты халата ближе друг к другу.

Что я должна была делать? Упасть на колени или сделать реверанс? Я не знала.

— Отец, — ответила Элизабет.

— Сестра Элизабет, прекрасно видеть, как вы помогаете вашей сестре.

— Да, Отец.

— И Сестра Сара, вы стоите. Наш Господь хорошо помогает вашему выздоровлению, — Он нашел мою руку, и держал ее, пока говорил, — Я слышал, вы чувствуете себя лучше, и хотел удостовериться в этом лично.

— О-отец Габриель, спасибо вам!

— Все в порядке Сестра, вы можете присесть. Вы внезапно побледнели. Возможно, вы неважно себя чувствуете.

Я опустилась в кресло и ответила:

— Отец, я просто слишком удивлена.

— Вы узнали меня. Вы помните мой голос.

Оу! Когда Джейкоб дал мне разрешение разговаривать с каждым, кто посещал мою комнату, я была уверена, он не ожидал, что это будет Отец Габриель. Но я уже говорила, и я не могла отказать в разговоре Отцу Габриелю, не так ли?

— Я слушала ваши проповеди. И слышала ваш голос на протяжении всех дней, что нахожусь в сознании.

— Это хорошие новости. Тем не менее, я надеюсь, что ваши воспоминания возвращаются.

Я опустила подбородок и покачала головой из стороны в сторону:

— Пока нет, мне очень жаль. Я пытаюсь.

— Это я и хотел услышать, Сестра. Это все, о чем мы можем просить. Я пришел, чтобы пригласить вас лично вернуться к посещению службы. Я знаю, что с вами работают Сестры Лилит и Рут, но я хотел бы видеть вас сидящей рядом с другими женами Собрания. Я думаю, пришло время заполнить ваше место.

— Да, Отец.

— Очень хорошо. Увидимся вечером.

— Вечером?

Кто-то еще зашел в комнату с Отцом Габриелем, он не говорил, и я не знала, кто это. Но по его тяжелому дыханию, я могла определить, что это мужчина.

О, черт! Неужели я только что задала вопрос Отцу Габриелю?

— Вечером, — повторила я более уверенно, — будет чудесно, если мой муж разрешит

мне. — Стук моего сердца отдавал в моих ушах, пока я пыталась понять: уберегла я себя или сделала еще хуже.

Нужно ли было разрешение моего мужа, или приглашение Отца Габриеля отменяет приказы Джейкоба?

— Очень хорошо, Сестра. Я вижу, что Брат Джейкоб был прав, повторное обучение путям «Света» проходит хорошо. Сестра Элизабет, вы должны помочь Сестре Саре собраться на вечернюю службу.

— Да, Отец, — ответила Элизабет, — с разрешения моего мужа, я с удовольствием сделаю это.

Когда она потянулась вниз и сжала мою руку, я выдохнула. Я сказала все правильно.

— Мы оставляем вас на ваши молитвы. До вечера.

— Спасибо вам, Отец, — в унисон произнесли мы с Элизабет.

Никто из нас не произнес и звука еще несколько секунд с тех пор, как закрылась дверь. Тишина продолжала расти, пока моя тревога не ослабла, и не прошел шок. Наконец, я сжала руку Элизабет и одновременно прошептала:

— Срань Господня!

— Сара! — воскликнула Элизабет с хихиканьем, — Никогда не позволяй Брату Джейкобу, или кому-нибудь другому из мужчин, слышать, что ты может такое говорить.

— Но Отец Габриель был здесь! О, я должна сообщить об этом Джейкобу. — Я встала и попробовала добраться до своей кровати. — Элизабет, мне нужна одежда. У меня есть что-нибудь здесь? Я не могу пойти на службу в рубашке и халате. — Опускаясь на кровать, я наклонилась вперед и обхватила руками голову. — О, Боже! Буду ли я наказана за то, что была одета в это, когда он пришел?

— Это на усмотрение Брата Джейкоба, но у тебя не было выбора. Тебя никто не предупредил о его визите. — Она говорила с другого конца комнаты, стоя у моего шкафа, — У тебя здесь есть юбка и свитер, но я не думаю, что ты можешь переодеться без...

— Я знаю, без разрешения Джейкоба, — Мой голос звучал удивленным даже для меня, — Будь честной, пожалуйста. Джейкоб расстроится? Я и вправду задала вопрос Отцу Габриелю?

— Я не могу предугадать реакцию Брата Джейкоба, но ты отлично выкрутилась, — Она села рядом и нежно погладила мой здоровый бок, — Отец Габриель даже улыбнулся, когда услышал твой ответ.

Он улыбнулся? Хорошо ли это?

— Кто был тот другой мужчина, и почему он не представился? Это же грубо. Ведь очевидно, что я не вижу.

Элизабет дотронулась до моего колена и понизила голос:

— Сара, я хочу помочь тебе. Я пытаюсь, но ты должна помнить. Если бы мы не были друзьями, я должна была бы сказать это Люку, а он бы сказал Брату Джейкобу. Другим мужчиной был Брат Тимоти, и ты должна помнить, что мужчина не обязан говорить с нами. Он говорит по своему желанию. Твои слова о том, что это было грубо, говорят о твоей гордыне. И фраза, которую ты использовала, делает тебя вульгарной.

Слезы катились из глаз, минуя бинты, спускаясь вниз по моим щекам:

— Вот этого я и не понимаю. Я не слишком хороша в этом. Действительно не понимаю.

Руки Элизабет обняли мои плечи, и она притянула меня к себе:

— Ты поймешь. Разберешься. И будешь лучше. Я ничего не скажу, но это должна

сделать ты.

— Что? — я отстранилась и села прямо.

— Наши мужья не могут быть с нами все время. Если мы честны с ними в наших прегрешениях, когда их нет рядом, это говорит им о том, что мы заслуживаем их доверия.

Гордая и вульгарная?

Еще больше слез покатилося по моим щекам.

— Нет, я должна быть сегодня на службе. Я не хочу, чтобы Джейкоб расстраивался из-за меня. Он мне нужен. Если я расскажу ему, он рассердится.

— Он не расстроится. Однако, если он решит, что твое поведение заслуживает наказания, он сделает это. Кроме как провести тебя к твоему месту на службе, он не сможет быть с тобой там.

— Не сможет? — переспросила я.

— Нет, его место среди членов Собрания. Как жены Собрания, мы сидим позади жен Комиссии.

— Поэтому Отец Габриель сказал тебе помочь мне? Ты будешь рядом со мной?

— С разрешения Люка. Буду. Так же, как и Рейчел. Я надеюсь, что Брат Бенджамин тоже не будет возражать.

Я нащупала ее ногу и погладила. Материал ее джинсов заставил меня задуматься.

— Ты в джинсах?

— Ну да, — хихикнула она в ответ. — Перемены не повредят.

— Вот уж точно, ведь для этого у меня и есть юбка. Кстати, а почему юбка?

— Ну, у тебя тоже есть джинсы, если ты об этом спрашиваешь. Я видела, что ты их носишь. Предполагаю, Брат Джейкоб решил, что юбку удобнее надевать с гипсом. — О, это имеет смысл. — И мы все надеваем платья или юбки на службу, даже когда холодно, — добавила она. — Большинство из нас одеты повседневно на вечернюю молитву. Но есть женщины, которые чувствуют, что следует торжественно одеваться для этого. Я уверена, ты заметила высокие каблуки Сестры Лилит. Я имею в виду, что мы носим практически все, что носили во тьме, ну, в пределах разумного. Все фасоны, которые появляются в наших магазинах, сначала должны быть одобрены Комиссией. Наши тела — это наши храмы, и мы не разделяем их ни с кем, кроме наших мужей.

Она сделала паузу и продолжила:

— Когда бывает очень холодно, как это бывало, будь — то работа или вечерняя молитва, большинство женщин «Света» одеты в джинсы и теплые ботинки. Честно говоря, Отец Габриель пропагандирует скромность, но границы скромности определяются нашими мужьями. Ты носила джинсы и теплые ботинки раньше. Я не думаю, что что-то должно измениться.

Я кивнула. Конечно, это все по его усмотрению. Абсолютно все должно быть одобрено моим мужем.

— Сара, еще очень рано. Служба начнется в семь. Я поговорю с Люком про то, чтобы помочь тебе, а он поговорит с Джейкобом.

Внезапно ко мне вернулись воспоминания о том, что говорила Сестра Лилит о женах Собрания.

— Элизабет?

— Что?

— Я шокирую тебя?

— Что? Нет?

— А другие жены Собрания ненавидят меня?

— Ну, конечно же, нет. Отец Габриель не проповедует ненависть, — Она обернула свои руки вокруг меня и крепко обняла. — Мы все сестры.

Я грустно улыбнулась:

— Спасибо тебе.

— Я буду на твоей стороне, пока Люк одобряет это. Кто знает? Может быть, ты сможешь узнать голоса.

Я кивнула.

Может?

С течением времени росло мое беспокойство. Хотя я слушала записи Отца Габриеля, я не могла сконцентрироваться. Слова «гордая» и «вульгарная» крепко засели в моей голове.

Как так получилось, что моя подруга расстроила меня, не Сестра Лилит, не Джейкоб, а моя подруга?

Может это потому, что меня волновало, что думает Элизабет. Я беспокоилась о нашей дружбе.

Если она примет решение больше не дружить со мной, если я не смогу вспомнить прошлое, если я слишком поменялась? Что произойдет, если я поступлю так, как сказала Элизабет и признаюсь Джейкобу? Разве недостаточно того, что мы собираемся идти на службу?

Вспоминая бег, я пыталась обойти свою комнату. Из-за гипса моя левая нога была длиннее правой, я хромала, и неровные шаги отдавались болью в сломанных ребрах. Но я продолжала идти. Свобода перемещения была важнее, чем боль. После длительного нахождения в кровати, я смаковала возможности стоять, ходить и сидеть по собственной воле. С каждой минутой ожидания Джейкоба мое предвкушение неведомого росло. Я знала эту комнату и была близка с ней. Я считала шаги от моей кровати до стены, от кровати до ванной, от кровати до... куда-либо еще в этих четырех стенах. Я знала, что меня ожидало здесь.

Что будет вне этой комнаты, на службе? Что будет, когда вернется Джейкоб?

Я покрутила головой и плечами, пытаюсь снять напряжение в мышцах. Мой разум хотел бежать, но мое тело едва справлялось с простыми шагами. Было очевидно, что сейчас мое тело пребывало не в лучшем состоянии. После нескольких кругов, я останавливалась, присаживалась отдохнуть, и затем повторяла все заново. Во время своих прогулок я останавливалась возле шкафа несколько раз, чтобы увидеть свою одежду. Конечно, я не могла ее видеть. Но я могла трогать и чувствовать. Элизабет была права, у меня должны быть джинсы дома, но здесь их не было. Преимущественно, то к чему я прикасалась было мягким и длинным, по моим предположениям, это были ночные рубашки. Я нашла юбку и свитер, которые упоминала Элизабет. Теперь я задалась вопросом о бюстгальтере. С тех пор как я пришла в себя я не носила ни одного. Это был еще один момент, который увеличивал мое напряжение.

Если сказать «срань», это вульгарно, что случится, если я пойду на службу без лифчика?

Возможно, мои упражнения были причиной, а может быть это был такой механизм

побега от реальности, но спустя несколько часов я устала и решила отдохнуть. Я находилась в мире снов, когда, наконец, вернулся Джейкоб. Хотя его приход разбудил меня, я продолжала лежать не шелохнувшись. Вспоминая о своих прегрешениях, я прислушивалась к его шагам.

Он расстроен или я нервничаю и у меня паранойя?

Из-за паники мою кожу покалывало, пока я пыталась расшифровать его настроение. Каждый звук его шагов отражался от стен и ускорял мой и без того подскочивший пульс. Медленно я повернулась, набравшись хоть немного из оставшейся храбрости, и сказала:

— Джейкоб?

Его шаги стали легче, он подошел ко мне и прикоснулся губами ко лбу. Я не понимала, почему он больше не целовал меня так, как неделю назад. Может быть, он все еще думал, что мне нужно выздороветь, прежде чем мы перейдем к более серьезной стадии наших отношений. И он не хотел, чтобы новый поцелуй привел к их ускорению. Прямо сейчас, я не знала, что мне нужно. Возможно, прощение — то в чем я нуждалась.

— Как прошел твой день? — спросил Джейкоб.

Черт! Что он имел в виду? Я должна обо всем ему рассказать? Или он уже в курсе всего?

Я хотела спросить, но лучшее, что я могла сделать — это ответить. Я переместила ноги к краю кровати и села, пригладила волосы и ответила:

— Полон событий.

— Правда? Расскажи.

Нотки юмора в его голосе придали мне сил.

— Элизабет приходила проведать меня.

— Неужели?! Чудесно. Думаю, вы мило поболтали?

— Джейкоб, пока Элизабет была здесь... — мои слова затихли.

— Что-то случилось?

Мое лицо побледнело, желудок скрутило, и выступил пот. Борясь с тошнотой, я продолжила:

— Да, вообще-то. Ты помнишь... — нет, глупая, это же вопрос. И я перефразировала. —

Я помню, ты говорил, что я могу разговаривать с каждым, кто приходит в эту комнату.

— Да, конечно, ты можешь разговаривать с Элизабет.

— Джейкоб, Отец Габриель приходил сюда после обеда.

— Продолжай.

«Черт, черт!!! Он слишком спокоен».

— Сара, расскажи мне о визите Отца Габриеля.

— Хорошо, ну, во-первых, я была шокирована. Я узнала его голос, когда он заговорил. Я слушала его записи. — Я затараторила. — Он был очень мил и сказал, что хотел бы видеть меня на службе сегодня вечером. Так как он скучает по моему присутствию среди жен Собрании. И что он был рад тому, что я чувствую себя лучше. О! И он сказал, чтобы Элизабет помогла мне сегодня вечером, потому что ты, кажется, должен сидеть рядом с членами Собрании. — Я задержала дыхание.

— Тогда, я думаю, что будет лучше, если мы подготовимся к вечерней службе.

Я кивнула, глотая желчь, которая поднялась к горлу от моего желудка.

— Это все? — спросил он.

— Все... что он сказал? Думаю, да.

Он сел возле меня и взял меня за руку:

— Может тебе стоит подумать получше?

Слезы потекли из моих глаз, просачиваясь сквозь повязку.

— Я же говорила тебе раньше, что не очень хороша в этом.

— Ты хороша, всегда была хороша. Тебе лишь стоит вспомнить. — Он прочистил горло

— Я не хочу спрашивать снова.

Я сделала глубокий вдох:

— Возможно, я задала вопрос Отцу Габриелю.

— Возможно, ты задала вопрос? — он переспросил, оставаясь спокойным. — Ты не знаешь?

Я встала и отошла от него. Держась за спинку стула для поддержки, я ответила:

— Я забыла какой сегодня день недели. Понимаешь, каждый день происходит одно и то же. Когда он сказал, что хочет видеть меня на службе, я забыла, что это бывает по средам. И была шокирована, так как он имел в виду сегодня.

— И что ты сказала?

— Я повторила: «вечером» и мой тон, возможно, прозвучал как вопросительный, потому что Брат Тимоти издал какой-то звук. Как только он это сделал, я поняла, что натворила. Я сказала это снова, и ответила ему, что я была бы счастлива быть там. Я добавила, что с твоего разрешения. Я попыталась сказать это так, чтобы это не выглядело вопросом. — Моя скоропалительная речь прервалась моим приглушенным рыданием, — Но я все-таки спрашивала. — Я перевела дыхание. — И после того как он ушел... Я прошептала Элизабет ругательное слово, которое, видимо, делает меня вульгарной. — Последнюю часть я признала подавлено.

— О! Я не знал о сквернословии.

Я кивнула, соглашаясь.

— Что-нибудь еще?

— Да, — я могла сказать, что это все, но, — Брат Тимоти не говорил, когда находился здесь. Я даже не знала, что это он был с Отцом Габриелем, до тех пор, пока не спросила у Элизабет. Я сказала, что было грубо с его стороны не обозначить свое присутствие. — Я пожала плечами, — Так как я не вижу. И, ну, она напомнила мне, что как женщины мы не должны ожидать слов от мужчин. И то, что я подумала о том, что он обязан был представиться, делает меня гордой.

Джейкоб поднял мой подбородок:

— Если я правильно понял, то мы имеем дело с вопросом, вульгарностью и гордостью. У тебя действительно, был богатый на события день.

Я пожала плечами, полностью обезоруженная его спокойным тоном.

— Мы все еще идем на службу?

— Да.

«Может, это все? Может, мне всего лишь следовало признаться?»

— Я могу начать готовиться?

— Ты, действительно, думаешь, что я могу оставить такое поведение без внимания?

Мой пульс застучал в ушах еще громче, чем раньше, и тело начало дрожать. Что он собирается делать?

— Мне очень жаль. Я стараюсь.

— Да, Сара, ты стараешься. В то время как вульгарность и гордыня, являются новыми, мы уже работали над вопросами в течение некоторого времени.

— И я готова...

Его палец коснулся моих губ.

— Это все еще комната для твоего восстановления. Разве ты не согласна?

Его палец оставался на месте, и я кивнула.

— Я считаю, что настало время для урока о последствиях, наказаниях, чтобы помочь тебе запомнить.

Хотя его рука не двигалась, я слегка отстранилась.

— Пожалуйста, я обещаю, — на этот раз он полностью прикрыл мне рот.

— Сара, не делай этого. Будет еще хуже. Ты знала, что последует наказание, когда признавалась мне, не так ли?

Я кивнула. Хотя я и надеялась, я предполагала, что будет именно так.

— Если бы мы были дома, мы сделали бы это в нашей спальне. Но раз уж мы здесь, иди в ванную и подготовься.

Он отпустил меня, но я не двигалась. Я не могла. Страх сковывал мое дрожащее тело.

— Сара?

— Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сделала.

— Иди в ванную, сними одежду, и жди меня.

— А как же служба? — мой внутренний голос кричал, взывая ко мне: Сара, перестань задавать вопросы! — мне очень жаль. — Пока я шла в сторону ванной, из моей груди вырывались рыдания. — Я сказала тебе все, я была честна с тобой. — Я не могла спрятать чувство собственного поражения в голосе, даже, если бы и захотела.

Я сделала, как он сказал, вошла в ванную, сняла одежду и стала ждать. Когда он не пришел, я нашла свой халат и накинула его на плечи. Я не надела его полностью, но мне не нравилось быть обнаженной наедине с собой. Я не была уверена, в том, как долго он заставил меня ждать, но каждая минута ожидания давалась мне тяжелее, чем предыдущая. Когда дверь, наконец, открылась, я сидела на закрытом унитазе, опустив голову.

— Возьми мою руку, — приказал он.

Я потянулась к нему. Когда наши руки встретились, я встала, и мой халат упал с плеч. Молча он передвинул меня к раковине и повернул к ней лицом.

— Положи руки на края раковины и не переставай считать, пока я не разрешу. Ты понимаешь?

— Да, — ответила я, мои влажные руки дрожали. Когда я ухватилась за край, они заскользили по гладкой поверхности. Я схватилась крепче.

— Отодвинься назад и расставь ноги. Держись.

Я продолжала повиноваться, еще не зная, что произойдет. Именно тогда я услышала отчетливый звук ремня, как он отстегнул его и вытащил из каждой петли.

Нет! Этого не может быть!

У меня подогнулись колени. Я прикусила губу и упала на раковину, все еще цепляясь за ее край. Первое касание не было касанием его ремня, это была его рука. Он положил ее на мою спину, растирая и согревая мою кожу.

— Сара, твоя честность заслуживает снисхождения. Тем не менее, моя обязанность следить за тобой и твоим поведением, — он продолжил ласкать, — Я хочу, чтобы ты помнила свое место, особенно сейчас, когда мы будем среди множества прихожан. Я хочу, чтобы ты запомнила правила. Я делаю это, чтобы помочь тебе. Ты понимаешь?

— Да, Джейкоб.

Я закусила губу между зубами. Хотя я ответила правильно, это было не то, что я хотела сказать. Я хотела закричать, сказать ему, что он сумасшедший, сказать ему, что я буду помнить в следующий раз. Что ему не нужно этого делать. Я тоже хотела сказать ему, чтобы он прекратил меня мучить, и не заставлял ждать. Но потом его ласки закончились, и я передумала. Я не хотела, чтобы он делал это. Я хотела умолять, чтобы он прекратил.

Неподвижный воздух наполнился свистом, а затем ударом.

Прошли доли секунды, прежде, чем я почувствовала боль. В эти миллисекунды, я знала, что никогда не забуду этого. Я также знала, что это никогда не происходило прежде. Если бы это случилось ранее, я бы запомнила, потому что уверена, я, мать вашу, никогда не забыла бы такое.

— Сара, ты должна считать. В следующий раз я не буду напоминать тебе.

В следующий раз? Да быть не может! Я сильнее этого.

— Один.

Свист. Удар!

— Два.

По моим щекам катились слезы.

Глава 13

Стелла

— Он работает в отделе по борьбе с наркотиками и убийствами, правильно?

Я недоверчиво смотрела на Бернарда, надеясь, что, может быть, мне послышалась некая недосказанность, или что болтовня других посетителей и звон посуды повлияли на мой слух.

— Эмм, да, работает, но я работаю на тебя. Ты бы хотел, чтобы я поделилась своими исследованиями с ним?

Губы Бернарда вытянулись в тонкую линию, прежде чем он ответил:

— Нет. Ты же знаешь, что нет. Я хочу, чтобы эту историю раскрыли мы, а не Департамент Полиции Детройта.

Он перегнулся через маленький стол в кафе, где мы встретились.

— Но, Стелла, в твоём распоряжении чертовски большие ресурсы. То есть, я знал, что вы двое были друзьями, но я не знал насколько близки вы были, пока он не позвонил мне. Парень был твердо намерен узнать твоё местоположение. — Он вздохнул и откинулся назад. Взяв свою чашку, Бернард спросил, — А если бы ты была на задании, вместо того, чтобы отправиться к медицинскому эксперту округа Уэйн? Он ожидал, что я скажу ему, где ты? — Его брови поднялись. — У меня сложилось четкое впечатление, что он не часто слышит ответ «нет»

Я покачала головой:

— Серьезно? Ты, Бернард Купер, с каких это пор тебя волнует, что кто-то не принимает ответ «нет». Я всегда думала, что тебе наплевать на слова и мнение других. По сути, это твоя визитная карточка.

— Я не принимаю слово «нет» вместо ответа, и да, это моя визитная карточка. — Его челюсти сжались.

Неуверенная в том, к чему это приведет, я ответила:

— Ты меня не понял.

— Я понимаю, что это пресечение личных границ, но, пойми и ты, я тоже очень переживаю за Минди, и я хочу быть уверенным, что ты в порядке. Принял бы детектив Ричардс от меня ответ «нет»?

О, Боже!

Я напряглась.

— Не знаю, должна я быть польщена или оскорблена. Позволь мне сказать тебе, что да, ты пресек границы. Но не один раз, а уже дважды. Во-первых, Дилан и я не говорим о работе, пока мы вместе. Мы понимаем, что это конфликт интересов. А значит, нет, я не буду просить его об информации, которая могла бы подтвердить слухи о том, что происходит нечто масштабное в сфере наркоторговли. Во-вторых, мои личные отношения — не твоё дело. В то время как я ценю твою заботу, я надеюсь, что ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что я не смогу быть с человеком, который не принимает ответ "нет". Я не так устроена. — Я сделала глоток кофе. Когда он не ответил, я добавила, — в заключение, я люблю эту работу, и я чертовски хороша в ней. Но если я могу сказать своему боссу, великому Бернарду Куперу, чтобы он не лез не в своё собачье дело, и что я не буду шпионить за своим парнем, а мой босс пусть засунет мое мнение себе в задницу, то, думаю, я справлюсь с Диланом Ричардсом. И поскольку ты признался, что не принимаешь ответ

"нет", то, может, мне стоит начать беспокоиться о твоей жене?

По выражению лица Бернарда и по цвету его шеи, я подумала о том, что, возможно переборщила со своим ответом. К сожалению, я никогда не была сильна в контроле над эмоциями. В работе я была хороша, но не тогда, когда это касалось моей личной жизни. Мой рот принимал свои собственные решения.

Это касалось двух сторон моей жизни: личной и профессиональной. И я должна была контролировать себя. Меня ослеплял факт, что я недостаточно мало сплю или беспокоюсь о подруге. Независимо от причины, я найду новую работу, но не позволю Бернарду Куперу или кому-нибудь другому заставлять меня делать то, от чего я чувствую себя некомфортно.

Чем дольше молчал Бернард, тем яснее становилось мое будущее. Наконец, я кивнула и достала телефон из кармана. Как только я начала вставать, Бернард заговорил:

— Итак, ты готова бежать с работы, которую любишь, потому, что я беспокоюсь о тебе?

Я села обратно:

— Я приняла твое молчание, как ответ на свои действия.

Уголки его губ приподнялись в улыбке:

— Мне нравится твое мужество. Я действительно его ценю. Не знаю, что будет, когда Минди найдут и опознают. Я только надеюсь, что у тебя хватит сил и мужества продолжать свои поиски, даже если когда-то тебя снова позовут на опознание в офис медэкспертов, и этот вызов не будет ложным. — Он понизил голос. — Я знаю, что я упрямый осел. Таким уж я являюсь. Но мне нравится твоя решительность. С тех пор как я нанял тебя. Не теряй ее. Никогда не иди на компромисс со своей совестью. В этом бизнесе и во многих других она заведет тебя далеко. — Он усмехнулся, — Черт, а может мне тебя уволить?!

Мои глаза расширились.

— Нет, потому что ты не просто хороша в своей работе, а потому, что ты чертовски хороша. Если я оставлю тебя, однажды, вероятно, ты займешь мое кресло.

Вау, такого я не ожидала.

— У тебя хорошее чутье, — продолжил Бернард. — Просто я видел подобное много раз. — Он опустил глаза к столу, теряя зрительный контакт лишь во второй раз за все время нашего знакомства. — Даже с моей сестрой. Это не то, о чем я хочу говорить, но это может быть причиной, по которой я хочу разоблачить столько несправедливости, сколько могу.

Кто этот мужчина?

— Запомни, — он продолжил. — Ты сильнее, чем кто-либо, кого я знаю. Придерживайся своей интуиции, чтобы выжить и самой оставаться на стороне правды. Не дай Дилану Ричардсу или кому-нибудь еще порушить твои мечты. — Он прочистил горло. — Я бы хотел сказать что-то вроде этого своей сестре. У тебя есть яркое будущее. Твоя реакция позволила мне думать, что ты веришь в него. Ты знаешь, что талантлива. Это не тщеславие. Это вера в себя. После того, как ты позвонила и сказала, что это не Минди, я подумал о звонке детектива Ричардса, его стремлении найти тебя, об исчезновении Минди, и как все это повлияло на каждого из нас, особенно на тебя. Несколько лет назад мой босс усадил меня и дал несколько отличных советов. Он сказал, что когда дерьмо попадает в вентилятор, то совсем не время уворачиваться от него. Это означает, что источник навоза близко и еще одна важная вещь: он растет. Несмотря на запах, это будет нечто большее. Помни это, особенно в нашем бизнесе, это значит, что мы близки. Так что надевай свои резиновые сапоги, водолазный костюм и вперед. Верь в себя, — он улыбнулся и посмотрел прямо в мои влажные глаза, — даже если это подразумевает послать своего босса. — И, если ты до конца

не поняла, в случае с моей женой, она единственный человек, который может сказать мне категорическое «нет».

Я вдруг переосмыслила каждую негативную мысль, которая у меня когда-либо возникала о Бернарде. О том, что если он и был напыщенным болваном, то это была маска, под ней был реальный человек. Почти на двадцать лет старше меня, он видел куда больше. Он варился в этом бизнесе две трети моей жизни. Прислушаться к его советам имело смысл.

— Спасибо. Я буду оставаться верной себе. Знать кто я, и кем меня вырастили мои родители. Вот почему я не перестану искать Минди. Это не значит, что я оставлю свою работу на тебя или WCSJB телекомпания, на которую работает Бернард и Стелла.

— Я знаю, что не оставишь.

Я выпрямила спину.

— Я также не буду использовать мои отношения с Диланом ради получения информации, для того чтобы использовать ее в расследовании и раскрыть дело. Бернард кивнул, выражение его лица было нечитаемым.

— Тогда если верить твоим данным, то там полная задница. У меня есть готовые сюжеты на ближайшие три недели, и у Фостер кое-что припасено, я смогу пустить это в эфир. Но я хочу больше. Я хочу выяснить, что происходит с пограничным патрулем, и есть ли связь между наркотиками и ростом пропавших без вести женщин.

Я уже начала подниматься, когда он велел мне убираться вон, но после его последних слов я снова села.

— Что ты сказал?

Его темные глаза сверкнули.

— Ты хороший слушатель. Это одно из твоих лучших качеств. К твоему сведению, я не сижу в офисе весь день, раскладывая пасьянс, оставляя тебе и Фостер все веселье. Я получил свою должность, потому что тоже занимался расследованиями. Ты и Фостер хороши, очень хороши. Вот почему вы мои следователи. Но это не значит, что я забыл, как сидеть в окопах. Мне все еще знаком мой путь по городу, и меня манит моя доля приключений. То, что ты сделала с той подставной адвокатской конторой «Престон и Батлер» — не единственная наша зацепка в этом деле.

— Ты три недели твердил мне о наркотрафике. Теперь ты внезапно вставляешь дело о пропавших без вести женщинах в это уравнение. Думаешь, что они связаны?

Он пожал плечами.

Я наклонилась вперед и понизила голос:

— Не играй со мной. Если ты хочешь, чтобы я разгадала эту чертову головоломку, почему бы тебе не поделиться со мной своими размышлениями. Со мной, одним из твоих старших следователей?

— Ты задаешь хорошие вопросы. Время найти на них ответы. — Он прищурился. — Подумай об этом.

Я не отводила взгляд:

— Ты и не ждал, что я соглашусь попросить помощи у Дилана или буду шпионить за ним, не так ли?

Он пожал плечом.

— Это был тест, ты меня проверял...

Он поднял чашку кофе:

— Поздравляю, Стелла, ты его прошла!

Вместо того, чтобы чокнуться с ним чашкой, я пристально на него взглянула.

— Успокойся. Я только недавно получил чаевые, и в свете случая с Минди, думаю, что это дело заслуживает расследования. Мне нужно быть уверенным, что, если я дам тебе расследовать его, ты сохранишь холодную голову, и не позволишь личной жизни встать на пути.

Я вздохнула и сжала губы.

— Я имею в виду, не только детектива Ричардса, хотя я не хочу, чтобы он знал, или, точнее, чтобы Департамент Полиции знал, что ты ведешь расследование. Я говорю о Минди. Этот случай может ничего не показать, или же он может пролить свет на все. Единственный способ узнать — это делать то, что я сказал. Пошла вон отсюда. Иди, проверь, что происходит сегодня на границе, поговори с твоими источниками и возвращайся в офис сегодня же. Тогда я поделюсь с тобой своими наработками.

— Спасибо, Берnard. Я буду держать телефон заряженным. Если я не услышу тебя, то увижу сегодня.

— Будь в офисе в три, даже если не узнаешь ничего нового.

Я бросила пятидолларовую купюру на стол и с улыбкой сказала:

— Ты уже перешагнул достаточно границ. Я сама куплю себе кофе.

Глава 14

Сара

Лязг пряжки ремня о пол поведал мне об окончании моего наказания. Мои всхлипывания и тяжелое дыхание Джейкоба были единственными звуками, отскакивающими от стен в ванной и грохочущими в моей голове. Последнее слово, которое, слетело с моих губ, было — пять. Хотя все уже закончилось, память об этом отзывалась эхом на расстоянии.

Пять. Пять. Пять.

Мое сердце сжалось, забыв свой нормальный ритм, и замерло в грудной клетке, пока моя обнаженная грудь лежала на прохладной, гладкой поверхности раковины. Неопределенность парализовала меня, заставляя меня не двигаться, пока край раковины впивался глубже в мои бедра, и мои пальцы дрожали от того, что устали держать мое тело. Но главным, что не давало мне двигаться, было то, что у меня не было на это его разрешения. Каким-то чудом мои руки оставались там же, где их разместил Джейкоб, их сковало в тиски, и это удержало меня и спасло от падения. Хотя мои руки и находились там, где им приказал быть Джейкоб, совсем не моя воля удерживала их на том месте.

Я ушла. Не в буквальном смысле. Нет, в буквальном смысле, я была пленницей в жизни, которая мне была ненавистна. Теперь я поняла, почему я не помню: потому что я не хотела этого помнить. Я ушла метафорически в существование вне этого тела. Тем не менее, моя отсрочка была недолгой, и теперь я вернулась. Наказание было исполнено, но боль продолжалась. След от каждого удара ремня Джейкоба горел. Огнем прожигал путь к центру мозга по моим нервным окончаниям. Вспышка за вспышкой, пока все мое тело не поглотило пламя.

— Сара, ты можешь отпустить раковину.

Потребовалось мгновение прежде, чем мой мозг и руки заработали. Я услышала его голос, но не смогла ослабить хватку. Когда, наконец, я это сделала, мои руки безвольно упали к моим бокам. Моя щека все еще прижималась к умывальнику, я ждала.

— Поднимись и дай мне свои руки.

Ремень не коснулся лишь моей спины и верхней части бедер. Разворот тела вернул интенсивность каждого удара. Кусая губу, я ощутила медный привкус крови. Возможно, я прокусила ее, как и предсказывал Джейкоб. Я выпрямилась, по-прежнему, касаясь раковины, опустила подбородок к груди и протянула свои руки.

Взяв меня за руку, Джейкоб направил ее в сторону моих ран. Кончики моих пальцев нащупали воспаленную кожу. Мои пальцы отдернулись, как будто доказательства его наказания были словно ожоги от пожара. Следы от горячих углей ждали, чтобы вызвать больше разрушений.

— Ты чувствуешь следы?

Я кивнула.

— Сара, это наказание должно помочь тебе запомнить. Может, тебе нужна дополнительная помощь, чтобы вспомнить о том, что нужно говорить, когда я задаю вопрос?

— Нет, я помню. — Мой голос звучал тихо и подавлено. Это было не потому, что я кричала. Я сохраняла молчание на протяжении всего наказания, за исключением счета ударов. — Да, я чувствую их.

— Твоя кожа не повреждена. Я говорил тебе, что никогда не причиню тебе непоправимый вред. — Он снова переместил мою руку к следам от ударов. — Так как ты не можешь видеть, я расскажу тебе как, они выглядят. Это красные, припухшие, воспаленные отметины на твоей бледной коже.

Я проглотила рыдания, которые сотрясали мои плечи, когда представила каждый след.

— Ты, возможно, не помнишь, что пять — это стандартное количество ударов за провинности. Сколько нарушений ты совершила?

Мое сердце заколотилось до такой степени быстро, что я готова была упасть в обморок. Я не смогла бы выдержать больше десяти ударов. Не смогла бы. Повернувшись к нему, я подняла свое лицо и умоляла. Паника сквозила в моем голосе:

— Три. Пожалуйста, не... я... не смогу...

Он мягко прикоснулся к моей щеке:

— Остановись. Я сказал, что твоя честность заслуживает снисхождения. Пять — это все, что ты получишь сегодня.

Я кивнула, и облегчение меня захлестнуло от его помилования.

— Сара, я хотел, чтобы ты прикоснулась к этим следам потому, что они твои напоминания о том, чтобы не задавать вопросов. Сегодня вечером, когда ты будешь идти или сидеть, каждый раз, когда ты будешь чувствовать боль, считай это напоминанием, думать прежде, чем говорить. Ты сможешь сделать это?

— Да.

Он достал салфетку из коробки и вытер мои щеки.

— Тебе решать, необходимы ли тебе дополнительные стимулы для запоминания. Я не могу позволить, чтобы ты меня опозорила перед Отцом Габриелем или кем-либо еще. Даже твое поведение с Элизабет было недопустимым. Я должен буду обсудить это с Братом Люком. Как я уже говорил ранее, это все только для тебя. Только ты решаешь: поможет тебе сегодняшнее наказание вести себя достойно или же понадобится помощь. Сара, тебе нужны дополнительные напоминания?

Мои пальцы пробежались по горящим воспаленным рубцам снова, внезапно заинтригованные ощущениями.

— Нет, Джейкоб. Прости, что расстроила тебя. — Я пыталась нормально дышать. — Я бы хотела избежать дальнейших напоминаний.

Он коснулся губами моего лба:

— Очень хорошо. Я тоже на это надеюсь.

Пропало то жуткое спокойствие, которое пропитывало его голос, когда он вернулся в мою комнату после обеда. Эмоции снова наполнили его голос. Я обнаружила, что меня тянет к мужчине, который высоко оценил мой ответ.

— Теперь, — продолжил Джейкоб, убирая часть моих волос за ухо. — Когда мы все решили. Давай подготовимся к вечерней службе.

— Я... ты... Пожалуйста, разреши мне остаться здесь.

— Вздор. Никто, тем более жена члена Собрании, не может отказаться от прямого приглашения Отца Габриеля. К тому же, я буду счастлив, войти в храм за руку с тобой.

— Но....

— Сара, мы закончили. Вспомни, что я говорил. Наказание работает хорошо потому, что ответственность переходит от тебя ко мне. У тебя есть твои напоминания, чтобы помочь тебе избежать следующего наказания, но это нарушение, так же, как и наказание — уже дело

прошное. Это стало историей и сейчас самое время двигаться дальше. Нам нужно поесть и переодеться. Служба начнется через полтора часа, и как часть Собрания, мы должны прибыть на службу своевременно.

Когда я представила, сколько людей придет на службу, моя паника снова вернулась. Хотя у меня было пять болезненных причин, говорящих мне, что я не должна паниковать, я уткнулась в грудь Джейкоба. Мягкость его рубашки ласкала мою щеку, а его сердцебиение отдавало в моих ушах. Медленно его руки окружили меня, окутывая теплом и безопасностью. Я обернула руки вокруг его стройной талии, и впервые я могла вспомнить, и реально почувствовать, каким твердым был его торс. Мои слезы, наконец, утихли, но я не могла говорить. Вместо этого мое обнаженное тело прижималось к нему, таким образом, говоря ему все, что я не могла выразить словами.

Я не знаю, как описать бурю эмоций, которая бушевала во мне. Я не уверена, что смогла бы, если бы меня попросили. Всё то время, что я опиралась о раковину и считала, я ненавидела мужчину, который причинял мне боль. Это была всепоглощающая ненависть, которая заполнила каждую клетку моего тела. В те минуты я поняла, почему заблокировала воспоминания всей моей жизни: это случилось, потому что они были слишком ужасны, чтобы их помнить. Красный, как цвет, который описал Джейкоб, а также кровь, которая сочилась из губы, наполнил мои невидящие глаза. Ненависть, такая, какую я не могла вспомнить, царапалась как дикая кошка, чтобы вырваться на свободу, чтобы кричать ругательства и провозглашать свое присутствие.

А потом все закончилось, и его голос снова вернулся.

Глава 15

Джейкоб

Согласно моим правилам, мне следовало уйти и позволить Саре справиться с последствиями ее наказания в одиночестве, но мое тело отказывалось в этом сотрудничать с моим разумом. Я пытался сопротивляться, но, когда она растворилась во мне, прижимаясь дрожащим телом, руки сами приняли решение. В тот момент, когда я обнимал ее изящное тело, она украла еще один кусочек моего сердца. Кусочек, который я никогда и не думал делить с кем-то. Я отнес ее и помог, но никогда прежде в моих руках она не была такой. Когда она прижалась ко мне, наша разница в размерах вдруг стала очевидной. Я был в ботинках, а она полностью обнаженной, и я был выше ее почти на голову. Пока ее лицо прижималось к моей груди, моя решимость пала, внутри меня бушевала битва.

Сара была признана виновной в том, что забыла правила, которых никогда не знала. И как ее муж, я был ответственен за приведение в ход наказания. Я понимал принцип наказания, но это была не теория: это была реальность.

Я держал кожаный ремень в руках и почувствовал вибрацию, когда тот опустился на ее хрупкое тело. Каждый удар омрачал не только ее, но и меня. Когда она произносила цифры, которые я требовал, я напоминал себе, что это было для ее же пользы и выживания; однако, эти рассуждения не уменьшали мою ненависть к самому себе. Она должна ненавидеть меня, не только за это, но и за все, что с ней происходит. Но тут она вцепилась в мою рубашку и пояс, как будто держалась изо всех сил, боясь, что, если она отпустит, то улетит, как пыль на ветру. Этого не произойдет. Я не позволю. Я не смогу.

Я не выбирал Сару себе в жены, но опять же, я не отказался от нее. Это было даже невозможно. Ведь тогда я мог потерять все, чего добился. Для меня был важен успех, для Сары он был важен также. Мы стояли в тишине несколько минут, ее прерывали лишь редкие всхлипы и рваные вдохи Сары. Она была обернута моими руками, она была только моей. Я решил, что хоть ставки и были высоки, но выигрыш того стоит. Она не просила об этом, и при этом она не знала, как этим усложнила мою миссию. Но она была здесь, и если это то, что мне нужно сделать для нас обоих, чтобы добиться успеха, то я сделаю это.

Сара, наконец, успокоилась, но ее плечи продолжали дрожать от каждого неровного вдоха. Глядя в зеркало, я увидел длинные золотистые локоны, они струились вокруг ее лица и на плечах. Ее волосы больше не были собраны в косу, которую Сара заплела только утром. Теперь они каскадом падали вниз по ее спине, слегка покачиваясь, с каждым ее вздохом. Я старался задержать свой взгляд на ее прекрасном лице и волосах, а не смотреть ниже, но мои глаза затягивало ужасом, когда я видел свидетельства моего наказания, те ужасные напоминания — следы, которые я оставил. Пять отчетливых длинных рубцов выступали на ровной округлой вершине ее бедер. В ярком освещении ванной, отметины горели красным на ее бледной нежной коже.

Моя рубашка на груди продолжала намочать от ее слез. Нежно растирая ее обнаженные спину и плечи, я старался быть аккуратным, чтобы случайно не задеть своей большой рукой болезненные отметины, которые я ей оставил. Я причинил ей достаточно боли. Через три недели после ее приезда и аварии ее травмы начали заживать. Я ощущал боль в груди от осознания того, что ее красивая кожа вновь была испорчена. И на этот раз это была моя вина.

Каждый раз, когда я начинал двигаться, она прижималась крепче, тем самым залезая не только мне под кожу, но и проникая глубже в мое сердце. Мое тело реагировало так, как отреагировало бы тело любого здорового мужчины на близость обнаженной женщины, но я знал, что сейчас не время. Саре нужны были комфорт и забота, а не секс. Если мы займемся этим сейчас, то для нее секс всегда будет ассоциироваться с наказанием. Я готов ждать, лишь бы только у нее никогда не было таких ужасных ассоциаций. Когда придет время, я не хочу, чтобы это был просто секс, я хочу заниматься любовью с этой женщиной.

Мой ремень лежал, свернувшись на кафельном полу под нашими ногами, словно змея, готовая совершить прыжок. Ее мерзкий яд повредил Сару, впитываясь в ее плоть и причиняя страдания. Если бы это была настоящая змея, я бы оторвал голову от ее свернутого тела. Тогда ее клыки больше не будут жалить, и Сара сможет спать спокойно, зная, что нет никакой опасности. Но этого не произойдет. Ее опасность исходила от меня. Она еще не понимала субординацию и полномочия на работе в нашей жизни. Она не могла знать об истинной опасности, которая таилась за каждым углом. Единственный способ уберечь ее от этого — ввести ее в курс жизни. Ее единственной целью было принять Сару и стать Сарой. Соответствовать «Свету» — ее единственный способ спастись.

— Сара, — сказал я, поднимая ее подбородок и видя красные следы на ее щеках и шее. — Мы должны собраться. Рейчел отправилась домой, чтобы подготовиться к службе, так что я собираюсь прикрыть гипс и поставить тебя под теплый душ. — Ее тело напряглось, и я знал, о чем она думает. — От теплой воды ты сначала почувствуешь боль, но со временем она принесет облегчение ранам. Еще у меня есть мазь, которой обрабатывали травмы после аварии, она поможет.

Мои слова были могилой. С каждым словом о нашем несуществующем совместном прошлом, я рыл ее все глубже и глубже.

Она кивнула, уткнувшись в мою рубашку, а потом, словно вспомнив, что нужно говорить, сказала:

— Если ты так говоришь.

Я поцеловал ее волосы.

— Я знаю, что говорю. Так же я думаю, что нам нужно сменить твои повязки на глазах. Доктор Ньютон сказал, что они всегда должны оставаться сухими.

— Все в порядке.

Ее плечи поникли, и голос доносился, как далекий сигнал, как грустная мелодия, которая потеряла свой задор. Я хотел послушания, а не безжизненного зомби. Как-то я должен найти способ помочь ей занять свое место, место, где она будет в безопасности и счастливой, живя в соответствии с учениями Отца Габриеля.

Я указал ей сесть на закрытый унитаз. Когда она это сделала, я вспомнил, что нашел ее там, прежде чем... прежде чем наказал. Когда боль в ее нижней части встретилась с прохладой сидения, ее нижняя губа, исчезла между ее зубов. Как мог я сдерживался, чтобы не упасть на колени и не умолять ее о прощении. Но я не мог. В соответствии с учением «Света», просить прощение — это была ее участь, а не моя.

— Сейчас я собираюсь обернуть твой гипс, — сказал я после того, как она немного привыкла к своему положению.

— Все идут на службу?

Я не знал, может быть, она пыталась отвлечься от своих мыслей, спрашивая о других вещах. Если это было так, то я с радостью готов помочь ей.

— Да, — ответил я. — Это большая община. У нас у всех есть работа, но в воскресенье и в среду служба — единственное время, когда любая работа прекращается. Ну, за исключением силовой станции, ее останавливать нельзя.

— Сило... — она остановилась, чтобы перефразировать. — Могу я спросить, что это такое?

Она училась.

— Ее название все объясняет. Это место, где сила воды вращает турбины. Своим вращением они приводят в работу генератор, который питает общину.

— Силы воды?

— Да, хотя у нас есть и ветряной генератор, но водный более надежный и предсказуемый. Пока у нас есть река, до тех пор у нас есть энергия.

— Ты расскажешь мне, где мы, или, чтобы узнать это я тоже должна ждать?

Я закончил обматывать пленкой ее гипс, и, взяв ее за руку, помог подняться. Хотя она должна была почувствовать себя лучше, ее лицо снова исказила гримаса боли.

— Как я и говорил, мы приехали сюда вместе, ты и я. И ты знала, куда мы едем. Ты знала, что мы переезжаем в «Северное Сияние», на Дальний Север, на Аляску.

Она медленно качала головой из стороны в сторону, и на ее лицо упали волосы.

— Я не понимаю, как все забылось. Но кажется, я помню место, где мы жили раньше и переезд на Аляску.

— У нас нет времени, чтобы помыть тебе голову, — сказал я, чтобы сменить тему и убрать несколько прядей, которые выпали из ее прически. Ее волосы растрепались, и я провел ладонью по ним, пропустил через пальцы. — К тому же, мы мыли волосы утром, и они все еще хорошо выглядят. Тебе лишь нужно будет переплести свою косу.

— Они всегда должны быть заплетены только в косу?

Небольшая частичка эмоций, промелькнувшая в ее вопросе, вызвала у меня улыбку.

— Конечно, нет. Просто коса — это то, что ты чаще всего заплетала в прошлом. Я это имел в виду.

— Оу, — вздохнула она, — Рейчел упоминала о пучке. Думаю, на службу мне лучше убрать волосы в пучок. — Ее голос стал мягче, и она добавила. — Если, конечно, ты не против.

— Если ты помнишь, как сделать это безопасно, то прекрасно. Я могу помочь тебе с многими вещами, но, думаю, ты не захочешь моей помощи с укладкой.

Услышав это мое самоуничижительное заявление, она подняла свое лицо к моему, и ее губы сформировали потрясающую улыбку. В этой улыбке я увидел проблеск надежды на наше будущее. Я почувствовал маленький саженец в своих руках, в моей груди. У него были сломаны корни, травмирована кора, и ему были необходимы: уход, солнце и питательные вещества. Я обратился с безмолвной молитвой к Отцу Габриелю, о том, чтобы в один прекрасный день этот саженец зацвел прекрасным цветом.

— Возьми, — сказал я и протянул ей расческу.

Эти недели, которые она должна была провести без зрения, давали мне явное преимущество. Я мог смотреть и изучать мою жену, не стесняя и не смущая ее при этом. Когда она откинула волосы, я смотрел, любуясь, как по-настоящему она была красива, особенно теперь, когда цвет ее щек посветлел. Синяки сошли и исчезли покраснения, обнажая ее сливочную нежную кожу. Хотя синева на ее горле почти сошла, местами все еще оставались коричневые пятна, и шею по-прежнему необходимо прикрывать. Вот почему

Рейчел посоветовала Саре надеть водолазку.

Сегодня будет первое знакомство Сары с последователями. Каждый в общине понимал, как важно для «новичков» чувствовать, что в общине ему рады. Вновь прибывшие члены были разными. Они не понимали, что они были новыми. По этой причине они были в основном окружены людьми, которые помогали с их акклиматизацией. Все Собрание и Комиссия, а также их жены, были группой поддержки Сары... ну, за исключением Брата Тимоти и Сестры Лилит. Так как Брат Даниель был моим куратором, он также стал наставником и для Сары. Вот почему Сестра Рут решила помочь в ее подготовке. После истерики Сары, я подошел к обеим из них в частном порядке и обсудил мое беспокойство. Я не просил о помощи Сестру Рут, так как это могло вызвать больше проблем с Лилит и Братом Тимоти. Тем не менее, я сделал ставку на заботливую натуру Сестры Рут; и моя ставка окупилась.

Лилит и объяснила Саре, что как жена члена Собрания, она занимает особое почетное место. В связи с этим, а также по другим причинам, ее переход к «Свету» был более трудным, чем у простых последователей. Но в то же время, люди в этом узком кругу избранных знали дорогу к «Свету» лучше, чем кто-либо другой, и будут делать все возможное, чтобы способствовать ее успеху.

— Это поможет мне в душе, — сказала она, убирая волосы заколкой, которую я ей подал. Я усмехнулся, когда увидел бледное пятно на ее губе. Она закусывала губу, когда сосредоточенно закалывала волосы. Когда Сара заговорила, ее освобожденная губа вновь стала приобретать розовый оттенок.

Когда теплая вода попала на ее спину и стекла на бедра, я почувствовал, как Сара вцепилась в мои руки. Бесчувственно я выдавил слова, которые должен был сказать в рамках обучения:

— Ты помнишь, никаких вопросов!

— Да, Джейкоб. — Она ответила сквозь стиснутые зубы.

Прошло еще немного времени, пока ее мышцы расслабились, и я понял, что она наконец-то чувствует себя комфортнее. Как только она вышла из душа, я нанес мазь, все время, объясняя, что та помогла ей в прошлом. Мы выключили свет в ванной, и я заменил повязку вокруг ее глаз. Только когда она была одета и готова к службе, она упомянула свое наказание.

— Я предполагаю, что буду сидеть на службе.

Это был первый раз, когда я видел мою жену, в чем-то кроме ночной рубашки. Я не мог не смотреть на ее великолепие. Она сделала, как и сказала, пучок, закрепив приподнятые с шеи волосы на затылке. Она была одета в черную водолазку, которая плотно прилегала к ее груди, и исчезающей на ее тонкой талии в джинсовой юбке длиной до середины икры. Поверх водолазки она надела джинсовый пиджак, который по цвету подходил к юбке. На правую ногу она обула высокий сапог на каблуке, который почти соответствовал высоте ее гипсового фиксатора. В этом сапоге ее походка была лучше, чем, когда она была в тапочках. Рейчел выбрала ей одежду, в том числе и белый бюстгальтер с трусиками, скрытыми под ней. Шею Сары я украсил серебряной цепочкой и крестиком. Она была точной копией той, что носили все жены членов Собрания и Комиссии.

Было что-то невероятное в присутствии Сары и ее уверенности в себе, несмотря на ее наказание. Что-то, что гипнотизировало меня. Когда я смотрел на нее, единственное, о чем я мог думать, единственное, что имело значение, это то, что она была моей. Вся моя. Мой

разум понимал ошибочность наших путей, но в этом мире она была моей. Отец Габриель и «Свет» дали мне ее, объединили нас, как мужа и жену.

Я пытался сосредоточиться на ее заявлении.

— Да, — ответил я, когда она уверенно подошла ко мне и столу, на котором был наш ужин.

Немного нервно она потянулась к новому украшению, и крестик заскользил на цепочке из стороны в сторону. Сделав глубокий вдох, она немного опустила подбородок и спросила:

— Могу я поесть стоя?

— Почему, Сара?

Да, я засранец.

— Потому что мои напоминания по-прежнему болят, и, если ты позволишь мне, я хотела бы дать им успокоиться.

Она была более совершенной, чем я мог представить. Я даже представить не мог, что такое может быть на самом деле. По-настоящему, мне не нужно было ее подчинение, но черт, это было горячо. И я спросил:

— В чем смысл боли, Сара?

— Она нужна, чтобы напомнить, что нужно думать, прежде чем говорить, а также не задавать вопросов.

— Если я позволю тебе стоять, ты все еще будешь помнить об этом?

Когда при ответе ее губы задрожали, я почувствовал, будто в мое сердце всадили нож:

— Да, я буду помнить об этом.

— Ты можешь стоять.

— Спасибо.

Безумно горячо!

Я поправил штаны, уменьшив давление, моя реакция на ее привлекательность была очевидной.

Мы тренировались ходить по комнате, но, покинуть клинику — это было совсем другим. Она должна полностью доверять мне и позволить мне вести ее через темный мир. Надев пальто и перчатки на Сару, выйдя из нашей комнаты, мы прошли по тихому холлу, и оказались в холодной ночи. Когда она вдохнула застывший воздух, я спросил:

— С тобой все в порядке? Ты несколько недель провела в клинике.

Она обхватила меня за локоть своей маленькой рукой и ответила:

— Да, в порядке, пока ты рядом.

Дело в том, что я, без сомнения, знал, что именно она имела в виду. В этом исковерканном мире, я был ее якорем. Таков и был план с самого начала. Но осознание того, что он работал, вместо ликования вызывал у меня тошноту. Она заслуживала намного больше, чем это.

Когда мы оказались в храме, нас все приветствовали. Хотя я дал ей лишь краткие указания, как реагировать, она выполняла их в точности. Для тех, кого она не знала, она улыбалась и кивала, все время крепко держась за меня. Так было, пока мы не встретили Брата Бенджамина и Сестру Рейчел. Тогда я взял ее руку и переложил ее в руку Рейчел.

— Сара, я приду и заберу тебя после того, как закончится служба. Сестра Рейчел подведет тебя к Сестре Элизабет. Сестра Рут сидит на ряд впереди. Они все будут рядом и присмотрят за тобой.

Рейчел улыбнулась мне, когда сжала руку Сары.

— Спасибо, — ответила Сара. — Со мной все будет хорошо.

Она повернулась к Рейчел, понимая, что ей разрешено говорить со знакомыми ей людьми:

— Спасибо, — сказала она.

Рейчел кивнула в нашу с Бенджамином сторону:

— У нас все будет хорошо, я обещаю.

Большой зал наполнил ропот, под обычный звук приветственного общения перед службой, мы с Бенджамином прошли к нашим местам. Стоя на своем положенном месте, я бросил взгляд на собрание последователей. Сара и Рейчел пробирались к своим местам среди жен членов Собрания, где их уже ждала Элизабет. Хотя Сара и старалась скрыть это, но каждый раз, когда она присаживалась или передвигалась по скамье, выражение ее лица свидетельствовало о крайнем дискомфорте. Через некоторое время я наблюдал, как Сара и Элизабет пошли вместе, и Элизабет держала Сару за руку. Казалось, что эти двое говорили о чем-то своем. Я представил, что, возможно, Сара рассказывала ей о своем наказании.

Я подумал так потому, что прежде чем началась служба, Брат Тимоти склонился ко мне:

— Я вижу, Сестра Сара пришла на службу сегодня вечером.

— Да, Брат, ее пригласил Отец Габриель.

— О, я знаю. Я просто не был уверен, что она сможет ходить. Но, кажется, что необходимость сидеть представляет для нее большую проблему.

Температура моего тела поднялась:

— Брат, Сара сообщила мне о том, что произошло, пока вы и Отец Габриель были в ее комнате. Я позаботился о наглости моей жены. — Я поднял брови и переместил взгляд на Сестру Лилит. — Возможно, вам стоит последовать моему примеру.

Хотя я слушал Отца Габриеля, мой взгляд никогда не покидал мою жену. Из-за дискомфорта, который она испытывала, мое беспокойство возрастало. Хотя я и доверял Рейчел и Элизабет, но все-таки, они не были мной. И в конечном итоге, я нес ответственность за Сару. Тем не менее, с течением вечера мои опасения угасли. Если кто-то не знал правды, то они действительно, поверили в то, что Сара Адамс вернулась после своей аварии, того ужасного инцидента.

Слово «инцидент» наполнило меня ужасом. Отец Габриель все еще не вынес свой вердикт относительно участи Сары. Это соответствовало плану, графику и протоколу. Но это не значило, что я был в восторге от того, что моя жена страдала от большего наказания. После заключительной молитвы Брат Даниель подошел ко мне:

— Брат Джейкоб, я очень доволен присутствием Сестры Сары здесь сегодня вечером. Ты должен гордиться ею.

Легкое напряжение покинуло мои плечи:

— Спасибо, брат. Так и есть.

— Отец Габриель хотел бы поговорить с нами несколько минут.

— Сейчас? — спросил я, нервно глядя в сторону движущихся людей.

— Да.

Когда он ушел, я протянул руку к Бенджамину:

— Брат, мне нужно поговорить с Отцом Габриелем. Могу я попросить тебя...

Он не дал мне закончить:

— Можешь не спрашивать. Я возьму наших дам и отведу их в зимний сад. Мы будем

ждать тебя там.

Люк шагнул ближе:

— Ты не возражаешь, если и Элизабет будет с вами? Я также должен быть на этой встрече.

Бенджамин утвердительно кивнул:

— Я прикрою ваши спины, — сказал он с усмешкой, и ушел навстречу нашим женам, которые по-прежнему сидели на своих местах.

Люк локтем легко ударил меня по ребра и прошептал:

— Плохи твои дела...

— Что? — Мои глаза широко распахнулись. — Ты знаешь что-нибудь об этой встрече?

Я услышал его горловой смех:

— Нет, я ничего не знаю о встрече. Я о том, что ты сделал плохо своей жене.

Я пожал плечами:

— А не должен был?

— В конце концов, должен. Но еще слишком рано. Она все еще может...

Мое сердце перестало биться, когда я мысленно закончил его фразу. Она все еще может быть изгнана. Ее испытательный срок не закончился. Честно говоря, никто не был полностью защищен от этого. Это довольно редкое событие среди постоянных членов, но все же может произойти. Хотя никто никогда мне этого и не говорил, но у меня возникло стойкое ощущение, что такова была судьба пилота, которого я здесь заменил.

Люк похлопал меня по плечу.

— Эй, забудь, что я сказал. Сара сегодня молодец. Я думаю, ты тут сам справишься.

Я вытянул руку и остановил его, прежде чем мы приблизились к кабинету Отца Габриеля:

— После этой встречи мне нужно поговорить с тобой кое о чем, что сегодня произошло.

Уголки губ Люка поднялись, образуя однобокий оскал:

— Элизабет рассказала мне.

— Вульгарность? Гордость? — спросил я, отпуская руки и повторяя слова Сары, которые она использовала сегодня.

Он кивнул.

— Новые последователи. Это моя работа. Элизабет и я видим и слышим такие вещи часто. Это не конец для нее, и кроме того, я наблюдал за Сарой сегодня. Я верю, что ты позаботился об этом. Я прав?

— Да, я сделал это.

Он снова похлопал меня по плечу.

— Тогда мы все сделали верно. Проблема была рассмотрена и решена согласно учениям «Света». Сделаем вид, что ничего не произошло.

Я вздохнул с облегчением.

— Подожди минутку. Элизабет сказала? Ты собирался сказать мне?

— Собирался, но Элизабет сказала, что она убедила Сару обо всем рассказать тебе самой. Мы хотели дать ей шанс. Опять же, мы постоянно делаем это для новых последователей. Поверь мне, если я буду выносить такие мелочи на рассмотрение Собранин, то мы будем проводить там весь день. Конечно, я сообщу об этом куратору. Но я знаю, даже могу сказать, что уверен, что брат Даниель думает так же. Нарушение было. Ты позаботился об этом. И проблема решена.

— Спасибо.

— Она говорила насчет воспоминаний? — уточнил Люк.

— Каких воспоминаний?

Сколько дерьма еще случится этим вечером со мной?

— Слушай, — сказал Люк, потянувшись к моей руке. — У вас с Сарой сегодня, очевидно, был запоминающийся день. Как ее муж, ты можешь поступить на свое усмотрение. Но как координатор новых последователей, могу ли я дать тебе несколько советов?

Я кивнул.

— Сара рассказала Элизабет свое воспоминание о расслабляющем беге. Она сказала, что вспомнила это в первый же день, как пришла в себя. Это произошло, прежде чем ей разрешили говорить, и она забыла об этом. И не вспоминала до тех пор, пока Элизабет не упомянула о беге.

Его слова перекликались с биением моего сумасбродного сердца. Конечно, Люк мог видеть, как вздымалась моя грудь.

Какие еще у нее есть воспоминания?

Люк продолжил:

— Сара сказала, что не было никаких других воспоминаний, и она исправно принимает свои лекарства. Элизабет убедила ее рассказывать тебе, если у нее будут возникать новые воспоминания.

Он положил руку на мое плечо:

— Вот мой совет, у тебя много дел сегодня. Неважно, сколько раз мы скажем Саре, что ничего из этого не является новым, для нее это новое. Воспоминание не самое большое ее беспокойство, когда ты вернулся. Она согрешила при Элизабет. Но помимо этого, она оступилась при визите Отца Габриеля. Сара не понимает значимости рассказа о своих воспоминаниях. Если она будет наказана за то, что не рассказала тебе о небольшом воспоминании, то научится бояться их, точнее, она перестанет рассказывать тебе о своих воспоминаниях. Это твой выбор, но помни, почему брат Даниэль и я здесь. Мы будем рады дать совет, и мы хотим, чтобы у вас все получилось. Свет — это не путешествие в одиночку. Ты не одинок в этом.

Я вздохнул:

— Это сложнее. Быть по эту сторону. Чем сидеть на собрании.

Люк кивнул:

— Я был там однажды. Ну, Элизабет не была приобретенной. Но ей все равно пришлось все внушать. Мы здесь для тебя, и для Сары. Теперь, давайте узнаем, что там происходит. — Он склонил голову в сторону кабинета Отца Габриеля

Я кивнул. Сделав глубокий вдох, Люк и я вошли в кабинет.

Из-за стола поднял глаза Отец Габриель. Брат Даниэль был уже там, восседая на одном из стульев, стоящих перед нашим духовным лидером. Рядом с братом Даниелем было два пустых кресла.

— Братья, — поприветствовал нас Отец Габриель. — Присаживайтесь. Прежде чем мы встретимся с Собранием и Комиссией утром, я хочу обсудить мой указ о наказании Сары за инцидент.

Глава 16

Стелла

Голос Дилана звучал крайне серьезно:

— Нет, я позвонил не для того, чтобы позвать тебя в Хайленд Хайтс. Я позвонил, чтобы сказать тебе, держаться от этого места подальше.

— Это бессмысленно, — ответила я. Хотя меня не беспокоил его тон, меня волновало то, что он в курсе того, что я уже была там. Я провела в Хайленд Хайтс большую часть утра, недалеко от Вудвард Авеню, сидя в автомобиле на стоянке одного из немногих еще работающих предприятий.

— Единственная бессмысленная вещь — это твоё желание приехать сюда. Это опасно! — Его голос становился громче с каждой минутой. — Здесь нашли третье тело менее чем за две недели.

— То же здание? — послышался звук сирен из моего открытого окна. Я быстро нажала на кнопку для того, чтобы поднять стекло в машине, надеясь, что Дилан подумает, что это окружающие его звуки.

— Нет, я не могу говорить с тобой об этом. Мне нужно вернуться к работе.

Мои мысли умчались с вопросами, пока я вертелась из стороны в сторону в поисках источника звука. Рев сирен становился громче, а затем тишина, но машин нигде не было видно.

Насколько он близко?

— Где, Дилан? Это недалеко от места, где были найдены другие два тела? Это женщина? Мужчина? Возраст? Блондинка?

— Ты серьезно? — спросил он в недоумении. — Держись подальше от Хайленд Хайтс. Департамент полиции Детройта перекрыл вход туда на весь день и всю ночь. Если хоть один патрульный, детектив, или, черт возьми, даже дорожный коп скажет мне, что видел тебя или твой автомобиль здесь, то помоги мне.... — Он не закончил свою угрозу до конца.

Мои плечи напряглись и брови взлетели вверх. Обстановка внутри автомобиля накалялась.

— Закончите вашу угрозу, детектив Ричардс. Я бы хотела точно знать, что вы планировали сказать, прежде, чем я попрошу вас попридержать ваш....

— Это была не угроза, — объяснил он. — Послушай меня, я хочу предложить тебе сделку.

— Что за сделка?

— Ты будешь держаться подальше от этого места сегодня, и завтра утром я лично буду сопровождать тебя на место преступления.

Его предложение звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Мое любопытство было задето.

— Почему? Что ты от меня скрываешь? — моя рука переместилась к внезапно ускорившемуся сердцу. — О, Боже, ты думаешь, что это Минди?

— Нет, я знаю, что это не она. Стелла...

Я вздохнула:

— Слава Богу. Тогда почему? Почему ты хочешь сделать это?

Больше голосов, которые звучали все громче и смешивались с сиренами в телефоне.

— Послушай. Мне нужно идти. Просто заткнись, — он замолчал.

Хотя мои губы сжались вместе, и мой ответ на его грубость вертелся уже на кончике языка, я молчала, так как у него явно не было времени.

Дилан поспешно продолжил:

— Я предлагаю потому, что я хорошо тебя знаю. Ты не станешь меня слушать, если не будешь уверена, что все равно доберешься туда. Называй меня «контролирующей задницей», мне плевать. Я не хочу, чтобы что-то с тобой случилось, потому что ты окажешься в неправильном месте. Просто дай ДПД (Департаменту Полиции Детройта) справиться с этим сегодня. Завтра рано утром, после рассвета, и перед тем, как все идиоты выползут на улицы, я приведу тебя к обоим зданиям. Таким образом, ты сможешь своими глазами увидеть место преступления, удовлетворишь свое любопытство, и я буду знать, что ты в безопасности, — он понизил голос. — Я вешаю трубку. Скажи мне, что ты принимаешь мою сделку.

Дерьмо!

— Хорошо, я согласна.

— Пока.

— Пока... — у меня не было шанса сказать это, прежде, чем телефон отключился. Я покачала головой. Повернув ключ зажигания, я почувствовала, как из кондиционера хлынул поток прохладного воздуха, приглаживая мои волосы. Вдохнув прохладу, я подняла свой хвост с шеи и перенаправила кондиционер. Хотя День Труда уже прошел и приближалась осень, было все еще тепло. Я прожила здесь достаточно долго, чтобы знать, что погода может быть очень переменчивой. Около двадцати градусов в один день, и минус один на следующий. Добро пожаловать в осень Мичигана.

Я приняла во внимание предупреждение Дилана. Поэтому была на сером «Форд Фьюжн», неприметном авто. В этом районе Детройта таких были сотни. К тому же, на часах было только 10:30 утра.

Если я покину эту стоянку сейчас, даже для того, чтобы уехать с Хайленд Хайтс, сможет ли Дилан или один из офицеров заметить меня? Если да, то как они узнают, что это я? Как мне выждать 24 часа, чтобы узнать больше?

Ожидание не мой конек, но опять же, слезки не было, и я справилась. Ожидание было большей частью моей работы. В кино следователи делали это просто. Они парковали свои машины, а потом БАЦ, и подозреваемые шли прямо к ним в руки. В реальной жизни это не работало. Я сидела в машине с тех пор, как встало солнце, около 6 утра, и от долгого сидения уже почти не чувствовала своих ног.

Я усмехнулась. А может совсем не от наблюдения я не чувствовала своих ног. Возможно, это было последствием моей активности прошлой ночью. Дилан сделал мне предложение, от которого я не могла отказаться. О, нет, я могла, но не хотела отказываться.

Сначала я решила отменить наши планы на вечер. У меня было мало времени на мое расследование, и мне следовало запрыгнуть в него с двух ног. За прошедшие две с лишним недели, я успела изучить случаи Доктора Хауэлл более одного раза. Я даже смогла расшифровать информацию Бернарда относительно связи между наркотиками и пропавшими без вести. Было несколько нераскрытых дел. А также люди, которые пересекали границу с завидной регулярностью. Это само по себе не было преступлением, но часть информации была сомнительной. Могло ли это быть связано с наркотрфиком?

Ничего из этого не имело смысла. Не было точек соприкосновения, я просто не могла сформировать общую картину. Вдобавок к этому, я обещала Роузмонтам, еще раз, что не

прекращу свои поиски. Это была единственная вещь, которую я им могла сказать по телефону или электронной почте, но неделей ранее я сказала им это, держа их за руки. Они уже дважды приезжали в Детройт, с тех пор как пропала Минди. Я не винила их. Несмотря на то, что я обещала сделать все возможное, они ощущали себя беспомощными в Калифорнии, им необходимо было ощущать свое участие. У меня не было больших надежд на листовки, которые они расклеили по всему городу, но опять же, кто я такая, чтобы винить их? Ведь моя работа тоже не приносила успехов.

Таким вот образом, мои мысли были в поиске ответов, и я приняла решение отклонить предложение остаться у Дилана и отправилась напрямик домой. Представьте мое удивление, когда полчаса спустя после того как я вернулась домой, он появился у меня на пороге. Я думала, что сошла с ума, но поняла, что это невозможно, когда разглядела его в дверной глазок. Не было ни единого способа, оставить его за дверью, его длинные ноги, прикрытые рваными джинсами, его бицепсы, плотно обтянутые рукавами рубашки, и эта самодовольная сексуальная ухмылка, которая превращала мои внутренности в желе. Мой желудок заурчал, как только я увидела упаковку из шести банок пива в одной и пиццу в другой его руке. Однако тем, что окончательно растопило мое сердце, была упаковка «долгоиграющей» еды для рыбок сверху коробки пиццы. Даже сейчас мне было очень сложно сдерживать улыбку на уставшем лице. Покачивая головой, вспоминая, я понимала, что детектив Ричардс знал, как забраться мне под кожу.

Я все еще не была уверена в типе наших отношений. Это было впервые, до отношений с Диланом я не ощущала подобного. Это не означало, что я готова была перейти на более серьезный уровень. Однако, становилось все более ясным, что если я хочу избежать этого пути, то моему сердцу потребуется тефлоновое покрытие.

Меня не волновали предупреждения других о его жестких методах. Тот Дилан Ричардс, которого я знала, не был крутым детективом. Он был тем, кто забрался мне глубоко под кожу, он единственный проехал через весь город, чтобы быть со мной в морге и поддержать меня, и он принес корм для моей рыбки.

Согласна, корм для рыбки был отвлекающим маневром, это просто позволит мне на несколько дней перестать беспокоиться о кормлении Фреда. Но все же, эта комбинация его сексуальнее, чем у самого черта, ухмылки, и зовущих-в-постель-голубых глаз, заставляла мой пульс ускоряться, и внутренности плавиться. От самой только мысли о Дилане не только у меня, но и во мне, мое сознание порождало сцены, которые были запрещены в некоторых штатах.

Я вздохнула и попыталась сконцентрироваться на своем задании.

Здание, у которого я проторчала все утро, пустовало, с тех пор как я приехала. Источник Бернарда поделился этим адресом, уточнив, что именно отсюда выезжали три различных транспортных средства, которые пересекли границу с Канадой почти каждый день. За рулем этих транспортных средств люди менялись, но все их паспортные данные включали этот адрес на Джеральд Стрит. Очевидная проблема была в том, что этот адрес не был домом. Это было большое заброшенное здание.

За последние четыре часа, с помощью моих знаний, поиска в Интернете и воображения, я смогла воссоздать историю шумного соседства. В 1907 году Генри Форд построил автомобильный завод недалеко от места, где я сидела. В ближайшие тринадцать лет население этого района выросло до более, чем сорока тысяч. Пять лет спустя здесь была основана компания "Крайслер". Это место процветало.

Потом, в течение моей жизни, и последнего десятилетия XX века, Хайленд Хайтс сталкивались с теми же проблемами, что в Детройте, и многих других городах. Сокращение численности населения привело к потере налоговой базы. Что вместе с потерей рабочих мест, создало рост преступности. На своем пике этот город в городе хвастался населением численностью больше, чем пятьдесят тысяч. Сегодня еле набиралось десять.

К сожалению, массовое бегство оставило в избытке неиспользованных и заброшенных строений. Хотя города Хайленд Хайтс и Детройт пытались сохранить здания заколоченными и спасти их от разрушения, пока их не снесли, они были магнитом для незаконного использования. Так, что нетрудно было поверить в то, что та женщина, которую я видела в морге, и еще двое были найдены здесь.

Я понимала, что мое воображение дичало. Все свое свободное время я тратила на «теорию компиляции Доктора Хауэлл». Я не могла связать каждую из этих смертей или исчезновений. Хотя этот район был таким же плавильным котлом для преступности, как и любой другой район города. Высокий уровень преступности, незаконный оборот наркотиков, большое количество заброшенных зданий и свалок делало этот район отличным местом для убийств. К сожалению. Было слишком много причин для смерти, чтобы связать воедино случаи, отобранные доктором Хауэлл.

Этому району нужно было больше мест, типа тех, за которым я находилась: клиника здоровья. Доктор Хауэлл была права, никто из инвесторов не захочет открывать здесь новый бизнес, если станет известно, что на соседней улице всплыли несколько трупов.

Здания, которые я видела, ранее использовались как школа, следующей за ним была пожарная станция. Пока сидела, я представляла, как могло выглядеть это место в период его расцвета. Вместо того, чтобы быть заброшенной, эта площадь была полна людей. Когда-то здесь бегали и резвились дети. Вместо грязи и мусора, там была трава и деревья, детская площадка с качелями и горками. Когда я просканировала этот район, я поняла, что беспокойство Дилана было оправданным. Даже если судить только по количеству заброшенных зданий в этом районе, находиться здесь, казалось не безопасно. Однако я была здесь в светлое время суток, я оставила свой «след из хлебных крошек». Бернارد и Фостер точно знали, где я нахожусь.

С каждой последующей минутой ничего не происходило, и я уже подумывала позвонить Бернardu. Его предложение использовать Дилана в качестве информатора, может быть, и было испытанием, но он меня разозлил. Теперь же я задавалась вопросом: что, если бы я рассказала ему о предложении Дилана, и тогда обмен информацией шел бы в обе стороны. Пожав плечами, я решила, что можно подождать, пока я получу свой тур на место преступления завтра утром.

Поэтому вместо Бернарда, я набрала сотовый доктора Хауэлл. Я уже хотела оставить ей голосовое сообщение, когда, наконец, после четвертого звонка она взяла трубку:

— Привет, Шарлотта, — ответила она мне. — Я удивлена, что ты звонишь мне на работу.

Шарлотта?

— Хорошо, — ответила я. — Я так понимаю, ты не можешь сейчас говорить. Знаешь ли ты, что-то о новом теле, которое нашли на Хайленд Хайтс?

— Конечно, знаю. — Оптимистичный тон Трейси в сочетании с болезненной для меня темой заставил меня сжать зубы. Очевидно, с ней был кто-то, кого она не хотела включать в наш разговор.

— Его нашли в том же районе, что и тело неделю назад, — я сказала это тихо, надеясь, что мой голос нельзя было услышать за пределами телефона, и он не достигнет уха непредвиденного слушателя.

— Звучит хорошо. Я перезвоню тебе после работы. Не уверена, что у нас получится встретиться и выпить вместе, но я дам тебе знать.

— Спасибо, буду ждать твоего звонка.

Когда звонок разъединился, я задумалась о том, кем была эта Шарлотта — я имею в виду, кроме меня.

В отличие от впустую потраченного утра, из этой короткой беседы я узнала, что офис судмедэкспертов уже получил вызов. Может быть, мне совсем не нужно дожидаться завтрашнего утра, чтобы узнать детали. Возможно, Доктор Хауэлл сообщит мне их сегодня вечером.

Когда я собиралась отъезжать от заброшенного здания. Я заметила авто. Это был черный внедорожник последней модели. Он остановился возле соседнего здания, которое было похоже на старую пожарную станцию. Несмотря на то, что там было три больших гаражных двери, двое мужчин, которые вышли из внедорожника, скрылись между зданиями.

Я потянулась за камерой. Хотя мой телефон был способен делать снимки хорошего качества, мой Nikon был способен на гораздо большее. С двухсотмиллиметрового фокусного расстояния объектива способности фокусировки были превосходны. Я навела фокус и сделала несколько быстрых снимков. Двое мужчин, которые ушли между зданиями были белые, среднего роста, одеты в темные джинсы и белые футболки. Если бы мне пришлось угадывать их возраст, я бы дала им приблизительно лет тридцать. Пока я продолжала фотографировать, слово невзрачный пришло на ум. Водитель внедорожника остался в автомобиле. Смотря на него сквозь лобовое стекло, я не могла получить большую картинку, но я видела, что он был афроамериканцем и носил белую футболку. С моего угла обзора, я не могла разглядеть больше.

Чем бы ни занимались те двое, их дело не заняло много времени. Меньше чем через пять минут, они вышли, и внедорожник проехал мимо меня и повернул в сторону Вудвард Авеню. Игнорируя предупреждение Дилана, я сорвалась со своего места на стоянке, как раз вовремя, чтобы увидеть, как внедорожник повернул направо в сторону Вудвард. Обосновывая свое решение тем, что внедорожник все равно повернул в ту сторону, куда мне нужно ехать, чтобы вернуться в телестудию, я последовала за ним.

Поскольку Вудвард Авеню была главной дорогой, меня не беспокоило, что пассажиры внедорожника заинтересуются моим присутствием. Так было, пока мы не повернули направо на Глендейл Авеню. Кожу на затылке начало покалывать, предупреждая. Этим теплым позднелетним утром на улицах было тихо. Пока я ждала на светофоре на Второй Авеню, внедорожник повернул направо. После того, как светофор замигал зеленым, я последовала за ним. Я повернула как раз в нужный момент, чтобы увидеть, как черный внедорожник подъезжает к стоянке за зданием из белого кирпича.

Я продолжила объезжать квартал.

К моему счастью, рядом не было Дилана и остальных полицейских. Снова подъезжая к фасаду здания, я притормозила на углу Второй и Глендейл Авеню. Объезжая квартал, я проехала несколько зданий, которые были не только заброшенными, но и обгоревшими остатками того, что когда-то было домами. По сути, сейчас я находилась через дорогу от одного из них. Разросшиеся кустарники возле перекрестка спрятали меня, я свернула в них с

дороги.

Всматриваясь, я не видела ни одного человека. Может быть, это было из-за присутствия полиции где-то в непосредственной близости, но по каким-то причинам, несмотря на почти полдень, находиться здесь, было все еще, смертельно опасным. Я выключила зажигание, заблокировала машину и вышла на тротуар. Сорняки цеплялись за мои штаны, пока я пробиралась сквозь мусор и обломки.

Осторожно продвигаясь, я обходила вокруг зарослей кустов, направляясь к передней части здания, где был припаркован внедорожник. Если я не ошибаюсь, то раньше это было офисное здание. Высотой в четыре этажа, с множеством окон, все они были закрыты изнутри длинными белыми вертикальными жалюзи. Это здание внешне очень отличалось от большинства зданий в этом районе. В отличие от места, где я стояла, там не было никаких зарослей кустов или травы; даже тротуар перед зданием был тщательно очищен от сорняков и мусора. Черная цепь забора окружала все здание по периметру, кроме ворот. Над главным входом висел синий баннер с белыми буквами, с простой надписью «СВЕТ».

Я старалась сделать как можно больше снимков. Крутясь во все стороны, я сфотографировала весь перекресток. На юго-западном углу, на Второй Авеню от «Света», был большой дом из известняка, окруженный железным забором. Я увеличила изображение на камере, и смогла прочесть надпись: Общественная Школа Хайленд Хейтс, вытравленную в камне. Деревья и кустарники, а также беспорядок на грунте, указывали на то, что, как и многие другие, это здание было заброшенным. Напротив старой школы были руины дома, уничтоженного пожаром, а на углу, где я стояла, было еще одно здание. Разбитые в нем окна, сказали мне, что оно тоже было пустым.

Вернувшись обратно в машину, я наблюдала, за вертикальными жалюзи, прикрывающими окна на фасаде «Света». Я не заметила никакого движения. Если в здании удерживали людей, то они были спрятаны. Я вновь села в автомобиль и, включив зажигание, направилась к перекрестку. Я заметила, как группа из трех женщин шла от задней части «Света» к парковке. С такого расстояния я не могла разобрать отличительные характеристики, но могла с уверенностью сказать, что они были женщинами.

Что они делали?

Я наблюдала, как они пересекли Вторую Авеню в сторону старой школы и скрылись за зарослями деревьев. Достав фотоаппарат, я ждала больше людей. Когда никто не появился, я отложила камеру и проехала вперед, пересекая перекресток. Я ехала медленно, и всматривалась в сторону, куда они ушли. Железные ворота на дальней стороне были закрыты деревьями. За ними была дверь, но на ней был знак «Не заходить» и ручка снаружи переплетена цепью.

Куда ушли женщины?

Они не входили в эту дверь. Если бы они это сделали, то кто-то должен был снова подцепить цепь снаружи. Даже при моем активном воображении, это казалось невероятным; кроме того, замок выглядел ржавым и старым. Остановив машину, я схватила камеру. Сделала несколько быстрых снимков школы. Оглядываясь назад к зданию «Света», я заметила, что несколько окон, также были закрыты изнутри. Я сделала еще несколько фотографий. Внедорожник все еще был припаркован на стоянке за зданием, вместе с десятком других машин, ни одна из которых не была новой.

Вой сирен в отдалении заставил меня уехать. Вскоре я направилась на север, потом на восток, и обратно на Вудвард Авеню.

Через десять минут я покинула Хайлендс Хайтс и оказалась в безопасной северной части Детройта. Я не могу сказать точно, но не помню, чтобы видела какие-то полицейские машины. Честно говоря, кроме наблюдателей за клиникой, где я провела большую часть моего утра, мужчин с моей фотографии, и трех женщин, я не видела никого. Надеюсь, никто не сообщит о моем местонахождении моему заботливому бойфренду.

Я пожалала плечами. Если же они сделали это, ему придется разобраться. И опять же, мне не хотелось потерять мой утренний тур.

— Просыпайся, спящая красавица.

Хриплый голос Дилана проник в мой сон. Я не могла вспомнить, что мне снилось, но как бы там ни было, я была уверена, что мужчина, который рядом, был выше меня и хорош собой. Когда я вдохнула его мускусный запах, мои губы сформировали улыбку, только для того, чтобы превратиться в недовольную гримасу.

— А что если я не хочу?

— Ну, тогда я, предполагаю, что наш долгожданный тур в Хайленд Хайтс придется отложить.

Мои глаза распахнулись, и я вскочила. Дилан громко и глубоко засмеялся, когда склонился надо мной, не давая мне подняться до конца. Вибрации его груди вызвали напряжение в моих обнаженных сосках, делая их жесткими и упругими, в то время как мои внутренности затрепетали.

— Не думаю, что когда-либо получал от тебя такую быструю реакцию в такую рань. Даже когда я предлагал что-то намного лучше, чем два заколоченных дома с крысами.

На этот раз засмеялась я:

— Думаю, это прекрасное описание, я в восторге. Кто еще мог отправиться на экскурсию в заколоченные дома с крысами в прекрасном городе Хайленд Хайтс? — спросила я, издеваясь над его словами. — Кроме того, твое предложение, ну... — я пожалала плечами. — У меня было такое раньше.

Дилан откатился, опустив голову на подушку, прикрывая глаза и напрягая бицепсы:

— Ты серьезно подрываешь мою уверенность в себе.

Я подняла голову и придвинулась к нему. Мои длинные волосы дразнили его кожу. После быстрого поцелуя в щеку, я ответила:

— Очень сомневаюсь в этом. Никогда не встречала более...

Его палец коснулся моих губ и глаза сверкнули:

— Остановись прямо сейчас. Просто позволь мне самому придумать остальную часть предложения и тогда, возможно, я смогу восстановиться.

Моя ухмылка переросла в открытую улыбку:

— Я так этому рада. Мне бы очень не хотелось быть ответственной хоть в какой-то мере за твои несуществующие проблемы с самооценкой.

Дилан схватил меня за плечи и притянул к себе так, что моя грудь оказалась прижатой к его груди, а волосы каскадом ниспадали вокруг его лица. Мы были двумя людьми в туннеле светлых волос.

— Я думаю, — игриво сказал Дилан. — Что мы можем пропустить тур и поработать над моими несуществующими проблемами.

Я отстранилась:

— Насколько я помню, над твоими несуществующими проблемами мы работали прошлой ночью.

— Что ж, я думаю, там еще есть над чем поработать.

Слегка повернувшись, я заглянула под одеяло и игриво покачала головой на то, как оно сейчас приподнято. Целуя его губы, я напонила:

— Разве это не ты сказал, что мы должны были сделать это раньше, прежде чем... как ты сказал? Идиоты вышли на улицы?

— Это был я, не так ли?

— Это был ты, и я хочу свой тур.

Дилан посмотрел на часы, которые показывали половину шестого.

— Восход в начале восьмого. Мы же не хотим прибыть до рассвета и удивить крыс.

Все мое тело задрожало.

— Фу. Я буду тебе признательна, если ты не будешь больше упоминать о крысах.

Он пощекотал мой бок, заставив меня смеяться:

— Ты всегда можешь передумать.

— Неа, — я запищала от щекотки. — Остановись! Ты предложил мне сделку. И я хочу свой тур.

— Хорошо. Я подумал, что, если мы отдельно доедем до WCJB, ты можешь оставить там свой автомобиль и отправиться со мной в Хайленд Хайтс. Потом я отвезу тебя обратно на станцию. — Он вздохнул. — Черт, наверное, мы должны оказаться на твоей работе, прежде, чем туда явится Барни.

Я хлопнула его по плечу:

— Бернارد. А что насчет тебя?

— А что насчет меня?

— Последний раз, когда я проверяла, оказалось, тебе тоже нужно идти на работу.

Дилан откинул одеяло, встал и потянулся.

Мой взгляд застрял на его великолепном тренированном теле. Не то, чтобы мне не нравилось его красивое лицо, но... я не могла отвести взгляд от его плеч, пресса.

— Эй, — сказал он смеясь. — Мои глаза выше.

— Ммм... — я вздохнула и медленно подняла свой взгляд к его голубым глазам, ухмыльнулась и подмигнула.

— Вы, мисс Монтгомери, встречаетесь с детективом. Когда я в машине, то могу войти в систему, и все в порядке. Официально я на дежурстве.

— А если ты получишь вызов на интересный случай? Я могу отправиться с тобой?

— И это, в конечном итоге, попадет в вечерние новости WCJB? Ни в коем случае.

— С тобой скучно, — сказала я, надувая нижнюю губу, так сильно, как только могла.

Дилан потянулся к моей руке:

— У нас есть немного времени. Как насчет того, чтобы присоединиться ко мне в душе, и я покажу тебе, сколько удовольствия могу доставить?

Я пожала плечами.

— Возможно, но я думаю, полицейская погоня будет более захватывающей.

Дилан шлепнул меня сзади, и шлепок звонким эхом пронесся через его спальню.

— Ауч!

Его глаза вспыхнули:

— Не забывай, у меня есть проблемы.

Ладонями сжимая свою грудь, дразня его, я подошла к нему вплотную и поцеловала в шею:

— Детектив Ричардс, мы все это хорошо знаем.

Через час мы уже сидели в «Додже» Дилана, направляясь в Хайленд Хайтс. Я достала черную сумку и вытащила из нее камеру. Удерживая ее на коленях на переднем сидении, я стала менять объектив. Мне не нужна вчерашняя увеличительная мощность. Ну, только если там не будет крыс, тогда мне точно понадобится мой двухсотмиллиметровый объектив.

Дилан взглянул в мою сторону:

— Эй, чем это ты там занимаешься?

— Мне кажется, что это довольно очевидно, но если у тебя возникли проблемы с осмыслением, то я меняю объектив на камеру.

— Нет. Ты не будешь фотографировать. Я везу тебя на охраняемое место преступления. И я не собираюсь из-за этого терять свою работу.

— Это не значит, что я собираюсь использовать эти фото, — ответила я. — Кроме того, это помогает мне все запомнить. Я могу пойти домой и изучить фотографии.

— Нет.

— Они никогда не окажутся на одной из передач Бернарда, я обещаю. — Я включила экран и просмотрела мои фото со вчерашнего дня.

Дилан посмотрел в мою сторону и костяшки его пальцев побледнели, от того, как сильно он сжал руль:

— Когда ты сделала эти снимки?

Я подняла на него глаза от изображения здания из белого кирпича с синим баннером.

Дерьмо!

— Вчера, — ответила я смущенно.

— Я думал, мы заключили сделку. Полагаю, я должен отвезти тебя обратно в студию.

— Все в силе, — взмолилась я. — Это было, когда ты позвонил, и я уже была в Хайленд Хайтс. Я уехала вскоре после нашего разговора.

— Боже, Стелла. Почему?

В это время движение еще не было интенсивным. Я рассматривала достопримечательности в Новом Центре, так как мы продолжили движение на север на Вудворт Авеню. Если он не разворачивался, то я предположила, что могу ему ответить, хотя бы частично.

— Я следила за заброшенным зданием. Это была информация от источника. Я слышала сирены, но не видела полицейские машины. Так что, видишь, я была не рядом с тобой.

— Слежка за заброшенным зданием точно не сужает твоего местоположения.

— Вы часто выезжаете в Хайленд Хайтс? — спросила я.

— Департаменты полиции Хайленд Хайтс и Детройта совместно работают над

некоторыми делами. Обычно Хайленд Хайтс заботится о своих делах, а мы занимаемся своими. В последнее время некоторые из них пересекаются.

— Почему? Что изменилось?

Утром небо переливалось множеством красных и розовых полос, когда солнце роняло свой свет туда, где царила тьма. Дилан повернул направо от Вудворд и от восхода солнца, на Кортланд. Эта улица была всего в двух кварталах к югу от Глендейл, где я была вчера. Дилан провел пальцами по волосам.

Я начала думать о том, какое тело они нашли вчера. Это был мужчина. Неудивительно, что Дилан ответил так быстро, что это не Минди. По данным моего разговора с Трейси накануне вечером, этот парень был типичным членом банды, с соответствующими тату и пирсингом. Даже она не верила в то, что ее теория компиляции относится к нему.

Мы пересекли Гамильтон-Авеню, когда Дилан, наконец, снова заговорил:

— Ты узнаешь это место?

— Не совсем. А что?

— Потому что по фото, которые я видел, ты была не так и чертовски далеко отсюда вчера. — То как он подчеркнул последнее слово, напомнило мне то, что Трейси говорила, что детектив Ричардс обычно был более жестким.

Я потянулась и накрыла его руку на руле, напоминая ему, что я не часть его работы; я была его девушкой.

— Спасибо за то, что беспокоишься. Я действительно была здесь не из-за Минди или из-за других тел. Я была здесь по делу для WCJB.

— Ты делала это для Барни? Этот мужик сумасшедший, если отправил тебя сюда. Почему он не послал Фостера? Или, может быть, он мог бы поднапрячься и сделать это сам.

— Ты знаешь, что я не могу сказать тебе, что он заставляет меня делать это.

Его «Додж» остановился на обочине Кортленда, в передней части дома с фанерой на окнах и дверях, и ярко-желтой полицейской лентой, перекрывающей вход в здание.

Дилан припарковал машину и повернулся в мою сторону:

— Тогда окажи мне такую же любезность. Я привел тебя сюда по одной причине: чтобы ты не показывалась здесь в одиночку. Можешь не рассказывать мне, какое дело ты расследуешь с участием этой церкви. Просто не возвращайся сюда в одиночку, и не спрашивай меня, почему Департаменты полиции Детройта и Хайленд Хайтс работают вместе.

Церковь?

Было очень много вопросов, которые я хотела задать, но не задала. Он был прав. Если я не готова делиться, я не должна просить и его делать это. Я сжала его руку, улыбнулась своей самой яркой улыбкой, и кивнула:

— Договорились, детектив, теперь можно мне, пожалуйста, мой тур?

Он сделал глубокий вдох и выдохнул. Покачав головой, он сказал:

— Да, конечно. Я считаю, мы можем сторговаться на отличный горячий секс за этот тур.

— Хмм, а как же душ? Ты забыл?

Его улыбка показала мне, что вернулся мой мужчина, в которого я влюбляюсь, а не тот Крепкий Орешек, который рассказывает мне, куда мне можно ходить, а куда нельзя.

— Нет, — сказал он, — не забыл, но это было быстро. Я надеюсь, что, когда мы закончим этот тур, ты не будешь думать, что это торг был легким.

Глава 17

Сара

Когда Джейкоб занес ночную рубашку над моей головой, мои мысли закружились вокруг событий этого вечера. Я не знала, чего ожидать на службе, но все было в порядке, а некоторые моменты даже прошли приятно. Я справилась благодаря поддержке Элизабет и Рейчел. Две мои подруги вступали по очереди, направляли меня, нашептывая, когда нужно было вставать или присаживаться. Я пыталась скрыть то, что произошло между Джейкобом и мной — мое наказание — но, видимо, каждый раз, когда я садилась, правда становилась очевидной. Странная вещь, которую я никак не могла понять, это то, что ни одна из моих подруг не находила это неправильным. Элизабет даже сказала, что она гордится мной за то, что я была честна. Я думала, может быть, Рейчел ответила бы по-другому; в конце концов, она была моей подругой и медсестрой. Она видела мои травмы после аварии, и должна понимать, что с меня было достаточно. Вместо этого она сжала мою руку, и сказала мне, что понимает. Она напомнила мне, что, когда я молюсь, то должна благодарить Бога за мужа, который любит меня достаточно, чтобы меня исправлять. Хотя это не имело смысла, я последовала ее совету.

Другая часть вечера, которая настала сразу после службы, оставила меня ни с чем. Я думала, что все закончилось, я хорошо справилась и в награду хотела бы остаться наедине со своим мужем. Однако, этого не случилось. Вместо этого к нам подошел Брат Бенджамин и объявил, что Брат Люк и Джейкоб задерживаются. Он увел меня, Рейчел и Элизабет в другое помещение. Все это время мое сердце было беспокойно, разные вопросы и переживания только и мелькали в голове. Пожатие руки Элизабет говорило мне так много о том, о чем я не могла спросить. У нас не только не было выбора, мы еще и не могли спросить «почему». Так было до тех пор, пока я не услышала разговор Брата Бенджамина с другим мужчиной, так я узнала, что наши мужья на встрече с Отцом Габриелем. Когда я услышала это, мой живот скрутило — уверена, что их встреча была о том, как следует со мной поступить после всего того, что я сделала.

Если так и было, то после этой встречи Джейкоб ни словом не упомянул о решении. В конце концов, он сказал, что мое нарушение имело место, я была наказана, и теперь под его ответственностью. Возможно, он прав. Это не потому, что он казался расстроенным; это из-за того, что он почти не разговаривал со мной. Я хотела спросить, узнать, может быть, я сделала что-то не так на службе, или причина была в результатах его встречи. Я хотела, но доказательства моего предыдущего наказания сдерживали меня.

Джейкоб оказался прав, когда сказал, что рубцы будут служить в качестве напоминания. Без них я, возможно, ляпнула бы что-то из тысячи вопросов, которые кружили в моей голове. Вместо этого, после того как он помог мне забраться в кровать и поцеловал в лоб, я глубоко вздохнула, прикусила губу и молча сместилась вправо.

— Сара, если ты пытаешься сбежать от меня, то кровать не такая уж и большая.

— Я не пытаюсь сбежать от тебя. Я пытаюсь освободить для тебя место.

— Что? — спросил он.

— Каждую ночь с тех пор как я пришла в себя, ты спишь в этом кресле. Уверена, тебе было бы гораздо комфортнее в постели. — Я задержала дыхание.

Он прикоснулся к моей щеке.

— Ты не...

Я протянула к нему руки.

— Пожалуйста, не наказывай меня. Ты сказал, что я могу попросить, но мне не разрешается задавать вопросы. Я не спрашиваю, почему ты спал в кресле. Я прошу тебя, пожалуйста, спи в кровати.

Он выдохнул:

— Я не хочу причинить тебе боль.

Хотя ирония его заявления не утаилась от меня, я слышала больше, чем слова; я слышала его сострадание. Его искренность коснулась моего сердца и заставила меня улыбнуться.

— Я знаю, что это твой выбор, но если бы я могла выбирать, я бы хотела, чтобы ты был здесь, — я указала на пространство рядом, — со мной.

Мои сила и храбрость, благодаря которым я держалась за пределами этой комнаты, вдруг испарились.

— Я... — мое дыхание прервалось, — я скучала по тебе во время службы.

Когда он сел, под ним прогнулась кровать.

— Брат Бенджамин...

Я кивнула. Брат Бенджамин сказал мне, что Джейкоб задерживается. Но это не значило, что мне это нравилось.

Я подвинулась к дальнему краю кровати, ближе к железным ограничителям. Джейкоб откинулся на подушку, он обернул руку вокруг моего плеча и притянул меня к себе. Судя по текстуре его рубашки, он все еще был одет в одежду, в которой присутствовал на службе. Вероятно, это означало, что он только хотел успокоить меня; тем не менее, я прижалась к нему всем телом и положила голову на его грудь. Его тонкий аромат напомнил мне о нашем купании, он был свежим и чистым; однако, как только я прислонилась к хлопку его рубашки, меня наполнили запах его кожи и мускуса.

Хотя я надеялась узнать больше о его встрече, но из-за событий дня, и в тепле его молчаливых объятий, в безвременье для нас, я начала уплывать в царство сна. Я была почти там, когда Джейкоб передвинулся. Поглаживая мою спину, он устроился рядом со мной, убрал длинные волосы от моего лица.

— Ты еще не спишь? — спросил он, и я ощутила его мятное дыхание.

— Почти.

— Прости...

Его простое извинение завоевало все мое внимание. Я не была уверена, что могу вспомнить, чтобы слышала от него эти слова раньше.

— ...Я имел в виду, что хотел сказать тебе о том, как хорошо ты справилась на службе.

Я улыбнулась:

— Спасибо. Мне было страшно, но Рейчел и Элизабет были со мной все время. И Брат Бенджамин, — добавила я, внезапно опасаясь того, чтобы не показалось вдруг, что я не признаю его помощь.

Его пальцы продолжали свой бег по моим волосам.

— Я не хочу, чтобы ты подумала, что я молчалив из-за того, что ты что-то сделала не так. Ты была совершенна.

Я с трудом сдерживалась, чтобы не задавать вопросы, которые наполняли мой уставший разум. Но то, что я лежала на спине, очень помогало мне помнить об этом.

— Благодарю тебя, Джейкоб. Я хочу, чтобы ты гордился. Мне жаль, что я огорчила тебя. Я уверена, что Отец Габриель говорил с тобой об этом.

Его руки и дыхание были спокойны, как будто он внимательно раздумывал над тем, что я сказала.

— Завтра мы уезжаем из клиники. Однако, вместо того, чтобы вернуться в нашу квартиру, мы остановимся в ангаре на некоторое время.

— Я не помню, ни нашей квартиры, ни ангара, но я пойду с тобой куда угодно.

Его губы скользнули по моим губам. От легкого касания зажглась искра, которая сдетонировала и промчалась по всему моему телу. Я потянулась к его губам, желая больше, чем целомудренной нежности.

— Сара, я... — Джейкоб не закончил свое предложение; но его руки обняли меня крепко и прижали к его телу. Его поцелуй, не был целомудренным, он был страстным. Он накинута на мои губы, и вскоре его дыхание стало затрудненным. Как магниты, нас тянуло друг к другу, ближе и ближе. Мое тело разжижалось, становясь податливым в его руках, Джейкоб же наоборот, был тверд как скала.

В пылу захлестнувшей нас страсти, я забыла о моем наказании. Мое внимание переключилось на другое место. Крепко обхватив мои длинные волосы, он слегка потянул за них, тем самым наклонив мою голову в бок, в то время как его мятлый язык жадно ласкал мой рот. Мои тихие всхлипы и его жадные стоны, проникающие в мой рот. Таким образом, он абсолютно без слов заявлял свои права на мое тело.

Большие, сильные руки, которые когда-то доставляли боль, теперь приносили удовольствие. Я потянулась к его широким плечам, открывая руки и сознательно отдаваясь его поцелуям. В его поцелуях ощущался голод, он жадно скользил от моих губ к шее и вниз к ключице. Его ласки посылали дрожь по всему телу: от ног до разливающегося тепла внизу живота. С каждым шагом его поцелуи перемещались ниже, пока не достигли выреза моей ночной рубашки. Бюстгальтера, который я надевала на службу, уже на мне не было. Мое дыхание учащалось с тем, как он расстегивал каждую пуговку, в конце оставив меня обнаженной и открытой для его желания.

Стук моего сердца отдавался в ушах, когда он шептал мне с восхищением о том, как я прекрасна, и как ценно для него то, что я принадлежу ему. Когда он не говорил, его губы двигались ниже, а щетина дразнила мою чувствительную кожу. Его ласки были неистовы, умелые пальцы мяти мою грудь, покручивая затвердевшие соски так, что первобытный стон вырвался из моего горла. Не то чтобы я боялась разговаривать. Просто мои ощущения было трудно передать словами. Желая получить от него все, что он мог дать, я схватила его за голову и, сжав в кулак его волосы, притянула его ближе.

Вдруг он остановился и отстранился, оставив меня раздетой на холодном воздухе.

Изумленная и продрогшая, я потянулась к своей рубашке. Растерянная и обиженная, я начала ее застегивать.

— Я сделала что-то неправильно? — холодная температура в комнате вдруг стала ледяной, когда я поняла свою ошибку. — Джейкоб, мне очень жаль. Я знаю, что не должна задавать вопросы. Просто это...

Вихрь моих эмоций вышел из-под контроля. Хотя моя рубашка была не полностью застегнута, я отвернулась, потерялась в своем темном мире, когда слезы пролились на подушку.

Потянувшись к моему плечу, Джейкоб развернул меня к себе, вытер мои слезы и

поцеловал меня в нос.

— Ты такая упрямая. Удивительно, как это еще не привело нас к смерти.

Я не понимала, что случилось.

Как мы перешли от горячей парной до ледяной пещеры за такие рекордно короткие сроки?

Мое сердце заныло, когда кровать прогнулась и Джейкоб встал. Затем спустя несколько секунд она снова прогнулась под его весом. И почти сразу он притянул меня к груди, его рубашка стала мягче. Я предположила, что это футболка. Когда я обняла его, как и прежде, мои босые ступни встретились с его ногами. Это ощущение его непосредственной близости вернуло улыбку на мои печальные губы. Он выбрался из постели, чтобы снять свою одежду, а не покинуть меня. Он собирался спать со мной.

Джейкоб поцеловал меня в макушку.

— Ты не сделала ничего плохого. Мы на больничной койке в районной больнице. Это не самое романтичное место, чтобы заниматься любовью с моей женой.

Я выдохнула, радуясь, что он объяснил свои действия.

Мягко потирая спину, он продолжил:

— Кроме того, как я уже сказал, что переживаю за твои ребра. Я намного тяжелее тебя. И не хочу сделать хуже.

— Мне не обязательно быть снизу.

О, черт! Я прикусила губу. Я действительно сказала это?

Кровать затряслась созвучно его смеху.

— Спокойной ночи, Сара.

На следующий день я спрятала руки в перчатках глубоко внутрь моего пальто и молча сидела, когда Джейкоб увозил нас прочь из клиники. Судя по высоте транспортного средства, когда он помогал мне в него забраться, мы были в грузовике. Я хотела спросить, его ли это грузовик.

После всего, что мы пережили, разве не я разбила его грузовик?

Вместо этого я слушала, как работала печь в автомобиле, пока за окном яростно завывал ветер. Я застряла в этой битве температур, и, судя по кляцанью зубов, температура снаружи пока выигрывала. Я пыталась вспомнить время года. Элизабет упоминала про темный сезон. Судя по температуре, сейчас, должно быть, зима. Опять же, я не была уверена, что знаю, бывает ли когда-нибудь тепло так далеко на севере, на Аляске.

Какое бы время года это не было, я не могла согреться. На одну ногу я надела сапог с прошлого вечера. Другая моя нога в гипсе была покрыта своего рода носком. Под мою длинную юбку я надела теплые лосины, но, несмотря на все это, мое тело все еще дрожало. Чем дальше мы ехали, тем больше я думала о моих друзьях. Я недавно сказала Элизабет, с каким волнением я, должно быть, оставлю свою комнату. Теперь менее, чем за двадцать четыре часа, я уже сделала это дважды. И на этот раз мы не вернемся, по крайней мере, еще какое-то время.

Новая парадигма моей жизни пугала меня и заставляла остро ощущать свое

одинокое. Но по мере того как, осознание реальности моих обстоятельств поселилось в сознании, мое желание задавать вопросы пошло на убыль. Принятие моей жизни было облегчением, и это позволило мне сосредоточиться на том, кто и что окружали меня. Вне общины у меня был Джейкоб, но я буду скучать по постоянному присутствию Рейчел и визитам Элизабет. Мне даже были интересны визиты Сестры Лилит и Сестры Рут. Когда обучение Сестры Лилит стало проходить в присутствии Сестры Рут, я поняла, что начала получать удовольствие от этих занятий. Было приятно поговорить с женщинами, им можно было задать вопросы, они могли научить меня вещам, которые я не помнила.

Я пыталась представить себе, как выглядит ангар, но у меня не было на это шансов. Я даже не знаю, что это такое. Чем дольше я думала о том, куда мы едем и как нам туда попасть, тем больше вопросов у меня возникало.

Сможем ли мы жить в ангаре? Зачем нам это?

Этих бы вопросов не было, если бы Джейкоб говорил со мной, но после вчерашней службы он был молчаливее, чем обычно. Я полагала, что это как-то связано с его встречей, но об этом, я, наверное, никогда не узнаю. Если только в один прекрасный день я не пойму, что пробил Божий час. Я прислонилась к двери справа, и нашла ручку. Моя хватка усилилась, когда шины подпрыгивали на неровной дороге.

— С тобой все в порядке? — спросил Джейкоб, вернув мои мысли к настоящему.

Закусив губу, я кивнула.

Его рука в перчатке потянулась к моей ноге.

— Сара, — сказал он мягко, — я не могу тебе помочь, если ты не откровенна со мной. Не пытайся скрыть свои мысли и чувства. Я узнаю правду.

— Мои ребра.... Когда грузовик подпрыгивает... мне больно.

— Здесь. Слишком сильно? Все еще болят? — спросил он.

Когда я накрыла его руки своими, он повернул ладонь вверх и переплел наши пальцы. Сделав глубокий вдох, я сказала:

— Я ничего не помню. Я не знаю, куда мы едем. Кроме того, что ты сказал... Я даже не знаю, что такое ангар. Будут... — я сглотнула и перефразировала — Мне интересно, есть ли там животные.

Его смех заполнил пространство грузовика, моментально маскируя шум ветра и скрип шин от подпрыгиваний на неровной дороге.

— Я горжусь тобой. Ты сказала все это, без единого вопроса. — Он сжал мою руку. — Очень хорошо. Ангар — это тип здания. Нет, там не будет никаких животных. Одна небольшая часть здания является жилым помещением. Даже без твоего зрения, я верю, что ты сможешь хорошо в нем ориентироваться. Там есть мансарда со спальней. На первом этаже находится одна комната с кухней и гостиной и небольшой отдельной ванной комнатой. Остальное — огромное помещение ангара.

Я повернулась в его сторону и попыталась представить себе, что он описал.

— Все остальное место предназначено под самолет. — Я старалась избегать любых интонаций, которые могли бы заставить звучать мои слова как вопрос.

— Самолеты, два. — Он вздохнул. — Я все время забываю, что ты не помнишь. Я пилот. Отец Габриель сказал, что мне нужно вернуться к работе. Теперь, когда тебе уже лучше я могу это сделать. Прошлым вечером он решил, что будет лучше, если бы ты была со мной в ангаре, а не оставалась одна в нашем доме.

— Я буду оставаться одна, когда ты будешь на Собрании или, когда ты будешь

работать. — Мое сердцебиение участилось.

— Будешь, иногда. Кто-то другой придет, чтобы остаться с тобой. Всем членам Света нужно быть вовлеченными. Мы все работаем, чтобы исполнить мечту Отца Габриеля. Есть еще один пилот, брат Мика, здесь в «Северном Сиянии». Последние три недели, которые прошли после аварии, он справлялся со всем в одиночку. Также еще один пилот бывает здесь, но не является членом «Света», Ксавьер. Он иногда помогает со снабжением. Отец Габриель ему доверяет, как и мы.

Я снова напряглась, так как в этой местности оказалось еще сложнее с дорогой.

— Мы почти на месте. Именно Ксавьер стал причиной, почему в ангаре есть жилое помещение. Иногда, когда он привозит припасы, то не может уехать в тот же день. «Северное Сияние» находится в очень отдаленной части Крайнего Севера. Это здание удалено от общины, так что у него есть, где остановиться.

— Я знаю, что могу говорить о том, что думаю, только не задавая вопросов.

— Если ты задашь свой вопрос, будешь ли ты чувствовать себя от этого лучше?

Я пожала плечами

— Надеюсь. Это зависит от твоего ответа, и, если ты разрешаешь мне спросить.

Грузовик притормозил, чтобы сделать еще один поворот.

— Давай. У тебя есть мое разрешение, но я не могу обещать, что отвечу.

— Ты сказал, что ты пилот и что иногда Ксавьер должен оставаться здесь на ночь.

Бывает так, что тебя не бывает всю ночь?

— Да.

Я отвернулась к окну, сквозь которое все равно не могла видеть, и пыталась подавить панику, возникшую в груди. Я ненавидела быть настолько зависимой от него, но я была зависимой.

— Отец Габриель не просил меня о каких-либо ночных перелетах, пока ты полностью не поправишься. И когда у меня будут случаться ночные смены, мы будем дома в нашей квартире. Ты не будешь одна, ты будешь в общине. Я никогда не оставлю тебя здесь больше, чем на несколько часов.

Я кивнула, когда грузовик остановился. Послышался механический звук — открывались ворота гаража, а затем мы медленно двинулись вперед.

— Не открывай дверь, — предупредил Джейкоб. — Я помогу тебе, но мы должны подождать, пока закроются ворота. В это время года, приходится быть осторожными. Высокий забор защищает общину от белых медведей, но здесь мы не можем быть уверены до конца.

Я повернулась к нему лицом:

— Боже мой, белые медведи!

Он усмехнулся:

— Чтобы ты поняла. Это не значит, что белые медведи всегда поджидают нас у ворот. Технически мы только на краю Заполярья, но лучше быть всегда готовыми и перестраховаться, чтобы быть в безопасности. Разве ты не согласна?

— Согласна. — На минуту я задумалась, когда опускались ворота гаража. — Но сейчас зима, они должны быть в спячке.

— Пока еще не настала метеорологическая зима, но я согласен, с ощущением того, что зима в разгаре. Впрочем, нет, белые медведи не впадают в спячку.

Я закусила губу между зубами.

Как я могла забыть, что живу с белыми медведями?

Дверь с моей стороны открылась, и Джейкоб потянулся к моему подбородку. Рукой в перчатке он подразнил мою губу.

— Не волнуйся. Мы в безопасности. Помни, что я говорил. Я обещал заботиться о тебе. Я никогда не сделаю ничего, что причинило бы тебе вред. Это значит, что я не оставлю тебя наедине с белыми медведями.

Я улыбнулась и протянула к нему руки:

— Хорошо.

— Теперь давай зайдем туда, где теплее.

Когда я начала сползать с грузовика, Джейкоб сказал:

— Держись за мою шею, я тебя понесу.

— О, ты не должен этого делать. Я могу ходить. Ходить стало легче, когда на другой ноге у меня сапог.

Без смущений, он подхватил меня на руки.

— Я заметил.

Покачив головой, я сделала так, как сказал он, и потянулась к его шее. Он легко поднял меня. Пройдя несколько шагов, я потянулась лицом к нему и поцеловала его в щеку.

— Что это было?

— Я просто подумала: так как я не помню ничего из прошлого, сейчас ты несешь меня на руках, переносишь через порог, будто в первый раз. Как будто мы молодожены.

— Ты сказала, что вышла бы за меня еще раз. — Его тон стал ниже, — Но это уже было...

Я прервала его еще одним поцелуем, на этот раз легко прикоснувшись к губам:

— Мне все равно, — уверила я его.

— Тогда, миссис Адамс, мы можем быть молодоженами.

Глава 18

Джейкоб

Я изо всех сил стучал ладонями по рулю, пытаюсь выместить на грузовике часть своего разочарования. По крайней мере, когда я ударил его, грузовик не плакал и не таял в моих руках. Я знал его устройство, понимал, как он работает, и знал, как его починить, когда с ним возникают проблемы. Это было, так же, как и с нашими самолетами. Мика и я не только летали, мы знали, как их чинить и обслуживать — по механической части, но не их технологию. Это дерьмо было сложнее. Я вцепился в свои волосы и начал внутренний монолог.

Возьми себя в руки, Джейкоб. Ты сделаешь это.

Я бросил последний взгляд на вход в жилые помещения, прежде чем нажал кнопку двери гаража. Я не мог вернуться. Если я сделаю это, то уже не захочу уходить. Кроме того, я должен быть на Собрании меньше чем через полчаса.

Почему она хочет, чтобы я был с ней? Почему она не ненавидит меня?

Не то, что бы я хотел, чтобы Сара ненавидела меня, но она должна была.

Выехав из ангара, я смотрел и ждал, пока ворота гаража не закроются полностью. Взглянув на часы, на приборной панели, я увидел, что сейчас было около половины девятого утра пятницы, и небо было еще темным. Было время в моей жизни, когда меня волновало то, что в полдень были сумерки, или полностью темнело в четыре, но сейчас вокруг меня слишком много всего происходило, чтобы этот факт вызвал у меня что-то большее, чем мимолетную мысль.

Сара даже не поняла, что это и было ее наказание от Комиссии. Я должен сообщить ей это, прежде чем она столкнется с Собранием, Комиссией, или любой из жен — особенно, прежде чем она встретится с Отцом Габриелем.

По пути в общину, моя память возвращалась на заседание после вечерней службы в среду. Отец Габриель, не теряя времени на прелюдии, сразу перешел к главному...

— Братья, присаживайтесь. Прежде, чем мы встретимся с Собранием и Комиссией утром, я хочу обсудить мой указ о наказании Сары за инцидент.

Устроившись на стуле, я пытался унять беспокойство, которое рикошетило во мне, словно шарик от старинного пинбола.

— Я вынес уже много указов о наказании в подобных ситуациях. Но сейчас не совсем типичный случай. Не посвященные в детали последователи считают, что Сара была вашей женой во Тьме. Но сама Сара думает, что жила здесь задолго до произошедшего, а последователи верят в то, что она здесь недавно. И все они считают, что она воспользовалась вашим грузовиком для побега и попала в аварию.

Моя спина напряглась.

— Брат?

— Отец, я еще не обсуждал это с Сарой. Я сказал, что расскажу ей об этом, когда придет время. Она знает только то, что я отвечал Брату Тимоти на следующий день ее пробуждения.

— И версии не совпадают, не так ли?

— Нет. Тогда, мне было сказано, чтобы я ответил, что Сара взяла грузовик с моего разрешения.

Ко мне предъявляли претензии?

Отец Габриель кивнул.

— Также вы говорили, что она помнит это, в то время как она ничего не помнила.

— Да.

— Так как вы член Собрания, ваши слова должны были быть правдивыми. А то, что вы сказали, правдой не было.

Ну, мать вашу, а если бы я сказал, что она не попадала в аварию?! Разве я должен был сказать, что все это инсценировано с помощью наркотиков, которые ей вкололи, и что член Собрания-псих избивал ее на моих глазах. Что он избил бы ее намного сильнее, если бы я не остановил его... что было бы, если бы я сказал, что даже после того, как я прекратил нападение на Сару, она получила еще больше травм после того, как ее передали доктору Ньютону. если бы я сказал Брату Тимоти то, что он и так уже знал — что весь этот инцидент был обманом — да, тогда я бы не солгал.

— Да, Отец.

— Поэтому мое решение должно быть наказанием за грехи обоих, этим мы успокоим последователей.

— Да, Отец.

— Я обратился за советом к Комиссии. Теперь, когда Сара лучше адаптируется в общине, тем самым усиливаются и претензии к ней как к жене члена Собрания, поэтому ее наказание должно быть публичным.

Мой взгляд метнулся к Люку. Хотя он и не смотрел в мою сторону, я увидел шок, который тот пытался скрыть. Уверен, что мое сердце перестало биться, я почти согнулся от боли вследствие его вердикта. Я был ответственным за споры. Я знал, в чем смысл публичных наказаний. Все во мне хотело просить за нее, протестовать, предложить себя вместо нее, но я знал, что не смогу ей помочь. Отец Габриель уже принял решение. Весь зал замер, все ждали моей реакции.

Проглотив возражения, я сказал:

— Я с уважением отнесусь к вашему решению.

Брат Даниэль выдохнул:

— Очень хорошо. Я знал, что в тебе это есть. — Его щеки растянулись в ширину улыбки.

Смутившись, я оглянулся на Отца Габриеля.

— Брат Джейкоб, вы на самом деле человек «Света». Я считаю, что после этого мы сможем доверять вам даже больше.

— Спасибо...?

Если бы Сара использовала ту же интонацию, я бы, наверное, сделал ей замечание. Было очевидно, что знак вопроса завис где-то в воздухе.

Отец Габриель рассмеялся:

— Что ж, по крайней мере, это прозвучало не как вопрос вашей жены сегодня.

Я покачал головой.

— Мне очень жаль. Мы все еще работаем над этим.

— Временное изгнание, — объявил он.

Временное?

Я так схватился за ручки кресла, что костяшки моих пальцев побледнели. **ВАШУ МАТЬ** Изгнание означало смерть. Никому и никогда не будет позволено покинуть «Свет»: не после того, как они работали на заводе по переработке, и явно не после того, как они были в курсе

того, что здесь происходит. Особенно мне. Я ведь знал и о других общинах.

— Брат, ваше самообладание впечатляет. Позвольте мне объяснить. У Сары заметен большой прогресс. Она смогла наладить отношения не только с вами, но и с сестрами Элизабет и Рейчел, а также сестрами Лилит и Рут. Она изучает мое учение. Наша цель — ее желание служить общине и ее супругу. Если я правильно интерпретирую ваши стиснутые челюсти, тепло в ваших карих глазах и силу захвата подлокотников этого кресла, то вы ощущаете потребность защищать ее?

Я сознательно отпустил ручки кресла, расслабил плечи и челюсти. Вдох, выдох...

— Да, это так, — признался я.

— Сексуальное влечение появится. Я не верю в то, что кто-либо способен устоять, особенно, когда получает добродетельную жену в свою постель.

Я кивнул.

— Начиная с завтрашнего дня, Сара будет изгнана из общины.

Я задержал дыхание.

— На две недели. В течение этого времени вы будете жить в ангаре, в жилых помещениях. Там есть все необходимое для вашего проживания. Также, Брат Джейкоб, вам пора вернуться к работе в «Северном Сиянии». Брат Мика не жаловался, но мы нуждаемся в вас.

Наконец я выдохнул.

Две недели. Спасибо «Свету». Две недели — это выполнимо.

— Конечно, я более чем готов.

— В течение двух недель, она будет видеть только вас. И тех членов Комиссии или Собрания с женами, которые смогут получить разрешение на посещение.

Видеть?

— Отец, она еще не в состоянии никого видеть.

Он поджал губы и нахмурил брови. Его локти лежали на столе, и Отец Габриель сцепил руки.

— Через неделю доктор Ньютон посетит ангар и снимет бинты. Потом, когда она вернется к общине, она сможет в полной мере оценить возвращение и приступить к работе.

— Я так понимаю, она будет отлучена от посещения службы на это время?

— Вы оба.

Я выпрямился.

— Конечно, мы не будем посвящать в подробности этого никого, кроме Собрания и Комиссии, но последователи и сами смогут сделать выводы. Как только вы вернетесь, я лично поприветствую вас. Наказание будет исполнено.

— Как будто этого никогда не происходило, — добавил брат Даниэль. — Однако, Брат Джейкоб, вы будете продолжать посещать встречи Собрания.

— И начнете полеты, — сказал Отец Габриэль.

— Сара будет оставаться в одиночестве, пока я летаю.

— Да, это даст ей время изучить мои записи и оплакать свой проступок. Изоляция — это мощный инструмент.

— Спасибо вам за это наказание. Я буду работать над тем, чтобы Сара смогла вернуться в общину полностью активным последователем и женой члена Собрания.

— Мы не сомневаемся в вас, — сказал Брат Даниэль.

Отец Габриэль встал:

— В субботу, после заседания Комиссии, вы полетите со мной к «Западному Сиянию». У меня там есть дела.

Я сделал мысленные расчеты. Если мы вылетим в одиннадцать, плюс время полета, плюс время на его дела, так, что вернуться я смогу, по крайней мере, часов в десять вечера. Учитывая, что полет в каждую сторону занимает приблизительно три часа.

— Я подготовлю самолет. Нужно планировать ночевку?

Я знал ответ, который хотел услышать. Но как Сара сама сможет справиться в изоляции, по его мнению?

— Нет. Мы не будем оставлять Сару наедине на ночь, пока она не вернулась в общину. Этим наказанием мы хотим помочь ей, а не напугать ее и заставить нас ненавидеть. Есть вероятность, что мне нужно будет остаться там на некоторое время. Если так случится, то вы и брат Мика можете забрать припасы и вернуться. Остальные детали я узнаю в субботу.

Я вздохнул:

— Спасибо.

Теперь, когда я проезжал последние ворота в общину этим пятничным утром, я сделал глубокий вдох. Менее чем через две недели наше наказание будет исполнено и Сара и я станем частью общины. Община «Света» поприветствует нас как пару.

Я улыбнулся, вспомнив о том, как хорошо она приспособилась в ангаре. Вчера, вместо того, чтобы оплакивать свое публичное наказание, как сказал Отец Габриель, она, казалось бы, играла в домохозяйку. Я ожидал, что она будет сидеть на кровати, как и в клинике, но нет, только не Сара. По ее собственному желанию, Сара с помощью прикосновений исследовала все окружающее ее пространство. Хотя я и сделал для нее небольшую экскурсию, она независимо от меня продолжила исследовать жилые помещения. Она вернулась на кухню и ванную комнату и выучила расположение каждого предмета мебели, и даже прошлась вверх и вниз по ступенькам в мансарду, осторожно перехватывая за перила. А также потратила больше часа на кухне, открывая ящики и шкафы, изучая их содержимое.

Каждый раз, когда она что-то находила и была уверена в том, что нашла, она торжественно об этом объявляла. Отец Габриель был неправ, когда сказал, что *притяжение придет*. Сара была так чертовски мила с ее открытиями, что *притяжение уже между нами было*. Она также овладевала искусством задавать вопросы «не спрашивая». Честно говоря, наблюдать за тем, как она пытается усмирить свое врожденное желание задавать вопросы было чертовски сексуально.

Ее привлекательность была такой *явной*, что иногда это причиняло мне боль.

После того, как Сара освоила содержимое кухни, она спросила, можно ли ей готовить. К счастью, холодильник был полон готовой еды, которую нужно только разогреть. После того, как ей вернут зрение, приготовление еды будет ее долгом; однако, поскольку я должен был ее уберечь, то сейчас я запретил ей пользоваться ножами, плитой, дабы избежать горячих конфорок и духовки.

Когда я уезжал сегодня утром из ангара, она мыла посуду, что, как мне казалось, было достаточно безопасно для нее. Тем не менее, моя больная фантазия рисовала видения, где она, разбив стекло, пытается его убрать, и, оступившись, истекает кровью на полу в кухне. Сейчас это может показаться экстремальными мыслями, но я понял, что все это было сделано для меня. Чтобы вызвать у меня дополнительный стресс и бессонные ночи. Это все для того, чтобы я прочувствовал, что будет со мной, если потеряю ее.

Хотя я был единственным, кому нужно было ехать на Собрание, к счастью, я был не

последним, кто на него прибыл. Пока я шел к своему месту, меня остановил Бенджамин.

— Как Сара?

Я пожал плечами.

— Блаженно неведение. Она справляется лучше меня.

Он кивнул.

— Рейчел беспокоится. Она знает, что лучше, не спрашивать, но до нее дошли слухи.

Разговоры жен.

Его комментарий заставил мою кожу вспыхнуть, когда я подумал о том, что жены сплетничают о Саре. Это было смешно. Все они знали правду. Они все знали, что она на самом деле не виновна, ее нельзя было обвинить ни в чем, кроме того, что она была приобретенной.

— Это не мое дело, — продолжал он, — но ты должен сказать ей. Если вдруг покажутся Лилит или даже Рут, и от них она узнает о своем публичном наказании, будет только хуже.

Я кивнул.

— Что ж, пока они все еще нужны своим мужьям тут, их не изгонят за пределы общины, поэтому, думаю, я в безопасности, по крайней мере, в рамках заседания Комиссии.

Бенджамин сделал глубокий вдох.

— Я хочу с тобой поделиться. Это произошло, прежде чем ты появился в общине, но, — печаль накрыла его лицо, — Рейчел тоже была приобретена.

Меня откинуло назад.

— Вау, я не знал. Она прекрасно держится. Очень трудно определить, каким путем женщины пришли к «Свету», какой путь они проделали для того, чтобы стать полностью просвещенными.

— Я просто хотел, чтобы ты знал, я понимаю, что ты переживаешь и что чувствуешь.

— Ты был в Собрании?

— Нет, так случилось лишь с тобой. Я занимался тем же, что и сейчас делаю — работал с Братом Рафаэлем в лаборатории. Хотя во Тьме я был фармацевтом. У меня не было опыта работы с химией, в аптеке я только смешивал ингредиенты, — добавил он с усмешкой. — В любом случае, я работал с Братом Рафаэлем, и должен признать, что именно он помог мне пройти через это.

Я осмотрелся.

— То есть, Сестра Ребекка, жена Брата Рафаэля была... приобретенной?

Он кивнул.

— Ты выглядишь удивленным.

— А как же ты? — Я провел рукой по волосам. — Ты когда-нибудь сожалел об этом?

— Нет! — прошептал он окончательно. — Это путь «Света». Брат Рафаэль помог мне смириться с этим. Бог создал Рейчел для меня. Я не встретился бы с ней, если бы не Отец Габриель. Мы вместе уже более пяти лет.

— Ты ее любишь?

Я знал ответ уже тогда, когда вспыхнули его глаза:

— Больше, чем собственную жизнь.

— Спасибо, — сказал я, искренне его благодаря.

— Когда ты вернешься в ангар, поговори с ней. Поверь мне. Ты же не хочешь, чтобы Лилит была одной из тех, кто расскажет ей об этом.

Я кивнул.

— Ты прав. Не хочу.

— Братья, пора начинать, — голос брата Рафаэля с Бостонским акцентом, прозвенел по всему залу Собраниа. — Отец Габриель готов молиться.

Глава 19

Сара

Я провела пальцами по поверхности кровати, убедившись, что на покрывале не было складок, и подушки на своих местах. Я не была уверена в том, что всегда занималась такого рода домашней работой, но полагала, что так и было. Джейкоб не говорил мне о том, что я должна делать и за что ответственна в доме. Об этом мне рассказывала Сестра Лилит во время учебы. Я не возражала. Честно говоря, в свой первый день свободы от больничной палаты после инцидента, мне нравилось ничего не делать. Кроме того, это место было не таким уж и большим, поэтому было не так много вещей, которыми я могла заняться.

С тех пор как Джейкоб уехал на Собрание, я успела помыть посуду, оставшуюся после нашего завтрака, прибралась в гостиной, застелила нашу кровать. Я не знала, заметит ли он, но сделав это, я почувствовала свою причастность к чему-то.

Когда я присела на только что застеленную кровать, мысли вернулись к тому моменту, когда постель на ней была разобрана... к тому времени, когда я была на ней вместе с мужем. До сих пор все, что я могла вспомнить это то, что спала с ним, его руки обнимали меня, и моя голова покоилась на его плече. Постоянный стук его сердца и ритм дыхания успокаивали меня. Хотя я не могла дождаться момента, когда увижу его собственными глазами, мой разум уже создал его образ. Когда он спал, я осторожно изучила его лицо. Легким касанием пальцев я исследовала его лоб, нос и линию подбородка. Я ласкала его плечи и почувствовала рельеф его мышц. Его твердость была прижата к моим бедрам, и я знала, что моя голова доходит четко до его подбородка, когда мы стояли и он держал меня близко. Я никак не могла знать, насколько точен созданный мной образ, но мое сердце хранило воспоминание о колючем подбородке, который я обнаружила своими прикосновениями, и пронзительных голубых глазах.

Улыбаясь, я вспомнила, как предложила ему спать со мной в клинике. Несмотря на то, что я нервничала, я была рада, когда он сделал это. Я никак не могла знать, что это будет нашей последней ночью там. Однако, та ночь, проведенная в его объятиях, сделала нашу первую ночь здесь более комфортной. Мои мысли возвращались к ночи после службы, к его голодным прикосновениям и неистовым поцелуям, когда его губы исследовали мое тело. Только одни эти воспоминания вызвали мурашки по телу. Я лежала на кровати, на спине, обхватив руками бок, и вздохнула. Ах, если бы только он не беспокоился так о моих ребрах.

Деликатная поездка на грузовике вчера только усугубила боль от травм. Я пыталась скрывать это. Качая головой, я подумала о том, возможно ли вообще скрыть от него что-то. По словам Элизабет, это запрещено. Но видит Бог, я не лгала. Я пыталась утаить информацию в интересах нас обоих. Кстати, его дыхание стало затрудненным, и тело затвердело, так что, той ночью в клинике я была не единственной, кому хотелось заняться любовью.

Казалось, как будто, совершенно не имело значения, сказала бы я Джейкобу о чем думаю, или нет, он это знал. Каким-то дивным образом он всегда узнавал об этом раньше меня. Может быть, это потому, что мы были вместе так долго.

Если бы я только могла вспомнить, насколько долго.

Звук поднимающейся двери гаража вытащил меня из моих плотских мыслей, и я прикоснулась к щекам. Хихикая, я надеялась, что они не были такими красными, какими

ощущались. Если они сильно покраснели, то он точно узнает, о чем я думала... я покачала головой. Я бы не хотела этого разговора. Выдохнув, я хотела избавиться от румянца.

Когда я слышала, что дверь гаража опускается, то встала и направилась к лестнице. Сапог на правой ноге значительно облегчил мои прогулки с гипсом. Подойдя к ступенькам, я сделала глубокий вдох и представила себе лестницу. Поскольку я пересчитала ступени несколько раз, я знала, что вниз было пятнадцать шагов. Может, я и не могла видеть, но я старалась быть самостоятельной настолько, насколько это возможно. Я шагнула вниз только на вторую ступеньку, когда слышала его голос.

— Сара?

— Я иду, — ответила я, делая шаг за шагом, осторожно, стараясь не идти слишком быстро.

Еще прежде, чем я успела спуститься, я уже знала, что он ждет меня внизу. Когда мы шли на службу, я поняла, почему связываю его с запахом кожи; все дело было в его куртке. Когда он не носил ее, только небольшая часть аромата задерживалась на нем. Когда же был в ней, как сейчас, запах кожи становился подавляющим. Вдобавок к этому, я слышала, как стучали его ботинки по деревянному полу, а потом остановились. Поэтому сделав четырнадцатый по счету шаг, я остановилась. Я боялась, что, если сделаю еще один шаг, то могу врезаться в Джейкоба.

— Сара. — Его голос прозвучал очень близко.

Вцепившись в перила, я наклонила к нему лицо. Улыбаясь и надеясь, что мои щеки вернули свой нормальный цвет, я ответила:

— Да?

— Ты слышала, как открылась дверь гаража?

— Да.

— И как ты думаешь, что это могло бы значить?

— Я предполагаю то, что ты вернулся.

— Так ты узнала, что я дома, однако, решила не приветствовать меня?

Какого черта?

— Ответь мне, — спросил он, тон его голоса был слишком спокойный. — Почему ты не ждала меня у дверей?

Мысли, которыми я развлекалась наверху испарились. Я знала этот тон. Я не только узнала его, но все во мне хотело этого избежать. Мое сердцебиение участилось, а во рту стало сухо, как в Сахаре.

— Я была на...

Он перебил меня, упрекнув:

— Я не должен ждать, пока ты придешь. Когда я возвращаюсь, я ожидаю, что ты уже ждешь меня и поприветствуешь своего мужа.

Пузырь из опасений в моей груди, который ослаб и уменьшился, с тех пор как я очнулась три недели тому назад, снова начал расти.

— У двери... что... прости... я не знала... ты не говорил мне...

Он схватил мою руку, и резкое движение разительно контрастировало с жутким спокойствием его голоса.

— Скажи, Сара, ты обвиняешь меня в забывчивости?

В чем, черт возьми, проблема?

— Мне очень жаль, — признала я. — Я не виню тебя... я просто не помню. Если бы ты

сказал мне... Теперь я так и буду делать.

— Я все должен тебе напоминать?

— Я пытаюсь вспомнить, я стараюсь. Теперь, когда ты будешь приходить домой, я буду ждать тебя у двери.

— Возможно, тебе нужно напоминание?

Мое тело обмякло, колени ослабли. Пузырь внутри рос и трещал, наполняя мою нервную систему ужасом.

— Нет. Мне не нужны напоминания. Я запомню. Пожалуйста, дай мне еще один шанс.

Если бы не его железная хватка на моем предплечье, я бы, возможно, упала со ступеньки, на которой стояла.

Если бы упала, я не была уверена, чем вызвано мое неожиданное головокружение: тон его голоса, от которого я дрожу, или от того, что он заставил меня умолять. Не то, чтобы я была гордой, но сейчас, чтобы избежать новой встречи с ремнем, я была на это согласна.

— Сара, подойди к двери.

Я кивнула, молясь про себя. Когда он отпустил мою руку, я шагнула вниз, затем снова вниз. Вокруг лестницы, мимо туалета, я нашла дверь между жилыми помещениями и гаражом.

Он был прямо позади меня, его голос был все еще до жути спокойным.

— Ты можешь стоять или ждать меня на коленях — выбор всегда за тобой.

Я проглотила мерзкую желчь, подымающуюся из желудка. В то же время, я думала, как всего несколько минут назад у меня были приятные мысли об этом человеке. А также я не могла представить себя, стоящей на коленях.

Кто так делает?

Я сдвинула ноги вместе, вытянула шею, и сказала:

— Я постою, спасибо.

Он прикоснулся к моему подбородку и опустил его.

— Это место, где ты должна быть, когда я возвращаюсь. И если ты решила стоять, то голову следует опустить.

— Да, Джейкоб.

Я стояла неподвижно, тишину заполнило шуршание его куртки.

— Протяни руки. Ты можешь взять мою куртку и повесить ее в шкаф под лестницей.

Она была тяжелее, чем я ожидала, от этого я слегка покачнулась, когда он вложил ее в мои руки. Я порылась в шкафу, пока не нашла вешалку. Как только его куртка была повешена, я закрыла дверь. Когда я обернулась, он был прямо передо мной и схватил меня за плечи. Я закусила нижнюю губу между зубами и ждала того, что не хочу услышать.

Он скажет мне идти в ванную, как в прошлый раз или сделает это в нашей спальне?

— Сара, у нас так много всего происходит прямо сейчас. Я не хочу, и у меня нет времени напоминать основы. Ты должна помнить.

Слеза покатила по щеке, когда я кивнула, не вырываясь из его хватки.

— Я пытаюсь.

— Пытаться и делать — две разные вещи. Помни это. Если ты не можешь, то в следующий раз я не буду таким снисходительным.

От осознания того, что сегодня мне удалось избежать наказания, я чуть не осела на пол.

— Спасибо, Джейкоб. Я буду ждать тебя в следующий раз.

Он взял меня за руку и повел к дивану. Вручая мне салфетку, он сказал:

— Я собираюсь рассказать тебе, по какой причине мы переехали из общины сюда. —

Теперь его голос совсем не казался спокойным. Голос мужа манил меня, и я хотела знать.

— Спасибо, — сказала я с опаской, принимая от него салфетку.

— Они все поняли.

— Я не понимаю.

— Они знают, что это я отвечал за тебя, когда Брат Тимоти был в твоей комнате в клинике.

Моя дрожь возобновилась.

— Что... я не понимаю, что это значит. Он сказал, что мне нужно предстать перед Комиссией.

— Тебе не нужно. По крайней мере, не сейчас. Я был перед ними, несколько раз.

— Ты был там? Вместо меня?

Преданность и грусть звучали в его словах.

— Ты достаточно натерпелась. Я попытался.

— Но ты сказал им правду.

Его хватка на моих руках усилилась.

— Я сказал им то, что, по моему мнению, было наилучшим ответом.

Все внутри меня кричало, чтобы спросить, чтобы задать вопрос. Вместо этого я ждала.

— Ты помнишь, свою реакцию в больнице, перед тем как я ударил тебя?

Стыдясь воспоминаний, я кивнула и тихо ответила:

— Да.

— Вот такой ты была до аварии. Ты была расстроена, схватила ключи и выбежала. Я не знаю твоих намерений, но Комиссия решила, что ты пыталась покинуть «Свет».

Я судорожно покачала головой.

— Нет! Я бы не стала этого делать. Я не оставлю тебя, или «Свет», или Отца Габриеля. — Я перестала трясти головой и наклонила ее в сторону. — Я не думаю, что хотела этого.

— Мне хотелось бы в это верить. Хочется верить, что это было недоразумение.

Моя голова болела от того, как я отчаянно пыталась отыскать хоть какие-то воспоминания.

— Я ничего не помню...

Его большие ладони обхватили мое лицо.

— Сара, я поставил все на карту ради тебя. Мы должны быть откровенны друг с другом.

Я кивнула.

— Что бы ты выбрала: уйти и вернуться во Тьму, или остаться здесь... со мной?

Я вырвалась из его объятий и встала. Внезапное разъединение дало мне силы, чтобы подумать. В одно мгновение я фантазировала о нем, в следующее же — боялась его. С каждым шагом отдаления от Джейкоба, мой ответ становился яснее. Остановившись на другой стороне дивана, я сделала глубокий вдох и начала:

— Я абсолютно честна с тобой. Я не помню ничего из того, что происходило перед моим пробуждением в клинике.

— Ничего?

Моя голова медленно двигалась из стороны в сторону.

— И? — спросил он.

— И все, что я знаю, что произошло с... — Я замолчала. — Я знаю, что ты был со мной.

Не только *со мной*, но я слышала, как ты боролся за меня. Я слышала, что ты сказал доктору Ньютону. Я верю, что ты защищал меня перед Братом Тимоти. И только теперь ты говоришь о том, что свидетельствовал в мою пользу. — Я сделала глубокий вдох. — Я знаю, что ты заботаешься обо мне, что хочешь меня, и ты любишь меня достаточно, чтобы воспитывать меня.

Вздыхнув, я повернулась к нему, села и накрыла ладонями его щеки. Я провела руками по его небритому подбородку и скулам, вспомнила, как он ласкал мою грудь.

— Джейкоб, я буду продолжать извиняться за то, что не помню. Но то, что я не помню, не значит, что я не хочу вспомнить. Я понятия не имею, что делала в тот день, или почему я взяла твой грузовик, но обещаю, теперь я хочу быть здесь, с тобой.

— Сара, как раз *здесь* нам быть не следует.

Руки опустились на колени, когда я пыталась понять смысл его слов.

По сравнению с клиникой, мне нравилось здесь.

— Нас временно изгнали из общины, — пояснил он.

Неспособная мыслить и рассуждать, я перестала дышать. Это было именно то слово, которое использовал Брат Тимоти. Изгнаны.

— Как насчет твоего членства в Собрании? Они его забирают? А что насчет твоей работы? Зачем они это делают? Что будет с нами? А как насчет наших друзей? Мы можем что-нибудь сделать?

Он схватился за мои руки и сжал их.

— Стоп. Я даже не могу сосчитать, сколько раз ты задала вопрос.

Хотя я знала, по его тону, что мне ничего не угрожает, я опустила подбородок, стыдясь, что вмиг позабыла все свои тренировки.

Он направил мои невидящие глаза на себя.

— Это оно, — продолжил он объяснять. — Это и есть наше наказание. Никому, кроме случайного члена Комиссии, или его жены не позволено видеться, и разговаривать с нами в течение следующих двух недель. Ни друзей, ни служб, только изоляция.

В моей груди стучало сердце, а потом через мгновение я сжала его руку и спросила:

— Могу ли я все еще быть с тобой? Мы можем быть друг у друга?

— Ты все еще хочешь меня? — спросил Джейкоб.

Я кивнула.

— Я не знаю, почему я сделала то, что сделала. Я не помню твой грузовик, но, пожалуйста, поверь мне, я извиняюсь, и я не поступлю так снова.

Я наклонилась к нему и уперлась щекой в его грудь.

— Из того, что я узнала с тех пор, как очнулась, да хочу. Я хочу тебя. Я не понимаю всего, что ты ожидаешь от меня, но я хочу тебя.

Меня окружили его объятия.

— Мне сложно описать тебе, как приятно это слышать.

Я откинулась назад, отстраняясь.

— Подожди. — Тревога была громче, чем мои слова. — А ты все еще хочешь меня?

Он притянул меня спиной к своей груди и усмехнулся.

— Ты не представляешь, насколько сильно я хочу тебя. Но Сара, у тебя сломаны ребра, по крайней мере, одно точно.

Я позволяю себе немного улыбнуться и пожимаю плечами.

— Я думаю, что рассказывала тебе о вариантах. Но сейчас я немного напугана, чтобы

повторить их.

Он потер щеку.

— Есть некоторые вещи, о которых я уже говорил тебе. Они касаются нашей с тобой личной жизни, или личного пространства. И кровать в клинике... это было неприемлемо, но я оценил это.

— Оценил, но не прислушаешься?

Джейкоб поднял мое лицо к своему. Кончики наших носов потерлись друг друга, когда он покачал головой.

— Так много вопросов...

Хотя он только что упрекнул меня, его дыхание сказало мне, что отнюдь не наказание вертелось у него на уме. Я приблизила к нему свои губы, и он нежно меня поцеловал.

— Выздоровливай, моя дорогая жена. Мы пройдем через изгнание и выздоровление. А после, сделаем это. У нас впереди вечность.

— Пока ты рядом со мной, они могут прогнать нас так надолго, как захотят.

— В этом мы вместе. Однако, даже с нашим изгнанием, у меня есть работа, и ее нужно выполнять. Завтра мне придется улететь.

Мое дыхание сбилось.

— Пожалуйста, скажи мне, как долго тебя не будет.

— Я не уверен. Я лечу с Отцом Габриелем. Если у тебя возникнет чрезвычайная ситуация, то на кухне есть телефон.

— Я не знаю, кому звонить и как.

Глава 20

Стелла

Дилан и я заключили новую сделку следующим утром, когда он взял меня к дому на Кортленд Стрит. Мы договорились продолжать наши расследования вместе, пока не убедимся, что это связано с исчезновением Минди. Проблема в том, что после изучения файлов доктора Хауэлл, я была убеждена, что все они связаны. Даже бариста в "Старбакс" казалась мне подозрительной.

Ну, серьезно, кто так пишет букву "С"?

Информация доктора Хауэлл не указывала на заговор, больше на сбор фактов. Каждый случай был частичкой более крупной головоломки. К сожалению, каждая частичка не обязательно принадлежала к той самой главной головоломке. В какой-то момент я поняла, что постоянно пытаюсь угадать и сопоставить эти частички, понять подходят ли они к главной головоломке. В конце концов, была же какая-то причина, почему члены «Света», пересекали границу с Канадой и обратно.

Вернувшись в телестудию, я продолжила работать над моим расследованием. Если задать в строке поиска браузера "Свет", то найденная информация будет весьма разнообразной. Было найдено все, что возможно: огни, в буквальном смысле; освещение магазинов; сети освещения, питания. Хотя я не думаю, что поисковик понял, что я искала. Вспомнив комментарий Дилана о церкви, я сузила свой запрос. Хотя были сотни церквей со словом "свет" в названиях, я нашла всего несколько религиозных организаций под названием "Свет". И так случилось, что одна из них была расположена в Детройте, в Хайленд Хайтс, если быть абсолютно точной. Согласно информации на сайте, "Свет" был маяком во тьме и домом исцеления для заблудших душ. Он был местом преданности, основанным на фундаментальных убеждениях, которые предлагали просветление его членам и свободу от ограничений тьмы.

Габриель Кларк основал "Свет" в Детройте более пятнадцати лет назад. Относительно короткая биография основателя говорила о том, что Габриель Кларк лично беседует с каждым желающим обратиться к «Свету» и готов разделить свой путь с тем, кто в этом нуждается. Его фотография это стереотипное рекламное фото улыбающегося мужчины, в возрасте 45–50 лет. Его зачесанные назад светлые волосы и дорогой шелковый костюм напомнили мне телевизионного проповедника. Тем не менее, ни Габриель Кларк, ни "Свет" не распространяли проповеди через социальные сети. Для того, чтобы услышать Отца Габриеля, как он указал на сайте, потенциальный член организации должен был принять участие в собрании посетителей в одном из кампусов церкви или информационных центров. На сайте говорилось, что кампусы расположены по всей стране, но адрес на странице указывается только один, в Детройте. И больше никаких других информационных пунктов.

Из любопытства я кликнула на форму, которую требовалось заполнить для участия в собрании посетителей. Там не было ни времени, ни даты собрания, вместо этого, там оказался вопросник, довольно простой на первый взгляд, но, когда я стала прокручивать вопросы, они становились все более личными и навязчивыми. Они касались имени, адреса, пола, возраста, семейного положения, количества детей. Ответы на вопросы религиозной принадлежности были даны по типу эссе. Они имели неограниченное место для ответов, которые должны были включать личный опыт, победы и поражения, и даже историю

занятости предполагаемых членов и их супругов. Внизу вопросника было утверждение, которое я также видела на сайте, это утверждение подтверждало готовность претендента на полный рабочий день и абсолютную веру.

Что это могло значить?

Чем больше я читала, тем больше становились дыбом волосы на затылке. В самом низу формы говорилось, что после получения анкеты, специалист по работе с посетителями свяжется с заявителем.

Мои мысли вернулись к женщинам, пересекающим улицу. Я была далеко, поэтому не могла вспомнить детали их внешности. Я не могла даже вспомнить, во что они были одеты. Как я помню, они были в брюках, или может джинсах. Но они точно не носили платья ручной работы, такие которые ассоциировались у меня с более консервативными группами и культурами.

Это слово "культ" послало озноб вниз по моему позвоночнику. Я открыла новую вкладку и ввела его в браузер. Определение, которое я нашла, сказала, что «это система религиозного поклонения и преданности конкретной фигуре или объекту».

Это то, что представляет собой эта церковь? Или я слишком много читаю? Что означает "полный рабочий день и абсолютная вера"? Объясняет ли это, почему они ежедневно пересекают канадскую границу?

Я снова проверила сайт. Там не было ничего, что бы указало на то, что "Свет" была международной церковью, на сайте только сказано, что есть несколько локаций в пределах Соединенных Штатов. Тогда я заметила дополнительную вкладку и нажала ее. Консервы "Свет". В верхней части экрана были изображены банки с джемами, вареньем и желе. В описании сказано, что все это домашнее варенье, сделанное из выращенных фруктов последователями церкви. Если купить это варенье, то можно помочь церкви, даже не будучи ее последователем. Отзыв одного из последователей "Света" выглядел следующим образом:

" Когда я пришла к "Свету", то была потеряна в мире тьмы, используя свое тело, чтобы поддерживать смертельно опасные привычки. Сегодня я использую свое тело, только для того, чтобы создавать консервы "Свет", служить своему мужу, и следовать заветам Отца Габриеля. До этого, моя жизнь никогда не была наполнена смыслом. "Свет" и Отец Габриель спасли меня. Пожалуйста, купите консервы "Свет", так мы сможем спасти других."

Этот отзыв был написан последовательницей "Света", Сестрой Абигейл Миллер.

Служить ее мужу? Моя кожа покрылась мурашками.

Ну, по крайней мере, эта женщина больше не торговала своим телом, и расположение в Хайленд-Хайтс имело смысл. Если служение могло помочь людям, которые были зависимы от наркотиков или алкоголя. Я не была уверена почему, но мне казалось, что все это взаимосвязано. Как бы то ни было, я хотела узнать больше.

Я начала с консервов "Свет". Нажав "сделать заказ", я начала размещать свой заказ. Десять долларов, по моему мнению, было многовато за банку джема, но я рассудила, что могу себе это позволить в целях расследования. После ввода информации для доставки, я выбрала землянику. С погодой, ставшей более холодной и сменой листьев, фрукты напомнили мне о лете.

По другому соглашению между мной и Диланом, я должна держаться подальше от Хайленд-Хайтс. Хотя это мало походило на соглашение, он просто сказал мне держаться подальше от тех мест. Я не хотела спорить об этом, но если моя работа звала меня туда, я не могла отказаться... хотя больше похоже на то, что я не сказала "нет". Это осведомитель

Бернарда привел меня к "Свету". Так что я должна была проверить эту информацию от Бернарда, чтобы убедиться, что не было связи между "Светом" и контрабандой наркотиков, которую мы пытались раскрыть на границе. На ум пришла мысль, что существует связь между этой церковью и пропавшими или погибшими женщинами. Я быстро отклонила ее. Это нелепо и, вероятно, было плодом моего живого воображения. К тому же, я не узнала ничего о тех женщинах, которых заметила у церкви. И снова, я была слишком далеко.

В двух вещах я была уверена точно. Во-первых, я не могла дождаться моего домашнего варенья. Я не ела вкусного домашнего варенья из земляники с тех пор, как была маленькой девочкой. От воспоминаний о земляничном джеме бабушки, у меня потекли слюнки. Во-вторых, я собиралась вернуться к Хайленд-Хайтс. Я хотела выяснить, что происходит в том школьном здании через дорогу от "Света". Если бы это была только фабрика по производству джема, то я была бы в состоянии сказать Бернарду, что золота из свинца не вышло.

Этот разговор мне бы не пришелся по вкусу. Расследование потребовало больше времени, чем любой из нас ожидал, и, сталкиваясь с тупиками, казалось, теперь моя новая специализация. Слава Богу, с новыми сюжетами Бернарду помогал Фостер. Тем не менее мой босс все больше тревожился. Он таким не был, пока я не получила его разрешение на поиск связи между делами. По крайней мере, он согласился с тем, что я могу продолжать свое расследование с этого угла. Для того, чтобы получить на это разрешение, мне пришлось поделиться некоторой информацией, которую я узнала от доктора Хауэлл. Я не раскрыла ему мой источник, но дала знать о травмах женщин, умирающих от подозрительных причин за последние десять лет в Детройте. Тогда я увидела, как шестеренки в его мозгу зашевелились. Даже малейшая возможность связи между мертвыми и пропавших без вести женщинами и контрабандой наркотиков, заставили выступить пот на его лбу и верхней губе. У Бернарда чуть не пошла пена изо рта, как у бешеной собаки, от необходимости раскрыть эту историю.

Когда зазвонил телефон, я посмотрела на дату на экране и мое сердце сжалось. Прошло шесть недель со дня, когда я в последний раз разговаривала с Минди. Я попыталась подавить комок в горле и ответила на телефонный звонок.

— Слушаю, Стелла Монтгомери.

— Это Фостер.

— Привет, я не посмотрела на номер. Чем могу помочь? Ты прикрываешь мой зад, подкидывая истории Бернарду. В противном случае, он бы кусал меня каждый раз, когда у него была бы возможность.

Смех Эдди Фостера заполнил трубку.

— Без проблем. У всех нас есть такие истории, для которых приходит свое время и место. Ты нашла что-нибудь?

— Джем.

— Что?

— Не бери в голову, — ответила я, стряхивая свободную руку. — Что ты хотел?

— Мне не так уж много нужно. Всего пара вопросов к тебе.

— Ок, давай.

Фостер откашлялся.

— Ты знаешь, мы держим ухо востро, не так ли?

— Ты заставляешь меня нервничать. О чем твой вопрос? — Я закусила губу.

— Что тебе известно о собственности на Блумфилд Хиллс?

— Я знаю, что некоторые из партнеров "Престон и Батлер" живут там, и дома стоят там дороже, чем я могу себе позволить.

— Хорошо, ты слышала об "Автомобилистах Америки"?

Я покачала головой так, будто он мог видеть меня.

— Нет, Фостер. Что за история?

— Пока ничего. Как я сказал, мы просто держим ухо востро.

— Эй, я люблю тебя, но давай уже выкладывай. Я так напугана этим случаем, что упускаю суть.

— В конце шестидесятых был такой проект по выходу на пенсию для сотрудников автомобильных компаний, назывался «Автомобилисты Америки». В него входили, как инженеры, так и управляющий состав. Профсоюзные взносы и отчисления в пенсионный фонд никак от него не зависели, это были дополнительные платежи. — Я понятия не имела, к чему он ведет. — Это было пятьдесят лет назад. Я избавлю тебя от истории. Скажем так, это одна из прогоревших финансовых инициатив. Самое смешное, что я вспомнил об этом, потому что его упоминала Минди. И теперь это всплыло в расследовании.

— Фостер?

Мы уже обсуждали все расследования Минди. "Автомобилистов Америки" там не было. Значит, упоминала она об этом раньше.

— Дай мне минутку.

Я закусила губу еще раз, чтобы сдержаться и не сказать ему, что мне все равно, меня это не волнует. Я кивнула.

— Могу рассказать тебе больше деталей, но очевидно ты бы хотела услышать главное. "Автомобилисты Америки" объявили о банкротстве в восьмидесятых. Операции были приостановлены, но компания не прекратила свое существование.

Мое терпение заканчивалось.

— После банкротства компания не может....

— Фостер, я пытаюсь сохранить заинтересованность. Ты говоришь, что это не сюжет, но, так или иначе, имеет отношение ко мне?

— Господи Иисусе, Стелла, послушай меня минутку. У "Автомобилистов Америки" целый список активов длиной в милю, их стоимость оценивается в миллионы, черт, миллиарды. Не знаю. Я только начал вникать во все это. И то, наткнулся я на это, когда занимался домом с шестью спальнями на Блумфилд Хиллс.

— Вы с Ким покупаете дом?

— Как будто мы можем себе это позволить. Нет, я просто искал кое-что на имя Дилана Ричардса, и его имя проскочило в счетах за услуги и газ на тот дом в шесть спален. Счета на его имя были только за один месяц, потом их изменили. Но ты же знаешь, как медлительны коммунальные службы? Их записи вечны.

Что за черт?

Я встряхнула головой.

— Позволь мне сэкономить твое время. Это не мой Дилан Ричардс; ты наткнулся на кого-то другого. И потом, объясни мне, к черту, почему ты начал расследование по моему бойфренду.

— Я понимаю, что вполне возможно это не он. Как зовут его отца?

Я закусила губу.

— Хм, мистер Ричардс? Мы еще не перешли к знакомству с родителями. Он не упоминал об этом. Сейчас ответь на мой второй вопрос.

— Бернارد попросил его проверить.

— Срань Господня! — я прикрыла рот и оглядела офис. Видимо мой порыв прошел незамеченным, или люди к такому привыкли. Не обращая внимания, я понизила голос. — Не надо. Он полицейский. Мы только начали обсуждать посещения Фреда. Серьезно, он детектив. Я обещаю, что у нас все в порядке. Он хороший. — Я провела рукой по всей длине моего хвоста, и скрутила кончик.

— Фред? — спросил Фостер.

— Не бери в голову. На самом деле это меня бесит.

— Остынь. Бернارد может быть той еще задницей. Но послушай, я давно работаю с ним. У него отличное чутье, и он сказал, что будет чувствовать себя лучше, если я все проверю.

Я потерла шею и пошевелила плечами. Закусив губу, я спросила:

— Что еще ты нашел?

— Факты, о которых, уверен, ты знаешь. Изучал криминалистику в Университете штата Уэйн, потом попал в Департамент полиции Детройта, где проработал пять лет полицейским, перед тем как стать детективом в отделе убийств и наркотиков. Это немного необычно, но это не красный флаг, только янтарный. Я имею в виду, что обычно люди начинают с менее престижных назначений. Твой парень подобрался к вершине. А лично я считаю, что он встречается с горячей журналисткой, которая ведет расследование...

Если бы Эдди не был счастливо женат, и не был отцом двух прекрасных детей, то я, наверное, должна была бы обидеться, но я только рассмеялась.

— Серьезный, — продолжал он, — Благодарности, мало жалоб. Единственное, что показалось мне странным, это месячный счет за газ и услуги за дом стоимостью в четыре миллиона долларов, принадлежащий "Автомобилистам Америки". Я рою глубже. Просто хотел спросить, ты не заметила в его квартире разбросанных денег. Может, умер его богатенький дядюшка?

— Фостер, ты нашел не того Дилана Ричардса. Я была у него дома. Это хороший отремонтированный двухэтажный дом в Бруш Парк: задний двор, заборчик и большие припасы еды для Фреда, — я захихикала. — Это моя рыбка. Я не очень хочу оставлять его надолго одного. Он впадает в депрессию.

Фостер засмеялся:

— Ну, Фред должен быть рад, что не живет у меня. Я не знаю, что мои дети делают с золотой рыбкой, но мы покупаем новую как минимум раз в неделю. Ким говорит, что, когда она входит в зоомагазин, все золотые рыбки пытаются спрятаться за маленький замок.

— Ок, напомни мне не просить твоих детей приглядеть за Фредом.

— Слушай, Стелла, я посмотрю. Возможно, ты права, и я не скажу ничего Бернardu. Он не хочет знать ничего, кроме того, что Дилан отличный парень. Поговорим с тобой позже.

— Эй, подожди. — У меня появилась идея. — А Бернارد просил тебя проверить что-либо о Минди?

— Стелла...

— Ну, же. Давай. Просил?

— Ты знаешь, что она ни с кем не встречалась, когда исчезла.

Я кивнула.

— Знаю. А раньше? Я имею в виду, мы были близки, но я была очень занята, когда работала в «Престон и Батлер», поэтому просто не могла знать наверняка...Бернард просил разузнать о ней?

— Мне жаль, я бы хотел сказать тебе да. Если бы у меня что-то было, я давно рассказал бы об этом полиции. Стелла, мы все переживаем за нее и хотим вернуть. У меня нет ничего, чем можно поделиться.

Я пожала плечами.

— Стоило попробовать. Спасибо, Фостер. Найди Бернарду еще несколько сюжетов и перестань беспокоиться насчет Дилана.

— Да, мамочка. Пока. — Он положил трубку.

Я сделала глубокий вдох. Я не была уверена, что когда-нибудь стану легче переносить исчезновение Минди, пока нет. Мои мысли вернулись к воспоминаниям о ее опознании. Я пролистнула контакты в телефоне, нашла Трейси Хауэлл, и нажала "вызов".

— Шарлотта, как хорошо, что ты позвонила.

Я усмехнулась:

— Я делаю это только потому, что мне нравится мое новое имя. Словно у меня раздвоение личности.

После того, как она впервые назвала меня так, я узнала, что Шарлоттой зовут ее сестру. Она недавно разговаривала с ней, и это было первое имя, которое пришло ей в голову.

— Я собиралась тебе звонить.

— Ты где? Это на счет Мин...?

— Нет, — прервала она. — Нет, это касается кое-чего другого. Могу я перезвонить тебе вечером? Ты будешь свободна?

— Буду. Скажи во сколько.

— Как насчет шести?

— Звучит отлично, пока.

Забавно, как даже от проблеска надежды по телу побежали мурашки. Я не могла дождаться узнать, что она хотела мне сказать. Я посмотрела в угол моего экрана. Черт, я снова забыла про обед. Схватив кошелек и телефон, я выключила компьютер и направилась в сторону кабинета Бернарда, но прежде чем добралась до двери, я заставила себя остановиться и сделать глубокий вдох. Меня не волнует, что он беспокоился. Идея прощупать Дилана, несомненно, является вмешательством в мою личную жизнь. Еще один глубокий вдох. Я подошла к двери.

— Бернард, я в...

Его офис был пуст. Так что я схватила листок-стикер с его стола и написала записку.

"Бернард, я захватила обед и собираюсь проторчать пару часов у церкви. Если понадобится тебе — звони. Стелла."

На углу по диагонали от "Света" находился сгоревший дом, подъездная дорожка к церкви была заблокирована зарослями деревьев и саженцев. Я спрятала машину за листвой и притаилась. Через несколько недель этот фокус уже не будет работать, не будет листьев.

Разные оттенки оранжевого и красного отлично справлялись со своей работой, скрывая мой серый автомобиль. К сожалению, они также ограничивали мой обзор, серьезно ограничивали угол обзора церкви и полностью закрывали от меня вид на старое здание школы. Прежде, чем припарковаться, я дважды объехала вокруг школы. Здание не подавало ни единого признака, что в нем могли находиться люди, и тут я заметила углубление в стене, которое не замечала раньше. Нишу в стене можно было заметить с Глендэйл-Авеню, однако то, что было скрыто за ней, так и оставалось тайной. Даже несмотря на то, что я двигалась со скоростью черепахи, мне так и не удалось разглядеть, действительно ли там была дверь. Мое любопытство возрастало с каждой секундой. Это не было похоже на дверь, на которой висел огромный замок и ржавая цепь, как на воротах, но определенно это было то самое место, через которое женщины могли попасть внутрь.

Я искала проторенную тропинку в заросшей траве, но так и не нашла. Там были трещины на тротуаре, которые могли скрыть следы. Я была не уверена, что Бернард согласится приостановить расследование, пока я не смогу увидеть следы на снегу.

Улицы не были пустыми, как в тот последний раз, когда я была здесь. Я видела мужчин или женщин, пересекающих перекресток. Но никто из них не направлялся в "Свет", ни выходил из него. Я знала, что Дилан с ума бы сошел, если бы узнал, что я здесь. Но это меня не остановило. Я заскочила из телестудии к себе домой, захватила кое-что поесть. Там же я разработала план. Я побегу. Неважно, что я уже пробежала пять миль сегодня утром. Женщина, бегущая трусцой вдоль улицы, будет менее заметна, чем женщина, вышедшая на прогулку, особенно с камерой за тысячу долларов.

После того, как еще раз огляделась вокруг, я вышла из своего авто в осенний воздух. Послеполуденное солнце значительно подняло температуру, особенно в сравнении с моей утренней пробежкой. Я снова была одета в длинные штаны для пробежки, футболку с длинными рукавами, кошелек я положила рядом с камерой в багажник машины. Я взяла с собой лишь ключи и телефон. На телефоне я включила режим видеосъемки и стала делать растяжку, осматриваясь и ожидая увидеть хоть кого-то.

Сделав глубокий вдох, я направилась на восток.

По пути сюда я заметила небольшой парк в полуквартале от "Света". Я направилась к нему. Обветшалая поверхность дороги требовала моего внимания, чтобы случайно не подвернуть ногу. Последнее, чего мне не хватало, это получить вывих голеностопа, во время моей разведывательной миссии. Я замедлилась, когда приблизилась к воротам, через которые заходили женщины. Ржавая цепь была на замке. Я сфотографировала ее. Я должна была сравнить ее с фотографиями, которые сделала в прошлый раз, так как не могла вспомнить, был ли замок в том же положении в прошлый раз. Я не могла убедиться, что в нише дверь, так как через ограждение было не пробраться.

Когда я делала снимок, то заметила тот же внедорожник, который видела раньше. Он повернул на Секонд Авеню и направлялся ко мне. Я перебежала на другую сторону улицы, переместив телефон к уху, и продолжила бежать. Опустив голову вниз, я наблюдала, как внедорожник остановился на том же месте парковки, что и раньше. Когда я повернула к парку, то остановилась и наблюдала уже из-за разноцветных зарослей. На этот раз из внедорожника вышли четверо мужчин. *Черт, мне нужен мой Nikon.*

Используя телефон, я сделала несколько снимков. Как они выходят из автомобиля, обходят его и идут к черному входу. Трое из них были в синих джинсах, как и раньше, но один был в костюме. Я ахнула. Это был человек, которого я видела сегодня на веб-сайте,

Габриель Кларк.

Как они называют его? Отец Габриель?

Я уже собиралась прекратить фотографировать, когда мужчины открыли дверь и оттуда начали потоком выходить женщины. Каждая из них, казалось, опускала голову, когда проходила мимо мужчин. Они направлялись к школе.

Черт! Дерьмо!

Я хотела бежать обратно, но смогла бы? Мужчины видели, как я бегу, и они по-прежнему находились на стоянке. Я наблюдала издали, как одна из женщин открыла ворота, и остальные вошли. Затем после того, когда ворота закрылись, они все исчезли в темноте ниши.

Я знала!!!

Глава 21

Сара

В жилых помещениях звучала запись сильного голоса Отца Габриеля. Я ходила по периметру комнаты и пыталась сосредоточиться на своем уроке. Хотя его учения были познавательны, и некоторые из историй заставляли меня улыбнуться, пока я слушала, сидя на диване, они не возымели того действия, какое должны. Несмотря на все мои усилия, глаза закрывались, и я была уверена, что пару раз засыпала. Это не уроки Отца Габриеля были скучными, и не то, что мне было неинтересно узнать больше о вере. Причиной тому были ранние подъемы Джейкоба, а значит, и мои тоже. Хотя Джейкоб до сих пор считал меня недостаточно здоровой для исполнения *моих* супружеских обязанностей, но я готовила ему завтрак и варила кофе, несмотря на свою слепоту.

Он и Брат Мика улетели сегодня, когда еще не было пяти часов утра, чтобы забрать Отца Габриеля из «Восточного Сияния». Джейкоб отвез его в «Западное Сияние», меньше чем неделю назад. Я не знала, как Отец Габриэль добрался с «Западного» до «Восточного Сияния», и где находились эти общины, и даже то, как далеко они друг от друга. Хотя мне было любопытно, я не спрашивала. Я знала, что, если бы я сказала об этом Элизабет или Рейчел, то они ответили бы, что Джейкоб сам скажет то, что мне нужно знать. Они бы также сказали, что я должна быть счастлива, получив любую информацию от мужа. Ведь если бы он не говорил мне, куда идет, и когда вернется, я бы не знала, когда нужно быть готовой приветствовать его.

В течение этой первой недели изгнания он сделал еще кое-что, чтобы помочь мне. Он нашел для меня часы без верхней крышки. С их помощью, я могла узнать который час, что было особенно полезно, когда Джейкоб был в отъезде. Каждый шаг к большей самостоятельности помогал мне чувствовать себя сильнее и более похожей на женщину, которой я была до потери памяти.

Хотя Джейкоб сказал мне, когда ожидать его, его приход зависел от Отца Габриеля. Так или иначе, я не знала, где находилось «Восточное Сияние», но предполагала, что далеко. Потому что, даже, несмотря на то, что он и Брат Мика улетели рано, они планировали вернуться не позже шести часов вечера. Я подозревала, что их цель заключается в том, чтобы Отец Габриэль вернулся в «Северное Сияние» к началу вечерней службы сегодня.

Даже если Отец Габриэль успеет к вечерней службе, Джейкоб и я все равно ее пропустим. Мало того, что мы пропустили службу в минувшее воскресенье, нам предстоит пропустить еще целую неделю. А ведь уже почти закончилась наша первая неделя изгнания.

За это время я намного больше узнала об обращении с просьбой и вопросах. Когда я обратилась с просьбой объяснить, как "Свет" проводит службы, когда Отец Габриэль в отъезде, Джейкоб объяснил, что Отец Габриэль может вести службу из любой точки мира. Его изображение проецировалось на большой экран в церкви, также с использованием этой технологии он сам мог видеть всех своих последователей. Так как я не могла вспомнить ничего из того, что он описал, то мне все больше и больше хотелось увидеть это собственными глазами. Я общалась только с Джейкобом, с тех пор как мы переехали в ангар. Хотя, Брат Мика тоже работал в ангаре, он никогда не входил в жилые помещения. Я даже не слышала его голос; в большинстве случаев, я догадывалась о том, что он там, только из-за шумов, доносящихся с другого конца здания.

Однако, шумы не обязательно указывали на присутствие Брата Мики. По словам Джейкоба, могли приезжать и другие мужчины, чтобы загружать и выгружать поставки, а также помогать поддерживать самолеты в рабочем состоянии. Он упомянул об этом, словно напомнив, что мне не разрешается покидать жилые помещения. В нашем изгнании, мне было дозволено говорить только с Джейкобом, членами Комиссии и их женами. Меня не заботили члены Комиссии, в основном, я скучала по Рейчел и Элизабет. После инцидента мой мир оказался очень маленьким. Чем дольше мы были в разлуке, тем больше я понимала, какую важную роль играли в жизни мои друзья.

На другой день, после того, как все ушли из ангара, Джейкоб взял меня с собой и провел экскурсию. Я не могла видеть самолеты, но могла познакомиться с ними. Сначала он провел меня внутрь меньшего самолета. Там было два места для пилотов, большая открытая площадка для перевозки грузов и даже несколько мест для пассажиров. Мы находились далеко от цивилизации и нас было много, вот чем вызвано такое большое количество поставок; что я не понимала, так это почему там были пассажирские места, но я не спрашивала. Несмотря на то, что места для пилотов было два, по-видимому, меньший самолет в воздух мог поднять и один пилот. Я полагаю, этим пилотом был Брат Мика, когда Джейкоб находился со мной.

Как только Джейкоб открыл кабину второго самолета, я поняла, что тот был другим. Роскоши интерьеру, несомненно, добавлял присущий моему мужу аромат, как если бы Джейкоб часто летал именно на этом самолете. Мебель в пассажирском салоне была покрыта самой мягкой кожей, какую мне доводилось трогать. Двигаясь по проходу и ощупывая все сверху и снизу, я проводила пальцами по многочисленным креслам и гладкой обивке. В отличие от меньшего самолета, этому требуется два пилота. Джейкоб рассмеялся, когда я села в одно из теплых кресел и сказала, что готова лететь с ним и он мог взять меня куда-нибудь, сейчас или позже. Поскольку этот самолет мог перевозить не более десяти пассажиров, и обычно, на нем летал только Брат Мика, Джейкоб и Отец Габриель, я говорила серьезно. Если во время моего нахождения в клинике Отец Габриэль был вынужден использовать меньший самолет, то мне стало ясно, почему он хотел, чтобы Джейкоб вернулся к работе.

Хотя, по сути, в ангаре я была в ловушке, как и в клинике, я не спешила покидать это место. Я знала, что это было наказание, и, хотя мне оно не нравилось, я терпела. Оно дало мне возможность перестать беспокоиться о прошлом, которого я не помнила, и научиться исполнять роль жены Джейкоба. Я продолжала совершенствоваться с того первого дня, когда забыла встретить Джейкоба у двери. К счастью, наше изгнание было единственным наказанием, которое я пережила за последнюю неделю. Моей целью стало сохранить этот баланс. Когда я научилась сохранять спокойствие слыша голос Джейкоба, то даже начала получать удовольствие от его компании.

Иногда, когда сильно завывал ветер, я думала о белых медведях. Однако, зная, насколько большим был ангар, я успокаивалась. Жилые помещения были лишь крохотной частью в сравнении с самим зданием. Ведь ангар должен был быть достаточно большим, чтобы вместить два самолета, а также много других вещей, типа морозоустойчивых тягачей, с помощью которых закатывали самолеты внутрь. Также здесь был целый магазин с инструментами и офисные комнатки со столами и компьютерами. Когда я поблагодарила Джейкоба за экскурсию, он сказал, что я бывала здесь и раньше. Конечно, я этого не помнила.

Как только я закончила прослушивать урок Отца Габриеля, меня напугал звук поднимающейся гаражной двери. После того первого дня, я очень хорошо отличала этот звук от других шумов. Я поспешила к часам, задаваясь вопросом, может я проспала больше, чем думала, но было только двадцать минут четвертого. Джейкоб должен вернуться не раньше, чем через три часа.

Мой пульс участился, пока я стояла в темной тишине, ожидая стука. С каждым мгновением мои нервы натягивались все сильнее, ладони вспотели. Кровь шумела в ушах, я задумалась над тем, что делать. Я не выходила через дверь в гараж без Джейкоба и, вдруг, подумала, а что если дверь была на замке.

Стука так и не последовало. Вместо этого я затаила дыхание, когда мой страх материализовался, и дверь открылась. Как только я услышала стук высоких каблуков о деревянный пол, я узнала своего гостя.

Она была не одна. Когда она входила, я слышала шаги двоих людей. Поняв, что другой человек, либо Сестра Рут, либо Брат Тимоти, я вздохнула с облегчением. Я знала, что с ними мне разрешено говорить. Я также была рада, что заново включила урок. Если бы они вошли в тот момент, когда запись подходила к концу, то я уверена, мне не удалось бы избежать их круга из двадцати вопросов.

— Сестра Сара, — Сестра Лилит, наконец-то, поприветствовала меня.

— Сестра Лилит, — ответила я.

— Мы слышали, что Брат Джейкоб улетел, и решили, что это отличная возможность поговорить с вами.

— Спасибо, это очень любезно с вашей стороны.

— Хмммм, — промурлыкала она.

Этот странный ответ заставил приподняться волоски у меня на руках. Уникальный аромат ее духов и звук шагов сообщили мне, что она приблизилась. Цитрусовые нотки напомнили о том, что я не чувствовала запах ванили. Это не Сестра Рут сейчас находится возле двери. Я рискнула и повернулась в том направлении.

— Брат Тимоти, добро пожаловать.

— Сестра, — сказал он.

— Я вижу, вы хорошо адаптировались и без зрения, — сказала Сестра Лилит. — Я очень надеюсь, что вашим глазам вскоре будет лучше.

— Спасибо, я уповаю на Божью волю.

Поскольку тишина заполнилась стуком ее высоких каблуков, я предположила, что она, взяв белую перчатку, оценивала мои навыки уборки. Если ей интересно, то мне нет. Я вытерла пыль, пройдясь щеткой для пыли туда и обратно, и даже вымыла и убрала в шкаф посуду, оставшуюся после обеда.

— Сестра, у нас есть вопросы и чувствую, что настало время получить на них ответы, — сказал Брат Тимоти.

Это было неправильно. Джейкоб сказал, что мне не нужно идти в Комиссию. Я раздумывала, как поступить дальше. Если бы это была только Лилит, я бы спросила у нее, но она была не одна. Я знала из опыта, что не должна задавать вопросы Брату Тимоти. Держась за один из четырех стульев у стола, я старалась взвешивать каждое слово.

— Брат, Сестра, если вы хотите, мы можем присесть, и я буду рада ответить на все вопросы, которые Брат Джейкоб разрешил мне обсуждать.

Стулья со скрежетом задвигались по полу, указывая на местоположение моих гостей.

Так как человек справа от меня сел первым, то это был Брат Тимоти. Я ждала, пока сядет Сестра Лилит, и села сама.

— Сара, — начала Сестра Лилит. — Лично я довольна вашим прогрессом, но я здесь от имени жен Комиссии и Собрания.

Я не верила ей. Она лгала и раньше. Тем не менее, я была осторожна с тем, что говорю.

— Спасибо, что нашли время проделать весь этот путь. Я знаю, что мне позволено говорить только с женами и членами Комиссии. Ваш визит много значит для меня.

— Это больше, чем просто визит, — продолжил Брат Тимоти. — Это официальная часть вашего наказания.

Мой желудок скрутило.

— Сестра, я собираюсь перейти прямо к делу. Вы помните, когда я пришел к вам в палату, сразу после того, как вы очнулись после инцидента?

Я повернулась на его голос.

— Да, Брат Тимоти, помню.

— Вы помните, как я спрашивал вас об аварии?

— Да.

— Вы помните, что вы отвечали?

Мой пульс участился.

— Брат, я должна повиноваться своему мужу. Я не получала от него разрешение обсуждать это с вами или кем-либо еще.

— Сара, — сказала сестра Лилит. — Отец Габриель учит, что наряду с ним, нашей общиной руководит Комиссия. Брат Тимоти является одним из выбранных Отцом Габриелем. Брат Джейкоб может входить в Собрание, но он не заменяет моего мужа.

— Сестра, я много узнала из вашего обучения. Благодарю вас. И считаю, что все вами сказанное верно. Но поскольку только Отец Габриель наделен властью заменять наших мужей, я должна повиноваться Джейкобу.

Хотя мое сердце готово было выпрыгнуть из груди, я сидела ровно, уверенная в своем ответе. Повернувшись к Брату Тимоти, я добавила:

— Мне очень жаль, но только с разрешения моего мужа я могу отвечать на ваши вопросы.

— Сестра, — спросил он, понизив голос. — Брат Джейкоб сообщал вам, что вы можете говорить только с Комиссией и их женами, разве нет?

Дерьмо!

— Да, Брат, сообщал.

— Вы знаете, что я нахожусь в составе Комиссии, а это делает Сестру Лилит женой члена Комиссии?

— Да.

— Разве это не означает, что Брат Джейкоб уже дал вам свое разрешение? — мой хвост, который я сделала сегодня утром, колыхался из стороны в сторону по спине.

— Простите. Но мне кажется, что он имел в виду...

— Сестра. — Брат Тимоти ударил по столу. Прозвучавший звук заставил меня подскочить, когда отдался эхом в жилом помещении. — Как вы можете знать, что имел в виду Брат Джейкоб? Нам расценивать это так, что вы получили дар проницательности относительно всех мужчин или это касается только вашего мужа?

— Нет, я не предполагаю...

— Не сомневайтесь, этот вопрос будет обсужден с Братом Джейкобом.

У меня сбилось дыхание от понимания, что победить не получится. Если я не буду отвечать, Брат Тимоти и Сестра Лилит скажут о моем нежелании сотрудничать, если буду, то выкажу неповиновение Джейкобу. Я была обречена в любом случае, если сделаю это и если не сделаю.

Заговорила Лилит:

— Сара, повиноваться вашему мужу — ваша обязанность; так же, как и быть честной. Вы сказали нам, через Брата Джейкоба, что помните, почему вы оказались в его грузовике. Вы сказали, что выполняли поручение Брата Джейкоба. Теперь же вы говорите нам, что ничего не помните. Скажите, вы лгали тогда... или сейчас?

— Я не лгу. Я не лгала.

— Так значит, солгал Брат Джейкоб? Член собрания стал лжецом?

— Н-нет, все не так...

— Брат Джейкоб свидетельствовал перед Комиссией, говоря, что у вас трудности с памятью. Именно поэтому моя жена помогала вам вспомнить свое обучение. Скажите, Сестра, у вас, действительно, возникли проблемы с памятью, или вы выборочно забыли детали, чтобы оправдать свое поведение?

— Я... у меня действительно возникли проблемы. — Я не могла быть уверена. Они перевирали мои слова. Я опустила влажные ладони на колени и стала тереть их о юбку.

— Так, если вы не помните, что случилось перед вашим инцидентом, скажите нам, кто лгал в вашей больничной комнате, вы или Брат Джейкоб? — Задал вопрос Брат Тимоти.

Дерьмо!

— Послушайте, пожалуйста, — умоляла я. — Если бы мы могли подождать Брата Джейкоба то, когда он вернется домой, мы сможем ответить на все вопросы вместе.

Из-под моих бинтов струились слезы.

— Сестра Сара, вы помните, что это место не является вашим домом, не так ли? — спросила Сестра Лилит.

— Брат Джейкоб сказал, что у нас есть квартира. Здесь мы только на время нашего изгнания.

— Правильно. Вы здесь потому, что это наказание за ваши грехи. Когда один из нас оступается, согласно учению Отец Габриеля назначается незамедлительное наказание за непослушание. Вы помните об этом? — спросила она.

— Да, я имела в виду, что знаю это теперь.

— Так вы не знаете, что случилось до того, как вы взяли грузовик Джейкоба?

Снова моя голова движется из стороны в сторону.

— Я не помню, что сделала, но знаю, что наказана.

— Да, Сестра, я верю, что знаете, и не только на теории. — Она наклонилась ближе. — Расскажите нам, что сделал Брат Джейкоб в прошлую среду, в перерыве между заседаниями, после того, как вы имели наглость задавать вопросы Отцу Габриелю.

Я хотела исчезнуть. Это должно было закончиться. Джейкоб сказал, что все позади, но яркие отметины, которые я не могла видеть, жгли мою кожу, ожидая моего ответа. Сжав ладони в кулаки на коленях, я желала, чтобы мои слезы стали невидимыми; вместо этого они проскользнули из-под бинтов на мои горящие щеки и прерывали мои слова.

— Он... наказал... меня.

— Вы заслужили наказание вашего мужа?

Я кивнула.

— Сестра? — сказал Брат Тимоти.

— Да.

— Почему? — допрос продолжался.

— Потому, что задавала вопросы Отцу Габриелю.

— Вы поступите так снова?

— Нет.

— Почему?

— Потому, что не хочу расстраивать своего мужа снова.

— Это единственная причина?

Я сделала рваный вдох.

— Я не хочу быть наказанной.

— Какую форму наказания Брат Джейкоб выбрал, чтобы помочь вам дойти до этого решения? — спросил Брат Тимоти.

Моя грудь тяжело поднималась, когда я боролась с собой, не желая этого разговора.

— Он использовал свой ремень.

— После того, как он закончил наказание, вы запомнили это?

— Да.

Как я могла забыть?

— Как?

— Я не понимаю — Я задержала дыхание — почему мы должны это...

— Сестра, что сказал Брат Джейкоб о доказательствах, которые остались на вашей коже после его наказания?

— Он сказал... это будет моим напоминанием.

— Сестра, — глубокий голос Брата Тимоти отозвался эхом. — Успокойтесь.

Хотя я кивнула, успокоиться у меня не получится до тех пор, пока продолжался их допрос.

— Верите ли вы, что его напоминание было полезным? — Спросила Сестра Лилит.

— Я не забуду.

— Очень хорошо. Вдобавок к этому, еще и ваше с Братом Джейкобом временное изгнание, — сказал Брат Тимоти, присоединяясь к перекрестному допросу. — Это поможет вам — будет достаточным напоминанием — не лгать Комиссии снова?

Я снова начала заикаться, когда нотки паники проникли в мой голос:

— Я-я не лгу.

— Что будет вам напоминанием, Сестра?

— Я-я не знаю... воспоминания?

— Но вы сказали, что испытываете трудности с запоминанием. — Снисходительный тон Сестры Лилит вывернул мой уже скрутившийся в узел желудок.

Я покачала головой:

— Сестра, у меня есть определенные трудности с воспоминаниями о том, что было до инцидента. С тех пор я помню все.

— Ну, разве это не удобно? — спросил Брат Тимоти.

— Простите. Я не уверена, что могу еще что-то добавить. — Я безуспешно пыталась заполнить легкие кислородом.

— Очень хорошо, — сказала Сестра Лилит и ее стул сдвинулся.

Спасибо Отцу Габриелю, они уходят.

— Сестра, встаньте, — потребовала она.

Мое тело сковало.

— Что?

— Является ли способность слышать другой вашей медицинской проблемой, или дело только в послушании? — спросил Брат Тимоти.

Я отклонилась от спинки стула и потянулась к столу. Колени тряслись, но я встала. Движение стула Брата Тимоти, дало мне понять, что мы все стояли.

— Как мы сказали вам, мы здесь от имени Комиссии. В то время как указ Отца Габриеля, имеет далеко идущие последствия, "Свет" верит, что возмездие за грех очищает душу. Игра в домохозяйку здесь в одиночестве вряд ли достаточно суровое наказание за ложь своему мужу.

— Сестра, я не лгала. Я была растеряна, и это наказание было назначено Отцом Габриелем.

— Да, и мы здесь сегодня для того, чтобы оставить напоминание, которое поможет вам не совершать этот грех снова.

— Н-напоминание? Что... почему вы...?

— Будьте уверены, — сказал Брат Тимоти. — Мы обсудим ваши продолжающиеся вопросы с вашим мужем.

Мое тело задрожало, когда я представила реакцию Джейкоба. Я сильнее схватилась за стол, а потом мое внимание привлек странный звук.

— Волосы, — Брат Тимоти объяснил это таким тоном, который напомнил мне злое спокойствие Джейкоба, — являются венцом женщины. Напоминание, которое вы получите сегодня, поможет вам помнить, что нужно говорить правду. Это напоминание не только для вас, но и для вашего мужа. Каждый раз, когда он будет видеть ваши короткие волосы.

Что за чертовщину он говорит?

— ...он будет помнить о том, как вы его опозорили. Сестра, вся община будет видеть ваше напоминание, узнает о вашем наказании.

— Мои волосы? Что вы имеете в виду?

— Сестра, ожидайте, что вашего мужа известят о продолжении вашего неповиновения.

Следующие несколько секунд прошли как в тумане. Я только услышала лязг, и вдруг все обрело смысл. Это было так, как будто мой темный мир пришел в медленное движение; тем не менее, я не могла его остановить. Когда я потянулась к своим волосам, Сестра Лилит подняла мой хвостик и отрезала.

— Нет! — закричала я, и мой хвост повис у меня в руке. — Зачем?

Рука Сестры Лилит коснулась моей щеки.

— Достаточно вопросов. Вы находитесь в присутствии члена Комиссии. Видимо, вам необходимы дополнительные напоминания.

Споткнувшись о стол, я обнаружила, что мои колени больше не держат меня. Я упала на стул, с которого недавно встала, по-прежнему сжимая свой бывший шикарным хвост.

О, мой Бог. Что они сделали? Что скажет Джейкоб? Накажет меня он за это?

Хотя их голоса были близко, я не могла их ясно различать. Их прощальные фразы исчезли в моем внутреннем хаосе.

- . когда будете думать об этом, помните, что это сделано для вашего же блага. Кажется, у Брата Джейкоба впереди еще много работы.

Что мне делать?

— Необходимо продолжить ваше наказание.

Зачем они это делают?

— Запомните, мы сделали это из-за вас, чтобы в будущем вы могли избегать подобных напоминаний, но это только ваш выбор.

Мои волосы! Джейкоб!

— Приготовьтесь к дополнительному наказанию от вашего мужа, когда он вернется.

О, пожалуйста. Этого не может быть.

— Как вы сами сказали, вы — его ответственность; и только он может исправить ваше поведение.

Возможно, я была в шоке, но я не ответила. Я ничего не могла сказать, когда их обвинения и предупреждения кружились в воздухе и моем разуме. Смысл их слов, шок от моей потери, и предупреждение о грядущем наказании, парализовали меня. На пределе сил я держалась на ногах, пока их шаги не скрылись за закрывающейся дверью, и двери гаража поехали вниз.

Наконец освобожденная, я пересела и сделала рваный вдох.

Когда я сделала это, все мое тело взбунтовалось. Ударная волна прокатилась по мне с головы до ног. Я почувствовала, что мой желудок болезненно скручивается, собираясь избавиться от остатков давно съеденного обеда. Пот выступил между бровями, и я поспешила в ванную. Упав на колени, я избавилась от содержимого желудка в унитаз. Снова и снова, пока не остались лишь пустые спазмы. Мое дрожащее и замерзшее тело, а также реальность того, что случилось и случится, прижали меня к полу.

Когда туман рассеялся, я вспомнила про свой хвост. Паника вспыхнула, когда я поняла, что в своем отчаянии уронила его.

— Нет... нет..., - плакала я, делая это неуверенно, на коленях и отчаянно шаря во тьме. Пряди рассыпались, словно осколки моего сердца. С кропотливым усердием я собрала их воедино. Собрав все вместе, я обняла их. Неровные кончики волос кололи мои мокрые щеки. Я подтянула колени к груди и плакала.

Время потеряло смысл.

Наконец, я поднялась на ноги и пробралась к раковине. Тщательно разложила свои волосы на туалетном столике и опустила руки под воду, тщательно прополоскала рот, избавившись от ужасного привкуса, смыла слезы со щек. Медленно начали появляться мысли, напоминая мне о моем выборе. Брат Тимоти сказал, что это мой выбор, то же самое сказал и Джейкоб.

Что, если я выберу уйти?

Очевидно, что замка на двери не было. Я могла уйти. Слезы полились снова, когда эти рыдания нашли отклик где-то глубоко внутри. Вместо страха меня охватила печаль, когда мысли вернулись к моему мужу. Я вспомнила, как он помогал мне мыть волосы и то, как пропускал всю их длину через пальцы. Как я ни старалась, я не могла заставить себя дотронуться до волос, сейчас болтавшихся возле моей щеки. *Моя стрижка позорна.* Хотя я перестала дрожать, пульс остался учащенным.

Хочу ли я уйти? Если бы хотела, то куда мне идти? Взяла бы снова грузовик Джейкоба? Почему я взяла его в последний раз? Может, это было из-за страха? От страха перед Джейкобом или кем-то другим? Садиться за руль — не вариант. Я не могу видеть, а еще

гораздо меньше умею водить. Но я могу уйти... куда, к кому? Может, меня и раньше посещали такие вопросы? Тогда куда я собиралась?

Когда я вспомнила о белых медведях, то услышала отчетливый звук открывающейся двери гаража. С тяжелым сердцем я знала... я точно знала, что на этот раз это Джейкоб.

Вцепившись в остатки моих некогда длинных волос, я обдумывала свои варианты. Подойти к двери, признаться, что задавала вопросы Брату Тимоти, и получить наказание; или остаться в ванной комнате, закрыть дверь, спрятаться, и, конечно же, получить наказание. Когда я гладила свои обрезанные волосы, я знала, что вариантов у меня не было. Джейкоб мог сказать, что у меня был выбор, даже Брат Тимоти сказал, что это был мой выбор, но это не так. Как и все, с тех пор как я очнулась, моя судьба зависела от Джейкоба.

Впервые с момента, когда Сестра Лилит взяла ножницы и остригла мои волосы, я не смела притронуться к тому, что осталось. Оставив аккуратно собранные пряди на туалетном столике, я подняла пальцы к концам, которые свисали по бокам моих щек. Мой пустой желудок скрутило узлом, когда я потрогала затылок. Там волосы были еще короче, чем спереди. Слезы, я снова дрожу, в горле комом застряли мои не вырвавшиеся всхлипы. Я горевала, не столько о том, что мне предстоит получить, сколько о том, что я потеряла.

Все происходило, как в замедленной съемке, даже закрытие двери гаража. Но, наконец, звук прекратился. Прижав подбородок к груди, обернув руки вокруг талии, закусив нижнюю губу, и заставила себя пройти через кухню, обойти вокруг стола, за которым Брат Тимоти лишил меня венца, которого я, по его мнению, не заслуживаю, и остановилась у двери. Стыд от моей потери оставил зияющую дыру в сердце, когда я остановилась именно там, где Джейкоб сказал мне быть. Когда ручка двери повернулась, мои воспоминания вернулись к тому дню, когда он напомнил мне, где и как я должна приветствовать его: и даже дал мне выбор.

У меня больше не было сил встретиться лицом к лицу со своим мужем. Мне было стыдно от того, что ему снова придется терпеть из-за меня позор. Я выбрала тот вариант, который еще меньше недели назад казался мне невозможным. Когда открылась дверь, я опустилась на колени.

Глава 22

Джейкоб

Лишь взявшись за ручку двери, я услышал всхлипывания Сары, которые разносились приглушенным эхом по всей комнате.

Что, мать вашу, произошло?

— Сара? — позвал я, включая свет. Легкость от того, что мы успели вернуться в «Северное Сияние» как раз к службе Отца Габриеля исчезла. Моя жена была на полу, ее тело сотрясало, и она всхлипывала.

Потянувшись к ее плечам, я поднял ее с пола и подавил вздох. То, что я увидел, было, несомненно, причиной ее терзаний. Ее красивые волосы были подстрижены — не аккуратно подрезаны, а искромсаны. Это зрелище разожгло огонь внутри меня, детонируя ярость, какую я успел позабыть, с тех пор как был молодым парнем и ушел добровольцем на войну. Но эту ярость я не хотел вспоминать. Сжав челюсти, я дал ту же клятву, что и тогда.

Это не разрушит... нас.

Однако, эта клятва была другой. На этот раз одно слово в ней было другим.

Сара задрожала, когда я обнял ее миниатюрное тело. Я прижал ее к себе, позабыв, о моей холодной кожаной куртке. Хотя холод, несомненно, и добавил дрожь ее телу, но больше ее трясло от рыданий. Все, о чем я мог думать, когда держал ее рыдающую в своих объятиях, это о том, как спрятать ее от того, кто это сделал.

Кто это сделал?

— М-мне так жаль, — пробормотала она.

Ее извинения разрывали мое сердце в клочья.

— Тсс, с тобой все хорошо.

— Нет, не хорошо.

Ее слова прозвучали глухо. Когда я поднял Сару на руки, ее тело обмякло.

— Все в порядке, я уже здесь, — я пытался успокоить ее, пока нес к дивану. Когда я усадил ее, она протянула руку и прижалась ко мне, уткнувшись лицом в изгиб моей шеи. От ее слез моя шея стала влажной.

— Сара, дай мне снять куртку. Все будет хорошо. Я не знаю, что произошло, но обещаю, все будет в порядке.

Она сжала меня крепче.

— Н-нет, мои волосы... они никогда не будут в порядке.

Я поцеловал ее в макушку. Я только частично видел, что произошло, но сейчас, при комнатном свете, я отчетливо разглядел растрепанные кончики ее когда-то длинных волос. Нежно глядя ее спину, я подождал, пока она сделала глубокий вдох и ее всхлипы станут реже реже. Сняв куртку, я позволил упасть той на диван. Я снова притянул Сару и спросил:

— Расскажи мне, что случилось. Ведь это сделала не ты, правда?

Ее голова двигалась из стороны в сторону на моей груди.

— Кто? — спросил я снова.

Она не ответила, икота не давала ей спокойно дышать. Я поднял ее подбородок.

— Сара, скажи мне. — Мой голос был жестче, чем я хотел. — Скажи мне, кто сделал это с тобой.

— Они сказали, что это была моя вина, мое напоминание о том, что я наделала. — С

каждым словом она безуспешно пыталась опустить подбородок. Настойчиво возвращалась моя ярость, я отказывался ослабить свою хватку.

Они?

Я знал. Я понимал, кого она имела в виду, но мне нужно было услышать это от нее.

— Они? Кто *они*? И что ты сделала?

Словно жидкость, ее организм сам освободился от моих объятий, она сползла с моих коленей на пол. Когда Сара схватилась за мои ноги, ее рыдания вернулись. Сначала причитания были непонятными, но вскоре я разобрал.

-. сказал, что я соврала или это ты солгал. Они не позволили мне ждать тебя. Я пыталась. — Ее голова опустилась ниже. — Я говорила им, что не могу обсуждать это... ты не давал мне разрешения. Прости, я знаю, что ты собираешься сделать. Я знаю, я была неправа. Я не... я не... понимаю, зачем они сделали это... я спрашивала... — Она качала головой, ее лоб почти коснулся пола. — Ты не говорил, что я могу... я пыталась... он сказал, что я предположила... Я не... я не... но она сказала, что я нуждаюсь в наказании... — ее голос колебался, как и скорость слов, некоторые она проговаривала быстро и незаметно, другие же медленно и громко. С каждой фразой мышцы ее шеи все сильнее натягивались — Мне так жаль...

Когда я снова взял ее за плечи, Сара молча сопротивлялась, ее тело было безвольным, она хотела оставаться на полу.

— Сара, прекрати извиняться. — От ее отчаяния мое сердце разлеталось на куски. — Пожалуйста, позволь мне обнять тебя. Ты не должна быть на полу.

Ее лицо повернулось в мою сторону. Красные пятна покрывали щеки, шею и грудь.

— Должна, — заявила она убежденно. — Я не заслуживаю тебя. Ты заслуживаешь жену, которая не будет тебя позорить. Я расстраиваю...

— Остановись сейчас же. — Я ждал, но ее слова тонули в потоке слез. И потребовал снова, — Сара, вставай. — Ее тело подчинилось. — Я просил тебя раньше. Больше никаких извинений. Мне нужны имена. Не заставляй меня напоминать тебе, что ты должна была ответить еще в первый раз.

Она обхватила свою талию руками, все ее тело дрожало. Даже ее длинная юбка развевалась при движении. Наконец, она ответила:

— Брат Тимоти и Сестра Лилит.

Я сжал подлокотник дивана. Каждая клетка моего тела жаждала отправиться в общину и встретиться лицом к лицу с подлыми трусами, которые сделали это в мое отсутствие. Мне не понятны их претензии. Но как бы то ни было, эти проблемы надо решать со мной, а не вымещать свое недовольство на Саре. Но я не мог сейчас сорваться и отправиться в общину. Не сейчас. Я не могу бросить Сару в таком состоянии снова одну. Она стоит передо мной, обхватив себя руками, и дрожит так сильно, как если бы раздетая находилась на холоде Аляски, а не внутри хорошо обогреваемого помещения. Сделав глубокий вдох, я сдержал гнев. Сейчас Саре было нужно кое-что другое.

Когда я встал, Сара сделала шаг назад. Она боялась меня, осознание этого воткнуло нож мне в сердце.

— Сара, ты думаешь, что сможешь уйти от меня?

Ее дыхание сбилось, когда она покачала головой. Отрезанные концы волос качнулись вокруг ее лица:

— Нет.

— Ты хочешь этого?

Она закусила губу перед тем, как прошептать в ответ:

— Нет, но я боюсь.

Наблюдая за ней, я задумался о намерениях Брата Тимоти и Сестры Лилит. Они хотели сломать ее, чтобы сломать нас, чтобы обеспечить мою неудачу? Если таковы были их намерения, то им не выиграть. Несмотря на все это, Саре хватило сил ответить мне честно.

— Ты боишься меня — своего мужа?

Она покачала головой:

— Нет, не *тебя*. А того, что ты собираешься сделать.

Я провел руками вверх и вниз по ее предплечьям, едва касаясь, но согревая ладони о рукава ее свитера.

— Что я собираюсь делать?

Отпустив свою губу, она ответила:

— Я знаю, что была неправа. Я заслуживаю твоего наказания.

Я притянул ее к себе:

— Позволь мне сначала услышать о твоих прегрешениях, и тогда я приму решение о наказании.

— Но Сестра Лилит сказала мне, что ты захочешь, что я заслуживаю и нуждаюсь....

Температура в комнате поднималась на несколько градусов при каждом упоминании их имен. Тем не менее, я не мог позволить Саре почувствовать, что взбешен. Если и будет наказание, то это должно быть сделано не из-за гнева, но в силу ответственности.

— Сестра Лилит и Брат Тимоти не имеют никакого отношения к твоему наказанию, оно остается на мое усмотрение. Ты желаешь, чтобы я снова спросил тебя о твоих прегрешениях?

— Нет, — ответила она быстро. — Я говорила с ними без твоего дозволения, и после... после того... как мои волосы... я спросила... их обоих. Брат Тимоти сказал, что я *проявила проницательность*. — Она покачала головой. — Я не хотела, но он член Комиссии, я должна была...

— Что-нибудь еще?

Ее губы побледнели, когда она сосредоточилась.

— Я думаю, что заснула во время прослушиваний записей Отца Габриеля. Я не хотела, — добавила она быстро. — Это из-за того, что мы рано проснулись.

Я не мог подавить улыбку, которая появилась на моем лице из-за ее детской честности. Я поцеловал ее в макушку.

— Что ж уже четыре, если тебе, конечно, больше нечего добавить.

Ее рука, лежащая на мне, вздрогнула на числе четыре. Я знал, о чем она думает: четыре нарушения это двадцать ударов ремнем. Освободив одну руку, я повел Сару к лестнице.

— Пойдем наверх.

Она не сопротивлялась и не просила; вместо этого ее плечи повисли, и она охотно пошла к нашей комнате. Когда мы оказались на верхней ступеньке, Сара сказала:

— Джейкоб...

— Да?

— Я понимаю, почему ты делаешь то, что делаешь. Я не прошу снисхождения, но я хочу, чтобы ты знал, как я сожалею.

Краснота на ее щеках и шее почти прошла.

— Сара, время приготовиться.

Кивнув, она села на кровать и сняла свой сапог. Когда она встала, и ее полосатая черно-белая юбка упала на пол, я поразился ее спокойствию. Как в учении Отца Габриеля: раз она исповедалась мне в своих грехах, то они больше не были ее заботой. Когда она стянула свитер через голову, мое притворство исчезло.

Мой взгляд скользил по ее прекрасному телу, прикрытому лишь нижним бельем. Последним доказательством ее аварии оставался лишь гипс. Кроме этого, ее безупречная кожа светилась в освещении нашей спальни. Я подошел поближе, желая обхватить ее руки, словно укрыть рукавами. Я так нуждался в том, чтобы прикоснуться к ней.

В этот раз она не отступила. Вместо этого она склонила голову, когда моя грудь повстречалась с ее лицом.

— Хотя твой ответ не изменит моего решения, но я хочу знать, — мои руки ныли от желания обнять ее, но я держался до тех пор, пока не закончил свой вопрос. — Как ты считаешь, ты нуждаешься в наказании?

После минутного колебания, она ответила:

— Я люблю тебя и доверяю тебе. Если это твое решение, то я принимаю его. Если ты выберешь что-то другое — я приму и это тоже.

Мои руки больше не слушались. Я обнял Сару и притянул ее к себе. Прикоснувшись губами к ее волосам, я сказал:

— Я не собираюсь тебя наказывать. — Она растворилась во мне. Прикасаясь к концам ее волос, я продолжил. — Этого не должно было случиться. Это не было указом Отца Габриеля. Тебе достаточно напоминаний для одного дня. Моя дорогая жена, я не думаю, что тебе нужно больше. А ты?

Двигая головой из стороны в сторону у моей груди, она сказала:

— Спасибо. Мне действительно очень жаль.

Когда я поднял ее подбородок, мое тело скрутило от боли за нее.

— Не нужно больше извиняться. Тебя обидели. Ты не сделала ничего плохого.

— Но...

Я прикоснулся своими губами к ее, чтобы остановить. Однако вместо того, чтобы успокоить ее, я отпустил свою страсть. Желание, которое я так долго сдерживал и загонял как можно дальше, бушевало, как лесной пожар. Его пламя уничтожило любые остатки подобия силы воли. Мои руки переместились на ее затылок. Лишь на мгновение я подумал о ее прекрасных светлых локонах, которые еще утром были на месте. Сейчас их нет. Но это уже не имело значения. Моей единственной мыслью, моей единственной потребностью, было приблизиться к Саре, чувствовать ее тепло подо мной, взять то, что Бог и Отец Габриель дали мне. Подарить ей такое наслаждение, которого она никогда не испытывала.

Стоны заполнили комнату, когда она прижалась ко мне и начала расстегивать пуговицы моей рубашки.

Хотя я испытывал боль от возбуждения в своих джинсах, я не хотел причинить ей сегодня еще больше боли. Не сегодня, и не после всего того, что она пережила.

— Сара, как твои ребра?

Раздвинув полы рубашки, она прильнула руками к моей груди.

— Пожалуйста, Джейкоб!

Как только она оголила мою грудь, ее маленькие ладони стали исследовать мои плечи, руки, и торс, ощущая то, что ее глаза видеть не могли.

Я расстегнул ее бюстгальтер и осторожно снял его, освободив маленькую грудь. Когда я

прикоснулся к одной из них, ее сосок затвердел, и я решил, что их размер прекрасен. Крепко удерживая ее бедра, я наклонился и губами стал посасывать ее затвердевший сосок. Ее всхлипы поощряли меня, когда она запустила свои пальцы в мои волосы.

Сара потянулась руками к пряжке моего ремня, и, наконец, контроль частично вернулся ко мне.

Остановившая ее руку, я сказал:

— Сара.

— Пожалуйста, позволь мне расстегнуть его. Я хочу, чтобы твой ремень ассоциировался не только с болью.

Дерьмо!

Я отпустил ее руки и смотрел, как она расстегнула его, вытащила из петель и бросила на пол. Ее улыбка растопила мое сердце, и в то же время, вызвала еще больший прилив крови к моей и без того уже твердой эрекции. Только когда она освободила пуговицу и молнию на моих джинсах, я избавился от сдерживающих оков джинсов и боксеров.

— О, Джейкоб, — промурлыкала Сара, обхватив мой член и проведя рукой вдоль всей его длины. Мое сердце воспарило, когда она упала на колени.

— Боже, ты удивительная, — сказал я, — Но я хочу, чтобы ты встала. — Я потянулся к ней и помог встать. Когда она поднялась, наши губы столкнулись и языки затеяли танец страсти. — Поверь, я бы не отказался от этого удовольствия, но сейчас мне нужно быть внутри тебя. Это было так давно, не думаю, что смогу сдержаться.

Ее улыбка стала спусковым механизмом для моего взрыва. Я никогда не делал этого в ее сексуальном ротике. Взяв ее за руку, я направил Сару к кровати и снял с себя ботинки. В рекордные сроки я разбросал свою одежду по полу.

— Сейчас, — сказал, я с ухмылкой, когда повернулся к Саре.

Ее грудь поднималась и опускалась в ожидании, когда она опустилась на подушки.

Ее губы издавали волшебные звуки, когда я пальцами зацепил резинку ее трусиков и медленно опустил их вниз по ее ногам через гипс. Начав с лодыжки, я нежно целовал внутреннюю сторону ноги, чередуя левую и правую. Каждое прикосновение моих губ было откровеннее, чем прежде. Хотя ее кожа покрылась мурашками, и мышцы сжались, она охотно открылась сама, предоставляя мне полный доступ.

— Оу, оу, — ее дыхание стало прерывистым, руки сжимали простынь, когда мой язык ласкал ее киску.

С каждым погружением в нее, внутри меня бушевала война. Моя эрекция требовала погружения туда, где мой рот наслаждался прекрасным вкусом моей жены. Раскрытые бедра Сары и ее сексуальные стоны поощряли каждое движение, мой язык погружался все глубже и глубже. Хотя я подозревал, что она не была девственницей, я также провел достаточно времени в чисто мужском коллективе, чтобы знать о том, что у меня был большой. Больше, чем у большинства мужчин. И я не хотел ее ранить. Она сможет легче принять меня, когда кончит. Продолжая ласкать ее лоно, я мучил ее тело до тех пор, пока мышцы внутри нее не напряглись, и она не выкрикнула мое имя.

— О, Боже, Джейкоб, это... это...

Медленно, я заскользил вверх, пока мое тело полностью не накрыло ее.

Потянувшись к моему лицу, она прильнула своими губами к моим, и я погрузился в них.

В то время как наши языки переплетались, я был готов уступить Саре.

— Если будет больно, мы можем сделать то, что ты...

— Пожалуйста, возьми меня, — прошептала она, затаив дыхание. — Я нуждаюсь в тебе.

Эту просьбу ей не нужно было повторять дважды. Вверх, вниз... и вот мой член как раз напротив ее бедер. Когда я вошел, то замер и посмотрел сверху на свою жену. Она была чертовски красива. В свете нашего первого раза, я не видел ее волос. Я увидел довольную улыбку на лице женщины, которая была полностью моей. Я уже властвовал над ее разумом. Я понял это из ее ответа, когда спросил о наказании. Она сказала, что решать мне. Теперь, наконец, я владел и ее телом.

— Что-то случилось? — спросила она, когда ее руки легли на мои плечи.

— Ничего. — Я поцеловал ее улыбку. — Я просто наблюдал за самой прекрасной женщиной в мире и подумал, как мне чертовски повезло.

Ее щеки порозовели, и я начал двигать бедрами. Наши тела вошли в синхронный ритм. Пока один из нас давал — другой брал, а потом мы менялись местами, всегда отдавая больше. Мои губы дразнили ее соски, целовали ее, и ласкали все, что было между ними.

Отец Габриель дал мне эту женщину, мою жену. Хотя я сопротивлялся, я не мог скрыть сильные эмоции, которые она у меня вызывала единением наших тел. Страсть и наше горячее желание заполнило комнату. Когда она в очередной раз взорвалась, ее ноги напряглись, губы издали стон наслаждения, и ее тело обнимало мое изнутри. Спазм толкнул меня через край: один заключительный толчок и с гортанным стоном я рухнул. Наши тела были все еще соединены.

Безрассудно пренебрегая тем, что может случиться в будущем, я поцеловал жену и прошептал:

— Я люблю тебя.

Ее скромная улыбка вернулась.

— Я тоже люблю тебя. Это просто... — она не закончила фразу.

— Что?

Она покачала головой:

— Мне стыдно.

С облегчением, я повернулся на бок и притянул Сару к себе, ее спина прижалась к моей груди. Обнимая ее, я засыпал ее макушку поцелуями.

— Ты всегда можешь рассказать мне обо всем. Что тебя смущает?

Она пожалала плечами в моих объятиях.

— Наверное, я больше стыжусь.

— Ты пробудила мое любопытство.

Она вытянула шею, чтобы коснуться меня губами.

— Я просто не могу поверить, что не помню этого. Я имею в виду, это было... Вау. — Она закрыла ладонями свое лицо — Видишь, я краснею.

Моя грудь задрожала от смеха. Она может быть застенчивой, но в то же время, как от ее признания взыграло мое эго, близость ее мягкого, обнаженного тела заставили надеяться на второй тур. Часть меня была на пути к восстановлению в ту же секунду. Но на меня действовал так запах ее шампуня и его цветочный аромат, который выдвинул на передний план нашу последнюю проблему. Я перевернул Сару на спину и поцеловал в нос. Играя с концами ее волос, я улыбнулся, надеясь, что она могла услышать эту улыбку в моем голосе.

— Они милые.

Она выдохнула и поджала губы.

— Так и есть! — воскликнул я.

— Нет, не так. Я некрасивая. Я знаю, что тебе нравятся мои волосы. — Она зарылась лицом в мою грудь. — *Нравились.*

Я коснулся ее щеки.

— Мне нравятся твои волосы. Я люблю тебя, независимо от того, как выглядят твои волосы.

— Но я уродина.

Я нежно гладил ее руки, ее тепло сочеталось с моим.

— Сара Адамс, ты никогда не станешь уродиной. Даже, если будешь лысой, ты самая красивая женщина в мире. И кстати, тебе не позволено спорить со мной. Если я говорю, что ты красивая, ты красивая.

— Я даже не помню, какого они цвета.

Я засмеялся.

— О, это самый красивый цвет: солнечный свет в кукурузных рыльцах.

Она вытянула шею.

— О, так я блондинка?

Я повернул ее лицо к своему. Касаясь ее носа кончиком своего, я кивнул.

— Да, блондинка.

Она прильнула ближе.

— Спасибо.

Вдыхая смесь цветочного аромата и аромата, оставшегося после нашего занятия любовью, я вздохнул:

— Нет, Сара, это тебе спасибо.

И тогда я вспомнил, о времени, когда нашел ее.

— Ты уже поела? Ты голодна?

Она вывернулась из моих объятий.

— О, мне так жаль. Я нет, не голодна. Но я сделаю для тебя...

Я обнял ее крепче.

— Я не голоден. Я уже говорил тебе, что ты моя, вся моя, и я несу за тебя ответственность. Я хотел быть уверен, что ты в порядке.

Она раскрыла ладонь на моей груди и проследовала пальцами к моему подбородку.

— Была не в порядке, но сейчас со мной все хорошо.

Еще один поцелуй. Я поцеловал ее в лоб.

— И еще один момент на сегодня. — Я должен был сказать ей это. Я не хотел ждать.

— Да?

— Когда я вернулся домой, и ты была на полу... — я сделал глубокий вдох и поднял ее лицо к себе. — Я знаю, что в тот день предоставил тебе варианты, но, Сара Адамс, ты — жена члена Собрания. Никаких коленей. Ты не принадлежишь земле. Для меня достаточно твоих приветливых слов и склоненной головы. — Меня чуть не убило видеть ее униженной. — Ты понимаешь?

— Да — Она замолчала. — Мне просто интересно, что бывают исключения. Ведь раньше ты не давал мне закончить...

Из моего горла вырывался смех.

— Я полагаю, всегда могут быть исключения. Теперь спать. Это был очень длинный день.

— Спокойной ночи, Джейкоб.

Глава 23

Сара

Я нервно ждала возвращения Джейкоба. Он уехал на Собрание раньше, чем обычно. Он не вспоминал про Брата Тимоти или Сестру Лилит, и я не спрашивала, но тема висела в воздухе, словно густое облако. Когда я сегодня утром мыла волосы, то получила лучшее представление о том, сколько их у меня осталось. Пряди подлиннее свисали ниже подбородка, на затылке было совсем коротко. Лилит перерезала их у самого основания хвоста.

Хотя я должна была слушать учения Отца Габриеля, мне было слишком сложно сосредоточиться при всем вихре мыслей в голове. Перед отъездом Джейкоб предупредил меня, что сегодня в ангаре будет Брат Мика и другие. Видимо, они подхватили припасы в «Восточном Сиянии», нужно было выгрузить их и отвезти в общину. Когда я спросила, как они перевозили припасы, так как в большом самолете был мягкий роскошный салон, он ответил, что под салоном есть достаточно вместительный грузовой отсек, с доступом снаружи.

Это заняло у меня некоторое время, но я училась интересоваться, а не задавать вопросы.

Я недавно слушала урок о греховности гордыни. Это напомнило мне комментарий Элизабет, и я решила, что это будет один из вопросов, над которым мне стоит поработать. Рейчел однажды сказала, что ей надо работать над своим терпением. Поэтому вполне нормально осознавать свои проблемы и работать над их решением, работать над совершенствованием себя. Однако, вместо того, чтобы работать над гордыней, я наоборот, гордилась. Я была горда не за себя; я гордилась своим мужем, той важной работой, которую он делает для Собрания и Отца Габриеля, и в основном его проницательностью.

Я была готова принять его наказание прошлой ночью. Отпустить свои грехи и принять его решение. Когда он вел меня наверх, я поняла, что произойдет, или мне так показалось. Я проговорила больше, чем одну безмолвную молитву, чтобы он захотел проявить снисхождение. Несмотря на то, что мысль о двадцати ударах ремнем казалась непостижимой, как только я призналась во всех своих проступках, то отпустила их, они мне больше не принадлежали. Это не означало, что я ожидала то, что случилось. Никогда, даже через миллион лет, не могла я предвидеть его противоположную реакцию.

Мое лицо вспыхнуло, когда я подумала о прошлой ночи. Это не была наша первая ночь любви, но для меня она ощущалась таковой. Как я могла забыть, каким обходительным был Джейкоб со мной в постели. Я была права, когда предположила, что он бескомпромиссно покорял и щедро одаривал. Может, это не предсказание, а воспоминания.

В любом случае, сейчас мое тело болело. Главным образом от приятных напоминаний прошлой ночи. В отличие от других напоминаний, тех, которых я хотела бы избежать, напоминания, которые я испытывала в настоящий момент, мне нравились, я не жаловалась на них. Я бы хотела испытывать подобное ежедневно. Я знала, что занятие любовью не изменит нашу динамику, но, похоже, это все-таки случилось. Когда я готовила ему завтрак и варила кофе, я поняла, как сильно хотела ему угодить. Особенно если он по-прежнему поддерживал меня на пути моего поиска. Может, я ощущала не гордость, а благословение.

Пока я рассуждала, из ангара слышались звуки. Я знала, Джейкоб рассказывал мне, что это могут быть Брат Мика и остальные, так что мне не следовало паниковать при любом

шуме. Конечно, мне помогло еще и его упоминание, что Брат Тимоти будет на Собрании, а Сестра Лилит не может выезжать за пределы общины самостоятельно. Хотя это заставило меня чувствовать себя лучше, я все еще беспокоилась о нем. Я сомневалась, что он позволит их действиям остаться без реакции, не обострив конфронтацию.

Я закусила губу, задумавшись о том, мог ли Джейкоб, член Собрания, противостоять Брату Тимоти, члену Комиссии. И что может из-за этого случиться?

Когда дверь гаража поднялась, я поспешила к часам. Сейчас было почти десять тридцать. Собрание должно было закончиться. Надеюсь, что это Джейкоб, я заняла свое место у двери. Я мельком припомнила, что сказал мой муж вчера вечером о коленях. Я не была уверена, когда он это говорил, но, несмотря на мои очевидные преступления и его верховную власть над моей жизнью, он заставил меня чувствовать себя любимой и достойной его. У меня больше не возникало затаенного чувства обиды по поводу ожидания того, когда он войдет. Я была счастлива сделать это.

Открылась дверь и мое дыхание сбилось. Кроме Джейкоба я слышала и другие голоса. Опустив подбородок, я ждала.

— Сара, — сказал Джейкоб, передавая свою куртку мне в руки. — Со мной доктор Ньютон. У нас сюрприз.

Он поцеловал меня в щеку.

Я кивнула.

— Доктор Ньютон.

— Сестра Сара.

Я осторожно подошла к шкафу, неся куртку Джейкоба и пальто доктора Ньютона. Мой разум был затуманен вопросами. «Это связано с моими глазами?» Джейкоб этим утром заменил повязку, но неужели пора снимать бинты?

Когда я начала переключать их куртки, моего плеча коснулась рука. Я повернулась к ней, сразу же признав прикосновение, а также слабый запах жимолости.

— Я-я думала, что...

Рейчел обняла меня за плечи.

— Давай я помогу тебе с одеждой.

Я кивнула, звуки голосов Джейкоба и доктора Ньютона напомнили мне, что мы должны следить за тем, о чем говорим.

Она забрала одну куртку из моих рук, и мы обе потянулись к вешалкам. Она торопливо прошептала:

— Я не знаю всего, но Брат Джейкоб получил особое разрешение от Комиссии и Отца Габриеля. Так как я работаю с доктором Ньютоном, они разрешили прийти и мне. — Она сжала мою руку. — Я соскучилась.

Ком в горле мешал мне говорить.

— Я тоже очень скучала, — прошептала я. Я даже не представляла, как сильно ровно до этого момента.

— Сара, — позвал меня Джейкоб, — время пришло.

— Хорошо, — ответила я, следуя за Рейчел, она вела меня к одному из стульев на кухне.

— Сестра Рейчел, — сказал доктор Ньютон. — Погасите свет и задерните шторы. Нам нужно действовать постепенно.

Джейкоб взял меня за руку, он опустился на колени у моего стула и заговорил.

— Дорогой Господь и Отец Габриель, я молюсь о том, чтобы вы сочли целесообразным

исцелить зрение моей жены.

— Аминь, — послышалось от всех.

Я в удивлении прикусила губу, учитывая то, как быстро колотилось мое сердце, оно все еще оставалось в моей груди. Как и действия Джейкоба прошлой ночью, это застало меня врасплох. У меня не было ни малейшего представления о том, как все пройдет. Если бы я знала, я бы все утро провела за тем, что представляла себе, что надеялась увидеть. Сжимая руку Джейкоба, я призналась:

— Мне страшно.

— Мы выживем, не важно, что случится сегодня. За последние три недели твое самочувствие улучшилось. Если зрение не вернется, мы научимся обходиться без него.

Я кивнула. Он был прав, как всегда. Это не означало, что я хотела учиться справляться. Я хотела видеть его, вглядываться в его проникновенные синие глаза, которые я помнила, видеть их одобрение и восхищение.

— Сестра Рейчел, — сказал доктор Ньютон, — подайте ножницы, мне нужно срезать повязку.

— Нет! — выкрикнула я, не подумав. Джейкоб разматывал их. Он их не разрезал.

— Сара?

Я внезапно задрожала и потянулась к Джейкобу.

— М-мне очень жаль. Простите меня, доктор Ньютон. — Я села прямо. — Это все из-за ножниц. Мне так жаль. Я очень хочу избавиться от бинтов. Я не думала...

Рейчел прикоснулась к моим коленям.

— Все в порядке. Мы понимаем. Давай избавимся от повязок, а затем я помогу тебе с волосами.

Она поможет?

Я задержала дыхание и снова кивнула.

— Я готова.

— Держите глаза закрытыми, — сказал доктор Ньютон.

Я кивнула. Скрипы и щелчки ножниц отдавались эхом в ангаре, как скрип ногтей по стеклу, но я держалась. То как я вцепилась в руку Джейкоба, и стиснула зубы, было единственным доказательством моих опасений. Пока доктор Ньютон разрезал бинты, Рейчел снимала их. Хотя мы меняли их ежедневно, мое сердце трепетало в волнении, когда я думала, о том, что повязки снимать не стоит. Но в то же время я боялась, для них это не имело никакого значения.

— Сестра Сара, расскажите мне о ваших головных болях.

— С момента выписки у меня их не было. Вчера немного, но, я думаю, это из-за стресса.

Джейкоб сжал мою руку, успокаивая.

— Это хороший знак для зрительного нерва, — сказал доктор Ньютон. — Моим самым большим опасением всегда была вспышка от взрыва. Однако, прошло четыре недели после аварии. Если наше лечение было правильным, то сейчас ваши глаза должны быть в порядке.

Я кивнула.

— Хорошо, Сестра, это все. Медленно открывайте глаза.

Я сделала глубокий вдох и выдохнула. Мои веки дрожали, я ахнула.

«Я вижу свет!»

Я сжала руку Джейкоба и моргнула еще несколько раз. В комнате было тускло, очень

тускло. Я знала, что хотела увидеть. Повернув голову, я посмотрела на мужчину, который был рядом с тех пор, как я помнила. Его лоб на моих коленях, его закрытые глаза, создавали профиль молящегося человека.

Катились слёзы, улыбка становилась шире.

«Я вижу! Я вижу своего мужа».

Когда я увидела темные, волнистые волосы, спадающие на уши, мое сердце остановилось. Челюсти и подбородок, которые я изучала ночью, тоже были покрыты такой же растительностью, только в отличие от более длинных волн на голове, более короткие волосы обрамляли его лицо. Я видела его закрытые глаза и высокие скулы. Он наклонился вперед, молча ожидая моего ответа. Его светлая рубашка-цвет трудно различить в темной комнате — натянута на его широких плечах, которые я ласкала. На его светлой рубашке были темные линии, рисунок на ткани. Моя темная юбка контрастировала с его кожей. Когда я потянулась к его волосам, мое сердце переполняло волнение, я увидела то, что могла помнить только по ощущениям.

— Джейкоб, я могу видеть. — Мой голос больше походил на шепот.

Доктор Ньютон и Рейчел вздохнули. Я не была готова смотреть на них. Мне нужно было полностью рассмотреть мужчину, стоящего на коленях у моих ног. Мои щеки покраснели, когда он повернул свое красивое лицо ко мне. В его глазах блестела влага — в *его темнокарих глазах*.

Мой восторг испарился. Я стиснула веки, пробуя скрыть разочарование.

— Сара, что случилось? Тебе больно?

Я велела себе слушать мужчину, которого любила.

У него не было пронзительных голубых глаз!

Качая головой, я вдохнула и выдохнула.

— Нет, это от эмоций.

Меня обняла прелестная темноволосая женщина со светло-оливковой кожей, на вид ей было около 27–30 лет. Ее белоснежная блестящая улыбка привлекла мое внимание. Ее круглые щеки порозовели, а голубые глаза сверкали состраданием.

— Ну, конечно. Это чудо. Слава Богу. Хвала Отцу Габриелю.

Я кивнула, замечая, что ее волосы были закреплены на затылке в низкий пучок. Глядя на ее стройную фигуру, я вспомнила, как она помогала мне в больнице, поднимая и укладывая в кровать. Водолазка, одетая под ее больничную униформу, подчеркивала длинную шею. Я потянулась за цепочкой, которую Джейкоб застегнул вокруг моей шеи, увидев такой же крестик как у Рейчел. На ногах у нее были теплые сапоги, и я подумала о том, что в клинике она, наверное, носила кроссовки. Ее шаги всегда отличались звучанием от шагов Джейкоба или Лилит. Я взяла ее ладони в свои.

— Рейчел, я не помнила, как ты выглядишь. А ты такая красивая.

Она улыбнулась, опустив подбородок.

— Спасибо. Ты тоже очень красивая.

Прикоснувшись к своим волосам, я сказала:

— Больше нет.

Она повернулась к Джейкобу, который сейчас стоял во весь рост. Я вытянула шею, рассматривая, какой же он в действительности высокий.

Я надеялась, что вернувшееся зрение позволит найти ответы, которые я потеряла, позволит кускам головоломки встать на свои места, но этого не произошло. Вместо того,

чтобы пролить свет на мою жизнь, все внезапно стало еще более странным. Когда Джейкоб кивнул Рейчел, я хотела было спросить, что они планируют, но остановила себя.

— Дорогая, — сказала Рейчел, — когда Брат Джейкоб рассказал мне, что произошло, я предложила помочь.

Я пожала плечами.

— Я не уверена, что кто-то может с этим помочь.

— Все не так плохо. Нужно лишь немного подравнять их.

Джейкоб сжал мое плечо.

— Я сказал тебе, что они будут в порядке, и я сказал, что они милые. Мне нужно напоминать тебе, что я всегда прав?

По тону его голоса я поняла, что он шутит, но, тем не менее, мои щеки мгновенно вспыхнули, я опустила подбородок и сказала:

— Нет, я тебе верю.

— Хорошо, мы с доктором Ньютоном ненадолго отлучимся в ангар и предоставим двум леди заняться наведением красоты. Затем я должен вернуть доктора Ньютона и Рейчел в общину.

Мой пульс участился при мысли остаться в одиночестве, особенно сейчас, когда заседание Комиссии было, конечно, закончено. Прежде чем я успела что-нибудь сказать, заговорил доктор Ньютон, и я повернулась в его сторону.

Опустив глаза, я обратила внимание на обувь обоих мужчин. Джейкоб носил ботинки, рабочие ботинки с твердой подошвой. Эти ботинки я слышала в своей палате, а также здесь, на деревянных полах жилых помещений. Доктор Ньютон также носил ботинки с твердой подошвой, и был одет в брюки, в отличие от джинсов Джейкоба. Доктор Ньютон был старше и ниже, чем Джейкоб, с седыми тонкими волосами. Он был довольно невзрачный — некрасивый и неказистый.

— Сестра Сара, что-нибудь кажется вам размытым? — спросил он.

— Нет.

Рейчел открыла шторы. Не удивительно, что они отлично справились со своей работой, приглушив солнечный свет, там его просто не было. Я посмотрела на часы, свои наручные, время по которым я могла узнавать на ощупь. Сейчас приблизительно полдень, но за окном были сумерки.

— Так темно, — прокомментировала я.

— Так бывает в темный сезон, — ответил Джейкоб, включая свет. — Светлее не будет, ну, до... февраля.

Я покачала головой.

Разве часть этого не должна быть мне знакома? Февраль? Какой же сейчас месяц?

— Сестра, дайте мне взглянуть поближе на ваши глаза.

Доктор Ньютон светил ярким фонариком непосредственно в них. Потом он попросил, чтобы я прочла несколько надписей на различных расстояниях. Хотя я была взволнована, все получилось, странное ощущение неправильности, которое я ощутила сразу, когда пришла в себя, вернулось.

После, когда мы с Рейчел остались наедине, я спросила:

— Какой сейчас месяц?

— Ноябрь, но декабрь не за горами. — Она стиснула мою руку. — Не могу дождаться, когда ты окажешься дома. Так много всего нужно успеть к праздникам.

Я встала.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Найти зеркало.

— О, нет. — Она захихикала. *Я действительно скучала по ней.* — Пока рано. Дай мне еще немного поработать, затем ты сможешь посмотреть.

Я сморщила нос.

— Так плохо? Давай, будь честной.

Она расправила плечи, и ее миниатюрная фигурка стала выше.

— Ты знаешь, что я всегда честна, порой даже жестока. Я согласна с Братом Джейкобом, они милые. Ты, вероятно, задашь новый тренд в прическах.

Я откинулась на спинку стула.

— О, не сомневаюсь. Я могу сделать такую же прическу Сестре Лилит? — я быстро прикрыла губы кончиками пальцев, когда мои глаза широко распахнулись.

Дерьмо! Я была так потрясена, что забыла фильтровать то, что говорю.

Рейчел подошла ближе и прошептала:

— Только, если я буду ее держать.

Мы обе старались заглушить смех.

Когда она впервые поднесла ножницы, я должна была напомнить себе, что это моя подруга и у нас есть разрешение Джейкоба. Игнорируя звуки, я сконцентрировалась на дыхании. Вскоре Рейчел помогла мне позабыть о ножницах. Она стригла и болтала, болтала и стригла. Время от времени отходя назад или вперед, оценивая свою работу.

Кусочки волос, которые упали на пол, были короткие, дюйм здесь, полдюйма там. Увидев их, я вспомнила про свой хвост. Я искала его сегодня в ванной на столике, где оставила вчера, но он исчез. Я была уверена, Джейкоб думал, что этим он помогает мне, и я ничего не сказала, но мне не их хватало.

Пока Рейчел работала, она рассказывала мне о других женах Собрания. Всего нас было двенадцать. Я пыталась запомнить их имена. Одна, по имени Дебора, очень скоро должна была родить. Я была уверена, что однажды, мы с ней даже пересекались. Другая, по имени Эстер, недавно родила второго. Видимо, она очень уставала, особенно, к концу рабочего дня. Я узнала, что жены Собрания не только сидят вместе на службе, но и, что дважды в неделю, во время молитвенных собраний, мы отдельно встречаемся с женами Комиссии для обучения. Даже слово «Комиссия» заставило меня ощетиниться.

— Рейчел, что ты знаешь о том, что произошло сегодня, с Джейкобом я имею в виду? Как он привез тебя сюда?

Она пожала плечами.

— Я точно не знаю. Бенджамин сказал, что я могу прийти. Я не знала о том, что случилось, ммм... с волосами... пока Брат Джейкоб не рассказал мне по пути сюда.

Я прикусила губу.

— Я боюсь, он попадет в беду, если попытается разобраться с ними. И я также боюсь, что они вернуться.

Она смотрела на меня и качала головой.

Моя рука вернулась к волосам:

— Так ужасно?

— Нет! — ее озадаченный возглас превратился в ликование. — Совсем нет. Они, действительно, милые. Я помню эту прическу, коротко сзади и длиннее спереди. Она тебе

очень идет.

— Хорошо, спасибо тебе за то, что подровняла их. Но я бы хотела отрастить их снова.

— Они отрастут.

Бросив быстрый взгляд на дверь, я прошептала:

— Ты помнишь тьму?

Она кивнула.

— Что это... как...? — я пожала плечами. — Я не помню. Я хочу вспомнить. Я хочу вспомнить все.

— Все может вернуться. Я знаю, что работаю с доктором Ньютоном, но я не много знаю о свойствах памяти. Я знаю только то, чему меня научили.

Я представляла тьму. Она казалась страшным местом.

«Почему я взяла у Джейкоба ключи? Почему я хотела сбежать от людей, таких как Рейчел?»

— Есть! — заявила она.

Сняв полотенце с моих плеч и, глядя на пол, она сказала, — О, Сара, прости. Мы должны были положить полотенце на пол. Я навела тут беспорядок.

Я встала и смахнула остатки волос с коленей.

— Не беспокойся. Я все уберу. Но сначала хочу увидеть.

Молча улыбаясь, Рейчел выглядела так, будто вот-вот лопнет от нетерпения.

— Я тоже этого хочу, но думаю, мы должны подождать...

— Пожалуйста, не говори Джейкобу. Я хочу видеть мое собственное отражение. — Это могло звучать, как каприз трехлетнего ребенка, но я хотела увидеть.

— Я вот что тебе скажу. Где метла? Давай закончим с уборкой, и если он не вернется, ты можешь заскочить в ванную.

Она мне нравилась. Она не говорила мне, что я была своенравной и горделивой. Она даже предложила подержать Лилит, когда я буду отрезать ей волосы. Я порывисто обняла ее.

— Спасибо, Рейчел. Я буду скучать по тебе в течение следующей недели. Я не могу дождаться, чтобы вернуться в общину.

— Хорошо. Мы все хотим твоего возвращения.

Когда мы ставили веник и совок на место, дверь гаража открылась. Приняв решение быть осторожнее, я забыла про зеркало и поспешила к двери.

Несмотря на его незнакомые глаза, его улыбка меня согрела. В глазах, которые я не помню, я видела любовь и обожание, которые наполнили меня теплом, словно пламя свечи.

Джейкоб ласково прикоснулся к моей щеке и приподнял волосы от моего лица. Когда он позволил им упасть, его улыбка стала шире.

— Мне нравится. Повернись.

Я повернулась. Когда наши глаза встретились снова, он взял меня за руку.

— Ты уже видела их?

— Нет, я ждала твоего возвращения.

Боковым зрением я поймала изменение в выражении лица Рейчел, и еле сдержалась, чтобы не закатить глаза.

— Тогда вперед. — Джейкоб взял меня за руку. — Закрой глаза, — приказал он, когда мы подошли к ванной комнате.

Я сделала, как он сказал, и он подвел меня к зеркалу. Тепло его тела позади наполнило меня силой. Держа руки на моих бедрах, он сказал, чтобы я открыла глаза. Там в зеркале я

увидела двух незнакомцев. Я открыла глаза шире, наблюдая за тем, как женщина в зеркале сделала то же самое. Когда я подняла волосы, то она сделала так же. Описание Джейкоба цвета моих волос было точным, они были цвета солнца в кукурузных рыльцах. Очень светлые.

Рейчел также была права, сказав мне, что волосы обрамляли мои щеки, подчеркнув овал лица. Я наклонила голову из стороны в сторону. Хотя я не видела их раньше, сейчас мои волосы выглядели неплохо, удлиненные спереди и короткие на затылке. Скоро беспокойство оставило мои глаза, смягчая их, оставляя позади светло-голубой блеск удовлетворенности. Непосредственно за мной в зеркале возвышался Джейкоб, он наблюдал за каждым моим движением.

Затем, я, наконец, сглотнула, приподняв кончики губ в полуулыбку.

— Я думаю, все в порядке.

Рейчел запищала и захлопала в ладоши у двери. Я и не знала, что она там.

— Сара, — всего, одним словом он сделал мне выговор. — Все в порядке? — спросил Джейкоб, повторяя мои слова.

Опустив подбородок, я подняла глаза и встретила с ним взглядом.

— Нет, это лучше, чем "в порядке". Это круто.

Его улыбка стала ярче.

— Так гораздо лучше.

Когда я раздавала всем верхнюю одежду, Джейкоб сказал:

— Сара, тебе тоже понадобится пальто.

Мой рот хлопнулся, сдерживая вопросы, которые грозились вырваться наружу. Наконец я сказала:

— Все в порядке.

Я не замечала этого раньше, потому что не могла видеть, но у грузовика был ряд дополнительных сидений. Рейчел и я сидели там, пока Джейкоб был за рулем, а доктор Ньютон — рядом с ним на переднем сидении. Большую часть дороги Джейкоб и доктор Ньютон обсуждали события, людей, имена, которых были мне неизвестны. Попасть в общину не так легко, как могло показаться. Там было три ряда заборов с воротами. Внутри были стены. Для открытия каждого ворот нужны были коды. Вся эта обстановка казалась довольно сложной для проникновения полярных медведей. С каждым новым барьером я ощущала свое незнание и беспокойство.

Несмотря ни на что, я была готова вернуться внутрь ограды и стен; очевидно, здесь было намного безопасней, чем там, где мы жили сейчас. Я рассматривала незнакомые здания, когда мы въехали в общину.

Когда мы подъехали к клинике, перед тем, как выйти Рейчел крепко меня обняла:

— Еще одна неделя, не могу дождаться.

— Спасибо тебе за это, — сказала я, прикасаясь к волосам руками в перчатках.

— Ты положишь начало новой моде, я в этом абсолютно уверена.

Я знала, что это не так, но это заставило меня улыбнуться.

Я хотела пересечь вперед, но вместо этого прикусила губу и ждала. Дождаться разрешения Джейкоба мне долго не пришлось. Я поняла, почему у Рейчел или кого-нибудь другого были проблемы с терпением. Ждать разрешения сделать то, что казалось естественным — казалось неестественным. После того, как мой ремень безопасности был закреплен, я могла рассмотреть то, что было за окнами. Там сновали люди всех возрастов и

цветов кожи, приходящие и уходящие, другой транспорт, и много зданий. Это действительно была община. Несмотря на холод, снега оказалось мало.

— Зрение помогает? Что-то вспоминаешь? — спросил Джейкоб.

— Да, помогает видеть. Но нет, все незнакомо.

Он положил ладонь мне на ногу, так же, как сделал в первый день, когда вез нас в ангар. Я накрыла его руку своей, впервые подмечая разницу в размерах. Когда наши пальцы переплелись между собой, он ответил:

— Это объяснимо. — Бросив взгляд на меня, а затем обратно на дорогу, он нахмурился, — Я думал, надеялся, что...

— Мне очень жаль. Я тоже надеялась.

Его рука сжала мою.

— Но ты можешь видеть. Это важнее всего.

— Я не согласна. Это не так, ты можешь наказать меня, но мое зрение не самая важная вещь.

Я видела удивление в его лице.

— Ты думаешь? Нет? — с оттенком веселья в голосе, он продолжил. — Ну, ты зашла так далеко... Так что, пожалуйста, продолжай. Что является наиболее важной частью для тебя?

«Дерьмо! Я не подумала об этом.»

Заставив себя улыбнуться и сделать вид, что я не просто так вызвалась быть наказанной, я ответила:

— Та часть, когда ты не оставил меня одну в ангаре. Это самая важная вещь для меня. Спасибо.

Уголок его губ приподнялся:

— Я надеюсь, тебе нравится Сестра Рут.

— О, да!

— Хорошо, потому что, она будет оставаться с тобой, когда мне нужно будет улететь.

Завтра у меня короткий полет в Фэрбанкс за поставками.

Хотя дорога была такой же неровной, мои ребра чувствовали себя намного лучше, чем неделю назад. Я вздохнула и откинулась на сиденье.

— Что такое?

Я поджала губы и улыбнулась.

— Не думаю, что у меня получится и дальше засыпать под уроки Отца Габриеля.

— Так вот чем ты занималась? — хотя он сказал это серьезным тоном, сейчас, когда я могла видеть блеск в его карих глазах, я знала, что он меня дразнит.

— Я не умышленно. На моей памяти это случилось всего лишь раз. И я уже рассказывала тебе об этом.

— Сестра Рут научит тебя быть честной.

— Я и так честна.

Он поднес наши соединенные руки в перчатках к своим губам.

— Мне понравилось видеть тебя с Рейчел. Это напоминает мне о том, что было раньше...

— Спасибо за то, что ты сделал, чтобы получить разрешение на ее визит. Я чувствую себя намного лучше после всего, что произошло вчера.

— Это моя работа.

Я подняла его руку и поднесла к своей щеке.

— И ты в ней очень хорош.

Глава 24

Стелла

Когда Дилан приласкал мою шею, осторожно потянув назад длинные волосы и целуя в местечко, от которого мурашки разошлись по всему телу, я захихикала.

— Ты играешь нечестно, — сказала я, сквозь смех. — Что если бы я работала на дому? — Правда заключалась в том, что я не хотела, чтобы он прекращал этим заниматься.

— Ты слишком много работаешь. Кроме того, я никогда не утверждал, что играю честно.

Я, конечно, перерабатывала в последнее время, но не могу сказать, что сделала много полезного. На прошлой неделе большую часть своего свободного времени я провела в одиночестве, посвятив себя расследованию. Повернувшись к Дилану, я поцеловала его мягкие губы.

— Я рада, что ты отговорил меня от работы сегодня. Но ты — коп, разве ты не должен играть честно и по правилам?

Его поцелуи опускались все ниже.

— Я никогда не буду честным, если это касается тебя. Если мне придется играть грязно, чтобы тебя заполучить — я буду поступать так каждый раз. А что касается игры по правилам, я никогда не считал тебя такой уж правильной.

Я обхватила лицо Дилана и направила его пронзительный голубой взгляд на себя.

— Ты прав. У меня самой не очень-то получается играть по правилам, — я ухмыльнулась. — Если ты создал правила, то нарушать их должно быть забавно?

Его сексуальное выражение трансформировалось в яркую улыбку.

— Ты другая. В духе горячих женских романов, но в реальной жизни... мать вашу, я не готов к такому, и к тому же, я не стал бы пытаться изменить твои невероятно сексуальные бунтарские манеры. Мне на ум приходит только одно правило, которое могло бы заставить меня передумать.

Мои плечи поникли. Мне надоело дискутировать на эту тему.

— Ничем не могу помочь в том, что касается моей работы.

Он присел, и стало заметно, как напряглись мышцы на его заросших щетиной скулах.

— Я не знаю, как еще сказать тебе об этом. Не ходи в Хайленд Хайтс. Если я должен поговорить об этом с Барни, я, чёрт возьми, так и сделаю.

Я закрыла глаза и покачала головой.

Это вам не членами померяться. Это моя жизнь и мои решения. К тому же, Бернард даже не знал, что я была в Хайленд Хайтс. Я не хотела давать ему напрасные надежды. Хотя я и не узнала ничего важного. Когда у меня пропала возможность бежать по Второй Авеню, из-за мужчин и внедорожника, я обошла квартал, сделав петлю вокруг старой школы. На пустыре у меня был неплохой обзор задней части старого школьного здания. Там на участке, с двух сторон окруженном постройками, стояла теплица. Она была небольшая, тем не менее, внутри находилось около шести женщин. Если бы я приняла увиденное за чистую монету, я бы сказала, что эта теплица позволяет "Свету" выращивать продукты для своих консервов "Свет". Тогда бы я сказала, что в этом старом здании школы, женщины занимались консервацией. Если бы я сделала еще один логический шаг, то я бы сказала, что автомобилям "Света" приходилось ежедневно пересекать границу, чтобы доставлять

мармелад и джемы.

Так что, всю прошлую неделю я занималась тем, что пыталась определить: так ли всё в на самом деле. Действительно ли я была параноиком по своей природе, или моя интуиция верно подсказывала мне, что это прикрытие для чего-то еще?

С момента, как обнаружила теплицу неделю назад, я продвинулась в своем расследовании. Это не означает, что я смогла узнать больше о "Свете". Информация о церкви была сплошь хвалебного толка, но я не могла отделаться от ощущения, что все было не тем, чем кажется.

— Может, я придаю этому слишком большое значение?

Дилан встал, заставив меня вынырнуть из моих мыслей и вернуться к настоящему. Он запустил руку в свои растрепанные русые волосы:

— Скажи мне, что ты не была в Хайленд Хайтс после того, как я возил тебя туда. Давай. Стелла. Пожалуйста, скажи мне, что ты не безмозглая.

Тонкие волоски на спине и затылке встали дыбом, когда я сделала вдох, села и плотнее обмоталась простыней.

— Серьезно, ты называешь меня безмозглой?

— Ты знаешь, что я не считаю тебя безмозглой. Но, если ты возвращалась туда...

— Этот разговор перешел из разряда веселого в дерьмовый быстрее, чем я могла вообразить.

Его грудная клетка расширилась и опала, а голос стал громче.

— И это дерьмо сейчас может залететь в лопасти вентилятора, если я узнаю, что ты туда возвращалась. Твоя безопасность не обсуждается.

Что Бернард говорил о дерьме, которое попадает в вентилятор? Он говорил, что когда дерьмо попадает в вентилятор, то уже поздно поворачивать назад. Это означает, что источник дерьма близко и что-то созревает. Хотя может пованивать, но что бы это ни было, оно будет разрастаться. Он сказал, что это самое время надевать свои резиновые сапоги, продолжать пахать и верить в себя...

Верить в себя.

Я сделала глубокий вдох.

— Если это не имеет отношения к Минди, то мы не можем это обсуждать, помнишь?

— Вернемся немного назад, ты спрашивала, почему Департамент Полиции Детройта и Департамент Полиции Хайленд Хайтс работают вместе. Я не рассказал тебе подробности но Департамент Полиции Хайленд Хайтс мониторит местных жителей. Последние... Я не знаю, сколько лет... они уже работают над этой инициативой: наблюдают за населением, пытаюсь узнать людей и помочь. Дело в том, что исчезают женщины.

Мои глаза широко раскрылись.

— Дерьмо! У них есть статистические данные? Какие...?

— Остановись. Прекрати задавать вопросы. Блять! — Он выдохнул. — Я не говорю обо всех, не таких женщинах как Минди, успешных и образованных. Я говорю о беглянках, наркоманках, и проститутках., - добавил он, и, сделав глубокий вдох, прошел в другой конец комнаты. — Их нельзя назвать по-настоящему пропавшими, если они в бегах. А отследить их трудно, потому что они безработные. — Он сделал еще один вдох. — Некоторые из них, в конечном итоге, оказываются в морге, куда тебя и вызывали. Другие же испаряются в воздухе. Конечно, это не является прямым нарушением закона, но... Одна из самых жизнеспособных теорий: что упало, — он остановился, — то пропало.

Я взглянула на тёмное окно его спальни.

Теперь, когда, на календаре было начало октября, и мы официально шагнули в осень, дни становились короче. Будет еще хуже, когда переведут часы. С обычного времени, мы перейдем на час назад.

— Я ничего не вижу, — сказала я, — кроме твоего отражения.

Он кивнул.

— Это Мичиган. Падают листья, холодает. Ты уже достаточно долго здесь живешь, чтобы знать какими суровыми могут быть зимы.

— Да?

— Если бы ты была бездомной или в бегах, хотела бы ты жить здесь зимой?

— Хмм, — признала я. — Никогда не думала об этом.

— Говорят, Департамент Полиции Хайленд Хайтс связывался с какой-то из этих женщин, и в следующий раз, когда они заходили проверить её, она пропала. Кто знает, может, отправилась на поиски более подходящего климата?

Я кивнула.

— Почему ты рассказываешь мне это? Я думала, это выходит за рамки нашего информативного обмена.

— Потому что я, черт возьми, детектив, и происходящее в Хайленд Хайтс меня до чёртиков пугает. Ты ни под каким предлогом не должна туда ходить. Да, высокий уровень преступности, новые тела...

— Тела? Много? Новые?

Дилан встал коленями на кровать и начал медленно подбираться ко мне. И я была совсем не уверена, что когда-нибудь устану смотреть на него без рубашки. Все полицейские занимаются в тренажерном зале, кроссфитом или чем-то вроде того, но он и его приятели занимались спортом с религиозной фанатичностью, и это, безусловно, дало результаты. У меня вдруг возникло ощущение, что я стала добычей. Несмотря на это я подавила желание протянуть руку и прикоснуться к его бицепсу. Прежде, чем у него появился шанс что-нибудь сказать, я наклонилась и поцеловала его в губы.

— Я понимаю. Ты меня защищаешь. Мне нравится это. Но у меня тоже есть работа, которую надо выполнить, не говоря уже о данных обещаниях. — Я проигрывала эту битву, поддаваясь его поцелуям, когда он снова вернул меня в горизонтальное положение. — Дилан, ты не ответил мне.

— Шшш. — Он раскинул мои волосы по подушке и коснулся моих губ. — Я и так сказал больше, чем должен. Перестань задавать вопросы. Я люблю твой любознательный характер, но он заставляет меня нервничать. Некоторые люди такого не прощают.

Хотя действия Дилана занимали мои мысли, мое чутье подсказывало мне, что в Хайленд Хайтс есть нечто большее. Я не знала, смогу ли когда-нибудь перестать задавать вопросы. И что за люди? Был ли Дилан в курсе того, что происходит? И поэтому ли он пытался меня защитить?

Именно тогда я вспомнила про звонок Фостера.

— Дилан?

Он засмеялся.

— Вот видишь, ты не можешь следовать даже самым простым инструкциям.

Я пожала плечами.

— Хорошо, я не буду спрашивать тебя о том, что хотела спросить. — Я поцеловала его в

щеку. — Кстати, это не имеет ничего общего с Хайленд Хайтс, Минди, или телами. Это, на самом деле, смешно, но не имеет значения.

— О, нет, теперь мне очень любопытно.

Я потянулась к поясу его шорт. Дернула резинку и с улыбкой сказала:

— Я полагаю, это может подождать.

Его грудь расширилась в объеме, когда он сделал глубокий вдох.

— Ага, я тоже думаю, кое-что другое на данный момент важнее.

Выйдя из спальни Дилана, я пробралась к комоду и открыла верхний ящик. Я не могла поверить, что прогнулась и принесла сменную одежду к нему домой. Я не сделала бы это еще долго. Но даже я признала, что это было приятно, и гораздо лучше, чем появляться на работе в том же наряде, что и накануне.

Как мы поняли, Фред неплохо справлялся с пищевыми таблетками и вёл себя даже лучше, чем обычно. Я поместила старый радиоприемник с таймером около его аквариума, и два раза в день, в течение двух часов он слушал музыку. Я понимала, что эти музыкальные сеансы не сделают меня победителем ежегодной премии в номинации "Самый ответственный владелец рыбки", но судя по моим наблюдениям, это удовлетворяло его потребности.

Он был рыбкой. Ему нужна еда, вода и немного развлечься.

Что может быть лучше, чем R'n'B?

Одевшись, я заплела волосы в боковую косу, лёгшую мне на плечо, и отправилась на кухню. И, несмотря на то, что я хотела увидеть сексуального парня в сидящих на бедрах джинсах, я все-таки шла на аромат бекона, который манил меня вниз по лестнице.

Остановившись в дверном проеме, я залюбовалась. Дилан стоял у плиты, все еще обнаженный по пояс, его темно-русые волосы сексуально разлохматились. Он не только был чертовски красив, но и творил волшебство на сковороде.

Подкраившись к нему сзади, я обернула руки вокруг его талии и прошептала:

— Ты не боишься жирного бекона?

Он поцеловал меня в губы.

— Разве ты забыла, с кем ты разговариваешь? Я ничего не боюсь.

Я собиралась напомнить ему о его лекции про Хайленд Хайтс, когда отвлеклась на ряд полосок бекона, аккуратно уложенных на бумажном полотенце у плиты. Взяв хрустящий кусочек, положила его в рот и откусила. У меня во рту оказалась пища Богов.

— Как ты это делаешь? Когда я жарю бекон, он получается либо черным и срабатывает пожарная сигнализация, или вареным и жестким.

Глаза Дилана блеснули.

— Ага, никто не любит вареный бекон.

Я хлопнула его по плечу.

— Эй, ты не видел мой телефон?

— Видел, он там на зарядке. Батареи хватило бы еще максимум на час. Почему ты думаешь, я продолжаю приглашать тебя к себе? Я предпочитаю избегать пожарной

сигнализации. — Он пожал плечами. — Хотя, признаюсь, было приятно познакомиться с твоими соседями, когда пожарные эвакуировали весь этаж.

Я собиралась шлепнуть его снова, но вместо этого кивнула, когда повернулась в направлении, которое он указал.

— Это было не так уж плохо, — парировала я. — Если бы ты открыл окно, как я сказала, мы могли бы избежать всех этих пожарных дел.

— Извини, я был занят тушением пламени.

Там не было пламени! Но вместо того, чтобы исправить его, я уставилась на экран своего телефона. Было три новых сообщения.

Первое от Бернарда. Просто мое имя и вопросительный знак. Второе — от Трейси.

Трейси Хауэл: ШАРЛОТТА, ТЫ СВОБОДНА? МЫ МОЖЕМ ВСТРЕТИТЬСЯ ОБЕД?

НАПИШИ МНЕ, И МЫ ОПРЕДЕЛИМСЯ С ВРЕМЕНЕМ.

Я думала о том, что могло случиться. В последний раз, когда мы встречались, она рассказала мне, что, возможно, у нее появились свежие догадки и, когда узнает больше, она даст мне знать. Все, что она сказала — только то, что это может пролить свет на схожие травмы. С тех пор я ее не слышала.

Сидя за барной стойкой на кухне Дилана, я вспомнила, что накануне вечером хотела его спросить. Однако, вместо того, чтобы перескочить к вопросу о недвижимости, которую, как я знала, он не мог себе позволить, я спросила:

— Нужна помощь?

— Нет, у нас нет времени для пожара.

— Очень смешно. Отлично. Я рассказывала тебе о моих родителях?

— Немного, — сказал он, уделяя больше внимания еде. — Ты хотела бы яйца?

— Конечно. — Я смотрю вниз на третье сообщение.

Дина Роузмонт: СТЕЛЛА, ЭТО ДИНА. НАМ НЕСКОЛЬКО РАЗ ЗВОНИЛИ И НАШЕЙ ЛИСТОВКЕ. Я СООБЩИЛА В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ, НО ЕСЛИ ТЕБЯ ЕСТЬ МИНУТКА, ТЫ МОГЛА БЫ ПОЗВОНИТЬ МНЕ? Я БЫ ХОТЯ ПОГОВОРИТЬ О ЖЕНЩИНЕ, КОТОРАЯ УЖЕ ДВАЖДЫ МНЕ ЗВОНИЛА.

— Стелла?

Я подняла взгляд.

— Прости, что?

— Как бы ты их хотела?

Я отвела голову назад и встряхнула.

— Хотела что?

Он сделал вдох и выдох.

— Секс. Ты хочешь на столе или на полу? Может быть на кухонной столешнице? — Он поднял вверх лопатку. — Я думал о нашей беседе вчера вечером, и я готов, если ты хочешь, нарушить свои правила.

— А ты забавный. — Тон моего голоса веселым не был.

— Кстати, о яйцах... омлет или яичница?

— О, не переживай. Неважно, как ты их приготовишь, всё будет гораздо лучше, чем хлопья, которыми я постоянно завтракаю.

— Что насчет твоих родителей? — спросил он. — Я знаю, они живут в Чикаго. Ты навещала их месяц назад или около того.

Так и было. После времени, проведенного с Роузмонтами, мне было необходимо обнять маму и папу.

— А где твои? — спросила я.

Он повернулся, его лицо вдруг стало мрачным.

— Ммм. Прости. Думаю, я планировал сказать тебе это...

Я опустила телефон и подошла к нему.

— Что «это»? Прости. Это что-то плохое?

Он покачал головой, одновременно пожав плечами.

— Мои родители погибли в неудачном ограблении. Как в старой поговорке: оказались в неправильном месте, в неправильный час. Я учился в старших классах средней школы, и они были в командировке. — Блеск в его глазах отвлек меня от синева. — Может быть, поэтому я так реагирую на твой интерес к Хайленд Хайтс. Не думаю, что смогу пережить ещё... — он повернулся к шипящей на плите сковороде.

Я прижалась к его спине, не зная, что сказать.

После того, как он перевернул яйца, он повернулся и поцеловал меня в щеку.

— Ты пытаешься отвлечь меня от моей стряпни, да? Наверное, тебе больше нравятся пожарные, чем копы, и ты не знаешь, как мне об этом сказать.

Я стояла сзади, обхватив руками его талию, и снова прижалась щекой к его плечу.

— Прости. Я должна быть осторожнее со словами. У тебя есть другая семья?

— Ни братьев, ни сестер. Были бабушка и дедушка. Родители моей мамы взяли надо мной опеку, после... ну, так как мне уже было восемнадцать, это была скорее формальность. Сейчас их обоих нет: дедушка умер от рака, бабушка, шесть месяцев спустя, от разбитого сердца. Видишь, в этой истории нет ничего хорошего. Я предполагаю именно поэтому, я ничего тебе не рассказывал.

Я изобразила улыбку.

— Так что, никакого богатого дядюшки?

Он повернулся ко мне.

— Почему ты вообще заговорила об этом?

Я покачала головой.

— Просто так. Я... через пару месяцев будет наше первое Рождество, — я пожала плечами. — Если, конечно, ты не избавишься от меня раньше из-за моей стряпни.

Он потянулся к тарелке и шлепнул жареное яйцо в самый центр.

— Нет необходимости в двух поварах на одной кухне. Я занимаюсь этим сколько себя помню. Я любил готовить с мамой, и теперь... это напоминает мне о ней.

Я проглотила свою печаль.

— Из всего... Я больше думаю о Минди... Я хочу провести Рождество с родителями. Мне было интересно, может, ты захочешь поехать со мной в Чикаго?

Он расставил тарелки на барной стойке.

— Обычно в праздники я работаю. Так люди, у которых есть семьи, могут взять отгулы и провести это время дома. Кроме того, сверхурочные и праздничные часы хорошо оплачиваются, в полтора раза больше обычного.

— Ты достаточно долго работаешь в Департаменте Полиции Детройта и можешь взять отгул, разве нет? Пожалуйста, подумай, что можно для этого сделать? Моя семья тебя полюбит. Мама слишком болтливая, особенно после пары бокалов вина, а папа слишком тихий, но стоит поближе с ним познакомиться, и он изменится. Правда нельзя ему говорить,

что ты фанат "Тайгерс". Он обожает бейсбол, и его любимой командой всегда были "Кабс".

Я пыталась поднять ему настроение.

— Однако, сразу предупреждаю, остерегайся моей младшей сестренки. Она недавно пережила развод. — Я растянула улыбку и пожала плечами. — И я буду честна, я не думаю, что мужчинам безопасно находиться рядом с ней в радиусе пятидесяти метров, но не волнуйся, я обещаю, что буду ее отвлекать.

Дилан подмигнул мне, когда откусил кусочек тоста.

— Погоди, прежде чем ты ее отвлечешь, скажи, она умеет готовить?

— Ага. Я научила ее всему, что она знает.

— Хмм, так ее бывший был единственным, кто это ел, правильно?

Я кивнула. Было так приятно видеть его улыбку. Мой телефон загудел, и я взглянула на экран. Выдохнув, я сказала:

— Это второй звонок от Его Величества Бернарда.

— Даже королевский вызов не вправе оставить тебя без завтрака.

Я осторожно сложила яйца и бекон на одну половину тоста и накрыла сверху другой половиной.

— Смотри-ка! Я эксперт по части "ем-на-ходу". — Целуя его в щеку, я сказала, — Пожалуйста, подумай о том, чтобы взять отгул.

Он просунул пальцы в шлейки на моих брюках, и прижал меня к себе.

— Обещай, никакого Хайленд Хайтс.

Все, что я могла видеть это синева, в тех самых глазах, которые лишь минуту назад были печальными.

— Я постараюсь.

— Не забывай, — сказал он, снова сексуально подмигивая мне. — У меня есть лопатка, и я готов ее использовать.

— Может быть, ты воспользуешься такой же с моей кухни. Так больше шансов, что ты найдешь ее не в посудомоечной машине.

Он ухмыльнулся, когда я взяла свой сэндвич с яйцом и беконом, и схватила салфетку. По пути в студию, я планировала позвонить Бернару. Однако, сидя в своей машине, вместо того, чтобы подумать о звонке боссу, мои мысли вернулись к Дилану. Может, настало время сделать следующий шаг. Я была готова подпустить к Фреду посетителей.

Пока я ехала, я решила, что Фостер, очевидно, наткнулся на другого Дилана Ричардса. У того, кто только что готовил мне завтрак, не было ни богатого дяди, ни семьи, и он был готов работать на Рождество за сверхурочные. Не нужно быть опытным журналистом, чтобы понять: он не мог позволить себе дом стоимостью 1,4 миллиона долларов в богатом районе.

Закончив завтрак, я взглянула на часы. Так как Дина Роузмонт жила недалеко от Сан-Франциско, и разница во времени у нас с ней три часа, мне нужно было немного подождать, чтобы не беспокоить ее ранним звонком. Пока я ждала своей очереди для выезда на автомагистраль между штатами, я отправила сообщение Трейси.

Стелла: ЛАНЧ ЗВУЧИТ ОТЛИЧНО, ЕСЛИ МЕНЯ НЕ ВЫЗОВУТ. СКАЖИ КОГДА И ГДЕ

И затем еще одно Бернарду.

Стелла: В ДОРОГЕ, БУДУ ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ МИНУТ.

Мой телефон тут же завибрировал.

Бернард: ВСТРЕТИМСЯ В КОФЕЙНЕ. СТОЛИК, КАК ОБЫЧНО.

Черт!

Мой желудок скрутило. Без сомнения, плевать он хотел на то, что я зашла в тупик. Мои постоянные тупики начинали раздражать, а у меня было чертовски больше терпения, чем у него.

Я получила эту должность за свою результативность. За последние семь недель моя результативность близка к нулю. Я знала, что Бернард верит в меня, но одной его веры недостаточно, чтобы сохранить работу.

Мой недостаток прогресса совсем не означает, что я не старалась. Начиная с того дня, когда я выбралась на пробежку возле "Света", я тратила большую часть своего свободного времени на расследование, и не только на работе. В своей квартире, в одиночестве, я часами бороздила Сеть.

После продолжающихся безрезультатных поисков по "Свету", три дня назад я кое-что нашла. Это не касалось "Света", но было интересно.

Я была в одном из поисковиков, где кликала сайт за сайтом, двигаясь, словно по хлебным крошкам, которые заставляли меня идти вперед, но, казалось, что я никогда не достигну своего пункта назначения. Я бы назвала это ночью, когда я налила себе еще один бокал вина и наткнулась на пост в одном блоге с интересной нитью комментариев.

Оригинальный пост был размещен более пяти лет назад, а значит похоронен глубоко в недрах Интернета. Он был написан женщиной, которая утверждала, что ее дочь и зять похищены сектой. Несмотря на то, что они исчезли, с помощью частного детектива, она нашла их. Как только она это сделала, то связалась с местной полицией. Ее дочь отказалась говорить с ней, или кем-либо другим, но ее зять отправил сообщение о том, что они счастливы и прекрасно устроились в общине. Без объективных причин, местная полиция отказалась что-либо предпринимать. Женщина вынесла свою проблему на федеральный уровень, но без доказательства вины, руки властей были связаны. Она просила помочь разобраться и изучить секту, и спрашивала, почему молодая женщина, у которой всегда были хорошие отношения с семьей, вдруг отвернулась от нее.

Возможно из-за вина, но этот пост опечалил меня, и, конечно, напомнил о Минди. Несмотря на то, что ситуация, описываемая этой женщиной, была сложной, как минимум, она знала, что ее дочь жива. У Роузмонтов такой привилегии не было. Последнее предложение призывало людей признать, что даже сейчас в двадцать первом веке, секты все еще существуют.

Прошло несколько часов, и я оказалась в плену комментариев. Те, которые были сразу после поста МатериСРазбитымСердцем372, выражали сочувствие к ее бедственному положению. Я продолжала читать, надеясь, что узнаю о том, что ее дочь к ней вернулась. К сожалению, я больше не встретила никаких других заметок от МатериСРазбитымСердцем372, но чем больше я читала, тем больше мне хотелось знать. С каждым комментарием передо мной вставало все больше вопросов о вере и сектах. Было больше, чем несколько постов, которые отрицали их существование при открытом доступе к современным технологиям, особенно в пределах Соединенных Штатов. Авторы утверждали, что в наше время добиться полной изоляции крайне сложно. Я задалась вопросом, слышали ли эти люди когда-либо о Вако. (*Примечание. Вако — город в штате Техас. Стал печально известным в следствии осады "Маунт Кармел" — закрытого ранчо. "Маунт Кармел" закрытая община религиозного толка (секта), основную прибыль они получали нелегально, продавая оружие)

Пока я читала, закончилась моя бутылка вина. Хотя не было связи ни с одной информацией, которую я собирала, я знала из опыта, что неизвестные источники часто проливают свет на истину. Один человек написал о своем личном опыте. Он живет по соседству с общиной, которую его соседи называют религиозной. Он называл их сектой. Он не указал местоположения своего городка, города или штата, но он что-то упомянул о лыжах. Он также написал, что за все годы, которые там провёл, он никогда не видел проживающих в ней женщин или детей. Он видел только несколько мужчин. Тем не менее, по его оценкам, в общине жили сотни людей. Он утверждал, что местные сошлись на мнении, что пока сектанты не беспокоят горожан, то горожан это не смущает.

Когда я прокрутила ниже, то нашла посты, ссылающиеся на группу людей, которые мне были знакомы. В конце концов, я жила в штате Мичиган в течение многих лет и знакома с термином "Амиши". Это не редкость в сельской местности, особенно на юге и востоке, где я живу сейчас. Ниже в штатах Индиана, Огайо и Пенсильвания, можно взобраться на холм и встретиться с лошадьми и повозками. Как по мне, Амиши всегда были хорошими, нравственными людьми, которые просто избегают технологий. Хотя я не могла себе представить, как жить без автомобиля или мобильного телефона в руке. Я принимала их за тех, кем они были, и никогда не считала их сектой, но комментарии заставили меня задуматься.

В определениях, которые я видела раньше, было сказано, что секта — это созданная система религиозного почитания и преданности, направленная на определенную личность или объект. Я была вполне уверена, что Амиши считаются одной из большинства иудейско-христианских групп.

Может ли это означать, что секты не должны иметь нетрадиционных убеждений? Может, они действительно существуют в открытую, и большинство посторонних закрывают глаза?

Комментарий, который так меня взволновал, был от женщины, утверждающей, что в течение года она принудительно была членом секты. Ее пост был размещен в прошлом году, и ее ник был МистиЛейс92.

Все остальные, что я читала до этого, были от людей, которые наблюдали со стороны. Даже исходный пост был от матери, чья дочь добровольно ушла жить в общину. Этот же пост был другим. И волосы на моем затылке встали дыбом, когда я читала комментарий.

"Я не знаю, что делать. Мне страшно и нужна помощь. Я только что нашла эту ветку форума. Надеюсь, кто-то это увидит, и я узнаю, что делать. Никто мне не верит, но я клянусь, что это правда.

Я провела год своей жизни в секте. Боюсь, что если я их назову, они меня убьют. Я просто хочу, чтобы люди знали, что это реально и это может случиться с каждым.

На протяжении года я была в плену, я видела, как в эту общину приходят люди. Я не была одной из них, хотя думала, что была.

Позвольте мне объяснить. Однажды я проснулась и стала кем-то другим. Кем-то, кого все знали, последователем этой группы и её лидера. Я ничего не помню до пробуждения. По каким-то причинам мой разум играл со мной в игры. Очевидно, только у меня одной возникали вопросы. Все остальные знали меня.

Они сказали, что я замужем. И у меня не было доказательств обратного. Мой муж оказался жестоким, но у меня не было выбора, кроме, как стать послушной. Его

поведение было принято всеми вокруг. Так принято в общине. У нас всех были свои работа и обязанности. Я до сих пор точно не знаю, что делала, но я помогала упаковывать вещи. Я работала на конвейере, и все, что я видела, были маленькие чистые коробки, вкладываемые в большие чистые коробки. Десять часов в день я была занята этим. Я была не одна, каждый делал что-то своё. Дело в том, что трудно объяснить, но мы все делали это добровольно. Нам не платили, но у нас была пища, дом и друзья. Я приняла эту жизнь, пока однажды, когда мне было поручено сказать новой последовательнице, что она не новичок, а все время была с нами — я начала понимать. Мой муж сказал мне, что таково веление нашего лидера, и я должна с честью выполнить эту работу. Когда это случилось, ко мне снова вернулись мои вопросы.

Я не была той женщиной, которой, по их словам, я являюсь. Со мной они поступили так же.

Я знаю, что если они найдут меня, то убьют. Я просто знаю это. Самостоятельный выход из общины невозможен. Было несколько выборных участников, которые решали судьбы других. Я не очень хорошо их знаю, но, если бы они посчитали меня угрозой, я уверена, что меня бы ликвидировали — изгнали.

Сразу после побега я рассказала свою историю полиции. Они назвали меня сумасшедшей.

Перед тем, как я исчезла, у меня были проблемы с наркотиками. В полиции сказали, что описанные мной события невозможны. Они сказали, что у меня галлюцинации, и, если я продолжу приставать к ним со своими претензиями, они отправят меня в психушку.

Помогите! Я хочу рассказать свою историю. Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне».

Я хотела оставить комментарий, в надежде, что МистиЛейс92 ответит. К сожалению, комментарии были закрыты.

Как только я добралась до телестудии на следующий день, я связалась с парнем, который был на короткой ноге со всем, что касалось компьютеров. Ему понадобилось всего пятнадцать минут, чтобы отследить IP-адрес поста МистиЛейс92. Этот IP-адрес принадлежал публичной библиотеке в городе Коламбия Фоллс, Монтана. Я позвонила в Департамент Полиции Коламбия Фоллс. И меня перенаправили друг к другу три разных человека.

Наконец, мне сообщили, что у них нет записей о том, что Мисти или кто-либо другой подавали заявку с такими претензиями. Я отправила им комментарий и информацию об IP-адресе на их электронную почту. Через несколько минут я получила ответ, утверждающий, что IP-адрес неверен. Мой друг поклялся, что это не так.

Я спросила у них, возможно, у них в округе есть секта. Мне ответили, что нет. Поиск Мисти Лейс в этом округе ничего не дал, однако, я нашла некую Мисти Лейси в Национальном реестре пропавших без вести. К сожалению, единственный живой родственник Мисти Лейси, ее мать — уже умерла. Я в очередном тупике.

Я не была уверена в том, что мое любопытство по отношению к МистиЛейс92 был связан с поиском Минди, но, несмотря на причины, предыдущие несколько ночей, ее история не давала мне спокойно спать.

По дороге в кофейню я раздумывала: если МистиЛейс92 была настоящей Мисти Лейси

то почему она до сих пор в Национальном реестре пропавших без вести? Ведь её пост был размещен более года назад.

Разве её не должны были уже найти?

Глава 25

Сара

Когда я лежала в объятиях Джейкоба, спиной прижимаясь к его обнаженной груди, эти прикосновения кожа к коже казались правильными, но я никак не могла избавиться от ощущения, что его взгляд мне ранее был незнаком. Наши ноги были слегка согнуты, я ласкала его руки и задавалась вопросом о голубых глазах из моих снов. Возможно, все это только сон. Я вздохнула и уткнулась щекой в подушку.

— Ты молчишь с тех пор, как мы вернулись из общины. Хочешь что-нибудь сказать?

— Я так не думаю.

— Ты уверена?

Закрыв глаза, в темноте спальни, я заставила слезы, балансирующие на моих ресницах, упасть на подушку. Покачивая головой, я сказала:

— Нет, Джейкоб. Я ни в чем не уверена.

Мы только что занимались любовью, и я плакала, это совсем не та реакция, которую ожидает муж от своей жены. С сексом все было прекрасно, просто иначе, чем предыдущей ночью.

Теперь я могла видеть, что все было по-другому.

Джейкоб притянул меня ближе, его дыхание шевелило мои волосы.

— Независимо от того, помнишь ты это или недавно выучила заново, скажи мне, что отец Габриэль говорит о мыслях жены.

Я выдохнула.

— Как и все остальное, они принадлежат тебе, но, — добавила я, — Я ничего не скрываю. Я действительно не знаю, как рассказать о чем я думаю. Честно говоря, я даже не уверена, что сама знаю о чем думаю... — Когда еще больше слез тихо упало на подушку, я попыталась унять дрожь, не желая, чтобы Джейкоб знал, что я плакала. Когда он не ответил, я сглотнула и продолжила. — Я хочу вспомнить твое лицо. Почему я его не помню? Обрету ли я когда-нибудь мое прошлое?

Он поцеловал меня в макушку.

— У всех нас есть прошлое. Это утро было твоим прошлым, так же, как и предыдущий день, и день до этого. Если твои воспоминания не вернуться, то через год это будет нашим прошлым.

Когда я кивнула, на его губах появилась сдержанная улыбка.

— Прошлое — настолько длинное или короткое, каким мы хотим его сделать. Когда мы приехали сюда, чтобы следовать за Отцом Габриэлем, мы решили оставить нашу жизнь во тьме позади.

Когда его хватка ослабла, я повернулась к нему.

— Я не хочу возвращаться во тьму. Я просто хочу знать, хочу вспомнить. Разве неправильно хотеть этого?

— Хотеть этого? — повторил он. — Нет. Но подвергать сомнению причину, из-за которой твоих воспоминаний не стало, да.

Я вздохнула.

— Это означает, что я не могу об этом спросить.

Джейкоб наклонился ко мне, его грудь прижалась к моей. С нашей близостью в

затемненной комнате я могла разглядеть только его силуэт, его плечи, руки и очертания его волос против отдаленного слабого света. Никаких деталей. Слушая его знакомый голос, но, не видя его незнакомых глаз, я успокоилась.

Он убрал волосы с моего лица и поцеловал меня в нос.

— Мы оба следуем за Отцом Габриэлем. Ты не единственная, кому нужно соблюдать правила. Я не могу задаваться вопросом, почему ты утратила эти воспоминания, не больше, чем ты можешь расспрашивать меня. Все, что я могу сделать, это крепко держаться за воспоминания о нас, о нас обоих. Даже если ты не помнишь моего лица, я помню твое. — Его пальцы скользнули под моими глазами, вытирая остатки слез. — Я помню твои прекрасные голубые глаза, и то, как они с изумлением распахиваются навстречу новым открытиям, и то, как они трепещут, когда ты кончаешь вместе со мной. — Он снова погладил мои волосы. — Я помню первый раз, когда мы занимались любовью и каждый последующий раз с тех пор. Я помню, как в первый раз увидел тебя, как впервые услышал твой голос, и, — он потерся губами о мои, — когда я впервые поцеловал тебя. — Он усмехнулся, — этого не должно было случиться, но я не смог устоять. Я знал, что ты предназначена мне с самого первого раза, как увидел, даже, если ты нет.

Его воспоминания подарили мне кусочек моего прошлого.

— Я не была твоей?

— Нет, не тогда. Ты встречалась с другим.

— Что? Это было до того, как мы оказались здесь, верно?

— Да, это было до всего.

Он вздохнул и положил голову обратно на подушку. Я боялась, что он перестанет говорить, еще больше боялась просить его продолжить. К счастью, он не остановился, но когда продолжил говорить, его голос был таким, как будто он снова видит все это.

— Ты смеялась, и я подумал о том, что ты прекраснейшая из женщин, которых я когда-либо видел. У тебя замечательный смех. — Он нашел мою руку и переплел наши пальцы. — Я знаю, что этот экспресс-курс "Как быть женой члена Собрания" дает мало причин для смеха. Вот почему я хочу, чтобы вернулись твои воспоминания. Иногда кажется, что мы находимся в самом начале. Я хочу оказаться дальше... — Он снова поднялся, оперся на локоть рядом с моей рукой. Глядя на меня, он продолжил, — там, где ты смеешься, а не плачешь.

— Мне так жаль.

Он прикоснулся к моим губам.

— Там, где ты не извиняешься.

Я поцеловала его палец.

— Я бы тоже хотела этого, но ты должен понять, что это нелегко. Я имею в виду мои глаза, ноги, и ребра. Ко мне только вернулось зрение. Мы были изгнаны, и меня остригли.

— Я понимаю. — Он вздохнул. — Я признаю, что это были тяжелые несколько недель, но мы сможем увидеть свет в конце туннеля.

— "Свет"? — Спросила я с ухмылкой.

— Да. Видишь? Это то, чего хочет каждый.

— Я его вижу, и я понимаю, что мы здесь, в самой большой общине, как часть избранных. — Я провела ладонью по его красивой щеке. — И в свое время я приняла решение быть здесь с тобой. Хотя я этого и не помню, я хотела этого, и я все так же хочу этого. Я хочу света. — Я покачала головой. — Я уверена, что по мере продвижения вперед

будут моменты, когда я буду ошибаться, и ты будешь меня исправлять. Но когда я это делаю, прошу тебя понять, что я это не намеренно. Сегодня, когда мы уезжали из общины, мне стало грустно. Я хочу вернуться. Не думаю, что пыталась сбежать на твоём грузовике. Я не могу представить, что хочу покинуть тебя или Отца Габриэля. Ну, во-первых, ты сказал, что мы на границе с Заполярьем и Крайним Севером. Во-вторых, для путешествий Отец Габриэль использует самолет. — Мой голос становился громче. — В-третьих, здесь водятся белые медведи. Ничего из перечисленного не оставляет даже призрачной возможности уехать, но даже если и есть такая возможность, то вряд ли я готова сделать это в одиночку.

— Как только наше изгнание закончится, Отец Габриэль повторно представит нас последователям, и инцидент будет исчерпан. Точно так же как любое другое исправление, всё прошло, как будто никогда не случилось.

— Повторно представит нас? Ты имеешь в виду перед всеми?

— Да.

Я застонала и уткнулась носом в его грудь.

— Не заставляй меня снова рассказывать тебе о твоих волосах и о том, как я горжусь тем, что ты рядом со мной. — Тон его голоса колебался где-то между нежностью и строгостью.

— Я подумала о том, может мне стоит носить шарф.

— Твоя шея не замерзнет.

— Шапку, — предприняла я еще одну попытку.

— Сара.

Да, похоже, я слишком давила.

— Хорошо, что ты сказал. Джейкоб?

— И не надо предлагать никакого другого головного убора.

Я покачала головой.

— Я не собиралась. Я хотела поблагодарить тебя за то, что ты пригласил сюда Рейчел сегодня и Сестру Рут завтра.

— Я уверен, что Брат Тимоти и Сестра Лилит больше не осмелятся на что-нибудь еще, но Брат Даниэль предложил, чтобы приехала Сестра Рут, и я подумал, что это поможет тебе чувствовать себя комфортнее.

— Почему ты уверен, что они больше ничего не предпримут?

— Сара. — Тон его голоса не был игривым.

— Прости. — Дерьмо! Теперь я извиняюсь. — Я знаю, что ты сказал, что Брат Даниэли — наш наставник, но он в Комиссии. Я боюсь, что все члены Комиссии похожи на Брата Тимоти.

— Они нет. — Он откинулся назад и притянул меня к своему плечу. Когда я прижалась вплотную коленом в гипсе к его бедру, я слушала, как он говорил о Брате Даниэле и Сестре Рут. По-видимому, когда мы только приехали, я была не так хороша в готовке, как сейчас. Я понятия не имею, умела ли раньше готовить. И Сестра Рут провела много времени, обучая меня. — Совершенно очевидно, что она отличный повар, — добавил он.

Я рассмеялась.

— Я знала это. После того, как она обняла меня в больнице, я знала, что она хорошая женщина.

— Ты слышала это?

Я подняла голову. Все, что я слышала — его голос, отдающийся в его груди, и биение

его сердца.

— Нет, я ничего не слышала.

— Я слышал, — сказал он, поднимая меня и перекидывая мою загипсованную ногу через себя. — Это был твой смех.

— Джейкоб?

— Кажется, ты упоминала о какой-то альтернативе в клинике.

О, вау!

Я засмеялась снова. Держась за его грудь, я переместила колени по обе стороны от его туловища. Когда моя грудь нависла над ним, он подался вперед и внезапно жестко захватил сосок губами. Когда он всосал его, из моего горла вырвался стон и внутри все ожило.

Посмотрев на меня, он прикоснулся к моей щеке.

— Сара, я бы хотел, чтобы это вернуло твои воспоминания, но если все, что я от этого получу — этот волшебный смех, я буду рад и ему.

Положив руки ему на плечи, я приподнялась на коленях, и спросила,

— Это все, что ты хотел бы получить?

Он захватил в ловушку своих сильных объятий мои бедра, усмехнулся и ответил:

— Нет, я ожидаю большего. Мне также нужны эти твои сексуальные стоны. — Простое движение его рук и я поднимаюсь вверх, а затем снова вниз.

— О, Боже, — простонала я, когда второй раз за ночь мы вместе испытали оргазм. Завтра мне точно будет больновато сидеть. Но когда его мускулистый торс изогнулся под моими ладонями, и его шея напряглась от удовольствия, завтра уже не заботило меня.

Несмотря на то, что я была сверху, у меня не было даже иллюзии контроля. Большие руки Джейкоба дирижировали, задавая скорость и положение. Я просто объезжала его, но какая это была езда. Он точно знал, как манипулировать мной: подводил к краю и отступал. В очередной раз, подведя меня к краю, мой мир, наконец, взорвался. Мое тело больше не принадлежало мне, оно было полностью подвластно ему. Когда наши лбы соприкоснулись, он притянул мои бедра к своим, его хватка излучала такую животную страсть, что я не удивлюсь, если утром у меня будут синяки.

Прежде чем я подумала об этом, из его груди вырвалось глубокое гортанное рычание, а губы изогнулись в улыбке прямо перед тем, как они захватили мои. По сравнению с желанием, которое он только что продемонстрировал, его поцелуй был нежным. Он отпустил мои бедра и обнял меня за плечи.

Как только наше дыхание успокоилось, все еще лежа на нем, я спросила:

— Могу я тебя кое о чем спросить?

— Ты можешь спросить...

— Но ты можешь не ответить, — усмехнулась я, передразнивая его обычный ответ. Мою ягодицу ужалил его шлепок.

— Ты чертовски умна. Спрашивай, прежде чем я использую что-то более весомое, чем мою руку.

— Я думаю, это не совсем вопрос. Просто я хотела сказать, что мне понравилось слушать твои воспоминания. Про наш первый поцелуй. Первый раз, когда мы увидели друг друга. И про первый раз, когда мы... сделали это. Спасибо, что поделился.

— Спасибо, что создала эти воспоминания со мной.

Я была очень неправа, думая, что Брат Даниэль мог быть похож на Брата Тимоти. В тот момент, когда Джейкоб встретил его и Сестру Рут у двери, я поняла, что они разные. Даже, когда Брат Тимоти пришел в мою комнату в госпитале, сразу после того, как я пришла в себя, я чувствовала беспокойство Джейкоба. С нашим наставником мой муж чувствовал себя комфортно, как, если бы мы были одни.

Поздоровавшись с Джейкобом, Сестра Рут подошла сразу ко мне, обхватила мое лицо холодными, пухлыми руками и посмотрела мне прямо в глаза.

Ее окружал легкий аромат ванили.

— Сара, я хочу, чтобы ты знала, я каждый день молилась, чтобы к тебе вернулось зрение. Благодаря Отцу Габриэлю ты излечилась. — От улыбки на её щеках появились ямочки. — И, моя дорогая, Сестра Рейчел проделала грандиозную работу: ты прекрасна. Я знаю, что Брат Джейкоб понимает, насколько ему повезло с тобой. — Она подмигнула. — Но я собираюсь напомнить ему, что все хорошо в меру. — Она прошептала последнюю часть, когда захватила меня в свои объятия.

Я посмотрела на Брата Даниэля, высокого, пожилого мужчину с седыми волосами, и сказала:

— Благодарю Вас, Брат и Сестра, за то, что приехали. Джейкоб сказал, что это была ваша идея. Спасибо, что помогли мне почувствовать себя лучше.

— Сестра, — Брат Даниэль ответил глубоким властным тоном, — От имени Комиссии и Отца Габриэля, хотя ваши волосы отрастут не сразу, после того, как закончится изгнание, инцидент будет считаться исчерпанным для вас обоих. — Он взял меня за руку. — Этому нас учит Отец Габриэль. Никогда не сомневайтесь в его словах.

Я отрицательно покачала головой.

— Никогда. Я покорно принимаю его указ и с нетерпением жду возвращения в общину.

Он улыбнулся нам с Джейкобом.

— Сестра, это приятно слышать, — глядя на Джейкоба, сказал он, — Позвони, как приземлишься. Я вернусь и заберу Рут.

— Хорошо, Брат. Самолет готов. Мне пора.

Брат Даниэль похлопал Джейкоба по плечу и повернулся к Сестре Рут. Я не сомневаюсь, что их отношения были того же типа, что и у нас с Джейкобом, но я задавалась вопросом, как долго они были женаты, потому что обожание во взглядах обоих было осязаемым. — Рут, помни, в случае необходимости, у вас есть мое разрешение на использование телефона.

— Спасибо, Даниэль. — Она сжала мою руку. — Мы будем слишком заняты, так что не стоит беспокоиться о нас.

Мне нравилась ее уверенность, и я удивилась, как она все спланировала.

— Брат Джейкоб, — сказала она, — мы припарковались на улице. В багажнике внедорожника есть несколько сумок. Если вы будете так добры, и принесете их, я уверена, что ваша прекрасная жена устроит ужин, достойный короля к вашему возвращению.

То, как увеличились его глаза от такой возможности, заставило меня улыбнуться.

— Я буду счастлив принести все, что вам нужно.

Мы действительно до сих пор ели только уже готовые блюда. Из-за того, что я не могла

видеть, самые великие мои кулинарные навыки ограничивались разогревом полуфабрикатов, приготовлением хлопьев, тостов, кофе и бутербродов. Сегодня утром я решила на яйца и бекон.

Через несколько минут мужчины ушли, и я разложила содержимое сумок Сестры Рут на кухонном столе. Лосось, завернутый в белую бумагу, сладкий картофель, лук, перец, яблоки, продукты все появлялись и появлялись, и не один из них не был завернут в пакет или помещен в фирменную коробку.

— Сестра, — вздохнула я, глядя на все, — Джейкоб сказал, что вы учили меня этому. Признаюсь, я не помню. Я буду очень рада пройти ваш курс повышения квалификации.

Она погладила мою руку.

— В первый раз мы делали записи. Я думаю, что они хранятся на кухне в вашей квартире. Надеюсь, что смогу помочь, но знай, что всегда можешь меня спросить. С разрешения Даниэля, я бы хотела проводить с тобой больше времени.

Я опустила подбородок.

— Прошу прощения, что опозорила всех жен Собрания и Комиссии.

Она подняла мой подбородок.

— Сара, мне никогда не было за тебя стыдно. Я принимаю решение Комиссии и указ Отца Габриэля, но сильная, умная молодая женщина, которую я знаю, никогда умышленно бы не покинула ни "Свет", ни своего мужа. Я помню, как в первый раз увидела тебя и Брата Джейкоба. Любовь, которую вы разделяли, не исчезла. Я знаю это. Брат Даниэль и я женаты больше тридцати лет. То, как ты смотришь на брата Джейкоба, и как он смотрит на тебя, вы все еще любите друг друга. Не так ли?

— Все так, — признала я. — Я не уверена, так ли это очевидно, как то, что я заметила между вами и Братом Даниэлем, но это есть. Я люблю своего мужа.

Ее поощряющая улыбка напомнила мне материнскую заботу или опеку бабушки.

— А теперь, — сказала она, — давай начнем. Тебе предстоит много всего приготовить.

Я закусила губу.

— Я действительно не...

— Прекрати. Когда я впервые пришла в твою комнату, после аварии, ты не помнила Отца Габриэля. Ты знаешь, кто он теперь?

Я кивнула.

— Знаю.

— Если бы я попросила тебя прочитать нашу Декларацию веры, ты смогла бы?

Я сделала глубокий вдох и выпрямилась.

— Я могу. "Мы последователи..."

Она подмигнула.

— Я знаю; тебе не нужно её читать. Я горжусь тобой. Через неделю ты уже будешь готовить для своего мужа так, как привыкла.

Пока мы резали, крошили, чистили и творили прошел целый день. Все это время мы разговаривали как старые друзья. Когда я поместила яблочный пирог в духовку, я выдохнула.

— Если бы не ваши слова, я готова была поклясться, что никогда не делала этого раньше.

Присаживаясь за стол с чашечкой кофе, Сестра Рут сказала:

— Я уверена, ты помнишь, что не все блюда настолько изысканы. Когда я была твоего возраста и работала, я часто использовала мультиварку.

Я не думала о своей работе. Вытирая муку со столешницы, я повернулась и спросила.

— Чем я занимаюсь?

— Ох, Сара, ты действительно ничего не помнишь?

Я покачала головой и ответила:

— Сестра, я действительно ничего не помню.

— Ты работала в химической лаборатории с Братом Бенджамином и Братом Рафаэлем.

Я посмотрела на нее удивленными глазами.

— Правда?

Поморщив нос, я спросила:

— Вы не знаете, чем конкретно я там занимаюсь?

— Нет, моя дорогая. Работа жен членов Собрания отличается от работы обычных последователей. Очевидно, что большинство из них, мужчины и женщины, работают на перерабатывающем заводе. Для производства продукции отца Габриэля требуется много человеческих ресурсов.

Я кивнула.

— Разве его продукция имеет что-то общее с химией?

— Да, Братья Рафаэль и Бенджамин отличные химики. Если честно, я не знаю, как все это работает. Наверное, тебе известно больше, чем мне, раз ты работаешь с ними.

Я переместилась к столу и присела.

— И все последователи производят...

Она похлопала меня по руке.

— Лекарства — фармацевтические препараты. Отец Габриэль доставляет лекарства нуждающимся во всем мире. Это прекрасное служение, которое дарит свет тем, кто не может себе этого позволить, или в районах, где медицинская помощь ограничена.

— Это отлично.

— Так и есть. Мы были с Отцом Габриэлем с основания «Света». Даже на раннем этапе он знал, что это учение принесет свои плоды. Не нам решать, как все работает. Мы делаем все, чтобы это произошло. Воистину, мы благословлены быть частью этого служения. Теперь, конечно, на случай, если ты забыла, подробности его учения не могут обсуждаться со всеми последователями. Есть причина, по которой мы часть избранных.

Я кивнула, благодарная за то, что она пришла и помогла мне так много вспомнить. Мои мысли кружились вокруг моей работы, и я переживала о Братях Рафаэле и Бенджамине. Я надеялась, что они будут так же терпеливы со мной, как Рейчел, Сестра Рут и Джейкоб.

— Сестра? Если у меня будут возникать трудности с работой, будут ли Братья Рафаэль или Бенджамин... исправлять меня?

— Конечно, они же мужчины — это их право. — Отпустив теплую чашку, она похлопала меня по руке. — Однако, только наши мужья имеют право исполнить исправление, о котором ты беспокоишься. Но будь уверена, если они считают, что это необходимо, они скажут Брату Джейкобу.

Я и не сомневалась, что скажут.

Оставшиеся дни нашего изгнания прошли без инцидентов. Сестра Рут приезжала еще дважды, всегда оставляя меня более уверенной, чем я была до ее приезда. Я действительно готовила съедобные блюда и продолжала изучать учение Отца Габриэля. К моменту, когда Джейкоб вернулся с Собрания утром в среду, в заключительный день нашего изгнания, я думала, что готова вернуться в общину. Однако, когда он объявил, что Отец Габриэль хочет видеть нас на вечерней службе, мои внутренности стянуло в тугий узел. Я сглотнула, поскольку выражение моего лица, несомненно, выдало мое беспокойство.

— Сара. — Всего одно слово было произнесено как предупреждение и выговор, одна я могла узнать и различить это, так как слышала его за последний месяц тысячу раз.

— Я хочу спросить про шарф еще раз, но не буду.

— Хорошо.

— Я просто подумала, что наше изгнание закончится только завтра. Сегодня еще не истекли две недели. Это будет только завтра.

Он нахмурился, и его родные глаза прищурились.

— Ты так хорошо поработала. Я не хочу исправлять тебя перед службой или делать это привычкой вечера среды, но если ты спросишь еще раз, я так и поступлю.

Я покачала головой.

— Спасибо за напоминание. Я не буду.

— После службы мы не будем возвращаться сюда. Мы вернемся в нашу квартиру. Так что сегодня, пока я работаю, тебе нужно будет упаковать наши вещи. Я принесу чемоданы из гаража.

— Да, Джейкоб.

— Кроме того, ужин должен быть готов и все должно быть вымыто, прежде чем мы уедем. Мы должны оставить жилые помещения в том же виде, в котором они были в момент нашего приезда.

Кивая, я медленно повернулась, окинула взглядом жилые комнаты и вздохнула. Я учила слово Отца Габриэля на удобном диване в гостиной, смотрела сквозь большие окна на стену деревьев и училась готовить на маленькой кухне. Я повернулась к лестнице и мысленно прошагала наверх, в комнату, где я заново открыла для себя своего мужа.

— У тебя еще есть вопросы?

Я улыбнулась мужу.

— Нет, я просто подумала, что это место станет моим прошлым.

Уголки губ Джейкоба взмыли вверх и его карие глаза сверкнули.

— Да, так и будет.

В тот вечер, когда мы вошли в храм, я крепко сжимала руку Джейкоба. Хотя я уже видела всех людей в фойе, Джейкоб провел меня по коридору и поднялся по лестнице. Я не знала, куда мы идем, хотя я была относительно уверена, что мы шли другим путем две недели назад. С каждым шагом нашего приближения к двойным дверям мои ладони становились все более влажными.

Я закусила губу, чтобы удержаться от вопроса о месте нашего назначения. Однако,

поскольку мы подошли к двери, у меня возникла идея получше. Когда Джейкоб постучал в большую дверь, он прошептал:

— Помни то, что я сказал. Не смущай меня. Это почти закончилось.

У меня не было возможности ответить вербально, поэтому я кивнула. Лекция, которую я прослушала большую часть поездки в грузовике по дороге в общину, внезапно приобрела смысл. Глубоко вздохнув, я старалась держать подбородок прямо.

— Входите, Брат, — донеслось с другой стороны двери.

Когда Джейкоб открыл дверь, я сделала вдох и начала свой внутренний монолог. Вместо указаний держать голову прямо и гордо нести свои короткие волосы, как сделал Джейкоб, моя внутренняя лекция звучала намного проще:

«Только не упади в обморок!»

За столом, перед которым мы встали, было пятеро мужчин. Хотя я не помнила, что видела его, я была уверена, что мужчина в середине, с волосами, зачесанными назад, и в очень хорошем сером костюме был Отцом Габриэлем. Я признала только одного из оставшихся мужчин, Брата Даниэля. Когда наши глаза встретились, он улыбнулся и кивнул. Основываясь на впечатлении, я предположила, что крайний левый мужчина был Братом Тимоти.

— Отец Габриэль, спасибо вам за ваше наказание. Сестра Сара и я готовы к повторному входу в "Свет", с вашего благословения.

Я склонила голову, когда говорил Джейкоб. Как только он закончил, я посмотрела вверх.

— Да, Брат Джейкоб и Сестра Сара. — Я была права. Я узнаю его голос, где угодно.

— Я рад, что вы вернулись туда, где ваше место. Сестра Сара, есть ли что-нибудь, что вы бы хотели сказать мне или Комиссии?

«Ой, мамочки!»

Видимо, я не ругалась даже мысленно в его присутствии.

Расправив плечи, я сконцентрировалась на руке Джейкоба, накрывающую мою. Как в тот день, когда я очнулась.

— Отец Габриэль, Братя Комиссии, я приношу глубокие извинения за свое поведение, спасибо за ваше исправление, и я с нетерпением ожидаю возвращения к "Свету".

Отец Габриэль улыбнулся и встал. Посмотрев из стороны в сторону, он спросил:

— Если у кого-либо из членов Комиссии есть возражения по поводу возвращения Брата или Сестры в Собрание, выскажитесь сейчас.

Когда наступила тишина, я затаила дыхание, взывая к своему самообладанию, которое могла собрать, чтобы не отрывать глаза от Отца Габриэля и Брата Тимоти. Как только мы все уверили в тишину, она закончилась.

— Отец, — сказал Брат Тимоти.

Хватка Джейкоба стала сильнее.

— Да, Брат.

— У меня нет возражений, однако перед повторным представлением я хотел бы услышать ответ сестры Сары на один вопрос.

Отец Габриэль присел.

— Вам слово, Брат.

Брат Тимоти встал.

— Сестра, в чем смысл вашей новой прически?

Я немного наклонила голову, собралась с силами и четко сказала.

— Отец Габриэль и Братья Комиссии, мои волосы были обрезаны, как напоминание о моем исправлении. До тех пор, пока они будут отрастать, я буду помнить о своем нарушении. Спасибо за исправление и напоминание.

Рука Джейкоба расслабилась, и я выдохнула. Он одобрил.

— Брат и Сестра, — сказал Отец Габриэль, кажется оставшись довольным моим ответом. — Пожалуйста, проходите в вестибюль. Я спущусь после молитвы. Вы должны будете войти на сцену после Комиссии. После того, как я представлю вас, вы пройдете к вашим обычным местам.

— Спасибо, Отец, — ответил Джейкоб.

— Спасибо, — добавила я.

Когда мы вышли из комнаты, я шла молча, задаваясь вопросом, почему Джейкоб не сказал мне, куда мы идем. Только когда мы оказались на небольшой площади, которая, должно быть, была вестибюлем, Джейкоб погладил меня по щеке и прошептал:

— Я не мог тебе сказать. Помнишь, я говорил, что у меня тоже есть ограничения? Ты была идеальна.

— Спасибо, — прошептала я. — Несмотря на то, что я стесняюсь своих волос, я обещаю никогда не показывать этого.

— Ты жена члена Собрания. Никогда не забывай об этом.

Спустя некоторое время, мы вышли на сцену, следуя за Отцом Габриэлем и членами Комиссии. Пока мы ждали представления, я всматривалась в толпу, ища глазами Рейчел и Сестру Рут. Сначала я нашла Сестру Рут, ее улыбка светила для нас. Когда мой взгляд скользнул за ее спину, я ахнула.

Хотя взгляд Джейкоба заставил меня замолчать, я не могла поверить своим глазам. В двух рядах позади жен членов Комиссии, находились одиннадцать женщин и одно пустое кресло. Я сразу же узнала Рейчел с одной стороны от места, которое, как я знала, было моим, а с другой стороны была красивая рыжеволосая женщина, которой, я предполагаю, была Элизабет.

Причиной моего возгласа были волосы жен членов Собрания. У каждой из них была прическа, как у меня.

Кто бы мог подумать, я стала основательницей тренда.

Глава 26

Стелла

Я заметила Бернарда, как только вошла в кафе. Это не "Старбакс" или кафе, которое пыталось копировать современную успешную сеть. Этот ресторан стоял на углу в центре города уже на протяжении более чем пятидесяти лет, и, если мои догадки верны, то столы из особого вида пластика и покрытые пластмассой стулья находились здесь со дня открытия. Но хозяевам это не мешало. Это место всегда было наполнено людьми. Бар с крутящимися табуретами, прикрученными к полу, был заполнен до отказа, когда я направилась к задней части кафе и присела на красный виниловый диван. Безошибочный запах жира повис в воздухе облаком и стал сильнее, когда я приблизилась к Бернарду, в тарелке которого еще оставались яйца, бекон и картошка. Для меня так и осталось загадкой, как он мог есть это каждое утро и оставаться в форме.

Он поднял свои темные глаза на меня, когда прервал трапезу, вытер рот салфеткой и сказал:

— Я заказал тебе кофе. Ты хочешь есть?

— Нет, я ела.

— Разве эти наборы в картонных коробках считаются едой?

Мой желудок скрутился в узел.

— Это мой последний обед?

— Я уверен, что нет, но мне нужно больше ответов, чем я получил, — он уронил вилку на тарелку, лязг эхом раздался по залу, — с тех пор как пропала Минди. Я думаю, в этом и есть проблема.

Распрямив плечи, я понизила голос.

— Ты считаешь проблемой, что моя лучшая подруга пропала? Или ты считаешь, что моя лучшая подруга исчезла с лица земли, и я уже не в состоянии делать свою работу?

Официантка поставила передо мной чашку кофе, но услышав мой тон, попятилась, прежде чем спросить меня о том, хочу ли я что-нибудь поесть. Круглые глаза Бернарда смотрели на меня поверх кружки. Когда он не ответил, я вздохнула и откинулась на диване, вытесняя из винила со свистом воздух.

Наконец он заговорил.

— Стелла, дай мне что-нибудь. Что происходит в этой хорошенькой голове?

Я поджала губы на его сексистский комментарий. Разве он спрашивал Фостера, что происходит в его красивой голове?

Вместо того, чтобы рассказать ему все, я ответила:

— Я проверила все зацепки. Они пустые.

— Ты говорила мне о женщинах, без сходства, всего лишь найденных мертвых женщинах. Я провел расследование, а может и у тебя что-то есть.

Мои глаза расширились.

— И что ты выяснил?

— Частота женских убийств, а также вероятность пропасть без вести для женщин, в конечном итоге, статистически гораздо выше на душу населения, и не только в Детройте, но вообще на этом участке, чем в любом другом месте страны. Но о подобной статистике власти упоминают редко. — Он подался вперед. — Мое чутье подсказывает мне, что это из-

за того, что ты назвала "без схожих признаков". Если бы все эти женщины были связаны одной расой или любым другим общим фактором, то на эту проблему смотрели бы иначе.

Я кивнула.

— Почему недостаточно того, что все они женщины?

— Нам нужно больше.

— Я последовала за твоим информатором в Хайленд Хайтс. Я не знаю, для чего используется здание, и кому оно принадлежит, но на этот адрес зарегистрированы автомобили, которые пересекают границу. Оно показалось мне заброшенным, однако, я не думаю, что это так.

— Почему?

— Пока я наблюдала, подъехал внедорожник и из него вышли несколько мужчин. Они прошли между зданиями. — Я покачала головой. — Там они не задержались. Поэтому, когда они отъехали, я проследовала за ними в другую часть Хайленд Хайтс. Они все вышли у церкви и вошли внутрь. Я вернулась туда в другой день и опять увидела тот же самый внедорожник.

— Почему ты не сказала мне об этом?

— Потому что я не могу найти связь между церковью и трафиком наркотиков. Я думаю, они пересекают границу Канады из-за консервов. — Я указала на маленькие прямоугольные пакеты, уложенные в серебряный ящик на краю стола.

— Ты думаешь, они перевозят джемы и желе?

Я пожала плечами.

— Я нашла эту церковь в Интернете. Там совсем немного информации об их деятельности. Но то немногое, что я нашла, говорит о том, что они продают домашнее варенье, чтобы поддерживать свое служение.

— В Хайленд Хайтс? Зачем церковь в этой части города будет продавать варенье? Я не думаю, что там есть стойкий спрос на домашнюю продукцию, на все кроме мета. (*метамфетамин — наркотик*)

Я отпустила закусенную нижнюю губу.

— Знаю. Я сказала себе то же самое. Это как-то странно. Я возвращалась несколько раз. Я видела мужчин в автомобилях, и женщин, которые шли от церкви к тому месту, что кажется заброшенной школой. Я думаю, они делают консервы в школе. И, возможно, здесь нет рынка, вот поэтому они едут в Канаду.

— Кому принадлежит бывшая школа? Церкви?

Дерьмо!

— Я не знаю. У меня не получилось это выяснить.

— Копай в этом направлении. Найди денежный след.

Я кивнула.

— Так ты не отстранишь меня от этого дела?

— Пока нет. Но тебе нужно держать меня в курсе.

— Я знаю, ты считаешь, что мои мозги не работают из-за Минди, но я недавно узнала, что Департамент Полиции Хайленд Хайтс пытается следить, в хорошем смысле, за безработными и бездомными группами населения, преимущественно за женщинами. Это продолжается уже некоторое время, но никто об этом не говорит, может, потому что они их теряют. Пропадают наркоманы и проститутки.

— Я не уверен, что это информационный повод.

Я сморщила нос.

— Кто знает, может я пытаюсь свести слишком много вещей вместе? Я пытаюсь связать все, что, скорее всего, никак не связано.

— Я обнаружил, что деньги говорят, — сказал он, не отрываясь от еды. — Я про следы, которые остаются после денег, а не о том, чтобы заплатить кому-то. Посмотри, может ты найдешь связь, которую на поверхности отследить сложно, поскольку на поверхности вещи не материализуются.

— Я постараюсь. Могу я спросить тебя кое о чем?

Бернард сделал большой глоток кофе.

— Конечно, но если это секретно, то, возможно, мне придется тебя убить.

Я усмехнулась.

— Попытаю удачи. Ничего особенного, но что ты думаешь о сектах?

— О сектах? — его брови исчезли под темными с проседью волосами, падающими на лоб. Я не знала, почему он не причесывался подобным образом для эфира. То, как он зачесывал волосы назад для телевидения, делало его похожим на продавца подержанных автомобилей. Это его устоявшийся стиль. — Я думаю, — сказал он, — это уничижительный термин, связанный с ненормативными или необычными убеждениями.

— Что, если это не так или они не такие? Я имею в виду, что, если они не все похожи на Вако или Джима Джонса? Что, если они существуют прямо у нас под носом?

— Мы говорим о "промывании мозгов", похищении людей, сексуальных надругательствах и массовых самоубийствах?

Я покачала головой.

— Не знаю. Я так не думаю. У меня нет никаких доказательств. Наверное, слишком много ночей, проведенных с вином перед моим компьютером.

Бернард ухмыльнулся.

— Тебе стоит быть осторожней. Моя жена убила свою материнскую плату таким же образом.

— По этой причине у меня бокалы с плоским дном.

— Я рад узнать, что ты осторожна.

Я пожала плечами.

— Они слишком большие.

— Я не знаю, наткнулась ты на верный или ложный след. Похоже, ты пытаешься собрать слишком много всего вместе. Сосредоточься на денежном следе и возвращайся ко мне.

Я посмотрела на свой кофе. Я даже не коснулась его.

— Спасибо, что не уволил меня.

— Прекрати волноваться. Я не увольняю тебя, но я устанавливаю крайний срок. Если у тебя не будет для меня истории к концу месяца, тебе придется заняться другим делом.

— Понятно, босс.

Вместо того, чтобы отправиться напрямиком в телестудию, я сделала то, что клялась

Дилану не делать. Я поехала обратно в Хайленд Хайтс. Я не планировала выходить из машины. Я просто хотела поехать и осмотреть недвижимость, которую буду исследовать. Перед старой школой была большая надпись "ПРОДАЕТСЯ". Я сразу же узнала компанию по продаже недвижимости: "Энтерман Риалти", клиент "Престон и Батлер". Я занималась кое-чем по делу, в котором женщина подала в суд на "Энтерман", из-за того, что она споткнулась и упала на имущество, принадлежащее компании. Моя работа заключалась в том, чтобы дискредитировать заявителя. Это было не сложно. Она была одной из тех, кто ожидает рассмотрения нескольких дел. Очевидно, она добилась успеха в нескольких своих начинаниях, потому что без записи о трудоустройстве она была финансово платежеспособной. После ее встречи с адвокатами я обнаружила, что она ходит по палубе своего двадцати пятифутового катера, пришвартованного у реки. Это был красивый Hydra-Sports с двумя моторами и нижней кабиной. Но не катер интересовал "Престон и Батлер". Их заинтересовали отсутствие трости или корсета на шее, которые она носила всего час назад.

Когда я ехала обратно к зданию, за которым наблюдала несколько недель назад, я страстно желала, чтобы это был такой же простой и очевидный случай, как тот. Внешне здание не изменилось. Оно по-прежнему казалось заброшенным, а то, что рядом с ним, похожее на старую пожарную часть, было таким же. И все же я задавалась вопросом, что мужчины делали между зданиями. Несмотря на то, что ехала я медленно, из-за тени я не могла ничего разглядеть, кроме света на другом конце. Я снова проехала вокруг квартала и припарковалась у дальнего конца здания, подальше от улицы. Я хотела вытащить свой Nikon из багажника, но, вспомнив слова Дилана, передумала и включила камеру на телефоне. Я вышла из машины и попыталась тихо закрыть дверь. Когда я сделала это, то покачала головой. Вокруг никого не было. Смех, да и только.

Птицы зашумели в вышине, когда я направилась к зданию. Мои туфли на низком каблуке были не особенно хороши для прогулок по высокой траве, но я выбрала этот путь, чтобы не идти у всех на виду по тротуару. Подойдя к зазору с задней стороны, я осторожно выглянула из-за угла. Ближе к этому концу я увидела две двери, одна напротив другой, по одной в каждом из зданий. Сделав глубокий вдох, я вошла в проход. Чем ближе я подходила к дверям, тем слышнее становились голоса. Я прижалась всем телом к грубому кирпичу и прислушалась, пытаясь понять, где источник звука. Как я определила, это было то здание, которое не было старой пожарной частью, звук шин по рыхлому гравию перед зданиями заставил мое сердце биться чаще.

Как только показался нос черного внедорожника я поспешила в другом направлении, выбежала из прохода и направилась к своей машине. Оказавшись внутри, я выдохнула и нажала кнопку "Заблокировать". Прежде чем я смогла убедить себя, что Дилан виноват в моей излишней нервозности, в мое окно постучала большая темная рука.

Я сразу же узнала этого мужчину, его фотография была на моем компьютере. Он был водителем внедорожника, который я увидела в свою первую вылазку. Конечно, из-за тонированного стекла у меня не было полного представления о его росте. Его талия была шире, чем основание моего окна, и он наклонился. Его не очень приятное лицо склонилось над стеклом, которое я немного его опустила.

— Да? — спросила я.

— Леди, вы заблудились?

— Я... возможно, — солгала я. — Я должна сфотографировать кое-какую недвижимость для своей компании. Вы не знаете, продаются ли эти здания?

— Я не в курсе. Но предлагаю вам убраться отсюда и сказать своему боссу, если он снова отправит вас сюда, вам лучше иметь при себе оружие.

Я кивнула.

— Спасибо, — пробормотала я, поднимая окно и убираясь оттуда. Я не могла сделать полный вдох до тех пор, пока не повернула на Вудворд-Авеню.

Я так потерялась в поисках денежного следа, что, пока мой телефон не загудел, совсем позабыла про свой обед с Трейси.

Трейси Хауэлл:

ШАРЛОТТА, ИЗВИНИ. ВМЕСТО ОБЕДА МОГЛИ БЫ МЫ ВЫПИТЬ, СКАЖЕ ПЯТЬ? Я РАБОТАЮ В ОБЕД И КАК РАЗ ОСВОБОЖУСЬ К ТОМУ ВРЕМЕНИ.

Дерьмо!

Стелла:

ДА! Я ТОЖЕ ПРОПАДАЮ НА РАБОТЕ. УВИДИМСЯ В ПЯТЬ... В ДЖАМБО?

Трейси Хауэлл:

ДОГОВОРИЛИСЬ.

Я повернулась к экрану компьютера и потеряла виски. С тех пор, как я вернулась в телестудию, я не покидала свой кабинет и даже не поднималась из-за стола. Страницы, исписанные, словно курица лапой, которые собрались у меня на столе, не имели никакого значения для посторонних людей, лишь я видела в них какой-то смысл. И даже я не была уверена в том, что все это означало.

Школа, которая, как я подозревала, была центром по переработке консервов, действительно принадлежала "Энтерманн Риалти". Согласно всему, что я смогла найти, официально это здание пустовало, вышло из строя, с тех пор, как государственные школы Хайленд Хайтс закрыли свои двери из-за уменьшения числа учащихся в середине девяностых. Я задавалась вопросом, знал ли кто-нибудь о том, что оно используется.

Энтерманн купил его два года назад у обанкротившегося застройщика. Застройщик — Уриэль Харрис, захватил большинство ветхих и свободных зданий за десятилетний период. Его план по реконструкции полностью зависел от налоговых льгот и грантов. Хотя налоговые льготы были одобрены, основной доход продолжал снижаться. Тогда вмешались "Энтерманн Риалти" и выкупили все за гроши.

До того, как Харрис выкупил здания, корпорация НВА присматривала себе эту собственность. Это один из крупнейших застройщиков больниц в стране. Я понимала, что размер здания означает, что там мог быть построен хороший большой госпиталь, а район нуждался в медицинском обслуживании. Тем не менее НВА перебила компания "Уилкенс Индастриз". Пятнадцать лет назад они заплатили 5 миллионов долларов за недвижимость, выкупив ее у Хайленд Хайтс.

Мне показалось интересным, что старая пожарная часть и большое здание рядом с ней когда-то также принадлежали Хайленд Хайтс. Денежный след от старой пожарной был другим, но в настоящее время оно принадлежит "Уилкенс Индастриз". Здание, в котором разместился "Свет", принадлежало "Свету" — некоммерческой организации, стоимость его была выплачена в полном объеме, и оно передано во владение богатому меценату неким Марселем Кларксоном.

Я сделала заметку собрать побольше информации на Марселя Кларксона и попробовала зайти с другой стороны. Я позвонила подруге в "Престон и Батлер".

— Джен? — спросила я, услышав ее голос на другом конце линии. Несколько раз мы с ней даже тусовались после работы. То, каких мужчин она выбирала, всегда давало нам повод встретиться вечером и как следует поболтать за бокалом пива. Я не видела ее с того времени, когда ушла из фирмы, но я надеялась, что мы все еще близки.

— Это Стелла Монтгомери.

— Привет, Стелла, что-то случилось? Как ты?

— В порядке. Работала тут над одной историей и вдруг подумала...не могла бы ты выручить подругу?

— Я даже не знаю, — ответила она. — Но попробую помочь. Что тебе нужно?

— Я пытаюсь отследить кое-какую недвижимость. И вижу, что "Энтерманн Риалти" подходит. Я вспомнила, что эта компания была клиентом "Престон и Батлер". Ты не могла бы выслать мне список всей недвижимости принадлежащих им?

— Не уверена.

— Джен, я все понимаю, но, если бы ты хотя бы попробовала мне помочь, ты бы сэкономила мне кучу времени, мне сложно описать как все это непросто. У меня тупик по всем направлениям.

— Стелла, в благодарность за то время, что ты сидела и слушала меня про гада Джимми, я найду тебе все. Ты можешь дать мне день или два, чтобы я нашла весь список? Потом я отправлю его тебе по электронной почте.

Я закусила губу.

— Как поживает этот подонок?

Она засмеялась.

— Ты всегда умела правильно подобрать слова. На самом деле, я выкинула его ленивую задницу на улицу.

— Отличное решение!

— Ага, это ты убедила меня, что мне совсем не нужен мужчина рядом. Нам обязательно нужно как-нибудь встретиться.

— Так и сделаем. Нужно наверстать упущенное. Знаешь, что?

— Что?

Я улыбнулась.

— Я вроде как встречаюсь кое с кем.

— Не может быть! Одиночка-по-жизни Стелла... мы должны встретиться. Просто скажи мне, что он не похож на Джимми.

— Совсем не такой, и он работает.

— Звучит, как победитель. Я составлю список, как только смогу и отправлю тебе по электронной почте.

— Спасибо!

Я повесила трубку и попробовала поискать "Уилкинс Индастриз". Основан в начале 90-х первым генеральным директором Марселем Кларксоном... день-день. Он служил прикрытием для нескольких дочерних компаний. В 2000 году Кларксон ушел в отставку по состоянию здоровья, а его место занял Мэтью Ли. Он все еще был генеральным директором. Под надзором Ли "Уилкинс Индастриз" выросла в геометрической прогрессии. Совет директоров представлял собой список обезличенных строк. С такими фамилиями, как Смит, Джонсон и Джонс и именами вроде Роберта, Стива и Джона, я не смогла бы найти этих людей до тех пор, пока не выступила бы на заседании правления и попросила их номера социального страхования. Так как "Уилкинс Индастриз" была частной компанией, на то, чтобы получить доступ к ее отчетам и платежным ведомостям потребуется время. Несмотря на то, что компания была частной, я была в состоянии получить доступ к налоговой информации через отчеты Внутренней Налоговой Службы. В настоящее время собственный капитал "Уилкинс Индастриз" составлял около 55 миллионов долларов, с множеством разнообразных инвестиций и филиалов, одним из которых был "Энтерманн Риэлти". День-день.

Интересно.

Когда я увидела на часах 16:15, то закончила поиск и отправила смс Дилану.

Стелла:

Я ВСТРЕЧУСЬ С ДРУГОМ В БАРЕ. ПОЗВОНЮ, КОГДА ДОБЕРУСЬ ДОМОЙ.

Дилан:

ЕСЛИ ТВОЙ ДРУГ ПОЖАРНИК, НАМ НУЖНО ЭТО ОБСУДИТЬ.

Я захихикала.

Стелла:

ТЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОССЛУЖАЩИЙ, С КОТОРЫМ Я ПЛАНИРУЮ ГОВОРИТЬ С ДРУГОМ ЖЕНЩИНА.

Дилан:

ПРИЯТНО СЛЫШАТЬ.

— Это лучшая улыбка, что я видел на твоем лице за весь день.

Я подняла взгляд на Фостера.

— У меня сейчас не много поводов для улыбок.

— Все еще ничего не нашла?

— Я просто чувствую, что ищу целыми днями, и все, что я делаю, это хожу по кругу. —

Я покачала головой и встала. О, моя спина не оценила проведенный за компьютером день, но после того, как я испугалась в Хайленд Хайтс, у меня не было настроения для продолжения слезки. — Эй, я хотела сказать тебе. Я говорила с Диланом. Все, что ты нашел, не связано с ним. Его родители умерли, и у него нет богатого дяди.

Он кивнул.

— У меня не было возможности продолжить расследование. Я знаю, ты не хочешь, чтобы я продолжал, но я все равно продолжу, чтобы Бернард остался доволен.

Я пожала плечами.

— Прекрасно, продолжай. Ты просто тратишь свое время впустую. Я бы предпочла, чтобы ты помог мне выяснить, как Уриэль Харрис связан с "Уилкинс Индастриз".

— Уриэль Харрис, застройщик?

— Ага. Он владелец недвижимости, которую я исследую.

— Он был владельцем многих зданий, разорился и остался без штанов.

— Вот, что я нашла: его крах был определенно выгодным для "Энтерманн Риелти".

— Ты ищешь в запасах "Энтерманн" или их налоговые списания? Они покупают дерьмовую собственность по всему городу, так что могут понести убытки. Это не редкость, но они одни из лучших.

Я кивнула.

— В этом есть смысл. Мне было интересно, почему они скупают так много именно ветхих зданий. Я надеюсь скоро получить полный список их собственности.

Фостер улыбнулся.

— Я буду рад взглянуть на него, когда ты его получишь. Иногда две пары глаз лучше, чем одна.

— Спасибо, — сказала я, схватила сумочку и телефон. — Мне нужно бежать.

— Было приятно видеть твою улыбку.

Я усмехнулась, и направилась к лифту.

На этот раз, когда я вошла в "Джамбо", Трейси ждала меня. Перед ней стоял невысокий стакан с темным напитком. Он выглядел как кока-кола, но, судя по тому, как скривилось ее лицо, когда она попробовала содержимое, я поняла, что в стакане что-то покрепче.

— Привет, — сказала я, присаживаясь. — Плохой день в морге?

Она фыркнула, сдувая челку со лба.

— Разве в морге бывают хорошие дни?

Глава 27

Сара

Несмотря на все усилия, мое прошлое по-прежнему начиналось с того дня, когда я проснулась в клинике почти четыре месяца назад. Гипса больше не было и тело зажило. Но разум так и не смог ничего вспомнить. Со временем мои самые близкие подруги, Рейчел и Элизабет, поделились секретами из нашего прошлого, и Джейкоб продолжал напоминать мне о забытых воспоминаниях. Каждая история или утверждение помогли мне восстановить время, которое я не могла вспомнить, и дали мне взглянуть на мое прежнее «я».

С тех пор, как закончилось наше изгнание, и мы вернулись в "Свет", общину и нашу жизнь, когда я была с Джейкобом, публично или наедине, мои движения больше не требовали сознательных усилий — они принадлежали ему. Пока мой разум продолжал борьбу, тело охотно подчинялось. Одного лишь касания, взгляда или слова мне хватало, чтобы понять чего он ждет.

Хотя небольшая часть меня сопротивлялась, разумная часть хотела стать лучшей женой, которая только могла быть у члена Собрания. В конце концов, поддержка со стороны жен Собрания, а также то, как Отец Габриель повторно ввел нас в общину, я поняла, что мы с Джейкобом действительно были частью избранных. От мысли о том, что я все это поставила под угрозу, у меня заболело сердце.

Сразу после того, как мы вернулись в сообщество, у меня были проблемы. Часто я просыпалась среди ночи, продрогшая до костей, мое сердце бешено билось в крошечной тьме. Страхи моих ночных кошмаров включали драконов с нечистым дыханием и зубами, острыми, как лезвие, а также безликого мужчину, кричащего, чтобы остановилась в темноте.

Проснувшись однажды, я стала жертвой подавляющего чувства раскаяния — вины за то, что меня почти забрали не только от Джейкоба, но и от себя. Когда я почувствовала это, я постаралась не разбудить мужа. Обычно я выползала из его объятий, цеплялась за дальний край кровати и заглушала свои слезы подушкой.

Я знала учение Отца Габриеля, я усердно училась. Согласно его словам, после того, как исправление закончилось, согрешивший был освобожден от ответственности за грех. Так, как если бы этого никогда не случилось. Но я не чувствовала себя свободной.

Однажды ночью, когда я прильнула к дальней стороне кровати, и все мое тело сотрясало от приглушенных криков, я почувствовала тепло Джейкоба прямо за спиной. Я замерла, не в состоянии двигаться и, боясь, что он расстроится. Вместо этого, его руки вновь обхватили меня, и он спросил:

— Что случилось?

Я плакала слишком долго и не могла вымолвить ни слова. Все, что я могла сделать, это отрицательно покачать головой.

Осторожно он развернул меня к себе, и в темноте спросил меня о двух вещах:

— Кто ты? — и, — Кто я?

Я наклонила голову в бок, обдумывая его необычные вопросы. С заиканием, вдыхая воздух я ответила:

— Я Сара Адамс, а ты мой муж, Джейкоб Адамс.

Он нежно вытер мои щеки своими большими пальцами и потерся своим носом о мой. Тихо шепча, он сказал:

— Это все, что важно. Засыпай.

Несмотря на то, что это казалось слишком упрощенным, он был прав. Концентрируясь исключительно на нас, я свернулась в его тепле и устроила голову на его на груди. Со звуком его спокойного сердцебиения у моего уха, я заснула. Когда я проснулась на следующее утро, я вспомнила, что не смогла ответить ему в первый раз, и меня накрыло непреодолимое чувство вины и одиночества. Я ожидала выговора, больше вопросов о том, что произошло, или лекции о том, как все мои мысли принадлежали ему. Он не упоминал об этом.

В следующий раз, когда меня разбудило шипение дракона, вместо того, чтобы откатиться, я прижалась к нему и вспомнила его вопросы. Когда я чувствовала его ровное дыхание на моей голове, я напредила себе, кем была я, и кем был он. Вскоре я снова заснула. Со временем драконы исчезли.

Хотя я знала, что должна поговорить с Джейкобом о моих кошмарах и чувстве вины из-за несчастного случая, мое мужество сделать это уменьшалось с каждым днем. В конце концов, если бы я следовала учению Отца Габриеля, то рассказала бы Джейкобу тотчас. Я была знакома со штрафами за неповиновение, я испытала их на себе не раз.

Только после того, как несколько ночей подряд я провела без сна, в то время как мы были одни в нашей квартире, Джейкоб снова спросил меня о том, что случилось. Он подвел меня к дивану и спокойно потребовал ответов.

— Сара, я ждал, чтобы ты сама рассказала мне. Очевидно, ты не сделаешь этого. Я не знаю почему, но я хочу получить ответы. Скажи мне, почему ты плачешь каждую ночь?

Я сделала глубокий вдох, желая сказать правду, но, несмотря на это, я боялась его реакции.

— Все началось с кошмаров. Кажется. — Попыталась объяснить я. — Они меня разбудили, но потом, мне кажется, это было чувство вины. — Моя грудь вздымалась. — Я все еще не могу поверить, что рисковала всем, тобой и нашими друзьями, взяв твой грузовик. Я не понимаю, зачем это сделала. Не думаю, что хотела, но, очевидно, я это сделала. — Из уголка моего глаза выкатилась слеза.

Он поднял мой подбородок. То, как он смотрел, обнажало мои чувства. Его нежные карие глаза обращались не только ко мне, но и к моей честности. Я не отводила взгляда. Плененная его объятиями, я нуждалась в том, чтобы он увидел мою искренность. Затаив дыхание, я ждала, пока его взгляд не сузится, а голос не станет безэмоциональным.

— Что говорит Отец Габриель об исправлении? — Его глаза все еще искали мою честность, в то время как тон оставался полон эмоций.

Я выдохнула.

— Я знаю. Да. Я помню, что мы были изгнаны, а теперь мы вернулись. Я знаю, что это должно уйти. — Неспособная опустить подбородок, я опустила глаза и зажала губу между зубами. Я призналась и теперь все, что я могла сделать — ждать наказания, которое я заслужила из-за того, что усомнилась в учении Отца Габриеля.

— Сара, это не то, что должно уйти. Оно уже ушло.

Я кивнула, и мое тело задрожало.

— Я верю, только...

Он поднял мои сжатые руки и раскрыл кулаки палец за пальцем, пока не смог поцеловать мои ладони. Затем большим пальцем он мягко высвободил мою губу.

— Почему ты так напряжена?

— Потому что я знаю слова Отца Габриеля, но я ими не живу. Если бы я следовала его

учению, у меня не было бы этих мыслей, и я не знаю, что ты собираешься сделать.

— Как ты думаешь, что я должен сделать?

Мое сердце сжалось, и ужин, который мы только что съели встал комом в моем желудке. Я ненавидела, когда он спрашивал меня об этом. Эти простые вопросы возвращали ответственность обратно ко мне. Я её не хочу. Пусть она лежит на нем. Снова я пыталась опустить подбородок, но безрезультатно. Я вздохнула и добавила это к моим прегрешениям.

— А еще я утаила кое-что от тебя. Я не рассказала тебе кое о чем, что произошло несколько недель тому назад.

Его хватка на моем подбородке усилилась.

— Я не хотела, чтобы ты волновался, — поспешно добавила я.

— И давно ты себя так чувствуешь? Просыпаешься среди ночи, и ни разу не сказала мне об этом?

Я покачала головой.

— Не с той ночи, когда ты спросил меня, кто мы. Ну, только один раз, и тогда я сделала, как ты сказал: я напомнила себе о нас и осталась рядом с тобой. С тех пор ни разу.

Джейкоб выдохнул.

— Сара Адамс, о чем это тебе говорит?

— Что я должна быть наказана за то, что не сказала тебе раньше?

Его ладони скользнули по моим рукам, двигаясь вверх-вниз призрачным мягким прикосновением.

— Это говорит о том, что ты должна была сказать мне раньше, но нет, это не об исправлении. Это об учении. Мысли приходят и уходят, но замыкаться на них губительно. Ты позволишь им уйти, просто поделившись ими со мной. Если бы я наказывал тебя за твои мысли, разве ты делилась бы ими со мной?

Я не думала об этом.

— Несчастный случай, — продолжал он, — закончился, и теперь, когда ты поделилась своим чувством вины, все кончено. Я хочу все в тебе, — он дотронулся до моей щеки, — даже если это причиняет боль и заставляет тебя плакать. Отдай все мне. Когда оно станет моим, я не позволю ему причинить тебе боль, и не нужно больше извиняться за то, что было в прошлом. Забудь, как будто этого никогда не было.

Кивнув, я припала к его груди. Хотя, на мой взгляд, наша история была короткой, когда его руки обвились вокруг моих плеч, я знала, что я там, где должна быть. Моих прежних сомнений больше не было.

Мы шли через храм, Джейкоб замедлялся или останавливался, чтобы поговорить с другими последователями, а я замедлялась и останавливалась с ним. Когда мы пришли в комнату, где жены членов Комиссии и Собрания собрались для молитвы, он прикоснулся к моей руке, и я взглянула на него сквозь ресницы. Когда мои светло-голубые глаза встретились с его, мое сердце наполнилось его молчаливым сообщением. Я могла не помнить начало нашей совместной жизни, но мы нашли дорогу обратно. В переполненном коридоре, его карие глаза, слегка приподнятые вверх уголки губ, и пожатие его руки

говорили больше, чем слова. Мерцание замши в его глазах и сдержанная улыбка говорили мне, что он любит меня, а хватка на моей руке предупреждала, чтобы я думала, прежде чем говорить. Я не нуждалась в предупреждениях, потому что у меня не было ни малейшего желания или намерения заслужить его наказание.

Хотя я хорошо выучила уроки Отца Габриеля и знала свое место, моя постоянная любознательность была моей погубительницей. Независимо от того, как сильно я старалась, были моменты, когда мой рот начинал высказываться, прежде чем мой мозг мог это предотвратить.

Одиннадцать женщин, собравшихся в комнате, в которую я вошла, были моими сестрами, равными сестрами при Отце Габриеле. Все жены Собрания принесли для меня значительную жертву, когда состригли свои волосы. Честно говоря, это тоже было проявлением поддержки Джейкоба. Без согласия их мужей этого никогда бы не случилось.

Когда я огляделась, я была рада, что волосы у всех нас отросли. Большинство из нас могли, по крайней мере, собрать их у себя на затылке, но, тем не менее, я никогда не забуду их подарок. Когда мы собирались вместе, мы показывали свою привязанность объятиями, пожатием рук или теплым приветствием. Хотя жены Комиссии не отрезали свои волосы, они также приветствовали меня без оговорок, даже Сестра Лилит.

Отец Габриель учил прощать и забывать. Именно это Джейкоб сказал, чтобы я сделала с Братом Тимоти и Сестрой Лилит. Хотя я простила, забыть это было не так просто. Я не только помнила, я также задавалась вопросом, почему их не наказали за такое ко мне отношение. В конце концов, Джейкоб сказал, что это не их постановление. В тот вечер, когда я произнесла вслух этот вопрос, мой муж показал отличный пример моего ума, не контролирующего мой язык. Как только я задала свой вопрос, он повис в воздухе, как облако, и я сразу поняла, что это неправильно.

— Сара? — Сказал Джейкоб, используя свой безэмоциональный тон и прищуренный взгляд. — Кто ты такая, чтобы оспаривать решения Отца Габриеля?

В прошлом он сказал мне не становиться на колени; жена члена Собрания не должна стоять на коленях. В первый раз, когда он упомянул, чтобы я встала на колени сама эта идея казалась мне непостижимой. Все же четыре месяца спустя, когда его голос и глаза делали выговор, у меня было почти непреодолимое желание упасть на колени. Это не значит, что я молила о пощаде, милосердие было в его власти. Это означало, что его простые подсказки наполняли меня чувством стыда, когда я понимала, что снова подвела его. Вместо того, чтобы становиться на колени, я с уважением склоняла свою голову и, с закрытыми глазами просила прощения, — Извини. Ты прав, я не в праве подвергать сомнению решения Отца Габриеля.

К счастью, тем вечером я отделалась лишь его тоном и пристальным взглядом. Хотя Джейкоб был, вероятно, более снисходительным и терпеливым, чем многие из других мужей, с момента моего пробуждения я заслужила наказание ремнем Джейкоба в общей сложности три раза. Никогда, кроме того момента после моего пробуждения, он не ударял меня рукой, и никогда преднамеренно он не вредил мне. Он ясно дал понять, что дисциплиной не злоупотребляют, и, хотя каждый раз, когда моих нарушений было больше, чем одно, его исправление никогда не превышало пяти ударов плетью. Этого было более чем достаточно, чтобы напомнить мне о том, что нужно стараться усерднее.

Когда мы все присели для молитвы, я заметила, что Дебора, одна из жен Собрания, вздрогнула. Это было не так уж заметно. Однако, так как мы все испытали это на

собственном опыте, мы были способны поймать тонкие признаки исправления. Каждый раз мы оказывали поддержку, напоминая нашей сестре то, что Рейчел напомнила мне после моего первого наказания — в моей новой памяти или в новом прошлом, как мне нравилось думать об этом, — благодарить Бога и Отца Габриеля за мужа, который любит жену достаточно, чтобы исправлять.

Однако, когда Дебора села в свое кресло, я поняла, что мои мысли ошибочны, и мне нужно было снова признаться Джейкобу. Вместо того чтобы сказать ей, чтобы она была благодарна, я хотела сказать, чтобы она поговорила с одной из жен Комиссии, и я удивилась, почему они этого не заметили.

Когда я смотрела на сестер по Собранию, мой внутренний голос сказал мне, что у Деборы все по-другому, чем для большинства из нас. Мало того, что она недавно родила прекрасного сына, она вернулась на работу и работала по шесть часов в день в клинике с Рейчел. Сестра Эстер однажды упомянула по секрету, как трудно оставить своего ребенка и вернуться на работу. Однако, другого выбора не было. Таковым было правило Отца Габриеля: все дети с пятинедельного возраста днем должны находиться под его руководством. Меня беспокоило то, что Дебору даже, когда она была беременной, часто наказывали. Брат Авраам использовал не только ремень, но часто её щеки или глаза были в синяках. Этих визуальных доказательств было больше, чем я могла сосчитать.

Женщины не должны были подвергать сомнению решения Брата Авраама, но спустя то недолгое время моего знакомства с Деборой, которое я помнила, мне было трудно поверить, что она непослушна. Честно говоря, она была тихой и милой, и теперь, когда родился ее сын, Филипп, она была уставшей. Время от времени, во время службы, я наблюдала за Братом Авраамом. По правде говоря, не потому, что я просто беспокоилась о Деборе, он также пугал и меня. Хотя я знала, что Джейкоб никогда не допустит, чтобы ко мне прикасался кто-то другой, я чувствовала себя неловко с Братом Авраамом. Если мои инстинкты меня не подводили, Дебора чувствовала то же самое. Когда другие успокаивали ее и напоминали, чтобы она молилась, она говорила правильные слова. Тем не менее, чего-то не хватало.

После молитвенной встречи Элизабет, Рейчел и я отправились по коридору к нашим мужьям. Пока мы шли, я потеряла кончики пальцев, задаваясь вопросом, смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к этому странному ощущению. Раз в месяц все последователи прижимали подушечки пальцев к специальной молитвенной губке. Символически это устраняло нашу индивидуальность, делая нас всех равными частями семьи Отца Габриеля. Хотя мы были избранными, наше поведение являлось примером для других последователей. Это было не больно. Просто ощущалось странно.

Когда мы направлялись в зал Собрания, к нам подошла женщина-последовательница с длинными светлыми волосами, заплетенными в косу. Хотя кое-что в ней привлекло мое внимание, я не помнила, что видела ее раньше. Опять же, как жена Собрания, я была довольно изолирована.

— Сестра Элизабет, — сказала блондинка.

Элизабет кивнула на Рейчел и меня, когда приветствовала женщину.

— Сестра Мэри, так приятно вас видеть. — Поскольку Элизабет и Брат Люк работали с новыми последователями, она, казалось, знала почти всех. Женщины-последователи нередко приходили к ней с вопросами. Хотя я не была новым последователем, я понимала, как нужно помогать женщинам с разъяснением.

Не желая мешать, Рейчел и я отошли в сторону. Элизабет потянулась к руке Сестры

Мэри и что-то тихо сказала, в ответ Сестра Мэри кивнула. Я наблюдала, как рыжие волосы Элизабет упали мягкими волнами с ее плеч, закрывая губы и сохраняя разговор конфиденциальным.

— Она очень хороша в том, что она делает, — прошептала Рейчел.

Я кивнула.

— Могли ли мы встречаться раньше с Сестрой Мэри?

— Да, в клинике.

Мои глаза распахнулись.

— В клинике? Она болела?

— Нет, это было... когда она только приехала. Ну, знаешь... чтобы убедиться, что она здорова и у нее нет каких-либо болезней из тьмы.

— О, да, это имеет смысл. — Я заметила, как Мэри закусилла нижнюю губу и улыбнулась. — Я не знаю почему, но она выглядит знакомой.

Рейчел засмеялась.

— Я знаю почему.

— Неужели?

— Да, разве ты не видишь этого?

Я взглянула на Мэри в последний раз, она вытерла слезы и кивнула Элизабет.

— Не совсем, но должна признаться, я восхищаюсь ее волосами.

Рейчел постучала по моей руке.

— Она выглядит так же, как и ты, даже ее волосы.

Я вдохнула.

— Неужели они были такой длины?

— Были, и будут снова. Мне понравилась короткая стрижка. Было забавно сменить прическу.

Прежде, чем я смогла ответить, вернулась Элизабет, и мы продолжили путь в зал Собрания.

Все члены Собрания жили в одном здании в похожих квартирах. Единственными различиями были цвет и расположение мебели, хотя не похоже, что вариантов было много. Пространство внутри общины было ограниченным, но у нас было все то, что нужно. Никто не сомневался. В конце концов, даже Отец Габриель жил так же, как мы.

По словам Элизабет, наши квартиры были больше, чем у обычных последователей. Работа Элизабет и Брата Люка означала, что они часто посещали последователей в их домах. Будучи женой Собрания, я тоже должна была помогать женам последователей, которые находились под руководством Джейкоба. До сих пор я встречалась с ними только в храме. Но ходить к ним и помогать понять слово Отца Габриеля, было ответственностью, которую я имела честь снова исполнять, и одной из причин, по которой я так старательно училась.

Когда мы вернулись к нашему дому, Брат Бенджамин попросил, чтобы Брат Люк и Джейкоб зашли к нему в квартиру. По тому, как они посмотрели друг на друга, я предположила, что они хотели обсудить кое-что, касающееся их встречи. Независимо от того, что это было, нам не расскажут детали, особенно, если это было кое-что, что, по их мнению, должно обсуждаться конфиденциально. Прежде, чем они ушли, Джейкоб сказал другим:

— С вашего разрешения, дамы могут подождать нас вместе в нашей квартире.

Я закусилла губу и ждала, было кое-что, о чем я бы тоже хотела поговорить. Как часть

избранных, мы должны были быть осторожны с тем, что делали или говорили публично.

Братья Люк и Бенджамин согласились.

— Располагайтесь, — сказала я, когда две мои лучшие подруги вошли в мою квартиру. — Хотите что-нибудь выпить?

Рейчел говорила о чем-то, когда я делала кофе и размышляла о том, как поднять вопрос о Деборе. Если бы дело касалось только Рейчел, я бы не колебалась, но иногда Элизабет жестко придерживалась правил.

— Элизабет?

Она подняла взгляд и протянула свою чашку.

— Спасибо.

— Что-то случилось? Ты выглядишь отстраненной. — Я посмотрела на Рейчел, которая пожала плечами.

— Ничего, — сказала Элизабет. — Я поговорю об этом с Люком.

— Ты всегда рассказываешь ему все, что говорят тебе женщины? Как то, о чем ты разговаривала с Сестрой Мэри?

Она кивнула.

— Я должна. — Ее поразительные зеленые глаза переходили от Рейчел ко мне. — Я имею в виду, мы работаем вместе. Например, если Сестра Мэри расскажет мне то, что должен знать ее муж, тогда это сделает Люк. — Она пожала плечами. — В любом случае, это зависит от Люка.

— Но, если она сказала тебе это по секрету? — спросила я.

Голова Элизабет двигалась назад и вперед.

— Сара, ты знаешь, что не может быть никаких тайн или секретов, независимо как ты это называешь, между женой и мужем.

Я кивнула:

— А что если не все браки похожи на наши?

— Что ты имеешь в виду? — спросила Рейчел.

Я присела на другом конце дивана от Элизабет, подтянула колени к груди и обернула юбку вокруг ног.

— Я имею в виду, что если некоторые мужья заходят слишком далеко в дисциплине? — Я выдохнула. — Хорошо, я просто скажу. Я беспокоюсь о Деборе.

Рейчел кивнула, в то время как губы Элизабет вытянулись в прямую линию неодобрения.

— Почему, — я многозначительно спросила свою подругу, — Элизабет, разве плохо, что я беспокоюсь об этом?

— Беспокойство — это твое право, но ты должна поделиться этим с Братом Джейкобом и молиться. А не сплетничать.

Я подула на кофе, помогая ему остыть.

— Во-первых, я не сплетничаю. Если быть точной, я не рассказала вам ничего такого, о чем вы не знаете. И, во-вторых, я говорила об этом Джейкобу.

— Говорила? — спросила она удивленно.

— Да, и это снова случилось.

Рейчел стала необычайно тихой.

— Рейчел? — Спросила я. — Дебора работает с тобой. Как ты думаешь, мои опасения беспочвенны?

Она помотала головой, и затем, смотря на Элизабет, сказала:

— Я поступила так же, как Сара.

— И что сказал Брат Бенджамин?

— Он сказал молиться и поддерживать Дебору.

Я поставила свою чашку на столик и снова присела на диван.

— Не думаю, что она счастлива, как мы. Я имею в виду, я понимаю, что Джейкоб глава нашего дома. Я даже принимаю его наказания, но я также знаю, что он любит меня, и я люблю его.

Элизабет и Рейчел обменялись загадочными улыбками.

— Что? — спросила я.

Рейчел похлопала по моему колену.

— Ничего. Мы просто счастливы слышать, что ты сказала об этом.

Я сморщила нос.

— Разве это не очевидно? Я имею в виду, между тобой и Братом Бенджамином, и тобой с Братом Люком. — Я улыбнулась Рейчел. — Даже когда Брат Бенджамин упоминает о тебе в лаборатории, его глаза полны обожания.

Щеки Рейчел вспыхнули, и она опустила взгляд.

— Это очевидно, — сказала Элизабет с улыбкой. — Но также это приятно слышать.

— Но это так, — продолжила я. — И это не очевидно между Деборой и Братом Авраамом. Я имею в виду, ты видела их вместе? Я думаю, она боится его, и я не заметила обожания или любви, исходящих хоть от одного из них.

— Сара! — Сказала Элизабет, — Ты можешь беспокоиться и говорить о Деборе, но ты не можешь предосудительно говорить о Брате Аврааме.

Я выдохнула, не способная или не желающая держать язык за зубами, даже если это означало мое собственное наказание.

— Мы — жены членов Собрания. И мы собираемся бездельничать и только ждать того момента, пока Дебора окажется в клинике, не как медсестра, а как пациент?

Рейчел вздохнула:

— Это уже произошло.

— Что?! — спросила я, одновременно со мной Элизабет воскликнула:

— Рейчел!

— Элизабет, ты слышала Сару. Она здесь. Полностью. Она должна знать.

Я наклонила голову.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что я здесь... полностью?

— Я имею в виду, что ты вернулась на сто десять процентов. Когда ты восстанавливалась после аварии, мы не хотели тебя обременять.

— Я не понимаю. Почему мы не можем помочь ей, пока не поздно?

— Потому что, — начала Элизабет, — Брат Авраам тоже член Собрания. Если бы он был последователем, как брат Адам, было бы по-другому.

— Кто такой Брат Адам? — Рейчел и я спросили в унисон.

Элизабет замотала головой.

— Забудьте, что я говорила об этом.

Шестеренки в моем мозгу закрутились.

— Брат Адам — муж той женщины, которая разговаривала с тобой, Мэри?

— Это не то, что я могу обсуждать. — Ее зеленые глаза смотрели прямо на меня. —

Забудьте, что я упоминала об этом.

— Погодите, давайте порассуждаем гипотетически, — я сделала паузу. Когда она не ответила, я продолжила, — женщина-последователь приходит к тебе и говорит по секрету, что у нее проблемы с мужем. Назовем это так. Он оскорбляет ее. Затем ты рассказываешь об этом Брату Люку и просишь его сходить туда?

— Гипотетически, да, — сказала Элизабет.

— Так в случае с Деборой, что если она что-то расскажет жене куратора, могла бы жена этого члена Комиссии рассказать мужу, а потом он мог поговорить с Братом Авраамом?

— Теоретически, — сказала Рейчел. — Но подумай, кто мог бы быть куратором Брата Авраама.

У меня было четверо на выбор: Братья Рафаэль, Даниэль, Ной, или Тимоти.

Я знала, что Брат Даниэль не закрыл бы на это глаза, и я работала с Братом Рафаэлем. Он всегда был добр ко мне. Я мало знала о Брате Ное, за исключением того, что Джейкоб рассказывал мне, что он работал с финансами "Света". Когда новые последователи приходили к "Свету", они продавали все свое имущество из тьмы, и жертвовали деньги, чтобы помочь купить запасы. У меня остался один вариант, Брат Тимоти.

— Либо Брат Ной, либо Тимоти. Я думаю...

Рейчел кивнула.

— Без согласия Брата Тимоти, проблемы, даже если они озвучены Деборой, и Сестра Лилит донесла их мужу, к отцу Габриэлю не дойдут. Ничего нельзя сделать. — Она посмотрела на Элизабет, а потом снова на меня. — Будет лучше, если ты ничего больше не скажешь. Этот вопрос поднимали около года назад, и ты, вероятно, не помнишь...

Я помотала головой.

— После того, когда она стала пациенткой. Он не сделал ей ничего хорошего. Все стало еще хуже.

В ужасе я повернулась к Элизабет.

— Это случается с такими, как Мэри, если ты говоришь Люку?

— Гипотетически? — спросила она.

Я кивнула.

— Иногда, но обычно нет. Последователи уважают мнение и решения членов Собрания. Мнение Люка имеет большой вес. Обычно он может помочь в этой ситуации.

— Но, если Джейкоб помогает Брату Даниэлю с последователями, которых он курирует, разве не Брат Авраам помогает Брату Тимоти?

Они обе кивнули.

— Таким образом, если последователю не повезло с назначенным куратором...?

Элизабет кивнула.

— Тогда у них остаются только Люк и я. Мы просто должны следовать правилам, но мы все еще можем помочь.

Я сделала глоток своего кофе.

— Ух ты, Элизабет, я не представляла, как тяжела твоя работа. Я больше никогда не буду жаловаться на работу в лаборатории.

Рейчел рассмеялась.

— Эй, ты жаловалась на работу с моим мужем?

— Нет, — сказала я, улыбаясь. — Мне действительно нравится работать с ним и Братом Рафаэлем. Они очень терпеливые, и Дина тоже. Она была великолепна.

Они обе кивнули.

— Она одна из нас. Мы держимся вместе.

Я вздохнула.

— Я бы хотела, чтобы мы могли помочь Деборе. Я все еще беспокоюсь.

Глава 28

Стелла

Я передала Фостеру список собственности, который прошлым вечером мне прислала Дженн из "Престон и Батлер".

— Я не успела его изучить, но, кажется, там много объектов. Я всегда считала, что риелторские компании организуют продажу имущества от собственника новому покупателю, но не знала, что в активах самой компании может быть так много собственности.

Фостер пожал плечами.

— Они делают и то и другое. На самом деле всё зависит от размера компании. До этого момента "Энтерманн" выполняли функции брокером, но глядя на этот список, я бы назвал их инвестиционной компанией.

— Ты знал о том, что "Энтерманн" попадает в список филиалов "Уилкенс Индастриз"?

— Я думал, ты говоришь об Уриэле Харрисе и его связи с "Уилкенс Индастриз"?

— Так и есть. Вот, дай мне посмотреть список. — Я взяла бумаги и обвела собственность в Глендейле, старую школу. — Это здание в настоящее время принадлежит "Энтерманн", но до этого оно принадлежало Харрису, а до этого — "Уилкенс Индастриз". Поскольку "Уилкенс" владеет "Энтерманн", ну, я вижу круг, но почему?

— Этот круг замкнется, только если найдется привязка к Харрису.

— Вот это я и хочу узнать. Я пыталась найти текущую информацию об Уриэле Харрисе.

В один день, он был везде, покупая недвижимость, но затем вся его недвижимость была продана. Он потерпел большие убытки и исчез. — Я помотала головой. — Я не имею в виду буквально. Нет записей о его смерти. Я имею в виду, что нигде не могу его найти. Его последний известный адрес 12560 Кингсвэй Трейс, Блумфилд-Хиллс. — Как только я произнесла адрес, мое сердце сжалось, и я посмотрела на Фостера. — Скажи мне, что это не тот адрес, не того дома, о котором ты мне рассказывал.

— Черт, нет, но чертовски близко.

Я покачала головой, моя коса заскользила по моей спине.

— Видишь, вот что я имею в виду. Круги. Все, что я получаю, это круги.

— У тебя есть доступ к налогам Харриса?

— Я проверила, пока он не продал все. Последние два года ничего не происходит. Никаких личных или корпоративных. Ничего.

— Стелла? — Спросил Фостер, глядя на список собственности — Ты только что сказала 12560 Кингсвэй Трейс?

Я кивнула, глядя вниз на место, где в списке оказался палец Фостера.

— "Энтерманн" тоже владеет этим? — недоверчиво спросила я.

— Согласно этому списку.

Вспоминая недавний разговор с Диной Роузмонт, я спросила:

— Что ты знаешь о частной взлетно-посадочной полосе недалеко от Вудвард-авеню и Иствэй Род?

— Немного, но это в Блумфилд-Хиллс. Там много богатых людей, поэтому частная взлетно-посадочная полоса меня не удивляет. А что?

— Я обещала другу, что проверю ее. Думаю, пока я там, я могу проверить этот дом на

Кингсвэй Трейс.

— Хорошо, — сказал Фостер, — будь умницей и езжай по I-75. Попадешь туда через Вудвард, но я рекомендую тебе не заезжать Хайленд-Хайтс.

Почему я не подумала об этом? Вудворд идет по прямой от Хайленд-Хайтс до Блумфилд-Хиллс.

Я прикрыла глаза.

— Ты уже разговаривал с Диланом?

— Я? Нет. А что?

Я помотала головой.

— Ничего. Я позвоню, после того как осмотрюсь. Пока я там, ты хочешь, чтобы я проверила тот дом?

— Нет. У тебя хватает забот с этой историей. Тебе не нужны новые проблемы. К тому же, нет причин думать, что они связаны.

— Ты прав. Я слишком подозрительна. Это целый сборник теорий.

— Сборник? — спросил он.

— Как будто все это — часть чего-то большего. Кажется, я пытаюсь сопоставить кусочки вместе, а они совсем не подходят.

Голос Фостера смягчился.

— Я только что взял сюжет об учителе с Ист Гроув. Мать утверждает, что она увидела неуместные фотографии на телефоне ее дочери. Если ты хочешь взять его, я постараюсь закончить твой. Я могу сказать, что он тебе подходит.

— Спасибо, но я не хочу сдаваться. Я чувствую, что близка к разгадке. Мне всего лишь нужен отдых.

— Договорились, предложение в силе.

Я улыбнулась другу и начала собирать вещи.

Направляясь по I-75 к Блумфилд-Хиллс, я вспоминала наш разговор с Диной Роузмонт, и как я была впечатлена ее силой и решимостью. Она сказала, что никогда не откажется от поисков, и от того, как звучал ее голос, я верила ей. Мы обе знали, статистические данные были не в пользу Минди, и становилась только хуже, чем дальше она числилась среди пропавших. Я покачала головой, думая, что с момента ее исчезновения прошло уже более двух месяцев. Я не знала, поможет ли ей история, которую я расследовала, или поможет ли она нам узнать о ней, но интуиция подсказывала мне, что так и будет. Вот почему я не могла передать ее Фостеру. Тем не менее, Бернард дал мне время только до конца октября. Это меньше трех недель. Мне нужно кое-что узнать, и как можно быстрее.

Дина сказала, что получила телефонный звонок от женщины, которая увидела одну из развешенных листовок. Женщина не сказала, как ее зовут, но сказала, что как матери ей нужно было позвонить. Очевидно, позвонившая женщина жила рядом с Вудвард Авеню и Иствэй Роад, и рядом с домом, где ее дети любили играть, была лесистая местность. Там тоже располагалась частная взлетная полоса.

Звонившая призналась, что двенадцати- и тринадцатилетние дети не были самыми надежными свидетелями, и хотя она не хотела, чтобы они принимали личное участие, она чувствовала необходимость поделиться тем, что они ей рассказали. Еще до того, как позвонившая дама узнала о Минди в новостях, ее дети рассказали ей историю о мужчине, который нес женщину из грузовика в самолет. Незнакомка призналась, что из-за того, что ее дети любили фантазировать, она не уделила должного внимания их истории. Она полагала,

что могло быть любое количество серьезных оснований, почему они подумали, что они видели то, что описали. Однако, как только фотографию Минди показали по телевидению, ее дети заговорили об этой истории снова. Даже тогда, когда они только рассказали историю, они не упомянули о связи. Только когда они однажды вышли на прогулку и увидели один из флаеров, тогда ее тринадцатилетняя дочь показала на фотографию Минди и сказала:

— Мама, это та женщина, которая не могла ходить, поэтому они несли ее в самолет.

Мое сердце остановилось, когда я спросила, что они имели в виду, когда сказали, что девушка не могла идти. Дина сказала, что она тоже спросила об этом. Женщина не знала. После того, как они повесили трубку, женщина спросила своих детей и перезвонила Дине. Дети сказали, что девушка спала.

Дина сказала, что позвонила детективу, который вел следствие, и он сказал, что займется этим, но она хотела, чтобы я тоже знала. Я искала частные аэродромы, но те, что нашла, были не там, куда указала женщина. Это была главная причина, по которой я ехала на север по I-75.

Съехав с шоссе, я пробиралась в Блумфилд-Хиллс. Когда я ехала по красивому району, я думала о предположении Фостера, что Дилан может позволить себе здесь дом. Честно говоря, было очень плохо, что даже мы с ним вдвоем не могли себе этого позволить. Хотя я не была готова к полному совместному проживанию, но, когда я ехала по извилистым дорогам вокруг величественных домов, я обнаружила, что представляю себе интерьеры с очень хорошей полкой для аквариума Фреда.

Последний известный адрес Уриэля Харриса не был одним из больших домов, расположенных на холмистых улицах. Но адрес привел меня прямо к высоким кованым воротам. Пожав плечами, я припарковала машину, подошла к коробке рядом с воротами и нажала на кнопку.

Тут же раздался мужской голос:

— Чем могу помочь?

— Я ищу Уриэля Харриса.

— Вы ошиблись адресом.

Я знала, что не ошиблась.

— Возможно это его старый адрес. Не могли бы вы мне сказать, как долго он жил здесь?

— Это частная собственность. Я предлагаю вам уехать.

Что ж, это было грубо.

— Спасибо за ваше время, — сказала я и отпустила кнопку.

Вернувшись к машине, я схватила «Никон» и пошла по периметру кованого забора. Казалось, не имеет значения, где я пыталась — я не могла видеть дом, или даже втиснуться между деревьев, чтобы сфотографировать. Хотя на большинстве из них листьев не было, эта собственность была обсажена рядами сосен, создавая живую стену за забором. Я не только не могла видеть дом, я не могла даже примерно понять размер этой собственности. Тем не менее, я сделала несколько снимков.

Я надеялась, что после того, как загружу фотографии, смогу их увеличить и разглядеть больше, чем я могла увидеть лично. Когда я дошла до конца загорода, я заметила, что угол бокового забора указывает на то, что эта собственность сзади была шире, чем спереди. Когда я сделала еще несколько снимков, я решила, что мне нужно получить схему собственности

от оценщика, но сначала я попробую Google Earth.

Только когда я вернулась в свою машину, я заметила у ворот камеры безопасности. Вздыхнув, я боролась с желанием помахать рукой. Хорошо, я не могла их видеть, но, видимо, они могли видеть меня.

Затем я провела целый час раз за разом повторяя маршрут по окрестностям. Если и была взлетно-посадочная полоса возле Вудвард Авеню и Иствей Роад, я не смогла ее найти. Я даже не смогла найти подъездную дорогу. Может быть, я смогла бы, но вместо открытой улицы это была еще одна из закрытых частных подъездных дорог, таких как адрес на Кингсвэй Трейс. Чем больше я ездил, тем больше разочаровывалась.

Тупики, как я чертовски устала от тупиков!

Пока я возвращалась в телестудию, жалея об отсутствии прогресса, зазвонил мой телефон. Имя Дилана появилось на экране в моей машине. Прикоснувшись к зеленой иконке, я произнесла, — Привет.

— Стелла?

Его голос звучал несколько иначе. Может, что-то случилось на работе.

— Эй, все в порядке? Обычно ты не звонишь в течение дня.

— Где ты?

Дерьмо!

Меня так расстроили тупики, что я забыла повернуть на шоссе, и была на Вудворд Авеню, приближаясь к Хайленд-Хайтс.

— Где я? Я нахожусь на обратном пути после проверки следа.

Желая честно ответить, что я не нахожусь на Хайленд-Хайтс, я повернула на восток к шоссе, расположенному к северу от города.

— Я просто хотел... Не обращай внимания.

Я не привыкла слышать неуверенность в голосе Дилана.

— Что-то случилось?

— Нет, просто мне было интересно, могли бы мы поужинать сегодня вечером? — Его тон стал легче. — Или у тебя снова в планах пить с пожарником?

Я засмеялась.

— Ужин звучит отлично, но сегодня ночью мне нужно быть дома. Поработать немного за компьютером.

— Ты слишком много работаешь.

— Не обязательно весь вечер работать. Ты мог бы остаться?

— Только, если ты позволишь мне пригласить тебя поесть.

— Звучит отлично. После работы я отправлюсь домой, ты можешь подъехать позже. А потом пойдем поужинать.

— Увидимся вечером.

После ужина, пока я загружала фотографии, Дилан сидел на диване в моей квартире. Его ноги лежали на пуфике, он смотрел телевизор. Глядя на него, я размышляла, так ли себя ощущают два человека, которые вместе уже столько, что между ними появился комфорт. Я действительно никогда не встречалась с мужчинами достаточно долго, чтобы продвинуться до этой стадии. Возможно, это случилось потому, что я узнала о его родителях, но с того утра несколько дней назад, я поняла, что думаю о нем намного больше.

Как только фотографии загрузились, я ввела адрес дома, у которого побывала. Google Earth не покажет мне точные размеры объекта, но мне было любопытно, что находилось за этими воротами. Дом был огромным — неудивительно, что он оценивался более чем в 7 миллионов долларов. Там были бассейн и теннисные корты. За теннисными кортами было несколько зданий размером поменьше, а за ними, в стороне от дороги, ближе к Иствэй, оказалось то, что я искала. Взлетно-посадочная полоса.

— Твою ж мать! — Воскликнула я.

— Что? — спросил Дилан, стоя за моей спиной.

Я помотала головой.

— Если честно, не знаю. — Я указала на экран. — Видишь это?

Его руки стиснули мои плечи, когда его лицо приблизилось к моему. Я повернулась и увидела, как сжались его челюсти.

— Это взлетно-посадочная полоса, — объяснила я, когда он ничего не сказал.

— Ты хочешь полетать? — спросил он сквозь стиснутые зубы.

— Нет. Смотри, Дина Роузмонт рассказала мне про тот звонок, который она получила от того, кто увидел ее листовку. Она сказала, что позвонившая рассказала историю о том, что видела женщину, которая по описанию похожа на Минди, когда ее сажали в самолет.

Дилан развернул мой стул, наши носы чуть не столкнулись.

— Ей нужно было рассказать об этом Департаменту полиции Детройта, а не тебе. У тебя слишком много дел. Я беспокоюсь о тебе.

Я поцеловала его.

— Я тоже беспокоюсь о тебе. Ты узнавал о том, чтобы взять отгулы на Рождество? И не волнуйся, она звонила в ДПД. Ты слышал об этом?

— Нет, меня не касается ее дело напрямую. — Он пожал плечами. — Ты не хотела, чтобы я участвовал.

— Ты прав. Ты занимаешься убийствами. Я предпочла бы, чтобы ее случай не дошел до тебя.

— Так вот, где ты была сегодня, проверяла этот след?

Я кивнула, несмотря на то, что я была там и из-за своего сюжета. Наше соглашение предусматривает обсуждение рабочей информации, связанной только с поиском Минди. Поворачиваясь к экрану, я ответила:

— Да, я не могла найти это.

— Ну, я думаю, это потому, что он частный. Какая-то леди действительно думает, что видела, как Минди садилась в самолет?

Я покачала головой.

— Она сказала, что ее дети видели женщину, и не как та садилась — ее заносили. Это первая новость, которая дает мне надежду. Я имею в виду, это пугает меня, но, по крайней мере, может быть, есть шанс, что она еще жива. Теперь я хочу узнать, кто владеет этой собственностью. — Я пожала плечами. — Я знаю, кому она принадлежит. Я хочу знать, кто там живет. Наверное, я не понимала, что взлетно-посадочная полоса была на ее территории.

— Что ты имела в виду, когда сказала, что знаешь, кому она принадлежит?

Я накрыла пальцем его губы.

— Мы переходим к информации, не относящейся к делу Минди.

— Стелла, пожалуйста, остановись. Ты слишком умна. Ради твоего же блага.

Я потерлась своими губами о его.

— Я ценю твою поддержку, но если я такая умная, почему все это никак не обретет смысл? Фостер предложил забрать эту историю и оценить ее свежим взглядом. — Вдохнула я.

— Сделай это!

— Ты знаешь, я не могу. Я имею в виду, да, я была у той собственности, но я очень близка к чему-то большему, я это чувствую.

— Бросай свою студию. Ты отлично справишься с работой в ДПД. Ты хороша в этом.

— Оу, не думаю, что мы смогли бы работать вместе. Я думаю, наш стиль больше подходит для частного сыска.

Дилан взял меня за руку.

— Больше никакого компьютера, фотографий или поиска Google Earth. Давай поработаем над тем, что касается нашей совместимости.

Глава 29

Стелла

— Стелла, — сказала доктор Хауэлл, — Мне нужно встретиться с тобой в медицинском центре. Прямо сейчас.

Я заморгала, проснувшись от ее взволнованного голоса.

— В чем дело? — Я сосредоточилась на часах возле кровати; не было еще даже трех утра.

— Мне нужно показать это тебе. Сможешь быть здесь, в реанимации, через полчаса?

В это время утром еще не перегружены дороги, но это все еще было рискованно.

— Я не смогу быть ранее, чем через час. Я поспешу

— Договорились, и, пожалуйста, не говори никому, куда ты собираешься.

Я посмотрела справа от себя и увидела, что Дилан накрыл свою голову подушкой, и ответила:

— Если это так важно, не скажу.

— Поверь мне, так и есть.

— Договорились. Увидимся так скоро, как я смогу. До встречи.

Звонок превался. Дилан закатил глаза, взглянув на мигающие красным светом часы на тумбочке.

— Боже, Стелла, ты когда-нибудь спишь?

Я наклонилась и поцеловала его в губы.

— Спи. Ты можешь запереть дверь, когда будешь уходить. Мне нужно бежать.

Он фыркнул, откинулся назад под подушку и пробормотал:

— Черт, я бы поспорил, но сегодня у меня слишком много всего. Кроме того, ты все равно не послушала бы меня.

Я поспешила в ванную, чтобы привести себя в презентабельный вид, настолько презентабельный, насколько можно быть таким ранним утром. Менее чем через десять минут, одетая в джинсы и готовая идти, я вернулась к Дилану.

— Мне жаль, что я тебя разбудила. Я оставлю ключ на столике у двери, чтобы ты смог запереть дверь. — Я наклонилась и поцеловала его в щеку.

Его манящий аромат, в сочетании с излучающимся теплом манил меня ближе. Температура на улице снизилась в последние несколько ночей, что делало Дилана и мою кровать гораздо более привлекательными вариантами, чем Трейси и интенсивную терапию. Когда я собиралась поцеловать его на прощание, он обнял меня и притянул ближе.

Хриплым с утра голосом он спросил:

— Ключ? Ты даешь мне ключ?

Я пожала плечами в его объятиях.

— Думаю, ты справишься с тем, чтобы запереть дверь.

Зарывшись своим щетинистым лицом в мой затылок, он пробормотал:

— Я верну его сегодня вечером.

Мне потребовалась каждая капелька силы воли, чтобы не забраться обратно в кровать.

— Или ты мог бы оставить его у себя, и тогда, если Фреду когда-нибудь что-нибудь будет нужно, а меня здесь не окажется, ты мог бы заскочить.

— Мог бы. Мы с этим парнишкой по-настоящему сдружились. Ты видела, как он был

взволнован в прошлое воскресенье, наблюдая со мной за «Львами»?

Я засмеялась.

— Да, вы двое — это нечто. Позвонишь мне позже?

— Или, так как у меня есть ключ...

— Я, — Я колебалась, — Ммм... увидимся позже. — Я поцеловала его в щеку и пошла искать свое теплое пальто.

С той ночи, когда неделю назад Дилан остался у меня, он оставался еще на несколько ночей. Раньше я думала о том, чтобы дать ему ключ. В конце концов, у меня был ключ от его квартиры, хотя я не хотела его принимать. Он убедил меня взять его, как и убедил оставить там свою одежду. Думаю, эти две опции шли в комплекте. Однако я никогда не пользовалась его ключом. Наверное, я не чувствовала себя комфортно в его доме без него. Пока я ждала, чтобы прогрелась машина, мои холодные щеки покраснели. Я не чувствовала дискомфорта, оставляя его в своей квартире. Когда я выдохнула, в прохладном утреннем воздухе повисли слабые кристаллики льда. Мой пустой желудок сжался от осознания, что я сказала "пока" сексуальному мужчине в постели, и я почти сказала ему, что люблю его.

Когда, черт возьми, это случилось?

На прошлой неделе, когда я по телефону сказала маме, что пригласила его к нам в гости на Рождество, можно было подумать, что я сказала ей, что одна из моих историй рассматривается для Пулитцеровской премии. Она была в восторге от того, что у меня, наконец, были постоянные отношения. Имея двух дочерей, она очень ждала внуков. В настоящее время все, что у нее было — всего лишь Фред. Мне не поздоровится, когда она узнает, что он не приедет на Рождество. Рыбку стошнит от укачивания в аквариум.

Я покачала головой. Может быть, в двадцать девять лет я была готова встретить будущее с кем-то. Я никогда бы не подумала, что это будет кто-то вроде Дилана, детектива, которого некоторые считают слишком жестким. Однако, когда мы были вместе, я не замечала эту его сторону, не видела того, что подмечали другие.

Суббота, до того, как Дилан и Фред наладили контакт за просмотром футбола, началась немного скомкано. Почему-то он был недоволен моим клубничным вареньем. Я вошла на кухню и увидела, что он рассматривает банку. Когда я спросила его, что случилось, он объяснил, что у него аллергия. Я обещала, что не буду его есть, когда он рядом, но мне хотелось съесть это варенье. Оно было очень вкусным.

Позже в тот же день мы отправились в Дирборн на фестиваль Урожая Яблок. Хотя в моем расследовании, наконец, наметилась связь, и мне хотелось продолжать работать, Дилан уговорил меня прерваться на день. Я улыбнулась, вспоминая. Я наслаждалась прогулкой. Этот день был одним из тех не по сезону теплых осенних дней, подаренных предзимными Богами. С теплым бризом и ясным голубым небом.

Мы ходили, держась за руки, разговаривали, смеялись и наслаждались засахаренными яблоками. Когда наступил вечер, мы присели на плед, другой плед был обернут вокруг наших плеч, пили шипящий яблочный сидр и слушали живую музыку. После, Дилан повез меня домой, и я задремала. Впервые я испытала чувство полной безопасности и удовлетворенности.

Позже, я сказала себе, что дело не только в Дилане. Наметился прогресс в расследовании, достигнутый распутыванием денежного следа вокруг этого "Света". Делая, как предложил Бернارد, я, наконец, соединила несколько точек. Хотя я сделала все это без повторного рассмотрения. В Хайленд Хайтс я планировала вернуться скоро, как только

выпадет первый снег. Мне хотелось доказать, что заброшенное здание вовсе не такое заброшенное. Следы за запертым забором были бы доказательством, и с тем, как стучали мои зубы сейчас, долго ждать снега не придется.

Самая захватывающая связь, которую мне удалось выявить, была та, которой я еще ни с кем не делилась. Она касалась Марселя Кларксона, благотворителя, который пожертвовал здание, где в настоящее время размещался "Свет". Марсель был также первоначальным главным исполнительным директором "Уилкинс Индастриз". Он основал эту частную компанию в 1972, и у него был единственный сын — Гаррисон Кларксон. Момент просветления для меня наступил, когда я поняла, что до 1990 года Габриэль Кларк, основатель "Света" не существовал, а после 1990 года Гаррисон Кларксон прекратил свое существование. В лучшем случае бумажный след кончины Гаррисона был нечетким. В небольшом больничном извещении было указано, что Гаррисон Кларксон умер. Тем не менее, я не могла проверить это с помощью государственных записей о смерти. Единственное упоминание о Гаррисоне было в интервью с Марселем в 1998 году, в котором он упомянул о гибели своего сына.

Хотя веб-сайт "Света" давал немного информации относительно Габриэля Кларка, во всех остальных отношениях он утверждал, что воскрес от пепла тьмы. Предположим, я была права, и он действительно был Гаррисоном Кларксоном, который, возможно, не так далек от правды. Гаррисон вырос в величественном старинном особняке в Анджелле, одном из самых дорогих районов в Анн-Арбор, штат Мичиган. Он наследник старых денег, заработанных за спинами автомобилестроителей. Его отец, Марсель, основал "Уилкенс Индастриз" и разделил семейное состояние во время бума фондового рынка, увеличив эту ценность в геометрической прогрессии. Гаррисон посещал Мичиганский университет, следовал по стопам отца и достиг вершин. Затем в конце 1980-х годов рынки рухнули, и, согласно нераскрытым источникам, последовала семейная вражда. Это произошло примерно в то время, когда исчез Гаррисон и появился Габриэль Кларк.

Если я соединила правильные точки, то Гаррисон Кларксон стал Габриэлем Кларком, божественным проповедником и пророком Божьим.

Начало 1990-х было бумом самопознания. Мужчины и женщины, столкнувшиеся с финансовым опустошением, стекались на семинары самопомощи и мотивации. Из того, что я собрала из архивных рекламных материалов, Отец Габриэль, поскольку он назвал себя именем Архангела, поднялся на вершину. Возможно предопределяя, или, может быть, признавая финансовый потенциал, Габриэль путешествовал по стране, проводя бесплатные семинары для тысяч участников. Каждый семинар рекомендован только участникам, заинтересованным в личном успехе. Согласно данным государственной налоговой службы, в 1992 продажи от его книг, руководств, и видеозаписей превысили 10 миллионов долларов.

Незадолго до наступления нового века, в то же время, когда заболел Марсель, Габриэль отошел от путешествий и решил осесть со "Светом". К тому времени у него был круг из трех доверенных советников, которые были названы в качестве членов его консультативной комиссии. Их имена были перечислены на первоначальной заявке для безналогового статуса: Михаил (прим. пер.: не было среди архангелов Майкла) Джонс, Рафаэль Уильямс и Уриил Харрисон, интересно, что всех звали, как архангелов.

Если Уриил Харрис был Уриилом Харрисом — застройщиком, то мой круг завершен.

Без доказательной базы я предположила, что вражда между Марселем и его сыном закончилась до смерти Марселя Кларксона, потому что в 2001 году объединенные

собственные капиталы Габриэля Кларка и Марсея Кларксона были переведены в "Свет". На бумаге Гаррисон Кларксон или Габриэль Кларк не имел ни гроша.

Моя теория состояла в том, что Отец Габриэль все еще был связан с "Уилкенс Индастриз", организацией, которая также владела "Энтерманн Риалти". Это было загвоздкой, и я работала над подробностями. Однако, если я была права, Отец Габриэль не жил в заброшенном здании церкви в Хайленд-Хайтс. Он жил в особняке в Блумфилд-Хиллс с собственной взлетно-посадочной полосой. Он также не был без гроша в кармане, но, основываясь на планах полета, летал на самолете стоимостью несколько миллионов долларов.

Под его контролем находилось здание старой школы, который гарантировал ему заброшенный вид, и он также контролировал два здания с переходом между ними и идеальным укрытием для производства всего, что он хотел.

Если я доведу свою теорию до следующего логического шага, и мать свидетелей также была права, между "Светом" и пропавшими без вести женщинами имелась связь. Я не была уверена до конца, что сюда можно было также отнести мертвых женщин. Возможно, я пыталась соединить слишком много, но я знала, что, по крайней мере, кое-что для Бернарда у меня есть, и только эта история может заставить его войти в здание старой школы в Глендейле.

Если единственное, что производилось в его стенах, было производство восхитительных консервов, то у нас была история пропавших без вести, возможное налоговое некоммерческое мошенничество и уклонение от уплаты налогов Габриэлем Кларком/Гаррисоном Кларксоном. Если бы вместо этого была связь с историей о наркотиках, расследованием, которой я занималась первоначально, тогда для Бернарда Купера не было бы закрытых дверей. За полторы недели, чтобы сэкономить на крайнем сроке Бернарда, эта история, которая заняла у меня месяцы, могла дать ему возможность выступить на национальном уровне.

Поскольку кусочки паззла только что встали на свои места, я не поделилась ими, но я все сохранила на своем ноутбуке. Каждый день я также отправляла электронные письма себе с прикрепленными архивами, зная, что в случае пожара или взлома они, по крайней мере, существуют в киберпространстве. В качестве одной из последних мер предосторожности я сохранила все на жестком диске, который спрятан в ящике для нижнего белья. Хотя это казалось чрезмерным, я знала, что это важно. По этой причине я намеренно не хранила никакой информации на моем рабочем компьютере.

Я боялась, что сервер недостаточно безопасен.

Под натиском всего этого я стала почти легкомысленной. Я пробивалась через медицинский центр в поисках Трейси. И нашла ее сидящей в зоне для ожидания, ее колени подпрыгивало вверх и вниз. Как только наши глаза встретились, она встала и поспешила в мою сторону. Мой восторг испарился в морщинах вокруг ее глаз и ее нахмуренных бровях.

— Трейси, что случилось? Кто-то, кого ты знаешь...?

В этом не было смысла. Она не позвонила бы мне.

— Нет, — сказала она, беря меня за руку и проводя через двойные двери. — У меня есть хороший друг, который работает врачом на скорой помощи. Мы вместе оканчивали медицинскую школу. — Она говорила шепотом. — Несколько недель назад мы говорили о необычных случаях. И я упомянула о некоторых вещах, которые мы с тобой обсуждали. Затем прошлым вечером она позвонила мне. — Пока мы двигались по тихому коридору,

было заметно, что она сильно нервничает. — Я обещала ей, что ты не будешь называть ее имя. Это серьезное нарушение "Сохранения медицинской страховки и Закона об ответственности", но, когда она рассказала мне о кончиках пальцев женщины, я пришла посмотреть. Вот тогда я тебе позвонила. — Мы остановились в отдельной комнате, где из-за двери раздались звуковые сигналы.

Трейси сжала мою руку и взволнованно прошептала, — Подожди, пока ты сама все это не увидишь!

Мое сердце усиленно забилося, когда мы приблизились к женщине в кровати. Она была подключена к множеству трубочек, соединенными с оборудованием. Ее правая щека была опухшей, пурпурного цвета, глаза закрытые. Трейси взяла руку этой женщины и повернула ее ладонью вверх. Ее пальцы были белыми, кожу недавно сожгли.

Я ахнула.

— Она говорила? Кто-нибудь знает, что случилось?

Трейси покачала головой.

— Нет, ее нашли возле Вудвард Авеню и Ричтон Стрит, бегущей и спотыкающейся без пальто и обуви. Водитель автомобиля поднял ее и привез сюда.

Мужчина сказал, что она была едва в сознании, когда он ее нашел, но к тому времени, когда он привез ее, она уже была без сознания.

— Она сказала ему что-то? Звонили в полицию?

— Я ничего не знаю о человеке, который привез ее сюда. Только то, что я тебе рассказала. ДПД прибыли, как только ее привезли сюда, но ничего нельзя сделать без ее заявления.

Я осмотрела ее с головы до ног, видны были только верхняя часть груди, голова и руки.

— Другие травмы?

Трейси кивнула.

— Опять же, у меня мало информации. Мы должны уйти отсюда, пока нас кто-нибудь не заметил. Именно поэтому я хотела, чтобы ты приехала сейчас, до утренней суматохи.

— Мы прошли через пост медсестер, — напомнила я ей.

— У меня есть несколько друзей. Официально, нас здесь никогда не было.

Я коснулась руки женщины и подумала о жертвах в морге Трейси. К счастью, несмотря на то, через что она прошла, эта женщина была теплой.

— Давай убираться отсюда, — сказала Трейси. — Пока ты обещаешь ей анонимность, моя подруга, которая была лечащим врачом прошлой ночью, сказала, что поговорит с тобой.

Я согласилась.

Несколько минут спустя мы сидели в кафетерии госпиталя, за чашками горячего кофе и говорили с доктором Дженнингс, молодой женщиной азиатского происхождения, с уставшими глазами и зачесанными назад волосами.

— Ты не можешь на меня ссылаться, — начала она.

Я помотала головой.

— Не буду. Я обещаю. Спасибо, что согласились поговорить.

Она кивнула на Трейси.

— Она рассказала мне, что ты пытаешься сделать. Как только я увидела кончики пальцев, я вспомнила истории Трейси. Поэтому и позвонила.

— Пациентка сказала что-нибудь?

— Нет, когда ее привезли, она была без сознания. Не только из-за полученных травм,

она поступила с переохлаждением. Я думаю, прошлой ночью было около минус семи градусов.

Я сделала глубокий вдох.

— А что насчет доброго самаритянина, который подобрал ее? Ему она что-нибудь сказала?

Доктор Дженнингс покачала головой.

— Он сказал, что ее речь была бессвязной, она все время говорила про свет. — Доктор Дженнингс потеряла виски. — Бедняга сказал, что он все время говорил ей не подходить к нему. Думаю, он боялся, что она может умереть прямо в его машине.

Мое тело охватила дрожь. Мне нужно поговорить с этой женщиной или с мужчиной, который ее спас. Свет должен был быть "Светом", он просто должен был им быть. Это было бы связью с мертвыми женщинами.

Доктор Дженнингс согласилась, что я могу подождать, пока пациентка не придет в себя, и если это произойдет до того, как узнают ее личность, и ее семья или полиция вмешаются в дело с запретом на посещения, я смогу с ней поговорить.

Я с нетерпением ждала, желая, чтобы мой ноутбук оказался здесь, чтобы я могла записать мои наблюдения и выпить третью чашку кофе. Без еды желудок продолжало крутить, создавая узлы на узлах. Возможно, именно поэтому я удивилась, когда одна из медсестер из отделения интенсивной терапии хлопнула меня по плечу.

— Мисс Монтгомери?

— Оу! Да, пациентка очнулась?

— Нет, мэм, еще нет. Однако, вас кое-кто ожидает у поста медсестер.

Я распрямила плечи.

— Меня?

— Да, мэм. Он попросил, чтобы я нашла вас.

Я кивнула.

— Хорошо, — я поднялась, — спасибо.

Когда я следовала за крупной женщиной в темно-синем костюме, мой разум пытался понять, кто мог вызывать меня в больнице. Еще не было семи часов утра, и я даже не сказала Бернаруду или Фостеру, где я.

— Привет? — спросила я осторожно.

— Стелла Монтгомери?

Мой лоб наморщился.

— Да?

— Меня зовут Пол. Я тот, кто нашел эту женщину прошлой ночью в Вудворде. У меня есть несколько минут до работы, если вы хотите получить мое заявление.

Мой усталый разум возвращался к жизни.

— Да, Пол. Я с удовольствием сделаю это. Спасибо большое, что помогли ей и говорите со мной. Могу я узнать вашу фамилию, и где мне встретиться с вами?

— Я предпочел бы сделать это без протокола, так что никаких имен и фамилий. Но я хочу помочь этой женщине. Я работаю в химчистке на Гранд Бульвар в новом центре. "Мартинс". Мы можем встретиться там?

Мое тело покалывало от волнения.

— Да, я понимаю. Я не буду называть ваше имя. Буду там меньше чем через полчаса.

— Там людно в это время суток, но в двух кварталах от Рынка и Стейт-Стрит есть парковка.

«За Рынком и Стейт-Стрит», — сделала я пометку в уме.

— Спасибо, Пол, я приеду.

Вероятно, это из-за кофе и отсутствия еды, но когда я приблизилась к рынку, моя хватка на руле усилилась. Это была не улица, а большое здание, заполненное разными заведениями. Оно называлась иначе, но люди, знакомые с этим районом называли его «Рынок». С годами местные укоротили его, называя просто Рынок. Свернув с главной улицы, я повернула на Стейт-Стрит. В этом районе было больше переулков, чем улиц. На площади толпилось много обслуживающего персонала.

Опустив стекло со своей стороны, я спросила:

— Можно здесь припарковаться?

— Пять баксов за час, тридцать за весь день, — сказал мужчина, протягивая мне талон.

Когда я положила талон на приборную панель, экран в моей машине зажегся, указывая на новое текстовое сообщение. По привычке я нажала кнопку для разговора.

Текстовое сообщение от Трейси Хауэлл:

Я ПОГОВОРИЛА С ПОЛОМ СВИВЕЛОМ, ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ НАПИСАЛ ТЕБЕ СМС-СООБЩЕНИЕ ПРОШЛОЙ НОЧЬЮ. ОН СКАЗАЛ, ЧТО ПОДУМАЕТ НА ТЕМ, ЧТО СДЕЛАТЬ ДЛЯ ТЕБЯ ЗАЯВЛЕНИЕ. БУДУ ДЕРЖАТЬ ТЕБЯ В КУРСЕ.

Когда я оглянулась на оператора парковки, большой чернокожий мужчина вдруг показался мне смутно знакомым.

Затем была жалящая боль в шее, и мой мир погрузился в темноту.

Глава 30

Бернард

Я отправил еще одно смс Стелле. Это было четвертое. Она никогда не игнорировала мои сообщения раньше. Я знал, что был тем еще засранцем с жесткими требованиями к срокам, но были и другие истории, которыми она могла заняться. Она сказала, что это не из-за Минди, и она просто продолжала проверять след, но я нутром чуял, что Стелла врет. Я также знал, что, если она сможет соединить все точки, если были точки для соединения — это выльется в ту еще статейку. Именно по этой причине я предоставил ей так много времени. Это не значит, что так бы поступил с ней кто угодно. Она работала на меня. Я работал на станцию, и канал не ставил под сомнение мое распределение часов.

Я взял телефон со стола и набрал Фостера.

— Слышал сегодня что-нибудь от Стеллы?

— Нет, она, вероятно, проверяет одну из своих зацепок. Она очень переживает о том, чтобы установить связь между всеми собранными фактами.

— Она говорила тебе что-нибудь об этом? — Спросил я.

— Кое-что. Я знаю, что она проверяет собственность принадлежащую "Энтерманн Риалти". Там есть что-то касающееся частной взлетно-посадочной полосы в Блумфилд Хиллз. Это все, чем она поделилась.

— Я хочу, чтобы она ответила.

— Бернард, она не Минди. Она умна и обладает хорошим чутьем. К тому же, за ней приглядывает Ричардс. Дай ей немного пространства. Она ответит.

Я потер виски. Вероятно, он прав. Исчезновение Минди подкосило нас всех.

— Эй, кстати о Ричардсе, что ты узнал о нем?

— Ничего такого, чего мы уже не знаем. В каком-то особняке была какая-то причудливая штука со счетом за коммунальные услуги, но ни один из них не проверен. Стелла сказала, что его родители умерли. Это проверено. Все остальное было довольно скучно.

Я покачал головой.

— Отлично. Если ты услышишь что-нибудь от нее, дай мне знать.

— Само собой.

За этим последовали встречи, звонки и различные дела. Было уже почти пять вечера, когда Фостер постучал в мою дверь.

— Я ухожу. Я ничего не слышал от Стеллы, а ты?

Дерьмо!

— Нет, задержись на секунду. Давай я снова наберу ее. — Я уже трижды звонил ей, и отправил несчетное количество смс. Как и в прошлые три раза, звонок был перенаправлен на голосовую почту. Я покачал головой.

— Что насчет...? — спросил Фостер.

— Ричардса? У меня где-то был его номер.

Фостер прикрепил записку на моем столе.

— Я признаю, вопрос Минди меня тоже беспокоит. Стелла умная девочка. Я уверен, что все хорошо. Просто хотелось бы знать.

Кивая, я набрал номер с записки Фостера. Ричардс ответил после третьего гудка.

— Ричардс.

— Это Бернард Купер. Мне было интересно, разговаривал ли ты со Стеллой сегодня.

— Этим утром. Почему ты спрашиваешь?

— Когда этим утром?

— К чему эти вопросы? Куда ты ее отправил? — Голос Ричардса становился громче.

— О чем ты говоришь? Я никуда ее не отправлял. — Мои глаза встретились с Фостером.

— Конечно, отправлял, — ответил Дилан Ричардс. — Ранним утром она говорила по телефону. Я не знаю, что-то типа в три часа или около того. Черт, я не помню. Я снова заснул.

Мое сердцебиение ускорилося.

— О чем ты, черт побери, говоришь? Я не звонил ей в три часа утра.

— Ну, блять, кто-то же звонил. Она убежала.

Я покачал головой.

— И ты понятия не имеешь, куда она могла уйти?

— Послушай, — сказал Ричардс, делая голос тише. — Скажи, что она предупредила с том, куда ходила, когда добралась до станции.

— Вот именно. Сегодня она не приезжала на телестанцию. Я не мог связаться с ней весь день.

— Что насчет ее квартиры?

Я покачал головой.

— Что именно?

— Может быть, она вернулась домой и заснула. Было очень рано, когда она ушла.

Я сделал глубокий вдох, мой взгляд все еще был прикован к Фостеру.

— Фостер со мной. Встретимся с тобой там.

— Договорились, черт. У меня есть ключ. Я буду там через сорок минут.

— Ричардс, я звоню в полицию, чтобы они подъехали туда. — Мою грудь сдавило при следующем предложении. — В том случае, если это криминал... — Я не мог произнести этого вслух.

— Отлично, я не буду входить, но я буду стучать в нее, что есть силы, пока не выбью все дерьмо из этой чертовой двери. Лучше бы это была неудачная шутка, иначе...

Моя шея напряглась.

— Иначе что?

— Ты знаешь, куда ты отправлял ее. Разве тебя не должна волновать ее безопасность?

— Ричардс, заткнись! Через сорок минут мы будем там вместе с полицией.

— Я и есть полиция. Я возьму с собой кого-нибудь.

Неделю спустя и по-прежнему тишина. Тем вечером в квартире Стеллы мы никого не нашли. Пусть мне и не нравился Дилан Ричардс, но мужчина был опустошен. С сотрудниками полиции, которые сопровождали его и нас, у нас там набралась чертова куча офицеров. Он держался лучше, чем большинство, учитывая его ситуацию с пропавшей девушкой, но как только толпа рассосалась, он плохо старался скрыть разочарование и

отчаяние. Я говорил с ним почти каждый день.

Полицейские описали ее квартиру, перед этим тщательно обыскав. Пропал ее ноутбук. Я иногда видел, как она работала на нем. Все мы предположили, что она забрала его в то утро с собой. Ричардс сказал, что он не знает. Он уснул сразу после того, как она ушла. Ни флэш-накопителей, ни жестких дисков не найдено.

Судмедэкспертам удалось получить адрес от ее маршрутизатора. При этом команда искала ее ноутбук. Все, что потребуется для обнаружения, чтобы он был включен и подключен к Wi-Fi. Его не включали с той ночи, как она исчезла.

Фостер получил доступ к ее личным и рабочим письмам, а также к ее истории поиска на компьютере в телестудии. История поиска подтвердила ее расследование по "Энтерманн Риалти" и "Уилкинс Индастриз". Она что-то искала в Google Earth, но что она пыталась найти неизвестно. Когда Фостер расширил поиск во времени, он наткнулся на ее предварительное исследование собственности на Глендейл Авеню в Хайленд Хайтс. Именно это побудило ее копаться в "Энтерманн Риалти". Фостер сказал, что видел список их собственности, но этого не было в ее электронной почте. Мы могли лишь предположить, что она удалила электронную почту, чтобы защитить свой источник. Конечно же, корзина ее почтового ящика была пуста. Один из самых старых и, как правило, наиболее надежных способов резервного копирования информации — отправить его по электронной почте. Нет никаких доказательств того, что Стелла это сделала.

Единственным источником информации был ее телефон. Ей звонили в 2:48 утра, в день ее исчезновения. Звонок был от помощника судебного патологоанатома Центра Медицинской Экспертизы Округа Уэйн с личного номера. Доктор Трейси Хауэлл утверждала, что она и Стелла подружились, и призналась, что звонила ей и попросила Стеллу встретиться с ней в медицинском центре, чтобы увидеть пациента. К сожалению, пациентка, о которой она упоминала, так и не была опознана и теперь находится в Морге Округа Уэйн. В медицинском центре проводилось внутреннее расследование, но первичная информация указывала на то, что у пациентки была тяжелая аллергическая реакция на обезболивающие препараты. Анафилактический шок произошел до начала лечения и привел к смерти.

С телефона Стеллы в день ее исчезновения не поступало никаких звонков или текстовых сообщений. Звонки от Ричардса, Фостера, меня и Трейси Хауэлл были получены, но на них так и не ответили. Некоторые из нас оставили сообщения на ее голосовую почту. Текстовые сообщения были получены от доктора Хауэлл, Ричардса и меня. Больше ничего.

Ее машина была обнаружена на следующий день после исчезновения Стеллы на стоянке в Новом Центре. Лабораторные проверки ничего не дали. К сожалению, Стелла выбрала один из немногих участков на парковке Нового Центра без видео или даже фото наблюдения.

Каждый день был хуже предыдущего. Две женщины, работающие в WCJB, официально пропали без вести. Исчезли из поля зрения. Растворились в воздухе.

Глава 31

Сара

Однажды июньским утром, Дина и я встретились с Рейчел и Элизабет в кафе перед работой. Поскольку членам Собрания нужно было быть на Собрании рано, накануне вечером на молитве Рейчел упомянула, что мы должны начинать свой день с друзей. К моей радости, наши мужья согласились на это необычное импровизированное свидание. Стоя за высоким столом, я помешивала сливки в кофе и слушала, как другие жены болтали о всяких пустяках. Когда что-то было сказано о тьме, мои уши оживились.

Я наклонилась над столом и тихо произнесла.

— Я знаю, что не должна, но мне хотелось бы вспомнить. Я думаю, это здорово.

— Я ничего не помню, — сказала Дина. — Я думаю, что заблокировала свои воспоминания.

Элизабет вздохнула, ее зеленые глаза повлажнели.

Я протянула ладонь и прикоснулась к ее руке.

— В чем дело?

Она опустила глаза.

— Ничего.

Рейчел обняла Элизабет.

— Может быть, пойдем куда-нибудь в более уединенное место?

Выпрямившись Элизабет стала еще выше, чем была, она сглотнула и кивнула.

— Увидимся позже, — сказала Рейчел, когда повела Элизабет подальше.

Я повернулась к Дине.

— Что это было? Я никогда не видела Элизабет в таком состоянии.

Дина наклонилась.

— Я чувствую себя глупо. Я даже не думала.

В моих глазах отразился немой вопрос.

— Ей нельзя говорить об этом, но однажды она открылась на молитвенном собрании.

Ты, должно быть, не помнишь.

— Не знаю, но если бы она однажды сказала это при мне, разве будет неправильно, чтобы ты поделилась со мной?

Она сморщила нос.

— Я так не думаю, но не здесь. Пойдем в лабораторию. Братья Рафаэль и Бенджамин будут на встрече еще какое-то время.

Опустошив наши чашки, мы вышли из магазина и направились в лабораторию.

Как только мы оказались там, она выдохнула.

— Элизабет любит Отца Габриэля, "Свет", и Брата Люка. Она будет первой, кто скажет тебе, что она не сожалеет о "Свете", но раз в год, в ее День Рождения она грустит.

Я покачала головой.

— Мы не празднуем Дни Рождения. — Это было то, что я выучила ранее с Сестрой Лилит.

Губы Дины вытянулись в прямую линию.

— Это не значит, что их нет.

Я кивнула.

— Хорошо, но почему она печалится?

— Во тьме у нее была сестра, сестра-близнец. Как она рассказывала, они приняли решение следовать за Отцом Габриэлем вместе, но после того, как они это сделали, ее сестра изменила решение. Элизабет не упрекает сестру за ее выбор. В конце концов, мы все здесь, потому что хотим быть здесь, но она сказала, что ей так и не предоставили шанс попрощаться с сестрой. Будучи близнецами, они были очень близки. Она сказала, что знает, что тьма — это не смерть, но после того, как Брат Люк сказал ей, что ее сестра передумала, Элизабет почувствовала потерю, как будто ее сестра умерла. Как и все мы, Элизабет была готова бросить всех и все из тьмы. Она просто не ожидала, что придется отказаться от своей сестры. Это беспокоит ее больше всего в день ее рождения. — Дина пожала плечами. — Их день рождения.

— Ох, бедная Элизабет.

— Пожалуйста, не говори ей об этом. Конечно, мы все были рады, что можем помочь, но Брат Люк не одобрил ее признание. Как ты знаешь, Элизабет, как правило, является образцом послушания. Быть наказанной за ее просьбу помочь ей вспомнить, не дает ей это сделать снова.

Воспоминания!

Я кивнула.

— Спасибо, что рассказала.

В стенах общины не было лишнего пространства, но на северной стороне было несколько акров леса с тропинками. Когда я впервые проснулась после аварии, было начало темного сезона. Сейчас мы пребывали в полном свете. Несмотря на то, что в «Северном Сиянии» никогда не было тепла, в конце июня стало значительно теплее, чем в ноябре.

— Поторапливайся, — подразнил меня Джейкоб и побежал вперед.

— Бегу, — сказала я со смехом, пока мои ноги ступали по жесткой грязи и мои легкие наполнялись свежим воздухом.

В последнее время Джейкоб все больше пропадал на работе, в том числе и по ночам. Тем не менее, как только стало теплее, всякий раз, когда он был дома, мы пробовали совместные пробежки, или рано утром, до того, как начинался наш рабочий день, или позже, перед ужином. В первый раз, когда он упомянул о беге, я впервые вспомнила то воспоминание, которым я поделилась с Элизабет шесть месяцев назад. Хотя Джейкоб сказал, что мы регулярно бегали раньше, первый прогон с тех пор, как я очнулась, случился в апреле, когда спали морозы. Два месяца спустя мы все еще бегали вместе.

Добежав до конца леса, мы подошли к небольшой лужайке перед внутренней стеной. Над нами было яркое небо, Джейкоб взял мою руку и вывел нас к границе. Глядя на стену, я подумала о беге на длинные расстояния. Не о побеге, а просто о большем пространстве.

— Я хотела бы спросить — могли бы мы поехать к ангару и побегать там, где у нас было бы больше пространства, но...

— Ты не хочешь, чтобы тобой полакомились полярные медведи? — Спросил он с ухмылкой.

— Да, это большой сдерживающий фактор.

— Но, — дразнил он, — только подумай, как быстро ты побежишь.

Улыбаясь, я прильнула к нему в объятии.

Теперь, когда я больше не проходила то, что он называет "интенсивный курс запоминания", я любила то, каким он был, когда мы наедине. Его остроумие и юмор, заставляли меня смеяться. Это не означает, что он не исправлял меня. Это означало, что часто в этом не было необходимости.

Как избранные, мы обязаны показывать пример для последователей, поэтому в общественных местах мы не демонстрировали привязанность. Однако, бег, особенно ранним утром, давал нам немного больше свободы. Несмотря на то, что здесь мы были одни. Встав на носочки, я поцеловала его в щеку.

— Знаешь, мне это нравится.

Его черты смягчились.

— Знаю. Как и мне.

Я вздохнула.

— Это странно, но это одна из немногих вещей, которые, я думаю, что помню.

Он поцеловал меня в макушку и поиграл с моим все еще коротким хвостиком.

— Кто знает, может быть, ты вспомнишь больше.

Моя рука все еще была в его руке, мы пошли по тропинке, и я призналась:

— Не хочу показаться эгоисткой, но я скучаю по тебе, когда ты уезжаешь. Хотела бы я, чтобы твои полеты не были столь частыми.

— Ты знаешь, что я... — Он имел в виду, что его наделили большей ответственностью, но Джейкоб не мог сказать больше.

Я кивнула.

— Я знаю, что ты не можешь сказать, и я не спрашиваю. Но меня интересует кое-что другое.

— Тебя интересует? Эта любознательность, твой неординарный ум меня пугает. Иногда ты слишком умна на свою беду.

Я больше не говорила, вместо этого я игриво закусилла свою нижнюю губу.

Джейкоб поцеловал мои надутые губы. Сверкнув глазами, он сказал:

— Вперед. Что тебе интересно?

— До моего несчастного случая, говорили ли мы когда-нибудь о детях?

Джейкоб замер. Когда я посмотрела вверх, его лицо было пепельно-серым, как будто вся кровь отлила от его щек.

— Говорили, — наконец-то признался он.

— Говорили?

— Мы решили, что еще не готовы. — Он продолжил идти.

— Мы решили, или ты решил?

— Сара, несмотря на то, что ты сомневаешься, это решение мы приняли вместе.

Я вздохнула.

— Тогда я хотела бы попросить пересмотреть наше решение.

Он поцеловал меня в щеку. Освободив мою руку, усмехнувшись, он продолжил идти, и крикнул через плечо:

— Если мы поторопимся домой, то сможем потренироваться. — Он пожал плечами.

— Я бы хотел убедиться, что мы все делаем правильно.

И хотя я отрицательно покачала головой, я не могла перестать улыбаться. Я была уверена, что мы все делали верно, но в этом вопросе практика не бывает лишней. В мгновение ока мы побежали рядом, назад через лес. И вернулись мы в общину по нашей дороге. Когда мы приблизились к квартире, я подумала о детях в яслях. В последнее время я бывала там, чтобы встретиться с женщиной-последователем. Часто я держала и качала одного из младенцев, когда она делала то же самое, и мы разговаривали. Сначала маленькие человечки казались чужими, но теперь я была рада бывать там. Их нежная кожа и сладкий аромат пробудили что-то во мне. Может быть, это было похоже на Джейкоба со мной. Я хотела любить кого-то так сильно, чтобы ощущать полную ответственность за него, как будто он был моим.

Когда Джейкоб помогал мне избавиться от моей одежды, я увидела противозачаточные таблетки, которые принимала каждое утро. Идея о том, чтобы не принимать их больше, казалась все более и более привлекательной. Я, наверное, заслужу наказание за принятие такого решения без разрешения Джейкоба, но я знала своего мужа. Как только он узнает, что у нас будет ребенок, он не сможет расстраиваться долго; он не сможет.

Как только мы оба были полностью обнажены, Джейкоб подхватил меня в объятия и притянул ближе. Несмотря на то, что наша кожа была теплой и скользкой после пробежки, и на улице было не холодно, как только моя грудь прижалась к его груди, гусиная кожа покрыла мое тело и соски затвердели. Запах желания, смешанный с обычным запахом его кожи и мускуса, создавал опьяняющую смесь. Вдыхая, я прислонилась своим лицом к его и хмыкнула.

— Ты знаешь, мне нужно быть в лаборатории к девяти, и ты должен быть на Собрании.

— Преимущество жизни в общине заключается в том, что наше время на дорогу сократилось до минимума.

Я покачала головой. Он прав. Мы оба могли добраться на работу менее чем за пять минут.

Ослабив объятия, Джейкоб потянул меня за руку. С хитрой ухмылкой и его сексуальным, хриплым голосом, он сказал:

— Я думаю, нам обоим нужно в душ.

— Я думала, ты обещал мне сеанс практики?

— Я готов на все, чтобы убить двух зайцев одним выстрелом.

Когда Джейкоб включил душ с теплой водой, мышцы на его руках, спине и тугой, обнаженной заднице напряглись, заставляя мои внутренности плавиться от вида этого великолепного мужчины передо мной. Только мимолетно я вспомнила душ после моей аварии. В то время прикосновения моего мужа были нежными, но отчужденными, и он явно боялся причинить мне боль. В любом случае, он больше не был робким. Я принадлежала ему, и он подтверждал это всякий раз, когда желал. Но когда он делал это, то всегда с полным почтением, всегда удостоверившись, что я хочу и готова для него. Ему не стоило переживать, от одного только звука его хриплого голоса и того, как его глаза мерцали от похоти, я была готова. Я не могла вспомнить, чтобы у меня когда-либо были проблемы с желанием.

Но это не значит, что я хотела отказаться от ласк.

Под теплыми брызгами я откинула голову назад, когда с моих губ сорвался стон. Пока моя грудь охотно подвергалась его мастерским ласкам, я провела пальцами по его темным волосам и притянула его рот ближе. Щетина на его щеках создавала идеальное трение,

словно лихорадка разгоралась во мне, заставляя воду шипеть, когда она попадала на нашу разгоряченную кожу. Ощущения, от того, как его язык и губы дразнили мои торчащие соски, посылали импульсы по всему телу. Со временем его ласки вызвали у меня судороги, когда он схватил меня за попку и крепко притянул к себе, вжимаясь своим членом мне в живот.

Я была уже не просто готова, мое тело ощущало болезненную необходимость, когда мои внутренности напряглись, я умоляла:

— Пожалуйста.

Резонирующий рык наполнил ванную комнату, когда его пальцы исследовали, без сомнения, изучая, насколько я его жду.

Одним пальцем внутрь и наружу, а затем двумя...

Я пробовала его соленую кожу, когда мой язык и губы целовали и сосали его колючую шею. Мой захват на его широких плечах стал крепче, когда мое тело без колебаний отвечало на его прикосновения. Как только мое дыхание участилось, и я была готова дрожать в его объятиях, его сильные руки подхватили меня, прижимая к мокрой плитке. Когда он продолжил свое эротическое нападение, вызывая во мне наслаждение, подталкивая меня к краю, мои ноги сжались вокруг его талии. Как раз перед тем, как я пала в экстаз, его пальцы выскользнули, и мы слились вместе.

— О-о, Боже, Джейкоб, — простонала я. Мое сердце сжалось, пока я привыкала к его размеру. Восхитительная длина заполнила меня, электризуя каждый нерв в теле. От кончиков пальцев рук до кончиков пальцев ног зажглись искры.

— В тебе так хорошо, — сказал Джейкоб. — Мне всегда будет мало, когда я внутри тебя.

— Именно там, где я и хотела, — промурлыкала я.

Его губы захватили меня, проглотили мои слова и звуки. Наши языки танцевали под песню, которую пели наши тела. Он создавал ритм, но мелодия шла от нас обоих. Сочетание его резонирующего шипения, моего хныкающего желания и шлепков кожи о кожу, наполняло душ неразличимым звуком двух людей, движущихся синхронно и потерявшихся друг в друге. Мы двигались вверх и вниз, пока искры, которые он зажигал, не взорвались.

Когда я снова подобралась к краю, у меня перехватило дыхание, и ноги свело.

Он не останавливался. Он знал мое тело лучше, чем я. Он знал признаки того, что я близка. Стиснув мою грудь, он приказал:

— Давай, Сара, кончи для меня.

Фейерверки, вулканы и звезды, падающие с неба, бледнели по сравнению с этим взрывом.

Я закричала, когда все клеточки внутри меня разрядились, оставляя меня опустошенной, поддерживаемой только его руками. Держась крепко, я прижалась к его шее, пока волна за волной прокатилась по мне, вызвав неконтролируемые судороги. Еще один толчок, и я вовремя открыла глаза, чтобы посмотреть, как его красивое лицо переходит от напряжения к полному блаженству. Несколько секунд спустя глаза Джейкоба встретились с моими, и я улыбнулась.

Увидев его таким, я поняла, какое влияние оказывала мужа. Он отвечал за наши жизни, но у меня тоже была власть. С лукавой усмешкой я призналась:

— Наверное, я не смогу стоять.

Его улыбка стала шире.

— Я держу тебя.

Выдохнув, я сказала:

— Думаю, тебе придется меня отпустить. Я не совсем готова к работе.

— Ох, не переживай. — Он поцеловал меня в лоб. — С этим я тебе тоже помогу.

Мои поцелуи скользили от его плеча к груди, когда он опустил мои ноги на пол.

— Как мне удалось заполучить такого услужливого мужа?

— Повезло, наверное, — сказал Джейкоб с ухмылкой, когда потянулся за моим шампунем.

Я почувствовала, как мои щеки покраснели, я любила это выражение его лица и тон его голоса. Я не знала и не могла спрашивать о вещах на Собрании, или о его полетах, но я знала, что в последнее время он казался уставшим. Это было не то, о чем он рассказал, более того, об этом он не говорил. Единственное, чем он поделился, это то, что Хавьер — пилот, который помогал в «Северном Сиянии», заболел, и пока не было замены, у него и Брата Мики было больше работы.

Я очень хотела ему помочь, но, чтобы не показаться непослушной, я не могла расспрашивать его о проблемах, вместо этого я помогала ему расслабиться. Бег был одним из способов расслабления, но я была свидетелем выражения его чистого блаженства только после того, как наши тела сливались воедино. Даже, если бы я не любила каждую секунду занятий любовью с моим мужем, тогда я... я бы охотно отдавала себя, чтобы это увидеть.

Пока он втирал шампунь в мои волосы, цветочный аромат сменил мускус, и теплая вода продолжила идти дождем.

— Как ты думаешь, я могла бы когда-нибудь полететь с тобой? Так бы нам не пришлось разлучаться, — спросила я.

Позади меня Джейкоб напрягся. Я повернулась, положив руки на его грудь.

— Прости, я не должна была это говорить.

Один уголок его губ приподнялся.

— Не извиняйся за то, что хочешь быть со мной. Мне нравится, когда ты рядом.

Я выдохнула и развернулась обратно.

— Я знаю, у меня есть моя работа и это нельзя сделать без разрешения, но, если бы я могла, я с удовольствием сделала это.

— Где бы мы ни находились, я люблю тебя. — Он поцеловал меня в шею.

Когда я вытянула шею навстречу его губам, мое сердце встрепенулось от наполненности чувствами. Мы поцеловались.

— Я тоже тебя люблю.

Глава 32

Джейкоб

Небольшая взлетно-посадочная полоса, расположенная в неприметной долине Скалистых гор, находилась около Уайтфиш, в Монтане, по прямой. Для того, чтобы добраться от Уайтфиш до «Западного Сияния» необходимы внедорожники. Доступ к кампусу общины «Западного Сияния» по суше был почти таким же трудным, как и дорога до «Северного Сияния» на Аляске. Таков был план Отца Габриэля — держать их в отдалении.

Выполняя задания, порученные Отцом Габриэлем и Комиссией, я, наконец, получил право изучить специфику уникального призвания и деятельности «Западного Сияния». Не его общину или религиозную деятельность; они были зеркальным отражением нашей общины и общины «Восточного Сияния». Для ничего не подозревающего туриста или жителя соседних горнолыжных городов «Западное Сияние» были всего лишь группой религиозных фанатиков, которые держались обособленно. Эти люди понятия не имели, что у них под боком проворачивались операции с оборотом в миллиард долларов.

Статус "Света", освобожденный от налогов, а также свободы, обеспечиваемые разделением церкви и государства, позволял хранить все общины "Света" в тайне для посторонних. Отец Габриэль, возможно, и говорил в начале, что Бог даровал ему видение нынешнего величия "Света". Однако, даже будучи членом Собрания, я задавался вопросом, осознавал ли он когда-либо его нынешнюю величину.

«Северное Сияние» была самой оживленной и самой прибыльной общиной. Тем не менее, этот кампус — «Западное Сияние», добился большего успеха, чем многие компании из списка "Fortune 500". В этот факт большинство никогда не поверит, основываясь исключительно на его внешнем виде. Обманчивый фасад «Западного сияния» был даже более важен, чем наш. Хотя добираться до «Западного Сияния» было непросто, в Монтане эстакады гораздо более распространены, чем на Аляске.

В то время как деятельность нашей общины концентрировалась на производстве продукции, у «Западного Сияния» была двойная цель. В первую очередь они упаковывали и распространяли фармацевтические препараты. Второй целью было производство консервов под маркой "Сохраним Свет". Большинство женщин «Западного Сияния» работали круглосуточно, посменно — приготавливая и консервируя продукцию. Джеммы и желе были изготовлены из местных ягод, выращенных в общине. Последователи «Западного Сияния», которые не были частью избранных, неустанно работали в садах, теплицах и на консервном заводе, производя и консервируя. Те же, кто там не работали — трудились на заводе-изготовителе упаковки, подготавливая фармацевтические препараты для распространения.

Производство консервов велось день и ночь. Для внешнего мира это был приемлемый источник дохода для "Света". Для тех, кто понимал, «Западное Сияние» — было прикрытием для незаконного распространения фармацевтических препаратов, созданных в «Северном Сиянии».

Члены Собрания и Комиссии «Западного Сияния» организовали всю логистику. Отец Габриэль прекрасно выбрал расположение этого кампуса, поскольку Канада создала идеальный рынок недорогих лекарств. Разработанные Братями Рафаэлем и Бенджамином таблетки и капсулы, производимые последователями «Северного Сияния», были неотличимы от тех, что выпускались основными фармацевтическими гигантами. Поскольку

последователи Отца Габриэля работали не за мирские товары или деньги, а чтобы сохранить свое положение в общине, то издержки производства были минимальными. Последователи полагали, что они производят лекарства, чтобы помочь другим.

Они помогали, только совсем не тем, кому они думали.

Мое вступление в "Свет" произошло в небольшом кампусе "Восточное Сияние", в Детройте. В то время я полагал, что в основном, они сфокусированы на незаконном производстве и продаже наркотиков. За последние три года, я узнал, что производство незаконных наркотиков было всего лишь маленьким куском "пирога" доходов "Света". Крэк и метамфетамин, произведенные и продаваемые через «Восточное Сияние», были скорее диверсионным резервным планом Отца Габриэля. Если когда-нибудь наступит момент, когда операция будет раскрыта, в каждой общине было достаточно инвентаря, чтобы дать представление о большой сети незаконных наркотиков. Расследование удовлетворило бы ФБР, Отдел Национальной безопасности, и Иммиграционно-таможенный контроль. Хотя они прикрыли бы большую незаконную организацию по производству и распространению наркотиков, в действительности они прикроют только треть источника дохода.

Даже консервы приносили больше прибыли.

До моего недавнего продвижения по службе я не знал широты и масштабов всей операции, управляемой Отцом Габриэлем, в кампусах, с двенадцатью членами Комиссии — по четыре в каждой общине, и тридцатью шестью членами Собрании — по двенадцать в каждой общине. Сотни обычных последователей совершенно не знали об этом.

Быть пилотом Отца Габриэля означало иметь доступ к тому, чем другие не могли наслаждаться. Я имел честь летать в особняк Отца Габриэля, находящегося за пределами Детройта, хотя меня никогда не приглашали в большой дом. Я смотрел телепередачи, которые показывали мирскую обстановку, и знал, что они были записаны в большом роскошном особняке. Умение хранить эти секреты было одним из моих первых испытаний. Прохождение этих испытаний, несомненно, помогло мне подняться к избранным.

Обмен моими знаниями никому не принесет пользы. Однако это могло привести не только к моему изгнанию, но и к изгнанию того, кому я поведаю об этом, даже если он будет из числа избранных. Я бы не стал и не мог рисковать этим. Мика и я были единственными последователями «Северного Сияния», кто знал, что происходит за пределами этого кампуса.

Каждая трудность на моем пути была следующей ступенькой вверх. Единственный путь получить доступ к знаниям о внутренней работе "Света" — это добиться успеха. С появлением жены, я не только прошел один из финальных тестов, я стал уязвимым. Эта уязвимость делала меня менее опасным, сводя к минимуму вероятность того, что я могу нарушить доверие "Света".

Эта уязвимость была одной из причин, по которой желание Сары иметь детей никогда не могло быть выполнено. Я не мог стать еще более уязвимым. На кону слишком много.

За прошедшие три года, каждое принятое мной решение, и каждое действие были направлены на то, чтобы завоевать доверие Отца Габриэля. Мне также поспособствовало то, что недавно заболел Хавьер. Поскольку человек, который его заменял, не обладал необходимым уровнем доверия, чтобы доставить продукт, Отец Габриэль решил, что это могу делать я.

Наконец, мне было поручено доставить полный заказ лекарств. Когда я закончил сделку, из глубины кармана моих джинсов завибрировал мобильный телефон. Несмотря на

то, что мужчины, стоящие передо мной, выглядели невзрачно, как любой член "Света", они, несомненно, были профессионалами. Отец Габриэль не использовал заурядных торговцев в своей организации. Этот хорошо смазанный механизм требовал чрезмерной преданности, а также первоклассной производительности. Изломы в системе устранялись с максимальным мастерством. Без сомнения, мой телефон мог подождать. Я зашел слишком далеко, чтобы казаться не полностью посвященным. Я не мог рисковать стать лишним.

Под крышей ангара стоял мой самолет, разгруженный и полностью заправленный топливом.

— Брат Джейкоб, — сказал Брат Майкл, руководитель небольшой группы, и протянул свою руку.

Несмотря на то, что физически я был больше, чем Брат Майкл, он был в Комиссии "Света" с самого начала, аура власти и контроля, окружающая его была подобна той, что окружала Отца Габриэля. Он был одним из четырех отцов-основателей. В то время, как всем последователям "Света" были даны библейские имена, только у основателей были имена архангелов. Согласно трактованию Отца Габриэля, это потому, что подобно архангелам, эти трое мужчин и он были с Господом, приглашены в Его святая святых, Его личное святилище. Брат Рафаэль в «Северном Сиянии» и Брат Уриэль в «Восточном Сиянии» также были среди основателей.

Сила Брата Майкла исходила не только от его ауры. Два крупных мужчины по обе стороны от него помогали поддерживать его статус. Очевидно, они были кем-то большим, чем члены команды по разгрузке. Когда мы с Братом Майклом обсуждали сделку, его телохранители даже не пытались скрыть оружие. По моему предположению, у каждого из них было, по крайней мере, еще один пистолет, пристегнутый к внутренней части лодыжки. Я знаю, что мог также носить оружие при себе, но одним из требований Отца Габриэля было поставлять лекарства невооруженным. Он говорил, что это было проявлением веры нашим братьям.

Даже если бы я мог, я бы не стал спорить. Это шоу Отца Габриэля, и оно шло по его правилам.

Мы пожали руки.

— Брат Майкл, я обязательно сообщу Отцу Габриэлю, что вы лично осмотрели груз.

— Да, так и сделай, и дай ему знать, что я доволен. — Майкл сделал кивок головой в сторону крупного парня справа. — У Брата Рубена есть кое-что для Отца Габриэля.

Я посмотрел в его сторону, мой взгляд просканировал его мощную мускулистую фигуру. Независимо от того, что у него было для Отца Габриэля, это была не оплата. Реальные деньги никогда не переходили из рук в руки. Не отслеживаемые заграничные счета всегда держали чрезвычайно занятыми таких людей, как Брат Ной в «Северном Сиянии». У операции с оборотом в миллиард долларов была целая система подотчетности и балансов. В ней принимали участие бухгалтеры из всех трех общин. Это была одна из тех тем, которые я еще должен был изучить. Что касается Отца Габриэля и "Света", то передача и счет денег меня не касались. В первую очередь я был пилотом.

Брат Рубен дотянулся до пиджака, подозрительно приблизившись к оружию, и сделал паузу. Драматизация для эффекта. Я был новичком в этом задании, и, несомненно, меня проверяли на каждом шагу. Я кивнул с дерзкой усмешкой, давая понять, что не попался на его уловку, все время молясь, чтобы он не выстрелил в меня, пока я не вернусь к Саре. Наконец, он достал конверт из своего пиджака и вручил его мне. На нем простая надпись:

"Отцу"

— Благодарю вас, Брат Рубен, — сказал я, когда взял конверт и повернулся к брату Майклу. — Брат, есть что-нибудь еще, что вы хотели бы, чтобы я передал Отцу Габриэлю?

— Нет, все в порядке. — Он шагнул вперед и похлопал меня по плечу, широко улыбнувшись моей реакции на шоу Брата Рубена. — Думаю, мы сработаемся. Отец Габриэль еще ни разу не ошибся в людях. Уверен, мы будем встречаться чаще.

— Спасибо, Брат, для меня большая честь быть избранным.

— Так и должно быть. Вы достигли почетного уровня в "Свете" за короткое время. Наша цель — продуктивность и сохранение избранных с нами. Учитывая это, мой брат, вы видели прогноз? Он меняется с каждым часом. Возможно, будет лучше, если вы решите остаться здесь до завтра. «Северное Сияние» — это дальняя дорога.

Я почтительно улыбнулся, надеясь, что новые вибрации моего телефона, по-прежнему, останутся незамеченными.

— Благодарю вас. План моего полета предусматривает ночевку в Лоун Хоук. До утра я не смогу вернуться в «Северное Сияние». — Я не был уверен, что его приглашение не было еще одним испытанием, но мои планы полетов были утверждены и прозрачны. Даже с маленьким самолетом всегда было лучше иметь записи о прибытии и вылетах. Лоун Хоук был одним из моих любимых аэропортов. Аэропорт был частным, и много вопросов там не задавали. Несмотря на это, я никогда не сажусь туда с полной загрузкой продукцией. Как только я приземлился, я планировал купить припасы. Я не искал ничего такого, что могло привлечь ко мне внимание, всего лишь обычные продукты для ежедневного пользования, чтобы сделать мою остановку правдоподобной. Кроме того, не имело смысла возвращаться в «Северное Сияние» с пустым багажным отделением.

Я сверил часы.

Да, всё по расписанию.

— Очень хорошо, Брат, счастливого пути.

Как только я завершил свой предполетный контрольный осмотр и поднялся в воздух, я проверил свой телефон. Он не вибрировал с тех пор, как я разговаривал с Братом Майклом. Из-за записывающего устройства в самолете я бы не смог позвонить, пока не приземлюсь в Лоун Хоук. Прежде всего, я не хотел рисковать ни перед кем из «Западного Сияния», это могло поставить под сомнение мое поведение.

Когда экран ожил, мой пульс ускорился. Я пропустил один телефонный звонок от Брата Бенджамина и пять звонков с одноразового телефона.

Дерьмо!

После инцидента с Братом Тимоти и Сестрой Лилит я создал цепочку аварийной связи. Долгие или короткие поездки, не имело значения, я просто слишком часто отсутствовал в «Северном Сиянии». Несмотря на то, что Отец Габриэль считал, что весь эпизод с Братом Тимоти и Сестрой Лилит лишь добавил очков к возможному успеху Сары, я больше не хотел, чтобы что-то подобное повторилось и ослепило меня. В то время как наличие жены увеличивало мои риски, с этой системой, я увеличивал мои шансы. Это была авантюра, но я верил, что при необходимости Сестра Рейчел поможет.

Смотря на экран, я понял, что, пришло время обналичить фишки.

Как только я припарковал свой маленький самолет на площадке перед ангаром, я отправился к управляющему Джерри. Он был тихим мужчиной, дружелюбным и ненавязчивым. Он жил в маленькой квартире недалеко от ангара. Я не знал, жил он там

постоянно, или только в свои рабочие смены. В любом случае, я был счастлив, когда он ответил на мой стук.

— Джейкоб, я получил по электронной почте утвержденное уведомление о твоем прибытии. Добро пожаловать снова в большой город Уайтфиш.

— Спасибо, Джерри. У меня есть кое-какие дела в городе, и я надеялся, что ты будешь здесь, чтобы я мог одолжить твой грузовик. Я верну его утром, обещаю.

— Нет. Мне жаль. Тот кусок дерьма видел лучшие дни. — Его брови нахмурились. — Но, знаешь, что я тебе скажу?! «Шевроле Тахо» моей жены простаивает. Сегодня вечером она никуда не собиралась. Кроме того, у меня есть мой новый грузовик, если ей, вдруг, куда приспичит прокатиться. Пожалуй, ты можешь взять «Тахо» для поездки в Уайтфиш.

— Спасибо, Джерри. Я твой должник.

— В следующий раз, когда будешь здесь, ты можешь захватить мне несколько баночек джема тех "Консервов Света". Моя старушка сходит по ним с ума.

— Я сделаю все возможное, — пообещал я, взяв ключи, которые он мне передал, и направился к раздолбанной «Тахо».

Если Рейчел воспользовалась этим телефоном, это означало только одно: неприятности, серьезные неприятности. Как мы и договаривались, я мог ответить на ее одноразовый телефон только с другого одноразового номера.

Перед тем, как зарегистрироваться в дешевой гостинице я сделал остановку на заправке и купил два одноразовых телефона. Моя интуиция подсказывала, что одного будет недостаточно. Оказавшись в гостиничном номере, я подключил оба телефона, и вспомнил телефонный номер, на который я надеялся, мне никогда не придется звонить. Я ждал, пока прекратятся гудки. Как только это произошло, я спросил:

— Рейчел?

— Брат Джейкоб, скажи мне, что она уехала с тобой.

— О чем ты говоришь?

Ее голос изменился до низкого шепота.

— Сара. Бенджамин сказал, что ты спрашивал Комиссию о том, чтобы брать ее с собой в некоторые рейсы. Пожалуйста, скажи мне, что ты это сделал, ты взял ее без разрешения, и она с тобой.

Я спрашивал Комиссию, но я чертовски уверен, что не возьму ее ни в одну из этих поездок. Последнее, чего я хотел, так это увидеть свою жену в окружении головорезов Майкла. Я сделал глубокий вдох.

— Рейчел, я оставил ее в нашей квартире. Она была на кухне, убирала остатки завтрака. — Я попытался скрыть волнение. — Я не мог ее взять. У меня не было разрешения Комиссии, и кроме того, она должна была сегодня работать в лаборатории.

— Я знаю. Бенджамин позвонил мне и спросил, знаю ли я, почему она не появилась в лаборатории.

Больше не в состоянии сидеть, я вышагивал в крошечном гостиничном номере.

— Это бессмысленно. — Я пытался найти ответы. — Она заболела? Ты проводывала ее?

— Я была в вашей квартире. Когда она не ответила, я воспользовалась своими ключами. Ее там не было.

— И ты уверена, что это никоим образом не связано с Братом Тимоти или Сестрой Лилит? Боже, помоги мне! — Я даже не пытался больше скрыть свое горе.

— Я на самом деле не думаю, что они причастны. По крайней мере, нет ничего

утвержденного Комиссией.

— Почему?

— Поскольку Бенджамин сказал, что об этом не упоминалось в ходе Собрании. Он не знал, пока не добрался до лаборатории. После того, как я не смогла найти ее, он подбросил меня к ангару. — Она приглушенно плакала. — Я молилась, но ее там не было. Ох, Брат, мне так страшно.

Моя левая рука зарылась в волосы, пока я пытался думать.

— Поговори со мной, Рейчел. Скажи мне, о чем ты думаешь. Потому что я сейчас могу думать только о том, что мне нужно добраться до этого проклятого самолета и встретиться с Тимоти и Лилит, Комиссией, черт возьми, даже с Отцом Габриэлем. Если Тимоти придумает еще одну причину, чтобы изгнать ее, причину, чтобы добраться до меня...

— Брат Джейкоб, что, если они не делали этого? Что, если это не имеет никакого отношения к Брату Тимоти?

Ее слова эхом отразились в моей голове.

— Что ты имеешь в виду?

Рейчел сделала глубокий вдох.

— Я должна сказать кое-что. Я лишь знаю, что она хотела...

— Скажи мне! — Мое отчаяние звучало чуждым даже для моих ушей.

— Я знаю, что Бенджамин накажет меня, когда узнает, что я ничего не сказала. — Она сглотнула, внезапно ее голос стал звучать более сдержанно. — И он будет прав. Я должна была сказать ему, но... Сара — моя подруга. Я ничего не сказала, потому что не хотела, чтобы у нее были проблемы с тобой или с Комиссией, и потому, что я понимаю ее желание иметь детей.

Я не мог понять смысл ее слов.

— Что ты сказала? — Мой голос снова отозвался эхом от грязных белых стен.

— Мы говорили об этом чуть более трех недель назад. Она сказала, что вы вдвоем обсуждали детей.

Я кивнул.

— Обсуждали. Она сказала, что хочет одного, но я не готов, не с моими новыми обязанностями. — Среди прочего, что я не могу объяснить. — Но какое это имеет отношение?

— Сара сказала, что надеется, ты передумаешь, если она забеременеет. — Рейчел сделала паузу. — Она призналась, что перестала принимать контрацептивы. Она тебе не сказала...

Ее слова затихли, когда я согнулся, держась за живот.

Я был близок к тому, чтобы бросить все к черту.

— Когда? Как долго? — Мои вопросы были едва слышны из-за хаоса в моей голове.

Она перестала принимать контрацептивы. Это были не просто контрацептивы. Это был препарат, который специально подавлял ее эпизодическую память, позволяя формировать новые воспоминания. Это была уникальная разработка "Света" и основой того, почему она полагала, что была Сарой, не имея никаких воспоминаний о том, как быть Стеллой Монтгомери.

— Уже больше трех недель.

Мое сердце упало к моим ногам, и слезы застилали мне глаза.

— О, Боже, правда? Она говорила что-нибудь, что могло указывать на возвращение ее

памяти? — Я даже не мог сказать это: Я не мог рассказать ей о ее жизни до меня, до нас.

Я не хотел жену. Я избегал этого, но с первого раза, когда увидел ее, прежде, чем ее привезли в «Северное Сияние», прежде чем Абрахам и Ньютон причинили ей боль, прежде чем я солгал ей, я влюбился в нее. Я боролся с этим что было сил. В тот день на холоде ее могли травмировать еще больше, но я не мог позволить ему продолжать. Я должен был остановить его. А потом, когда я приехал в больницу, а ее шея была в синяках, я знал, что Ньютон продолжал издеваться над ней, и я отказался снова ее покинуть. Я не мог.

Рейчел говорила.

— ...нет, ничего такого на что я бы вовремя обратила внимание. Теперь я не уверена. И еще кое-что.

Я кивнул, пытаюсь приглушить голоса в моей голове, пытаюсь унять хаос.

— Что?

— Когда мы были в ангаре сегодня, Брат Мика, сказал, что сменщик Хавьера — Томас только улетел.

— О чем ты говоришь?

— Ну, он член общины, в отличие от Хавьера. Я виделась с ним несколько раз.

Я не мог говорить. Сара не рискнула бы быть наказанной за разговор с мужчиной, которого не знала. Она, конечно же, не покинула бы общину с мужчиной. Моя голова в отрицании двигалась из стороны в сторону. Нет, она бы этого не сделала. Она только недавно говорила о детях, о том, что хочет, чтобы мы были семьей.

Господи, меня на самом деле могло стошнить.

Сара сказала, что любит меня. Это последнее, что я слышал от нее.

— Рейчел, ты хочешь сказать, что Томас забрал мою жену?

— Технически, да, но я не уверена, что это было похищением. — Тишина заполнила комнату. Наконец, она продолжила, — Брат Джейкоб, я боюсь, что к Саре, могла вернуться память или, по крайней мере, некоторые из ее воспоминаний, чтобы подтвердить, что она не Сара. Мы с Бенджамином никому ничего не говорили. Мы знаем, что из-за отъезда Сары может сделать с тобой Комиссия. Они уже собирались сегодня. Бенджамин сказал, что если до завтра Сара не вернется, ему придется упомянуть о случившемся. И когда он это сделает, Бенджамин сказал, что напомним Комиссии, что ты просил разрешение брать ее с собой.

— Как думаешь, ты сможешь найти ее и вернуть обратно? — Ее голос снова обрел надежду. — Если найдешь, ты должен сказать всем, что брал ее с собой. Они не должны знать, что она убегала.

— Найти ее...?

Весь мой гребаный мир пропал, взорвался, разрушился. Многолетний труд и принесенные жертвы, черт возьми, скорее всего, разрушены. И, несмотря на то, что именно на этом я должен был сконцентрироваться, я не мог, это было не реально. Все, о чем я мог думать, это о Саре. Если вдруг она вспомнила, если догадалась, то она, несомненно, думала, что я несу ответственность и знаю, что солгал — что все мы лгали.

— Рейчел, если она помнит... она не захочет меня видеть.

— Я помню.

Я не знал, что сказать.

— Я знала долгое время, — продолжила она. — Когда мои воспоминания вернулись, Бенджамин рассказал мне правду, и я выбрала остаться. Это то, что, я верю, должно случиться с Сарой. Брат Джейкоб, Сара тебя любит.

— Сара, Рейчел. Сара любит меня. Если ты права, если она вспомнила, тогда я ищу не Сару. Мне нужно найти Стеллу, и, я подозреваю, что Стелла меня ненавидит.

— Подумай об этом. Я помню «Восточное Сияние». Что случится, если "Свет" найдет ее первым?

Холодный озноб пробежал по моему телу.

— Если ты помнишь, то знаешь, что произойдет.

Рейчел прочистила горло.

— Брат Джейкоб, я буду молиться об этом, обещаю. Если ты решишь сказать Бенджамину, я не стану отрицать и приму любое наказание, которое он сочтет необходимым. Но я нарушаю правила, задавая вопросы обо всем, нет, я умоляю тебя... пожалуйста, поезжай в Детройт и привези Сару домой.

— Как? — Спросил я. — Как ты узнала, что она из Детройта?

— Потому что именно оттуда я родом — из «Восточного Сияния». Разве мы все не оттуда?

Я сделал глубокий вдох.

— Если я вернусь в «Северное Сияние» с Сарой, у нас не было этого разговора. Если нет, мы никогда об этом не говорили. Что бы ни случилось, этого никогда не было. Ты знаешь, что будет, если Комиссия узнает, что мы утаили от них информацию.

— Я не могу лгать Бенджамину. Я доверяю ему.

Я кивнул.

— Это касается тебя и твоего мужа. Я тоже буду верить. Уничтожь свой телефон после разговора. Надеюсь, мы скоро увидимся.

— И я. Бог в помощь, Брат Джейкоб.

Звонок оборвался, и через несколько секунд телефон, который я крепко стискивал, пробил стену и, оставляя вмятины в штукатурке, разлетелся на куски. Подобрал самый большой осколок, я вытащил батарею и SIM-карту. Затем я бросил оставшиеся части и, ногой растоптал на куски. С каждым ударом я обдумывал свой следующий шаг.

Я был так чертовски близок к тому, чтобы завершить задание, дойти до конца. Три долгих года. Но... теперь...

Я без сомнения знал, куда она попытается пойти, кого она попытается найти.

Почти год назад, когда я видел ее в Дирборне за пределами Детройта, она была с ним. Она была так счастлива, улыбаясь и держа его за руку. Они шли по тротуару и смеялись. Я вспомнил выражение, которое видел в ее глазах. Прошло несколько месяцев, прежде чем я увидел улыбку, лишь отдаленно напоминающую ту, которую она дарила ему. Она доверяла ему.

Черт!

Даже, если я найду ее прежде, чем ее найдет "Свет", она не станет мне доверять. Если "Свет" найдет ее первым, почти не возникает вопросов, как они с ней поступят. Меня интересовал Дилан Ричардс.

Как поступит он? Сделает ли он это снова? Сделает ли он то, что сделал в октябре прошлого года? Если она свяжется с ним первым, охотно ли он сдаст свою девушку в обмен на свое жалкое существование? Отправит ли он Сару в очередной раз в "Свет"?

Однажды грязный коп, всегда грязный коп.

Я знал это.

Чего я больше не знал, так это, каким был я.

Сделав глубокий вдох, я вспомнил номер, который я запомнил и хранил глубоко в памяти. Я удерживал палец на кнопке, пока не засветился экран другого телефона и набрал номер. Запустив пальцы в волосы, я слушал гудки.

Специальный Агент Адлер, мой руководитель, ответил на пятом гудке.

— Агент МакАлистер?

— Да, сэр, — ответил я сквозь зубы.

— Черт! Мы ничего не слышали о тебе больше двух лет. Скажи мне, ты звонишь, потому, что у тебя есть доказательства. Скажи, что мне нужно приготовить бюро и быть готовыми к захвату. Скажи, что у тебя есть то, что нам нужно, чтобы схватить Габриэля Кларка.

— Специальный агент, у нас проблема.

Как вам книга? Оставьте свой отзыв на странице — <https://knigolub.net/link/v6> это поможет другим читателям понять, стоит ли книга их внимания или нет.

Сара (Сарра) — это библейское имя. В Ветхом Завете Сара — жена Авраама, первая из четырёх прародительниц еврейского народа. У православных христиан традиционно использовался вариант с двумя буквами «р» — Сарра. Имя Сара означает «знатная княгиня», «госпожа», «знатная женщина».

Джейкоб (Иаков, Яков) — это библейское имя, в буквальном переводе с иврита означает «следующий по пятам». Согласно Библии Яков был близнецом Исавы и родился вслед за ним, держась за пятку своего старшего брата.

Габриэль (Гавриил) — так звали ангела, сообщившего Деве Марии о том, что в скором времени она станет матерью сына Божьего. Поэтому в католических странах имя считается покровителем почтальонов, курьеров, дипломатов, журналистов, военных музыкантов и коллекционеров.

Тимоти (Тимофей) — Тимофей был, как сообщают Деяния святых апостолов, сыном иудейки, обратившейся в христианство, и эллина; Тимофей был одним из самых верных и любимых учеников апостола, Павел называет его «мой возлюбленный и верный в Господе сын», «брат наш и служитель Божий».

Лилит — первая жена Адама в каббалистической теории. Упоминается в некоторых ранних апокрифах христианства, не вошедших в библейский канон. Согласно преданию, расставшись с Адамом, Лилит стала злым демоном, убивающим младенцев (этот персонаж присутствует и в арабских мифах). В мифологии Древней Месопотамии подобное имя носит ночная демоница, которая убивает детей и издевается над спящими мужчинами (упоминаются также и мужчины «лилу»).

Люк (Лука́) — апостол от семидесяти, сподвижник апостола Павла, христианский святой, почитаемый как автор одного из четырёх Евангелий и Деяний святых апостолов. Был врачом, возможно, судебным доктором. Евангелист Лука в православной и католической традициях считается первым иконописцем и святым-покровителем врачей и живописцев.

Элизабет (Елизавета) — «Бог мой — клятва», «почитающая Бога», «заклинающая Богом») — женское имя еврейского происхождения. Это имя носила супруга первосвященника Аарона. Праведная Елизавета была женой священника Захарии, двоюродной сестрой Марии (матери Иисуса) и матерью Иоанна Крестителя.

Рейчел (Рахиль) — в Ветхом Завете одна из двух жён патриарха Иакова, младшая дочь Лавана, сестра Лии, мать Иосифа и Вениамина. Рахиль умерла при родах Вениамина около Эфрата, который называется также Вифлеем (Бейт-Лехем).

Бенджамин (Вениамин) — младший сын библейского патриарха Иакова и его любимой жены — Рахили. Родился по дороге в Вифлеем. Рахиль после родов захворала и скончалась. Перед смертью она нарекла сыну имя — Бенони, что значит «сын скорби». Однако, Иаков, находя в нём после смерти Рахили главное себе утешение, дал ему другое имя — Вениамин, что значит «сын моей десницы». Вениамин был единственный родной брат по матери Иосифу, который любил его больше всех своих братьев.

Даниэль (Даниил) — библейский пророк (в христианской традиции относящийся к так называемым «великим пророкам»). Потомок знатного иудейского рода, подростком попал вместе с соплеменниками в вавилонский плен после завоевания Навуходоносором Иерусалима. В Вавилоне он получил халдейское образование и был призван на службу при

дворе. Согласно Библии, Даниил обладал от Бога даром понимать и толковать сны, чем и прославился при дворе Навуходоносора, а после падения Вавилона — при дворе Кира и Дария. Среди известных эпизодов истории Даниила — его чудесное спасение в львином рву и истолкование слов «мене, мене, текел, упарсин», начертанных таинственной рукой на стене во время Валтасарова пира.

Рут (Руфь) — библейская праведница, именем которой названа «Книга Руфь». Жизнь её относится к последним годам смутного периода Судей. Родом моавитянка, она настолько привязалась к своему новому родству по мужу (еврею из Вифлеема), что после смерти мужа не хотела расстаться со своей свекровью Ноеминой (Наоми), приняла её религию и переселилась с ней из Моава (куда Ноеминь с мужем временно удалялись из Израиля по случаю голода) в Вифлеем (Бейт-Лехем), где они и поселились. Праведность и красота молодой Руфи были причиной того, что она стала женой знатного Вооза (Боаза), родила ему сына Овида и стала таким образом прабабушкой (праматерью) царя Давида.

Мика — это краткая форма имени Михаил и его иностранных аналогов (Майкл, Михаэль, Мигель, Микеле, Михал). Но также имя Мика стало использоваться как самостоятельное имя, хотя продолжает быть и краткой формой. Ангел, упоминаемый по имени в ряде библейских книг. Святой Архангел Михаил — главный архангел, являющийся одним из самых почитаемых Архангелов в таких религиях, как христианство, иудаизм и ислам. В православии его называют Архистратигом, что означает глава святого воинства Ангелов и Архангелов

Хавьер (Ксавье) — имя происходит от имени католического святого Франциска Ксаверия. Прозвание Ксаверий, в свою очередь, происходит от названия принадлежавшего его отцу замка Хавьер (исп. Javier), в котором родился святой. Название замка и одноимённого поселка, в котором он находится, вероятно, происходит от испанизированного варианта баскского топонима Etcheberria (или etchaberri), новый дом (или от баскского владелец нового дома).

Дина — имя имеет несколько версий происхождения. По первой версии, идущей из Ветхого Завета, перевод этого имени означает «отмщённая», «справедливость, возмездие». В Ветхом Завете имя Дина носила единственная дочь Иакова. По второй версии, имя Дина арабского происхождения, в переводе означает «верная». Третьей версией является перевод имени Дина с греческого «динамис», означающего «сила», поэтому имени Дина дают толкование «сильная». Также имя Дина является краткой формой некоторых женских (Диана, Динара, Медина, Надежда, Декабрина, Бландина, Жерардина, Герардина (Джерардин), Герхардина и других) и мужских имён (Акиндин, Декабрин). Имя Дина не упоминается ни в православных, ни в католических святцах.

Рафаэль (Рафаил) — это имя одного из семи архангелов. Это имя носил архангел-исцелитель, который оберегает и защищает людей и зверей, способен их излечивать, поэтому архангел Рафаэль считается покровителем врачей и фармацевтов

Авраам — в Библии родоначальник еврейского народа (в более широком смысле — праотец всех верующих в истинного Бога). Первоначально носил имя Аврам (Абрам), означающее "отец возвышен". Впоследствии Бог повелел ему взять имя на Авраам (Абрахам), которое обычно истолковывается как "отец народов" или "отец множеств". Vulgata: м. Abraham, Abram Септуагинта: м. Авраам (Абраам, Авраам). м. Авраам (Абрам, Аврам) Под именем Ибрахим/Ибрагим. Авраам также известен в исламе где почитается как один из великих пророков Аллаха.

Девора (Дебора) — жена Лапидофова (Лапидота), — героиня библейской книги Судей, четвёртая по счёту судья Израилева (единственная женщина); одна из семи пророчиц эпохи Судей (XII–XI вв. до н. э.). Сидя под пальмовым деревом в Эфраимитских горах, судила израильтян, приходивших к ней со своими тяжбами со всех концов Палестины. Вдохновительница и руководительница войны еврейского ополчения против ханаанейского царя Явина.

Конец